

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

Ю.И. Рубинский

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Т. 3. Франция на новых рубежах

Издание в трёх томах

Москва
ИЕ РАН
2018

УДК 327.8(100:4)
ББК 66.4(4),9(0),01
Р82

Рецензент:
Обичкина Евгения Олеговна,
доктор исторических наук, профессор

Тема НИР 0191-2014-0023
«Комплексные исследования экономического, политического
и социального развития стран и регионов Западной Европы
на современном этапе»

Рубинский, Ю. И. Т. 3. Франция на новых рубежах : в 3-х т. / Ю.
И. Рубинский ; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки
Ин-т Европы Российской акад. наук. – М. : Ин-т Европы РАН,
2018. – 384 с. – ISBN 978-5-98163-118-4, ISBN 978-5-98163-121-4.

Мы живём в эпоху глубоких перемен в отношениях человека
с природой, государств и цивилизаций, людей между собой. Ана-
лизу этих тектонических сдвигов посвящён трёхтомный сборник
работ историка, политолога и дипломата, известного российско-
го специалиста по проблемам современной Франции Ю.И. Рубин-
ского. «Приметы времени» подводят итоги его деятельности во
главе Центра французских исследований Института Европы РАН
и профессора НИУ – Высшей школы экономики в 1997–2017 гг.

ISBN 978-5-98163-118-4
ISBN 978-5-98163-

© Ю.И. Рубинский, 2018
© Оформление. ИЕ РАН, 2018

Моей семье

ЧАСТЬ I.

ДЕ ГОЛЛЬ И ЕГО ПРЕЕМНИКИ

ГЛАВА 1. ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ – МЫСЛЬ И ДЕЙСТВИЕ*

В истории XX в. Шарль де Голль представляется одной из самых масштабных, но в то же время и самых драматических фигур. Его трагедией была необходимость постоянно идти против течения, преодолевая непонимание, сопротивление, а иной раз и ненависть не только врагов, но и собственной среды. Коль скоро того требовали высшие интересы страны, де Голль шёл до конца. Он обладал редким даром различать далеко за линией горизонта отпущенной ему долгой жизни – он едва не достиг 80 лет – коренные перемены, заблаговременное приспособление к которым давалось ему самому гораздо дороже, чем тем, кто совершал их позднее, уже под давлением неодолимых внешних обстоятельств.

На действительной службе или в политике генерал де Голль всегда оставался человеком военным. Окончив прославленное Сен-Сирское училище и став кадровым офицером, он прошёл фронты двух мировых войн, был ранен, пережил плен, четверть века прослужил в войсках на командных и штабных должностях, преподавал в военной академии. Причём выбор им нелёгкого офицерского ремесла был не случаен. Считая, что «призвание Франции – постоянно подвергаться опасности», – он видел в военной мощи не только средство обеспечения внешних интересов государства, но и оплот внутреннего единства нации: «Франция создана ударами меча... Без меча Франции нет», – писал он.

Однако неординарная натура де Голля плохо вписывалась в пропитанную чиновничеством офицерскую среду, типичным представителем которой он являлся по своим неприхотливым жи-

---

* Известия, № 156, 2 июля 1990 г.

тейским привычкам и психологии. Именно поэтому де Голль, несмотря на выдающиеся способности и личное мужество, проявленное на поле боя, так и не сделал блестящей военной карьеры, окончив 27-летнюю службу в должности командира бронетанковой дивизии и в звании полковника. Он был произведён, причём временно, в бригадные генералы, лишь став заместителем министра обороны весной 1940 г. В этом звании, соответствующем у нас генерал-майору, он и остался навсегда.

Любая армия сильна дисциплиной. Де Голль был строгим начальником и не терпел у подчинённых малейшей расхлябанности или своеволия. Но сам он никогда не мог заставить себя подлаживаться к мнению начальства, если это мнение противоречило в его глазах духу времени, интересам нации, государства, а в конечном счёте и самой армии. В таких случаях де Голль упорно отстаивал свою точку зрения, не опасаясь последствий для своего положения.

Армия по сути своей консервативна, ибо призвана сохранять, а не изменять. Но представители верховного командования тогдашней французской армии отличались особенно жёстким консерватизмом, чему способствовал окружавший их ореол победителей в Первой мировой войне. Неудивительно, что идеи де Голля о решающей роли бронетанковых соединений были встречены в штыки и отвергнуты с порога. В результате начальный этап Второй мировой войны ознаменовался крушением французской армии под ударами танковых дивизий Гудериана.

Конечно, разгром 1940 г. имел и другие, гораздо более глубокие причины политического, экономического и морального порядка. Но этот опыт не прошёл для генерала даром. 20 лет спустя, когда шла к концу другая, также проигранная война – алжирская, де Голль, в тот момент уже глава государства, твёрдой рукой провёл модернизацию вооружённых сил на качественно новой, ядерной основе. Он потребовал принятия болезненных решений – сокращения призывного контингента вдвое, увольнения в отставку (хотя и с довольно приличной пенсией) тысяч кадровых офицеров. Нетрудно представить себе их реакцию.

Ещё более острыми были столкновения де Голля с армейской иерархией не по чисто военным, а по политическим причинам.

Отказавшись принять подписанную правительством маршала Петэна капитуляцию, перебравшись в Англию и призвав 18 июня 1940 г. по лондонскому радио к продолжению сопротивления, де Голль бросил открытый вызов военной дисциплине. Формально режим Виши был тогда единственным законным правительством страны. Отказ от подчинения ему квалифицировался как измена, за которую военный суд заочно приговорил де Голля к смертной казни. Хотя дальнейшие события полностью оправдали этот мужественный шаг, большинство офицеров «армии перемирия» не пошли за мятежным генералом, считая, что остаются верными присяге. Горько раскаявшись в этом впоследствии, они никогда не простили де Голлю нарушения корпоративной армейской солидарности.

Де Голль тяжело переживал этот моральный разрыв. «Армия меня не любит», – с горечью говорил он своим соратникам в 1958 г., когда они призывали его воспользоваться военным мятежом в Алжире для возврата к власти. Отдельными двусмысленными высказываниями де Голль давал основания надеяться, что намерен сохранить Алжир французским. Но, с самого начала понимая абсолютную безнадежность такой задачи, генерал постепенно повёл дело к признанию независимости Алжира и тем самым к отказу от империи.

Этот поворот был воспринят значительной частью офицерства, воевавшего в Алжире, как отречение. В глазах многих офицеров гибель 28 тысяч их товарищей, отдавших жизнь за «французский Алжир», выглядела напрасной. Офицерство считало, что оно бросает в беде доверившихся ему арабов – «харки», сражавшихся на стороне Франции. Тем более это касалось алжирских французов, которые, живя в Алжире по 2-3 поколения, искренне считали его неотъемлемой частью Франции. Именно они подняли 13 мая 1958 г. восстание против правительства, привлекли на свою сторону офицеров действующей армии, создали с ними самозванные «комитеты общественного спасения» и привели де Голля к власти во Франции. Когда же генерал не оправдал ожиданий «ультра», они повели против него беспощадную борьбу. Крушение империи казалось им концом Франции как великой державы. Эвакуация Алжира означала для офицерского корпуса новое, уже третье по-

сле капитуляции 1940 г. и Индокитая, унижительное поражение.

Неудивительно, что это глубоко травмировало немалую часть армии. Возложив ответственность за крушение «французского Алжира» на де Голля, она организовала против него сначала новый генеральский путч, а когда он провалился – ушла в подполье и создала «Секретную вооружённую организацию» (ОАС), действовавшую методами террора. Среди главных целей ОАС фигурировало физическое устранение президента. На него было совершено несколько покушений, одно из которых – в Пти-Кламар под Парижем – едва не завершилось успехом. Террористы открыли огонь из автоматов по машине, в которой следовал глава государства и его супруга. Заговорщики были арестованы, приговорены к смертной казни и расстреляны.

Де Голль пошёл на это отнюдь не из мелочной мстительности. Он ставил гражданскую власть выше военной, а честью армии считал подчинение приказу, каких бы моральных испытаний ей это ни стоило.

Выходец из консервативной семьи с католическими и роялистскими традициями де Голль относился к парламентским режимам Третьей, а затем Четвёртой республики с глубокой враждебностью. Все беды Франции генерал был склонен приписывать прежде всего недостаткам её политической системы. Это убеждение ещё более упрочилось в период, когда де Голль боролся за новые принципы строительства армии. Катастрофа 1940 г., долгие и неудачные колониальные войны, утрата Францией свободы действий в Североатлантическом союзе в период холодной войны – всё это наложило неизгладимый отпечаток на голлистскую концепцию государства. «Я вижу в нём не сумму противоречивых частных интересов, ведущую лишь к гнилым компромиссам, а инструмент решительных, честолюбивых действий, инструмент, выражающий интересы нации...», – писал генерал в своих «Военных мемуарах».

После окончания Второй мировой войны де Голлю не удалось провести эту доктрину в жизнь. 20 января 1946 г. генерал подал в отставку с поста главы правительства, ожидая, что скоро его позовут обратно, и тогда он станет диктовать свои условия. Ждать пришлось долгих 12 лет, пока тупик в Алжире и угроза граждан-

ской войны в метрополии не привели к власти «самого знаменитого француза». Де Голль был избран президентом и оставался им вплоть до апреля 1969 г.

«Будучи вождём Франции и главой республиканского государства, я буду осуществлять верховную власть во всей полноте...». Генерал не имел обыкновения бросать слова на ветер. Как он, так и все его преемники на посту президента играли определяющую роль в процессе принятия ответственных решений, особенно в вопросах внешней политики и обороны. Центр тяжести власти прочно переместился с левого берега Сены, из Бурбонского и Люксембургского дворцов, где заседают две палаты парламента, на правый, в резиденцию главы государства – Елисейский дворец.

Вместе с тем опасения перед угрозой сползания Пятой республики если не к тоталитарной диктатуре, то к военно-авторитарному режиму не оправдались. С гневом отвергая подозрения в бонапартистских амбициях, де Голль говорил, что если бы он претендовал на роль диктатора, то возможностей реализовать такие планы путём государственного переворота у него было более чем достаточно.

Действительно, де Голль был не только решительным противником политизации армии и её вмешательства в общественную жизнь, считая это гибельным для единства как нации, так и самой армии. Восстанавливая авторитет государства, он гарантировал демократические свободы и уважал их. Мало кого из государственных деятелей Франции так резко критиковала печать, причём критика порой принимала форму издевательских личных нападок. Но генерал не опускался до сведения счётов, несмотря на то, что в глубине души был человеком ранимым, не прощал обид и при случае умел мстить за них.

Хотя с фигурой генерала плохо вяжется образ либерала, де Голль был убеждённым республиканцем. Несмотря на квазимонархический стиль правления, он понял и безоговорочно принял основной принцип демократии: государство сильно доверяем народа. Правда, де Голлю больше импонировала «прямая демократия» – выборы главы государства всеобщим голосованием, в ходе которых он ставил на карту всё: «Либо я, либо хаос».

Но чем больше полномочия сосредоточивал в своих руках президент, тем чаще блокировался механизм обратной связи между ним и гражданским обществом. В конце концов, оппозиционные силы вышли на улицу. В мае-июне 1968 г. Францию потряс мощный социальный взрыв. Начавшись с бурных демонстраций студентов в Латинском квартале Парижа, события быстро переросли в массовые стачки на предприятиях.

Авторитет де Голля, казавшийся незыблемым, зашатался, почва начала уходить у него из-под ног. Хотя президент сумел восстановить контроль над обстановкой, именно в этот момент, по меткому выражению публициста, «между ним и французами что-то сломалось». 78-летний генерал, сохранивший до конца своих дней полную ясность ума и железную, негибкую волю, впервые ощутил, что теряет контакт с будущим нации – её молодёжью. Это было для него более острой, мучительной болью, нежели прежние разрывы – с легальным правительством Виши в 1940 г. или частью армии 1962 г. Тогда он без сожаления расставался с теми, кто в его глазах изменял Франции. Теперь генерал сам переставал понимать её, а она – его.

Между тем де Голль достаточно ясно отдавал себе отчёт в том, что равновесие между свободой, не перерастающей в анархию, и властью, которая не вырождается в диктатуру, зависит не только от конституции, как бы совершенна она ни была. По его убеждению, равновесие это достигается только единством французского общества. Генерал стремился объединить соотечественников вокруг себя, прежде всего, как носителя общенациональной цели, стоящей выше узкоэгоистических личных, групповых, классовых интересов. Но на многих этапах своей долгой политической карьеры оказывалось, что именно он раскалывал французов на два непримиримых лагеря, подводя их к черте самоубийственной гражданской войны.

Наряду с неуживчивым, строптивым характером, свойственным, если верить историкам, уже предкам французов – галлам, де Голль усматривал причину вечных раздоров своих соотечественников в идеологизации политических конфликтов, уходящих своими корнями в далёкое прошлое. Выход генерал видел в том, чтобы подняться над ними. Считая себя прямым наследником «соро-

ка королей, создавших Францию», он с гордостью говорил о революции 1789 г. и заключал каждое своё выступление словами: «Да здравствует Республика! Да здравствует Франция!». Генерал безоговорочно принимал тем самым историю Франции целиком, со всеми её страницами – великими и постыдными, славными и кровавыми: «Мы, французы, никогда не отречёмся от прожитого вместе на протяжении веков».

Во имя сохранения роли арбитра конфликтов соперничающих партий ему приходилось порой лавировать, раздавать противоречивые обещания. Именно так было во время алжирской войны, когда генерал клеймил «две своры» – защитников «французского Алжира» с их обветшалой имперской идеей и сторонников «вульгарного отречения» от заморских владений. В конечном счёте, однако, он сделал выбор в пользу вторых и принял на себя всю полноту ответственности за этот шаг, прекрасно сознавая, что добавляет к многочисленным шрамам на теле французского общества ещё один кровотокающий рубец.

Аналогичный подход генерал пытался применить и к социальным проблемам. Будучи твёрдым защитником существующего порядка, основанного на частной собственности и рыночной экономике, он в то же время решительно восставал против культа денег как единственного мерила отношений между людьми и классами. Накануне мая 1968 г. он говорил одному из своих собеседников, «левому голлисту» Давиду Руссэ: «Нужно осудить капитализм, капиталистическое общество. Нужно осудить его открыто. Нужно осудить также тоталитарный коммунизм. Надо найти новый путь – участие». Генерал имел в виду свою идею «ассоциации капитала и труда» через приобщение трудящихся к акционерному капиталу и прибылям предприятий, которую расширил после майско-июньских событий 1968 г. до концепции участия представителей различных классов в управлении делами общества снизу доверху.

Какое-то время генералу удавалось использовать подобную стратегию, но идея «третьего пути» воспринималась и левыми и правыми партиями как утопия. Когда же де Голль попытался обратиться непосредственно к народу через их голову, вынеся в апреле 1969 г. проект расширения полномочий регионального само-

управления и реорганизации Сената на референдум, он остался в меньшинстве и на следующий день добровольно ушёл в отставку с поста президента, на сей раз уже навсегда.

Ещё более величественным и трагичным видится наследие де Голля на международной арене, где он не раз выступал в благодарной роли провидца новых тенденций. Краеугольным камнем его мировоззрения всегда были независимость и величие Франции. С раннего детства он преклонялся перед её судьбой, где великие свершения сменялись столь же великими несчастьями. Не этого боялся де Голль. Гораздо страшнее казалось ему самодовольное мещанское прозябание, не озарённая высокой идеей рутина – благодатная почва для «древней французской склонности к политической болтовне и забаве». Погрязнув в них, страна мельчает, опускается, теряет свою душу.

По горькой иронии судьбы, генерал оказывался у власти именно в те критические моменты, когда французам поневоле приходилось расставаться с традиционными символами своего величия: военного – после тяжёлого поражения в 1940 г., имперского – во время крушения колониальной системы в 1958 г. Это заставляло де Голля постоянно переосмысливать понятие величия в соответствии с новой реальностью мира. В этой связи он вновь и вновь возвращался к одной из самых сложных проблем – балансу национального и общечеловеческого начал в отношениях стран и народов.

В своём призыве к продолжению сопротивления в 1940 г. де Голль страстно убеждал потрясённых разгромом и капитуляцией французов, что проиграно лишь сражение, но не война, ибо война эта – мировая. Между тем тогда в ней ещё не участвовали ни Советский Союз, ни Соединённые Штаты. Говоря о мировом характере войны и предвидя неизбежность их вступления в антигитлеровскую коалицию, де Голль признавал тем самым, что судьбы Франции зависят не только и не столько от неё самой, сколько от факторов планетарного масштаба.

В то же время де Голль никогда не примирялся с девальвацией интересов своей страны, не поступался её национальным достоинством. Именно тогда, когда притязания Франции казались несопоставимыми с её реальным весом, генерал особенно упря-

мо настаивал на её естественном праве полноправного участника международного сообщества, без которого не может решаться ни одна затрагивающая интересы проблема.

Для человека, вокруг которого духовная атмосфера была всегда пропитана патриотическим, более того, националистическим духом, это горькое признание далось недёшево. Но без такой глубокой внутренней ломки, интеллектуальной и моральной, де Голль не сдал бы строгий экзамен на вступление в Историю. Он остался бы всего лишь честным, смелым, но ограниченным кадровым офицером, обрекая себя и свою страну на безнадёжный провинциализм, скрашенный лишь воспоминаниями о безвозвратно ушедшем прошлом. Отныне во всех своих выступлениях и действиях на арене международной политики генерал будет неизменно оперировать глобальными категориями, вписывая их в широкий всемирно-исторический контекст. Собеседников де Голля всегда поражала его способность вдохновенно рисовать грандиозные словесные фрески, в которых события далёкого прошлого переплетались с пророческими видениями будущего, следуя неумолимой логике развития мировой цивилизации.

Призывая французов внести максимальный вклад в общую победу антигитлеровской коалиции, генерал добивался не только освобождения своей страны. Он ставил перед Францией сверхзадачу, казавшуюся тогда совершенно нереальной, – выйти из войны, несмотря на поражение 1940 г., в единственно достойном её ранге великой державы. Несмотря на отсутствие де Голля на исторических конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме (чем он был глубоко уязвлён), Франция стала, наряду с СССР, США, Великобританией, одной из четырёх держав-победительниц, ответственных за судьбы Германии, постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Столь впечатляющий результат потребовал от генерала не столько мужества и твёрдости духа военачальника перед лицом противника, сколько изощрённого искусства дипломата, умеющего компенсировать слабость своих карт игрой на противоречиях более мощных союзников.

Игра эта была трудной, изматывающей, нередко унижительной. Президент США Франклин Рузвельт вообще не принимал

всерьёз руководителя Свободной Франции, к которому испытывал непреодолимую антипатию. Даже Черчилля, быстро понявшего, что имеет дело с сильной, достойной уважения личностью, раздражал гордый отказ «новоявленной Жанны д'Арк по одежке протягивать ножки». Как-то в сердцах британский премьер без особых церемоний напомнил гостю, что Англия оплачивает его немногочисленную армию и даже его «штаны»: «Запомните – если Англии придётся выбирать между сушей и открытым морем, она всегда выберет море. И если мне нужно будет выбирать между Рузвельтом и вами, я выберу Рузвельта», – заключил Черчилль.

Этот урок де Голль усвоил хорошо, сделав из него соответствующие выводы. Главным из них была объективная необходимость сближения Франции с Советским Союзом – единственно возможным противовесом не только германской агрессии, но и англосаксонской гегемонии. Недаром первым крупным международным документом, подписанным генералом в качестве главы Временного правительства Французской Республики после её освобождения от оккупации, стал Договор о союзе и взаимопомощи с СССР от 10 декабря 1944 г. Оценивая его значение, де Голль говорил тогда: «Для Франции и России быть едиными – значит быть сильными, быть разделёнными – значит оказаться в опасности. Это воистину категорический императив географии, опыта и здравого смысла».

Следует при этом помнить, что де Голль, подобно Черчиллю, был непримиримым антикоммунистом, не питавшим никаких иллюзий в отношении Сталина и его режима. Но идеологии преходящи, а нации вечны, считал генерал.

Этот же трезвый расчёт лёг в основу внешней политики генерала и после его возврата к власти в 1958 г. Любые сомнения насчёт своей непоколебимой верности Западу де Голль опроверг не словом, а делом, решительно поддержав США во время берлинского и кубинского кризисов 1958 и 1962 гг., поставивших мир на грань ядерной катастрофы. Вместе с тем он отнюдь не был уверен, что после того как территория США потеряла неуязвимость для ядерного удара, они рискнут своим существованием ради безопасности Европы. Поэтому он пришёл к мысли о необходимости для Франции иметь национальную ядерную ударную силу –

ограниченную, но достаточную для сдерживания любого агрессора. При сохранении Североатлантического союза создание её делало излишним французское участие в интегрированной военной организации НАТО, где командовали американцы, ибо оно грозило втравить Францию, вопреки её воле, в войну, которая «не была бы её войной».

Точно так же упорно де Голль отказывался от развития западноевропейской интеграции по наднациональному, федеративному пути. Единая Европа виделась ему сообществом суверенных государств, сохраняющих своё лицо и способных отстаивать свои национальные интересы. Только такая Европа, считал он, будет достаточно жизнеспособной и прочной, чтобы уравновешивать гигантов современного мира – США, СССР, Китай или Индию.

Но до тех пор, пока продолжалась холодная война, только корректировка межсоюзнических обязательств Франции на Западе не могла обеспечить ей независимости. Отсюда – стремление де Голля пойти гораздо дальше, поставив под вопрос всю послевоенную структуру международных отношений в мировом масштабе: «...Если Европа останется разделённой на две противостоящие части, то война рано или поздно уничтожит род человеческий», – предсказывал он в Страсбурге в 1959 г.

Как же избежать этой угрозы? Никаких сомнений у генерала на этот счёт не было: «Не поддаваясь иллюзиям, которыми тешат себя слабые, нужно не терять надежды, что когда-нибудь свобода и человеческое достоинство людей, в конце концов, восторжествуют повсюду. Мы предвидим день, когда в Варшаве, Праге, Восточном Берлине, Будапеште, Бухаресте, Софии, Белграде, Тиране, Москве тоталитарный коммунистический режим... придёт к эволюции, совместимой с нашей собственной трансформацией. Тогда перед всей Европой откроются перспективы, достойные её ресурсов и способностей».

В таком случае, считал де Голль, самая трудная европейская проблема – германская, внушавшая ему по понятным причинам особую тревогу, найдёт мирное, справедливое решение: «Воссоединение Германии станет нормальной судьбой германского народа, если он не поставит под сомнение свои нынешние границы (...), а также впишется в договорную организацию всей Европы».

ради сотрудничества, свободы и мира». Во имя этой великой цели де Голль, дважды сам участвовавший в войнах с Германией, предпринял историческое дело франко-германского примирения, скреплённое в 1963 г. Елисейским договором с ФРГ. «Мы без колебаний предвидим день, когда вся Европа от Атлантики до Урала захочет во имя согласия решить свои проблемы, и прежде всего германскую, единственным путём всеобщего соглашения», – подчёркивал де Голль 9 сентября 1965 г.

Он понимал, что ключ к такому соглашению находится не в Вашингтоне или Бонне, а в Москве. Прибыв с первым после войны официальным визитом в Москву в июне 1966 г., де Голль снова и снова призывал к «разрядке, сотрудничеству, безопасности, а когда-нибудь к объединению Европы, равновесию, прогрессу и миру во всём мире».

Путь этот оказался трудным, извилистым. Как внутри страны, так и извне критики обрушились на деголлевскую внешнюю политику с обоих флангов – левого и правого. В Вашингтоне, Лондоне, других западных столицах, как и во влиятельных проатлантических кругах самой Франции, генерала обвиняли во всех смертных грехах – от реакционного национализма, мегаломании человека, живущего в прошлом, до пособничества под влиянием замаскированных советских агентов СССР и мировому коммунизму.

Да и в Советском Союзе линия де Голля далеко не сразу была правильно понята и принята. Конечно, Москва оказала генералу радушный, более того, восторженный приём, какого не удостоивался ни один государственный деятель Запада после Второй мировой войны. Выводить людей на улицы по райкомовской разрядке не надо было – они вышли сами. Достигнутые тогда советско-французские договорённости стали исходным рубежом общеевропейского процесса. Однако 21 августа 1968 г. армии 5 стран – участниц Варшавского Договора вторглись в Чехословакию. По хрупкому зданию рождающейся разрядки был нанесён тяжёлый удар.

На месте де Голля другой, менее дальновидный государственный деятель, пал бы духом, опустил руки. Реакция генерала была совершенно иной – он увидел в пражских событиях, в порыве народа к освобождению подтверждение своей правоты: «Эволюция

неизбежно будет продолжаться. Слишком поздно, чтобы какая-либо идеология, в частности коммунизм, взяла верх над национальным чувством».

Эти слова вспомнились два десятилетия спустя, через год после падения Берлинской стены – осенью 1990 г. 34 главы государств и правительств поставили свои подписи под Парижской хартией для новой Европы. Это было в те самые дни, когда в Париже и во всех столицах мира торжественно отмечали 100-летие со дня рождения Шарля де Голля. Политическое завещание генерала сбылось ровно через 20 лет после его кончины.

Страстный любитель и тонкий ценитель литературы и истории, находивший время на посту президента республики перечитывать классиков, многих из которых знал наизусть, и следить за книжными новинками. Плодовитый писатель-мемуарист, высокий и строгий стиль которого был сочтён Французской академией образцом безупречного литературного языка. Блестящий оратор, открывший французам телевидение как решающее оружие в политической борьбе – все эти качества де Голля опровергают мнение о несовместимости человека мысли и человека действия. Генерал де Голль сочетал достоинства и недостатки обоих.

Таким он и был – чуждым всякой сентиментальности, жёстко требовательным к себе и другим, непримиримым к врагам, далеко не всегда благодарным в отношениях с соратниками. У него никогда не было личных друзей: де Голль считал, что удел стоящего на вершине власти, где дует ледяной ветер государственного интереса, – одиночество и печаль, ибо он не может рассчитывать на искренность окружающих его людей. И всё-таки, несмотря на изрядную долю пессимизма, а иной раз и сарказма, присущего суждениям генерала о его современниках и соотечественниках, ему принадлежит глубоко гуманная фраза: «В этом мире единственное, за что стоит бороться, – это человек».

ГЛАВА 2. ДЕ ГОЛЛЬ И ЕВРОПЕЙСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО*

Процесс европейской интеграции является одним из самых значительных феноменов в истории XX в. Если первая половина столетия прошла под знаком двух небывало кровопролитных и опустошительных мировых войн, исходным рубежом, главным полем сражений и основной жертвой которых являлась Европа, то вторая половина была отмечена неуклонным сближением государств континента. Его результатом стало создание Европейского союза – уникального сообщества государств и народов, тесно сотрудничающих во всех сферах: экономической, политической, культурной. Тот факт, что после целой серии трагических катастроф Европа вступает в третье тысячелетие нашей эры как один из ведущих полюсов силы современного мира, достойный великого прошлого своей цивилизации, во многом связан с углублением и расширением Евросоюза.

Де Голль, обладавший редкой способностью видеть любые события в широкой исторической перспективе и в глобальном контексте, очень рано осознал огромную важность объединения Европы для судеб своей страны и всего мира. «Я считаю, что сейчас, как и в другие времена, единство Европы может быть результатом не слияния народов, а их систематического сближения. Всё толкает их в этом направлении в нашу эпоху широких обменов, совместных предприятий, не знающих границ науки и техники, быстрых сообщений, бесчисленных путешествий. Моя политика имеет, следовательно, целью создание концерта европейских государств с тем, чтобы развивающиеся между ними всевозможные связи крепили их солидарность. Ничто не мешает думать, что эволюция может привести к их конфедерации, особенно если они окажутся когда-либо объектом общей опасности», – писал он на склоне лет в «Мемуарах надежды», ставших своего рода политическим завещанием¹.

* В кн.: Шарль де Голль. 1890–1970. Под ред. М.Ц. Арзаканян, А.О. Чубарьяна. М., ИВИ РАН, 2000 г. 204 с. С. 167-181.

¹ Gaulle Ch. de. *Memoires d'espoir*. T. I. Le Renouveau. 1958–1962. P., 1970.

Идея создания группировки европейских государств была впервые высказана генералом ещё в конце 1943 г. в беседах с членами Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в Алжире – Е. Палевски и Р. Массигли, о чём оба вспоминали впоследствии в своих мемуарах. По мнению Ж. Лакутюра, одного из наиболее авторитетных биографов де Голля, немалую роль в этом сыграли влиятельный правый политик, в будущем глава одного из эфемерных кабинетов Четвёртой республики Р. Мейер и предприниматель Ж. Монне².

Однако Монне и де Голля уже тогда разделяли принципиальные разногласия как по формам будущего европейского строительства, так и по характеру отношений Европы с США: первый выступал за наднациональную федерацию под американской эгидой, второй – за независимую межгосударственную конфедерацию. Не в последнюю очередь именно из-за этого Ж. Монне способствовал дискредитации де Голля в правящих кругах Вашингтона, следствием чего было глубокое недоверие Рузвельта к руководителю «Свободной Франции». Генерал никогда не забыл и не простил этого обоим.

Выступая 18 марта 1944 г. с трибуны Консультативной Ассамблеи при ФКНО в Алжире, де Голль уже публично призвал к созданию «западной группировки, продолженной Африкой, артериями которой могли бы стать Ла-Манш, Рейн и Средиземноморье. Она была бы способна образовать важнейший центр в мировой организации производства, торговли и безопасности»³. Подобный призыв был не случаен. Де Голль понимал, что неизбежным результатом войны станет раздел Европы на сферы влияния двумя главными победителями – США и СССР: «Две империи – американская и советская, ставшие колоссальными по сравнению с прежними (великими) державами, меряются силами, навязывая свои гегемонии и идеологии»⁴. Ни разгромленные Германия и Италия, ни значительно ослабленные Англия и Франция не смогут помешать этому. Поскольку ни одна из европейских стран не в

Р. 181-182.

² Lacouture J. De Gaulle. T.3. Le Souverain. P., 1986. P. 316.

³ Ibid.

⁴ Gaulle Ch. de. Memoires d'espoir. T. 1. P. 175.

состоянии уравновесить ту или иную из сверхдержав в одиночку, европейское объединение, считал генерал, становилось категорическим императивом глобальной геополитики.

На первых порах де Голль склонялся к преимущественному диалогу с главным союзником Франции в обеих мировых войнах – Великобританией, приютившей эмигрантское движение «Свободной Франции» после разгрома 1940 г. Во время визита британского премьера У. Черчилля и министра иностранных дел А. Идена в Париж 11 ноября 1944 г. – годовщину перемирия в Первой мировой войне де Голль, возглавлявший Временное правительство только что освобождённой от оккупантов Франции, предложил им создать «франко-британское ядро в Европе». Однако из переговоров с английскими руководителями он вынес впечатление, что Лондон не захочет «связывать свою игру с нашей, считая себя в силах играть собственную партию между Москвой и Вашингтоном»⁵.

Отсюда решение де Голля ускорить свой визит в Москву, где он отверг предложение Сталина о тройственном франко-англо-советском пакте и подписал двусторонний договор о союзе и взаимной помощи с СССР: «Мы явно предпочитаем систему безопасности из трёх этапов: франко-советский пакт, англо-советский и франко-британский пакты, коллективная безопасность (с участием Америки)»⁶. Таким образом, в тот период де Голль всё ещё мыслил классическими категориями баланса сил, основанного на системе двусторонних сдержек и противовесов в духе «концерта держав» и их союзов, определявшего политический пейзаж Европы XIX и первой половины XX вв. Вместе с тем он уже тогда вписывал эту систему в рамки «плодотворной конструкции» единой Европы, где нашла бы своё место и мирная Германия, уравновешенная на западе Великобританией, а на востоке Россией. Естественно, что стержнем данной конструкции де Голль считал Францию.

В первые послевоенные годы деголлевским планам евростроительства не суждено было сбыться. После острых конфликтов с

---

⁵ Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. T.3. Le Salut. 1944-1946. P., 1959. P. 3.

⁶ Ibid. P 378.

политическими партиями, стремившимися ограничить полномочия главы Временного правительства, генерал ушёл 20 января 1946 г. в отставку и обрёл себя на 12-летнее пребывание в оппозиции парламентскому режиму Четвёртой республики. Эти годы пришлось на самый острый период холодной войны, в которой Франция твёрдо избрала в рамках Североатлантического союза сторону США. Это неизбежно ограничило, наряду с серией тяжёлых, неудачных колониальных войн и проблемами экономической модернизации страны, свободу манёвра Парижа на европейской и мировой аренах.

Поэтому процесс европейской интеграции начался без де Голля и не по его замыслам. Отправной точкой его стала речь французского министра иностранных дел Р. Шумана 9 мая 1950 г. – в пятую годовщину победы над державами «оси» с предложением о создании Европейского объединения угля и стали в составе Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Подлинным автором «плана Шумана» являлся Ж. Монне, чьи интеграционные концепции по-прежнему решительно расходились с деголлевскими. Тот же Монне стал первым председателем Верховного органа ЕОУС, в котором его единомышленники видели первый шаг к созданию национальных Соединённых Штатов Европы.

ЕОУС сочетало федералистские (Комиссия, Европарламент, Суд) и конфедеративные (Совет министров) элементы, что объясняет двойственное, противоречивое отношение генерала к «малой Европе». Одобрив, в принципе, идею евростроительства, он упорно настаивал на сохранении государствами-участниками своих суверенных прав, без чего, по убеждению де Голля, они неизбежно утратят легитимность в глазах собственных граждан и будут играть роль статистов в глобальной политике США – главного гаранта их безопасности перед лицом Советского Союза.

Между тем с момента создания СССР в 1949 г. атомного оружия, а в 1957 г. межконтинентальных ракет надёжность американского «атомного зонтика», по мнению генерала, значительно уменьшилась. США, считал он, вряд ли рискнут своим существованием ради спасения союзников – они предпочтут либо пойти, как в Ялте, на компромисс с Москвой за счёт Европы, либо ограничить войну территорией союзников со всеми вытекающими от-

сюда катастрофическими для европейцев последствиями. Поэтому последним следует самим позаботиться о своих интересах, а не полагаться только на союз с американцами.

Однако любое европейское объединение было исключено без участия немцев. Неудивительно, что определяющую роль в формировании голлистского подхода к евростроительству всегда играла германская проблема. Потерпев фиаско в попытках реанимировать старую программу Клемансо после Первой мировой войны, отвергнутую США и Англией уже в 1919 г., – расчленения Германии, отделения от неё Рура и Саара, де Голль как реалист примирился с неизбежным. Более того, он счёл, что созданная под эгидой западных держав ФРГ может оказаться для Франции гораздо более выгодным партнёром в евростроительстве, нежели Англия.

В самом деле, последняя была, как и Франция, одной из четырёх великих держав-победительниц во Второй мировой войне, ответственных за германское урегулирование, и постоянным членом Совета Безопасности ООН. Она раньше Франции создала, опираясь на особые отношения с США, ядерное оружие, быстрее и удачнее провела процесс деколонизации. В итоге Лондон оказывался для Парижа опасным соперником в борьбе за лидерство в объединённой Западной Европе, где он играл бы к тому же, с учётом традиционной англосаксонской солидарности, роль «троянского коня» США.

Генерал никогда не забывал адресованные ему слова Черчилля во время Второй мировой войны, что если Англии придётся выбирать между Европой и открытым морем, она всегда выберет последнее: «То, что Великобритания решительно против европейского строительства, неудивительно – известно, что ввиду своего географического положения и, следовательно, своей политики она никогда не допускала ни объединения континента, ни своего слияния с ним», – писал впоследствии генерал⁷.

С Германией в первые послевоенные десятилетия дело обстоит по-иному. Глубоко травмированная поражением и моральной ответственностью за преступления нацизма, расколота на два го-

---

⁷ Gaulle Ch. de. Memoires d'espoir. T. 1. P. 198.

сударства, она не могла ещё претендовать на роль полноценной великой державы. До тех пор, пока безопасность ФРГ зависела от присутствия на её территории войск трёх западных держав, а перспектива воссоединения казалась далёкой, почти нереальной, свобода манёвра Бонна на международной арене оставалась крайне узкой. На это и попытался сделать ставку де Голль.

Однако в противоположность сторонникам наднациональных вариантов евростроительства, утверждавших, что только тесные федеративные структуры «малой Европы» могут обеспечить надёжный контроль над ФРГ, де Голль был убеждён в том, что только межгосударственный подход к евростроительству способен закрепить за Францией военно-политические преимущества, уравновешивающие всё более мощный экономический потенциал ФРГ. Именно поэтому он решительно выступил в 1952–1954 гг. против плана создания Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), выдвинутого тогдашним французским премьером Р. Плевеном, в ответ на требование США после начала войны в Корее приступить к перевооружению ФРГ. В рамках ЕОС должны были интегрироваться под единым командованием военные контингенты шести стран – участниц ЕОУС.

Генерала шокировал не столько сам факт перевооружения ФРГ, сколько наднациональная структура командования планируемой «европейской армии», лишавшая Францию контроля над её собственными вооружёнными силами, часть которых была в тот момент задействована далеко за пределами Европы – в Индокитае. «Наряду с побеждёнными Германией и Италией, Франция должна влить своих солдат, вооружения, деньги в смесь, не имеющую отечества. Это унижение навязывается ей во имя равенства прав для того, чтобы считалось, будто Германия не имеет армии в момент, когда она как раз создаёт свои вооружённые силы. Разумеется, при этом из всех великих наций, имеющих сегодня армии, Франция окажется единственной, которая утратит её», – заявлял генерал на пресс-конференции 5 июня 1952 г.⁸

Особенно неприемлемым де Голль считал подчинение «евро-

---

⁸ Aron R. et Lerner D. (dir.). *La Querelle de la C.E.D. L'essai d'analyse sociologique*. P., 1956. P. 29.

пейской армии» интегрированной структуре НАТО, где распоряжаются США, ибо, по его мнению, это давало американцам полный контроль над всем процессом евростроительства. Поэтому генерал отверг предложения сторонников ЕОС обставить её создание обязательствами США и Великобритании постоянно сохранять на континенте свои войска в качестве гарантии безопасности Франции и инструмента контроля над ФРГ: для него такие гарантии были крайне ненадёжными, да и унижительными для французов.

В конечном счёте проект ЕОС был отвергнут 30 августа 1954 г. Национальным собранием Франции голосами голлистов и коммунистов, к которым присоединилась часть входивших в правительство П. Мендес-Франса социалистов и радикалов. Перевооружение ФРГ произошло иным путём – в результате подписания Парижских соглашений 1955 г., на основе которых она была принята в НАТО. В ответ СССР аннулировал договоры о союзе и взаимопомощи, подписанные во время Второй мировой войны с Англией и Францией, создав в виде противовеса Североатлантическому союзу с участием ФРГ Организацию Варшавского договора. Раскол Европы и Германии ещё более углубился.

Отныне взгляды де Голля на смысл европейской интеграции должны были учитывать новую реальность. Речь шла о том, чтобы не ставить немцев перед выбором между Востоком и Западом, Европой и Америкой – в обоих случаях они наверняка выбрали бы одну из сверхдержав, поскольку воссоединение Германии зависело от СССР, а безопасность ФРГ – от США. Де Голль пытался поэтому предложить им иную, европейскую альтернативу, не перечёркивавшую трансатлантическую солидарность, а дополняющую её: «Побудить к сплочению с политической, экономической, стратегической точек зрения государства, расположенные на Рейне, Альпах, Пиренеях. Превратить эту организацию в одну из трёх планетарных держав и, если когда-либо понадобится, в арбитра между двумя лагерями – советским и англосаксонским»⁹.

Хотя данная задача, изложенная в «Военных мемуарах» де Голля, относилась им ещё к моменту окончания войны, третий

---

⁹ Gaulle Ch. de. Memoires de guerre. T. 3. P. 179-180.

том его воспоминаний вышел в свет только в 1959 г., когда автор уже вернулся к власти, став президентом созданной им годом ранее Пятой республики. За прошедшие 14 лет его европейские концепции успели существенно эволюционировать – из них исчезла Великобритания, а на первый план в качестве привилегированного партнёра Франции при объединении по её инициативе западноевропейских государств выдвинулась ФРГ: «Французская республика должна играть важнейшую роль в рамках экономического Сообщества и, в случае необходимости, политического сотрудничества Шестёрки. Наконец, я намерен вести дело к тому, чтобы Франция создала сеть преференциальных связей с Германией, которая шаг за шагом побудит оба народа понять и оценить друг друга, к чему толкает их инстинкт, как только они перестают тратить свои жизненные силы на конфронтацию»¹⁰.

Неудивительно, что первыми крупными внешнеполитическими шагами де Голля после возврата к руководству страной явились встречи с канцлером ФРГ К. Аденауэром в Коломбэ-ле-дэз-Эглиз и Бад-Крейцнахе, в ходе которых сложилась «ось Париж-Бонн».

Формированию тандема де Голль-Аденауэр способствовала конкретная дипломатическая ситуация того момента – тревожные сомнения канцлера в твёрдости англосаксонских союзников перед лицом ультимативного требования Н.С. Хрущёва изменить статус Западного Берлина, положив конец присутствию там США, Великобритании и Франции. Убеждённый в том, что советский лидер блефует, де Голль категорически отверг этот ультиматум. Эта непримиримая позиция цементирована франко-германское сближение, которое пережило обоих его инициаторов, надолго став мотором всего процесса евростроительства.

Вплоть до начала 1960 гг. взаимодействие между Парижем и Бонном в европейских делах развивалось по восходящей линии, принося ощутимые результаты. Принятые де Голлем жёсткие меры по оздоровлению экономики и финансовой системы позволили Франции приступить в намеченные сроки к созданию Общего рынка, предусмотренного Римским договором 1957 г. В основу

---

¹⁰ Gaulle Ch. de. Memoires d'espoir. T. 1. P. 183.

его был положен франко-германский компромисс: ликвидация таможенных барьеров, выгодная промышленности ФРГ, сопровождалась принятием общей сельскохозяйственной политики, отвечавшей интересам Франции. Решающий прорыв в этом плане был достигнут в мае и декабре 1960 г., но особенно 13-14 января 1962 г., когда под давлением де Голля, заручившегося поддержкой Аденэуэра, было принято окончательное решение о включении сельского хозяйства в Общий рынок ЕЭС.

Высшей точкой деголлевской политики «франко-германского примирения» стали обмена визитами на высшем уровне в 1962 г. и подписание в январе 1963 г. двустороннего Елисейского договора, который предусматривал регулярные консультации на всех уровнях, расширял военное сотрудничество и общественные, в частности молодёжные, контакты.

Сразу же вслед за тем де Голль заявил на пресс-конференции об отказе от дальнейших переговоров с Великобританией о её вступлении в Европейское экономическое сообщество (ЕОС). Поводом к этому послужило решение Лондона закупить американские ракеты «Трайидент» для своих подводных лодок, подчеркнувшее особые связи Лондона с Вашингтоном.

Вскоре, однако, стало ясно, что Елисейский договор не оправдывает надежд де Голля. Бундестаг ФРГ предпослал ему при ратификации преамбулу, в которой подчёркивалась первостепенная важность для безопасности Западной Европы НАТО с её интегрированным командованием. Это было воспринято как симптом постепенного отхода Бонна от франко-германской «оси».

Особенно серьёзное недовольство президента Пятой республики вызвали американские планы создания в рамках НАТО «многосторонних ядерных сил» (МЯС), в которых Д. Кеннеди видел первый шаг к формированию европейской опоры НАТО под контролем Вашингтона. Поскольку в МЯС, которые могли принять форму военных судов с многонациональным экипажем, оснащённых ракетами с ядерными боеголовками, предусматривалось участие бундесвера ФРГ, де Голль ответил решительным протестом.

Его непримиримая позиция в данном вопросе объяснялась вескими причинами двоякого рода. Во-первых, реализация проекта МЯС ставила крест на стремлении Франции, незадолго перед

тем создавшей собственную ядерную «силу сдерживания», выступать в роли военно-политического лидера объединённой Западной Европы. Во-вторых, де Голль считал непрременными условиями евростроительства вокруг «оси Париж-Бонн» отказ ФРГ от допуска в любой форме к ядерному оружию и признание ею окончательными послевоенных границ Германии, в том числе на востоке с Польшей и Чехословакией.

В обоих этих условиях была несомненная логика. Речь шла о том, чтобы исключить любую попытку воссоединения Германии и ревизии послевоенного статус-кво в Европе с помощью силы, чреватую глобальной катастрофой. Хотя после гибели Кеннеди проект МЯС был довольно скоро похоронен, настороженность Парижа насчёт намерений «привилегированного партнёра» на восточном берегу Рейна сохранилась, особенно после ухода Аденнауэра с поста канцлера ФРГ. Сменивший его Л. Эрхард, выдвинувший на первый план задачи придания германской экономике глобального калибра, воспринимался де Голлем как признак его проамериканской ориентации.

Франко-германские отношения начали портиться и в рамках Европейских сообществ. Наряду с обычными для всей истории евростроительства конфликтами по конкретным экономическим вопросам, регулярно возникавшим в связи с очередным фиксированием цен на сельскохозяйственные товары – главной расходной статьи бюджета ЕЭС (где ФРГ была основным донором, а Франция – получателем субсидий), на первый план всё больше выдвигались принципиальные проблемы функционирования институтов ЕЭС. Председатель Комиссии, бывший статс-секретарь МИД ФРГ В. Хальштейн, убеждённый сторонник наднациональных путей развития интеграции, рассматривал себя как главу некоего поддобия правительства федеративной Европы. Со своей стороны М. Кув де Мюрвиль, представлявший Францию в Совете министров ЕЭС, наотрез отвергал подобные притязания и считал Комиссию всего лишь техническим аппаратом, призванным исполнять принятые консенсусом директивы межправительственного Совмина.

«Когда создают европейское сообщество, отказы от тех или иных аспектов суверенитета весьма многочисленны, и никто их не оспаривает, в том числе правительства, к которым я имел честь

принадлежать на протяжении 11 лет, – писал де Голль в своих мемуарах. – Есть, однако, одно условие, без которого невозможно ничего сделать: необходимо, чтобы эти отказы со стороны заинтересованных стран действительно были приняты ими самими, как и вытекающие из них решения. Иными словами, нельзя вообразить, чтобы эти решения были навязаны им резолюциями, принятыми большинством голосов. Единогласие необходимо. Именно в этом заключается основной принципиальный вопрос: как представить себе, что кто-то может без нашего согласия и тем более против нашей воли располагать нашим суверенитетом?»¹¹.

Столкновение двух подходов к евростроительству, наднационального и межгосударственного, достигло апогея в конце 1965 – начале 1966 гг., когда де Голль отозвал французских представителей из органов ЕЭС и на несколько месяцев блокировал их работу до тех пор, пока его партнёры не пошли на т.н. «Люксембургский компромисс», в силу которого все важнейшие решения у «шестёрки» должны были приниматься единогласно.

Сложность положения деголлевской Франции определялась тем, что в конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. она оказалась внутри ЕЭС в фактической изоляции. Как ФРГ, так и Италия не скрывали своего предпочтения федеративных путей европейского строительства, видя в них наиболее удобный способ покончить с дискриминацией, связанной со статусом побеждённых во Второй мировой войне держав, и добиться признания полного равенства прав.

Ещё более активными приверженцами наднациональных идей являлись страны Бенилюкса – Бельгия, Голландия, Люксембург. Федеративные структуры, где решения принимались бы большинством голосов, были для них оптимальными рамками, позволяющими отстаивать свои интересы перед лицом более крупных держав, и в первую очередь избежать опасности быть зажатыми в тиски франко-германского кондоминиума.

Кроме того – и это главное – в экономике стран Бенилюкса всегда были весьма сильны позиции иностранного, прежде всего англо-американского, капитала, а политически и геостратегически

---

¹¹ Couve de Murville M. Une politique étrangère. 1958–1969. P., 1971. P. 296-297.

они, особенно Голландия, на протяжении столетий тяготели к Лондону. Поэтому в конфликтах внутри «малой Европы» эти страны чаще всего выступали как негласные представители интересов США и Великобритании.

Де Голлю пришлось убедиться в этом в ходе попытки построить на основе его конфедеративных концепций политический союз шести стран – участниц «малой Европы» в 1960–1962 гг.

Первый зондаж по данному вопросу был предпринят генералом ещё 7 августа 1958 г. во время визита итальянского премьера А. Фанфани в Париж. Де Голль, только пришедший на пост главы правительства, выдвинул идею периодических консультаций шести стран ЕЭС на всех уровнях – министров, глав правительств и государств, парламентских делегаций по широкому кругу вопросов политики, экономики, культуры, обороны, создав для подготовки таких встреч постоянные рабочие органы.

Реакция Фанфани оказалась достаточно прохладной – не возражая в принципе против идеи политического союза «шестёрки», он дал понять, что видит его, с одной стороны, как наднациональную федерацию, а с другой – только с участием Великобритании, что было заведомо несовместимо. Главное же итальянское требование заключалось в том, что политический союз «шестёрки» не должен никоим образом отражаться на связях с США в рамках НАТО. Такой же ответ с итальянской стороны последовал и год спустя во время официального визита генерала в Италию в июне 1959 г.

Тем не менее де Голль был по характеру не из тех, кто отказывается от своих идей при первой же неудаче: «Я думаю, что если Рим строился не в один день, то будет в порядке вещей, если европейское строительство потребует продолжительных усилий»¹². Следующий шаг в том же направлении был предпринят им в момент, когда алжирская война, жёстко лимитировавшая манёвренные возможности французской внешней политики, подходила к концу и Париж готовился к крупным дипломатическим инициативам.

В июле 1960 г. де Голль изложил свой план канцлеру Адена-

---

¹² Gaulle Ch. de. *Memoires d'espoir*. Т. 1. Р. 204.

уэру, привилегированному партнёру по «оси Париж-Бонн», во время его визита в Рамбуйе, а месяц спустя – премьеру Ж.-Э. де Куаю и мининдел Нидерландов Й. Лунсу, затем их бельгийским коллегам Г. Эйскенсу и П.-А. Спааку, наконец, люксембуржцам П. Вернеру и Э. Шауссу. Возобновлён был также контакт с итальянскими руководителями – А. Фанфани и А. Сеньи. Всем им было предложено обсудить идеи де Голля на специальном саммите «шестёрки» в Париже.

Стремясь подкрепить свои позиции, генерал обратился к общественному мнению на пресс-конференции 5 сентября 1960 г., где призвал к строительству единства Европы на основе «не мечтаний, а реальностей»: «А каковы реальности Европы, где те опоры, на которых её можно построить? Воистину, это государства ..., единственные единицы, имеющие право приказывать и власть, чтобы заставить подчиняться себе»¹³.

Суть деголлевского плана сводилась к организации регулярных встреч на уровне различных министерств, опирающихся на деятельность постоянных рабочих органов – комитетов или комиссий, специализированных на конкретных вопросах, но подчинённых национальным правительствам. Вынесенные на повестку дня этих органов вопросы могли бы периодически обсуждаться Ассамблеей, составленной из делегатов национальных парламентов. Такая конструкция должна была быть одобрена «торжественным европейским референдумом».

Очевидно, что подобная схема фактически перечёркивала федеративные элементы, содержащиеся в структуре Европейских сообществ – ЕОУС, ЕЭС и Евратома. Тот факт, что она ни словом не упоминала о НАТО, не мог не вызывать в Вашингтоне, Лондоне и близким к ним европейских столицах сильных подозрений насчёт степени атлантической солидарности планируемого союза. Результаты не заставили себя ждать.

10-11 февраля 1961 г. в Зале часов министерства иностранных дел Франции на Кэд'Орсэ де Голль открыл встречу глав государств, правительств и министров иностранных дел «шестёрки», созыва которой он упорно добивался. В ходе острых дискуссий

---

¹³ Ibid. P. 206.

произошёл раскол: если Аденауэр и Вернер согласились с необходимостью организации политического сотрудничества, то Фанфани обставил своё согласие множеством оговорок, а Лунс вообще наотрез отверг всю деголлевскую схему. После некоторых колебаний к нему примкнул и Эйскенс. Все сколько-нибудь осведомлённые наблюдатели были убеждены в том, что голландцы и бельгийцы лишь отражали мнение Лондона и Вашингтона, а заодно давали возможность западным немцам и итальянцам возможность торпедировать французскую инициативу чужими руками. С тем, чтобы не портить отношений с Парижем, решено было создать комиссию во главе с близким соратником де Голля К. Фуше, впоследствии министром, для подготовки конкретных рекомендаций. Её первое заседание состоялось 5 сентября 1960 г., а два месяца спустя она представила готовый проект.

Согласно его первому варианту, Союз был призван обеспечить согласование политики стран-участниц в области внешней политики, обороны и культуры. Его руководящими органами должны были стать Совет министров и постоянная политическая комиссия в Париже для подготовки решений. Последние принимались бы единогласно в течение первых 3 лет, причём несогласие одного связывало остальных. Спустя 3 года предусматривался пересмотр договора и объединение всех европейских сообществ, чьи парламентские ассамблеи сливались воедино с самого начала.

Однако следующий саммит «шестёрки», собиравшийся в Бонне спустя 3 месяца – 18 и 19 июля 1961 г., закончился безрезультатно. Единственным его решением стало поручение комиссии Фуше продолжить работу над проектом договора.

В рамках комиссии голландцы и бельгийцы упорно повторяли одни и те же требования – построить союз на наднациональной основе и включить в него Великобританию. Некоторое время де Голль ещё надеялся склонить к поддержке «плана Фуше» Италию, создав единый франко-германо-итальянский фронт, сопротивляться которому странам Бенилюкса было бы затруднительно. Для этого генерал специально встречался 4 апреля 1962 г. с А. Фанфани в Милане, согласившись на отдельные уступки, в частности исключение из компетенции Союза экономики и военных вопросов, чтобы не задевать ЕЭС и НАТО, а также отказ от рефе-

рендума. Однако после некоторых колебаний итальянцы сочли риск неизбежного конфликта в таком случае с США и Великобританией неприемлемым. 17 апреля 1962 г. на встрече министров иностранных дел «шестёрки» в Париже П.-А. Спаак заявил об отказе Бельгии подписать проект договора о Союзе, пока к нему не присоединится Великобритания. Его активно поддержали И. Лунс и итальянец А. Сеньи.

Несколькими днями спустя Спаак направил де Голлю письмо, в котором выражал согласие принять «план Фуше» в том случае, если предусмотренная им политическая Комиссия не будет подчинена Совету государств Союза, а станет независимым, т.е. наднациональным органом. Очевидно, что оба эти условия служили лишь предложениями ввиду их диаметрально противоположного характера: поскольку Великобритания относилась к любым наднациональным структурам не менее отрицательно, чем сам де Голль, они оказывались взаимоисключающими. «План Фуше», а вместе с ним и «великий замысел» де Голля были похоронены на целые четверть века. Заслуги Спаака и Лунса были оценены Вашингтоном по достоинству – сначала один, затем другой заняли пост генерального секретаря НАТО.

Тем не менее, судьба «плана Фуше» отнюдь не побудила де Голля отказаться от своего стратегического замысла – превратить Европу во главе с Францией в «одну из планетарных держав». Генерал всегда сочетал верность определённым целям, которые преследовал с непоколебимым упорством и прагматизмом в выборе средств их достижения. Он был по-прежнему твёрдо уверен в том, что раскол мира на противоположные лагеря во главе с двумя сверхдержавами является противоестественным и, потому, переходящим: рано или поздно он должен уступить место многополярности. Экономический подъём Западной Европы, разрыв между СССР и КНР, распад колониальных империй и вступление на мировую арену стран «Третьего мира» рассматривались им как признаки того, что процесс перестановки сил на мировой арене начался.

Между тем страны континентальной Западной Европы – партнёры Франции по ЕЭС, отнюдь не разделяли это мнение и продолжали предпочитать независимой политике американский

«ядерный зонтик» перед лицом СССР в условиях холодной войны. Именно поэтому притязания Франции на роль лидера автономной от США Европы и натолкнулись на столь решительное сопротивление, усугубляемое ревностью, что привело к провалу «плана Фуше».

Генерал был глубоко уверен в том, что военная, а тем более политико-идеологическая угроза Западу со стороны Советского Союза значительно уменьшилась как из-за внутренних трудностей экономики, так и в связи с китайским фактором. Это делало прежнюю зависимость Западной Европы от США беспредметной: «Западный мир не находится более в опасности, как это было в эпоху, когда в Европе был организован американский протекторат под прикрытием НАТО», – подчёркивал де Голль на пресс-конференции 21 февраля 1966 г.¹⁴

Отсюда вытекал радикальный пересмотр президентом Пятой республики прежнего порядка его прежних внешнеполитических приоритетов. Раньше он пытался двигаться вперёд шаг за шагом: сначала сближение с ФРГ и создание «оси Париж-Бонн», скреплённой Елисейским договором, затем экономическая консолидация ЕЭС, потом создание межгосударственного политического союза на базе «плана Фуше» и только на заключительном этапе – выступление «шестёрки» с заявкой на роль арбитра между США и СССР.

Теперь, когда стало очевидно, что условия для создания автономного от США союза стран «малой Европы» в экономическом, политическом и военном отношениях ещё не созрели, генерал решил подойти к решению проблемы с другого конца. Речь шла о том, чтобы выступить с рядом крупных инициатив, имеющих целью существенно изменить климат отношений между Востоком и Западом в целом. Разрядка напряжённости между ними, объективные предпосылки для которой показали итоги берлинского и кубинского кризисов (где де Голль твёрдо поддерживал США, доказав свою верность союзническому долгу), будет, по его убеждению, способствовать преодолению конфронтации блоков в Европе, а в конечном счёте её объединению в естественных геогра-

---

¹⁴ Gaulle Ch. de. Discours et messages. V. 5. P., 1970. P. 18.

фических границах континента «от Атлантики до Урала».

Со своей стороны Франция, призванная играть роль пионера этого исторического процесса, привилегированной посредницы между Востоком и Западом, Севером и Югом, получит достаточно веские основания претендовать на европейское лидерство, а единая Европа – на единственно достойную её глобальную роль.

Конкретные шаги де Голля для достижения всех этих целей, предпринятые в 1964–1968 гг., известны: признание КНР, визит в Советский Союз, завершившийся подписанием ряда документов о сотрудничестве, затем в Польшу и Румынию, выход Франции из интегрированного командования НАТО и ликвидация инфраструктуры альянса на французской территории, осуждение действий Израиля в ходе «шестидневной войны» на Ближнем Востоке и призыв к США положить конец зашедшей в тупик войне в Индокитае.

Все эти шаги вызвали резкую критику в адрес генерала как со стороны атлантических и европейских союзников, так и в самой Франции. Его обвиняли в мегаломании, национализме, измене интересам Запада, пособничестве СССР во имя иллюзорных расчётов на распад коммунистической системы. Особенно острой эта критика стала в августе 1968 г. в момент вторжения войск пяти стран Варшавского договора в Чехословакию, которое расценивалось многими западными аналитиками как наглядное доказательство краха европейской политики де Голля.

Однако генерал сохранял непоколебимую уверенность в исторической оправданности своего выбора: «... События показывают, что наша политика, с какими бы временными трудностями она ни сталкивалась, отвечает глубинным европейским реалиям и, следовательно, верна. Учитывая то, куда идут дела, эволюция будет непременно продолжаться, если только её не изменят новым мировым конфликтом. Действительно, слишком поздно, чтобы иностранное господство могло где бы то ни было привлечь поддержку наций, даже если их территория захвачена. Что же касается возможности обратить их в свою веру, то слишком поздно, чтобы какая-либо идеология, в частности, коммунизм, взяла верх над национальными чувствами. Учитывая всеобщее стремление к прогрессу и умиротворению, слишком поздно лелеять надежду

преуспеть в деле раскола Европы на два противостоящих блока», – говорил де Голль. История убедительно подтвердила глубокую справедливость этих поистине пророческих слов.

ГЛАВА 3. ВИЗИТ В БУДУЩЕЕ – ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ В СССР, 1966 г.*

С 20 июня по 1 июля 1966 г. генерал де Голль нанёс официальный государственный визит в СССР. В сопровождении своей супруги Ивонны, сына Филиппа, министра иностранных дел Мориса Кув де Мюрвиля он посетил Москву, Ленинград, Волгоград, Новосибирск, Киев, провёл переговоры с высшими советскими руководителями, в итоге которых были подписаны Совместная декларация и ряд соглашений о развитии политического, экономического, научно-технического, культурного сотрудничества между Францией и СССР.

В ходе поездки генерал более 30 раз выступал публично, в том числе с балкона Моссовета, перед студентами и преподавателями МГУ им М.В. Ломоносова, у мемориала героев Сталинградской битвы на Мамаевом кургане, на космодроме Байконур, возложил венок к могиле Неизвестного солдата.

«Оба правительства согласны с тем, что проблемы Европы должны быть, прежде всего, рассмотрены в европейских рамках. Они высказались за то, чтобы государства континента прилагали усилия к созданию необходимых условий для соглашений, которые следует заключить, и, в частности, чтобы была установлена атмосфера разрядки между всеми странами Запада и Востока, поскольку такая атмосфера благоприятствовала бы сближению и согласию между ними и, следовательно, рассмотрению и урегулированию возникающих проблем», – подчёркивалось в Совместной декларации.

Считая, что сотрудничество между Советским Союзом и Францией может внести в такую эволюцию решающий вклад, сторо-

---

* Россия 2017. Ежегодный доклад Франко-российского аналитического центра Обсерво. Под рук. Арно Дюбьена. М., 2017. С. 473-478.

ны решили создать постоянный механизм регулярных консультаций на всех уровнях, включая высший.

Восприятие тех или иных событий современниками и их потомками, политиками и историками с течением времени неизбежно меняется – одни навсегда уходят в прошлое, тогда как другие оказываются прорывом в будущее, а иногда и уроком для настоящего. Сегодня, полвека спустя после того, как генерал де Голль первым из западных лидеров пересёк «железный занавес», разделивший Европу и мир после Второй мировой войны на два непримиримых враждебных лагеря, о результатах голлистской стратегии «открытия на Восток» можно судить достаточно определённо.

Значение этого визита определялось его международным контекстом. Кризис вокруг Западного Берлина в 1958–1961 гг. напомнил о том, что проблема закрепления территориальных и политических итогов Второй мировой войны и её сердцевина – будущее разделённой Германии остаётся открытым. В условиях конфронтации, разделившей Европу на два военных блока, столкнувшихся в холодной войне, эта ситуация была чревата постоянным риском широкомасштабного вооружённого конфликта с непредсказуемыми последствиями.

Между тем на Дальнем Востоке неуклонно набирала обороты война США во Вьетнаме. Массированные бомбардировки американской авиацией Северного Вьетнама и Камбоджи грозили втянуть в боевые действия соседнюю КНР, отношения которой с Советским Союзом на фоне маоистской культурной революции также обострились до предела. Взрывоопасный характер сохраняло перманентное противостояние Индии и Пакистана, Израиля и арабских стран, уже не раз выливавшееся в войны в прошлом и грозившее новыми в будущем. Наличие жёстких блоковых структур с взаимосвязанными звеньями могло превратить любой региональный конфликт в детонатор цепной реакции глобального масштаба.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что визит де Голля в СССР остался всего лишь ярким, колоритным, но преходящим эпизодом в драматической истории холодной войны: в самом деле, уже к концу 70-х гг. прошлого века инициированная им разрядка международной напряжённости сменилась очередным

витком жёсткой конфронтации.

Однако такое впечатление было бы обманчивым. После того как де Голль во время визита в Пном-Пень (Камбоджа) заявил о бесперспективности вьетнамской войны, в Париже начались американо-вьетнамские переговоры, завершившиеся сначала перемирием, а затем объединением страны. После индо-пакистанского вооружённого конфликта (1971 г.) и двух очередных арабо-израильских (1967, 1973 гг.) частично стабилизировалась ситуация в Южной Азии, а отчасти и на Ближнем Востоке, причём в первом случае важную посредническую роль сыграл СССР, а во втором Франция.

Наконец, самый важный результат советско-французского сближения, начатый визитом генерала в СССР, был, несомненно, реализован в Европе. Достигнутые в ходе визита договорённости на двустороннем уровне создали работающую модель отношений между государствами с различными системами, которая получила затем правовые и институционные рамки общеевропейского масштаба на совещании в Хельсинки. Без этого механизма, подкреплённого комплексом советско-американских соглашений о контроле над вооружениями, коренная ломка глобальной структуры международных отношений последней четверти XX в. – «бархатные революции» в странах Центральной и Восточной Европы, воссоединение Германии, наконец, распад СССР, имели серьёзные шансы вылиться в новую мировую войну.

Генерал де Голль давно предупреждал о реальности такого катастрофического сценария. Он был убеждён в том, что с тех пор, как между США и СССР установился примерный паритет потенциалов ракетно-ядерного оружия, «равновесие страха» неизбежно девальвирует американские обязательства перед их партнёрами по НАТО. Более того, оно чревато риском превращения Европы либо в поле боя для двух сверхдержав, либо в объект глобальной сделки между ними за её счёт («супер-Ялта»). В таких условиях, считал генерал, европейцам следует искать гарантии своих интересов не только в рамках трансатлантических связей, но и самостоятельно, причём именно Франция призвана показать им в этом пример. «Если есть голос, который может быть услышан, действие, которое может быть эффективным по созданию порядка вме-

сто холодной войны, то это, прежде всего, голос Франции», – заявлял генерал.

Убедительным доказательством справедливости такого анализа стал кубинский кризис (октябрь 1962 г.), когда мир оказался на грани глобальной катастрофы. Твёрдо поддержав в ходе его США в рамках Североатлантического союза, генерал сделал из его уроков практические выводы. Речь шла, с одной стороны, о создании Францией независимой ядерной «ударной силы» сдерживания, а с другой – о диалоге с основными центрами современного мира, который рано или поздно должен был превратиться в многополюсный.

Важнейшими вехами на этом пути стали подписание Эвианских соглашений, завершивших войну в Алжире (1962 г.), Елисейского договора с ФРГ, который скрепил историческое франко-германское примирение (1963 г.), наконец признание КНР (1964 г.). Все эти шаги значительно расширили свободу действий французской дипломатии на основе деголлевской триады «разрядка, согласие, сотрудничество в Европе от Атлантики до Урала», впервые озвученной во время визита генерала в СССР.

Первая часть этой триады («разрядка») имела в виду создание благоприятной психологической атмосферы для переговоров. Речь шла об отказе от демонизации партнёра, предъявления ему ультимативных требований, связанных с различием ценностных категорий. В мировоззрении де Голля судьбы народов и государств определяли, в конечном счёте, не идеологии или политические режимы, а государственные интересы, связанные с их национально-культурной идентичностью.

Отсюда естественно вытекала вторая часть триптиха – «согласие», т.е. поиски компромисса по спорным вопросам, который признавал бы законные интересы сторон. Причём гибкий прагматизм де Голля в процессе таких поисков отнюдь не мешал ему проявлять непримиримое упорство там, где дело касалось чести, достоинства и «ранга» Франции как великой державы.

Наконец, третий принцип – «сотрудничество» – имел в виду приоритет конкретного взаимодействия в сфере экономики, науки и техники, культуры с расчётом на то, что складывающаяся на этой почве взаимозависимость создаст материальную основу для

достижения в будущем политических целей. «Культура, наука, прогресс – вот что в нашу эпоху пробуждает и оправдывает национальные амбиции, а не мечты о завоеваниях и господство как прежде. Вот что должно сблизжать народы сегодня, в условиях современной цивилизации. Вот во имя какой цели должен отвечать новый союз России и Франции!».

Действительно, уже до визита, в ходе и после него был подписан ряд важных соглашений о развитии торговли, научно-технического, культурного сотрудничества, в том числе в таких ключевых сферах, как мирное использование атома, космос, энергетика, медицина, сельское хозяйство и т.д. Для их реализации были созданы институциональные рамки в виде межправительственной «Большой» и «Малой» комиссий с рабочими группами по отраслям. Тогда же впервые возник первый вариант франко-советской торгово-промышленной палаты, в деятельности которой приняли участие сотни предприятий с обеих сторон.

Сегодня, когда мир, окончательно ставший многополярным, вступает в трудный период адаптации к новым реалиям, увеличивая риски выхода связанных с этим конфликтов из-под рационального контроля, неоценимую помощь может оказать опыт прошлого, в котором визит генерала де Голля в СССР в 1966 г. навсегда занял почётное место.

ГЛАВА 4.   ВЛАСТЬ: ВХОД И ВЫХОД ПО-ФРАНЦУЗСКИ*

Генерал де Голль, основатель и первый президент Пятой республики, прошёл в своей политической карьере все стадии – от героя нации до отверженного. О том, как это было, Виталий Дымарский беседовал с руководителем Центра французских исследований Института Европы РАН Юрием Рубинским.

– От славы до забвения – один шаг. Кто его, по вашему мнению, сделал: де Голль или французы? Кто кого не понял:

---

* Журнал «Дилетант», № 9, сентябрь 2012 г. С. 60-63.

президент общество или общество президента?

– Известно, что существенная разница между политиком и государственным деятелем состоит в том, что первый думает о предстоящих выборах, а второй – о будущих поколениях, о национальных интересах. С этой точки зрения де Голль, безусловно, выдающийся государственный деятель, оказавший своей стране неоценимые услуги.

Во время Второй мировой войны, после разгрома и оккупации Франции, он призвал к созданию движения Сопротивления и встал во главе «Свободной Франции» (позже была переименована в «Сражающуюся Францию») – организации, выступившей против оккупантов и коллаборационистов Виши. И сумел, что было невероятно трудно, обеспечить Франции место среди стран-победительниц. Франция стала постоянным членом Совета Безопасности, что подняло моральный дух французов.

– ***Говоря современным языком, де Голль поднял Францию с колен.***

– Именно так! Хотя, конечно же, от пережитой национальной катастрофы у французов осталась глубокая травма. Характерно, что сразу после войны, в январе 1946 г., де Голль вступил в конфликт с политическими партиями, вышедшими из движения Сопротивления. Он подал в отставку, будучи в полной уверенности, что его позовут назад. Но этого не произошло. На какое-то время генерал ушёл с исторической авансцены. Точно также, кстати, англичане проводили Черчилля, безусловного национального героя и великого политического деятеля. Считается, что неблагодарность – качество королей, но в данном случае народов.

– ***Неблагодарность или усталость от однообразия политического ландшафта?***

– Час де Голля снова пробил 12 лет спустя – в 1958 г. Этому предшествовал, по выражению его биографов, длительный период «перехода через пустыню», когда «самый знаменитый из французов», по выражению последнего президента Четвёртой республики Рене Коти, пытался вернуться к власти, создав свою партию «Объединение французского народа», но потерпел неудачу.

К 1958 г. Франция экономически окрепла, однако двенадцать лет колониальных войн, бездарных, бесплодных и разорительных,

завели Четвёртую республику в тупик. Де Голль снова оказался востребованным. Причём в критических условиях военного путча, когда алжирская война грозила перерасти в гражданскую. Именно в этот момент обращение к де Голлю стало неизбежным.

Он, естественно, откликнулся на призыв, который был срежиссирован не без участия его сторонников, в том числе среди военных. Вернувшись к власти, де Голль нашёл реалистический выход из войны в Алжире – постепенно подвёл ту часть французов, которая не могла расстаться с призраком имперского величия, к осознанию того, что это «ностальгия по прошлому, которое не вернётся».

– Переход от Четвёртой республики к Пятой – что ставится в заслугу де Голлю – был всё же переходом от более или менее демократической модели к авторитарной?

– Конечно! Но в тот момент общество не было против. Конституция 1958 г. переносила центр тяжести с законодательной власти на исполнительную. Однако де Голль не хотел устанавливать президентский режим по образцу США и тем более создавать бонапартистскую диктатуру. Он считал, что для Франции это чересчур рискованно.

Поэтому был сохранён пост премьер-министра, пусть и назначенного президентом, но ответственного перед парламентом. Вот как он видел свою роль в новой государственной конструкции: «Будучи вождём Франции и главой республиканского государства, он должен осуществлять верховную власть во всей полноте, которую она теперь приобретает». Так что исполнительная власть концентрировалась в руках главы государства, избравшегося всеобщим голосованием.

После кончины де Голя оппозиция трижды побеждала на парламентских и президентских выборах, и тогда президент, парламент и правительство, которое опиралось на большинство, вынуждены были, как говорят французы, «сожительствовать». Разумеется, это не самый эффективный вариант управления страной, но сам факт такого «сожительства» свидетельствует о том, что в Конституции заложены варианты адаптации возможного изменения соотношения сил в обществе. Сокращение полномочий президента с 7 лет до 5 по существу сняло эти проблемы.

Поэтому Конституция 1958 г. живёт и действует, и никто не собирается её в корне менять, даже левые, которые решительно выступали в прошлом против неё. Миттеран даже назвал как-то деятельность де Голля «перманентным государственным переворотом», упрекая генерала в нарушении собственной Конституции. Однако тот же самый Миттеран, став президентом, правил не менее единовластно, чем его великий предшественник и главный политический соперник.

– Почему же де Голль ушёл?

– В феврале 1969 г. генерал решил вынести на референдум реформу верхней палаты парламента – Сената, преобразовав его в экономический и социальный орган, представляющий интересы гражданского общества, прежде всего, предпринимателей и профсоюзов. При этом де Голль заранее объявил, что в случае проигрыша уйдёт. Вечером 27 апреля поражение стало очевидным, и после полуночи, 28 апреля, президент по телефону передал следующий документ: «Я прекращаю выполнение обязанностей президента Республики. Это решение вступает в силу сегодня в полдень».

– Реорганизация сената – не вопрос жизни и смерти для страны. Почему такое упорство?

– К тому времени генералу было почти восемьдесят лет. В последние годы пребывания у власти сказывался не только возраст, но и то, что в сознательную жизнь вступило поколение бэби-бумеров, родившихся уже после войны. Для них де Голль и его режим были чем-то архаичным, лишившим их шансов на самореализацию. Взрыв студенческого и рабочего движения в мае 1968 г. стал сигналом, в том числе и для самого де Голля. Он ощутил, что взаимопонимание между ним и страной – прежде всего между ним и молодым поколением – дало трещину.

Один из самых глубоких знатоков французской политической жизни – обозреватель газеты «Монд» Пьер Виансон-Понте – уже тогда писал: «Основной недостаток голлизма с самого его зарождения заключается в том, что он опирался на одного определённого человека. Чем более старел человек, тем менее надёжным становилось здание, державшееся только на нём одном».

Ну и, конечно же, то чувство нового, прагматизм, гибкость,

которые всегда отличали основателя Пятой республики, начали ему изменять, вместо них пришла иллюзия собственной непогрешимости. Ещё раз процитирую Виансона-Понте: «Те, кто осмеливались сомневаться, спорить, возражать, естественно, представляются в лучшем случае заблуждающимися и несознательными, а в худшем – предателями. Мало склонный по темпераменту к скромности и терпимости, будучи всё более решительным сторонником порядка, не доверяя движению, уверенный в том, что никто – ни предшественник, ни наследник – не смог бы решать более мудро, говорить более величественно, управлять лучше, чем он, – так мог ли он терпеть дискуссии, допустить малейшее ограничение своего всемогущества?».

Точный диагноз: де Голль пережил себя. Но, думаю, самая важная его заслуга перед нацией – то, что он ушёл сам, когда почувствовал, что пора, и когда избиратели ему об этом сообщили, провалив предложенную им реформу сената.

– Но такой уход – это ведь проявление обиды на французское общество.

– Конечно! Для человека его воспитания и его психологии это был тяжёлый удар. Он полностью прекратил всякие контакты с журналистами, ездил в Испанию, Ирландию, писал мемуары. Тем не менее, он ушёл так, как должен был уйти человек его масштаба. Вся дальнейшая история Франции подтверждает, что нового де Голля нет и пока не предвидится. А может быть, новый де Голль Франции и не нужен.

Обида обидой, но ушёл-то он с каким достоинством и уважением к мнению нации! Он понимал: если его легитимность окажется под вопросом, то дальнейшее пребывание во власти не имеет смысла. Вообще вопрос о легитимности – моральной, политической, иной – для де Голля всегда был чрезвычайно важен.

– Исходя из критериев сегодняшнего дня как вы охарактеризовали бы де Голля? Государственник, либерал?

– Либералом он никогда не был. Это был кадровый военный со всеми вытекающими отсюда последствиями. На военной службе он слыл строгим командиром и никогда не выслуживался перед собственным начальством. У де Голля не было личных друзей, только верные соратники, которые, правда, могли и умереть

за него. Он считал, что, цитирую, «на вершине власти, где дует ледяной ветер государственного интереса, удел человека – одиночество и печаль, потому что он не может рассчитывать на искренность окружающих его людей».

ГЛАВА 5. ЖИСКАР Д'ЭСТЕН О ФРАНЦИИ И ФРАНЦУЗАХ*

Перу Валери Жискара д'Эстена, бывшего президента Французской Республики, принадлежит целый ряд работ, посвящённых её политическим, экономическим и социальным проблемам: «Французская демократия», «Положение Франции», «Два француза из трёх», «Через пять лет – 2000 год». Российскому читателю Жискара д'Эстен знаком по вышедшим у нас мемуарам «Власть и жизнь».

Его новая, представляемая ныне книга «Французы. Размышления о судьбе народа» является не простым подведением итогов сорока лет пребывания автора во властных структурах или оппозиции. На основании богатейшего личного опыта видный государственный деятель стремится дать напутствие младшим поколениям своих сограждан, вступающим в общественную жизнь в начале XXI в.

Высказываемые бывшим президентом мысли во многом определяются особенностями его жизненного пути, совпавшего по времени с крупнейшими событиями европейского и мирового масштаба.

Валери Жискара д'Эстен родился в 1926 г. в семье крупного финансиста, совсем молодым принял участие в последних боях Второй мировой войны, затем поступил в прославленную Политехническую школу, а позже в элитарную Национальную школу администрации (ЭНА), закончив которую стал, как когда-то и его отец, инспектором финансов. По давней традиции именно Гене-

---

* Валери Жискара д'Эстен. Французы. Размышления о судьбе народа. М., Научно-издательский центр Ладомир, 2004 г.

ральная инспекция финансов служит кадровым резервом для замещения высших государственных постов.

Вместе с тем Жиска́р д'Э́стен никогда не терял тесных связей с родной провинцией Овернь, а своеобразный местный выговор сохранил на всю жизнь. Уроженцы Оверни пользуются во Франции репутацией людей трудолюбивых, настойчивых и оборотистых – такими были крестьяне деревень гористого Центрального массива, торговавшие некогда в Париже древесным углём и дешёвым вином. Безошибочно уловив эти качества в столичном технократе с аристократическими манерами, земляки избрали его в 29 лет депутатом парламента. Своё доверие они подтверждали неизменно, в каких бы выборах ни участвовал их кандидат: муниципальных, департаментских, региональных, парламентских, президентских.

Со своей стороны Жиска́р д'Э́стен, стремившийся, подобно другим политикам, сохранить максимально тесную связь со своим электоратом, высоко ценил эту верность. Он всегда сочетал административную и политическую деятельность на национальном уровне с вниманием к повседневным прозаическим, казалось бы, заботам небольшого городка Шамальер в провинции Овернь, где в разное время занимал посты мэра, председателя генерального и регионального советов.

Высокая компетентность в экономических вопросах способствовала быстрому восхождению молодого политика либеральных убеждений на вершины власти. Создав небольшую правоцентристскую партию «независимых республиканцев», он активно поддержал генерала де Голля и спустя всего три года после избрания в Национальное собрание занял свой первый правительственный пост госсекретаря, а впоследствии, уже при президенте Ж. Помпиду, министра экономики и финансов.

Безвременная кончина Жоржа Помпиду весной 1974 г. поставила вопрос о преемнике. На внеочередных президентских выборах Жиска́р д'Э́стен опередил в первом туре «исторического» голлиста Ж. Шабан-Дельмаса, во втором единого кандидата левых сил Ф. Миттерана и на семь лет возглавил страну. Период его пребывания в Елисейском дворце (1974–1981 гг.) совпал со значительными событиями в жизни Франции, Европы и мира. Два

«нефтяных шока» (1973 и 1979 гг.), связанные с резким повышением мировых цен на энергоносители, положили конец послевоенному «славному тридцатилетию» высоких темпов экономического роста. Период международной разрядки сменился очередной полосой обострения «холодной войны». В этих нелёгких условиях президент показал себя гибким и осмотрительным руководителем, настроенным на налаживание конструктивного диалога между правыми и левыми силами внутри страны, между Западом и Востоком на мировой арене. Такой диалог, по глубокому убеждению Жискара д'Эстена, мог строиться только на компромиссной основе – на взаимных уступках сторон, смягчающих опасную и бесплодную идеологическую конфронтацию.

Среди реформ, проведённых в годы пребывания Жискара д'Эстена в Елисейском дворце, французам особенно запомнились две: снижение возраста граждан, имеющих право на участие в выборах (с 21 года до 18 лет), увеличившая количество политически активной молодёжи, и легализация планирования семьи, в том числе разрешение абортов. Во главу угла внешней политики Франции выдвинулся курс на углубление европейской интеграции. Именно Жискара д'Эстена вместе с тогдашним канцлером ФРГ Г. Шмидтом принадлежит, в частности, идея создания единой европейской валюты. Французский президент также выступил инициатором проведения регулярных встреч глав государств и правительств крупнейших промышленных стран мира – «Большой семёрки», превратившейся впоследствии, с временным вступлением в неё России, в «восьмёрку».

Однако периоды крутых поворотов истории, когда общество радикализуется, усиливаются центробежные тенденции, неблагоприятны для умеренных, компромиссных фигур. Реформы Жискара д'Эстена не удовлетворили левых избирателей и в то же время оттолкнули от него часть правых. На очередных президентских выборах 1981 г. правоцентристское большинство, находившееся у власти почти четверть века, раскололось, а победителем в поединке с Жискаром Д'Эстеном во втором туре голосования стал социалист Ф. Миттеран.

Бывшему главе государства, покинутому многими ближайшими соратниками, пришлось тогда нелегко. Но он не пал духом,

продемонстрировав такие черты настоящего овернца, как выдержка, мужество и упорство. Вопреки традиции, согласно которой пребывание на самом высоком государственном посту означает венец и завершение политической карьеры, Жискара д'Эстен в 54 года снова начал её с нуля, вторично пройдя одну за другой все ступени лестницы выборных должностей, кроме последней. В 1988–1996 гг. он возглавлял созданный им десятилетием ранее либерально-центристский блок «Союз за французскую демократию», был председателем регионального совета Оверни, комиссии по иностранным делам Национального собрания, депутатом Европарламента. В конце 2001 г. Жискара д'Эстен стал председателем Конвента – временного коллективного органа ЕС, которому поручалась подготовка проекта европейской Конституции, включающей реформы институтов и юридических норм Евросоюза. Сорок лет в большой политике – как французской, так и международной – дали В. Жискара д'Эстену богатую пищу для размышлений, результатами которых он и делится в своей новой книге.

Бывший президент пытается, прежде всего, определить роль Франции в сегодняшнем глобализированном мире. За последние полвека эта страна изменилась, пожалуй, больше, чем за предыдущее столетие, заняв четвёртое место в мире по объёму ВВП, третье – по экспорту услуг, второе после США и первое в Европе – по вывозу сельскохозяйственной продукции. Французские вооружения, сверхзвуковые самолёты и скоростные поезда, строительная индустрия и агропромышленный комплекс известны ныне за рубежом ничуть не меньше, чем традиционные вина, сыры, косметика, высокая мода. Покупательная способность французов выросла с начала 1960-х гг. вчетверо, национальная система социального обеспечения, особенно здравоохранение, по праву считается одной из лучших. Победа футбольной команды Франции на Чемпионате мира в 1998 г. вызвала небывалый всплеск патриотизма: сотни тысяч людей вышли на улицы, чтобы отпраздновать это событие.

Однако все эти достижения не могут избавить французов от тревожного ощущения того, что страна постепенно утрачивает влияние на мировой арене. Времена, когда она играла ведущую роль в Европе и мире, а её язык служил средством общения ин-

теллектуальных и политических элит всех цивилизованных стран, остались в прошлом. После Франко-прусской войны (1870–1871 гг.) Франция уже не может в одиночку, без мощных союзников, полностью обеспечить даже собственную безопасность. В последнее десятилетие XX в. распад СССР, крушение биполярного мира, воссоединение Германии, притязания США на глобальную гегемонию лишают французскую дипломатию прежних возможностей гибкого манёвра между Востоком и Западом, Севером и Югом, которыми мастерски пользовался генерал де Голль. Французы постепенно утрачивают руководящие посты в международных организациях.

Общественное мнение страны, которое болезненно переживает эти сдвиги, склонно объяснять их чем угодно – происками враждебных сил, некомпетентностью руководителей, дефектами государственных институтов. В. Жискард д'Эстен убеждён в том, что подобные объяснения ошибочны, более того – вредны; они лишь дезориентируют и деморализуют нацию перед вызовами времени.

Подход бывшего президента к этой проблеме принципиально иной. Он призывает соотечественников исходить при оценке положения Франции не из ущемлённых амбиций или ностальгии по былому величию, а из объективных факторов, игнорировать которые невозможно. Если в зените своего могущества – с середины XVII до начала XIX в. – Франция опиралась на самый мощный, наряду с российским, демографический потенциал в Европе, то ныне французов не больше, чем англичан или итальянцев, и заметно меньше, чем немцев. Лишь один из ста жителей планеты является французом. Демографическая проблема остро стоит не только перед Францией, но и перед всей Европой, доля которой в народонаселении Земли составит к середине XXI в. не более 7-10%.

Превращение США в условиях окончания холодной войны в единственную сверхдержаву, впечатляющий прогресс стран Азии (Китая, Японии, Индии) с их колоссальными людскими и экономическими ресурсами заставляют всех европейцев, в том числе французов, волей-неволей мыслить не столько национальными, сколько континентальными категориями. Неуклонное расширение состава Евросоюза, число государств-членов которого в бли-

жайшем будущем должно удвоиться, говорит о том, что иного пути для Франции просто нет.

Коренным образом меняется и само представление о величии нации. Если в прежние времена оно находилось в прямой зависимости от размеров территории, численности населения и военной силы, то в наше время его определяют, прежде всего, уровень социально-экономического развития, политическая стабильность, успехи науки и культуры. Уроки истории, по мнению Жискара д'Эстена, свидетельствуют о том, что все попытки страны вернуть себе имперскую мощь времён Людовика XIV или Наполеона I заранее обречены на провал. В наше время национальной задачей Франции, достойной её великого прошлого, становится нелёгкая работа по преодолению препятствий, мешающих ей идти вместе с партнёрами по Евросоюзу в авангарде мировой цивилизации.

Главные препятствия на этом пути, по мнению экс-президента, имеют не столько материальный, сколько субъективно-психологический характер. Речь идёт, прежде всего, об особенностях национального менталитета, на которые ещё двести лет назад указывал английский философ Эдмунд Бёрк, анализируя причины революции 1789 г. Бёрк отмечал, что у французов есть склонность к тотальному разрушению всего созданного прежде, стремление начать всё с «чистой доски». Отсюда непримиримость идеологических конфликтов между правыми и левыми партиями, раскалывающих Францию и мешающих ей своевременно и с минимальными издержками решать назревшие проблемы. Между тем гораздо плодотворнее было бы сохранять историческую преемственность, терпеливо преобразуя общество с помощью реформ.

Ещё одна специфическая черта французского менталитета – представление о своей стране как о «пупе Земли», «центре мира», порождающее стремление давать другим народам непрошенные советы и вмешиваться в международные конфликты даже там, где собственные интересы Франции не затронуты. В результате – бесполезное перенапряжение сил и унижительные провалы на международной арене.

Особенности национального характера наложили заметный отпечаток на экономику и административную систему Франции, которую автор знает досконально. Это, во-первых, унаследован-

ная ещё от Кольбера тенденция к чрезмерному вмешательству государства в хозяйственную жизнь, а во-вторых, крайняя централизация и неповоротливость бюрократической машины, созданной ещё якобинцами и усовершенствованной Наполеоном. Эти черты французского общества ещё больше усилились под влиянием идей марксизма (национализация, директивное планирование). Сыграв после Второй мировой войны в период восстановления и модернизации производства известную положительную роль, эти особенности французской государственности теперь несовместимы с требованиями глобализации и европейской интеграции. Положение усугубляется иждивенческим отношением граждан к государству, их корпоративным эгоизмом, стремлением выбить для себя всякого рода льготы за чужой счёт. Всё это приводит к разбуханию бюджетного дефицита, а в результате рано или поздно возникает необходимость проводить болезненные меры финансового оздоровления. Выход автор видит в решительном отказе от административных методов воздействия на хозяйственную жизнь и в переходе к сугубо экономическим, рыночным. Конечно, считает он, это никоим образом не предполагает пассивного отношения к стихии рынка с её финансовыми кризисами, обострением социальных противоречий, уходом средств из реального сектора экономики в спекулятивную биржевую игру.

Предметом озабоченности Жискара д'Эстена являются и такие специфические черты социальной психологии его соотечественников, как унаследованное от крестьянских предков упрощённое понимание идеи равенства, ревность к успеху других, анархический индивидуализм в понимании свободы, поощряющий неуважение к закону, предпочтение абстрактных споров поиску практических решений.

Большое внимание уделил автор такой болезненной для сегодняшней Франции проблеме, как иммиграция. Решительно осуждая расистские предрассудки, он считает, что их во многом породили левые правительства, в политике которых попустительство притоку нелегальных эмигрантов из стран «Третьего мира» сочеталось с недостатком внимания к социально-психологической акклиматизации иностранцев, получивших французское гражданство и готовых интегрироваться в культурную среду своей новой

родины, приняв её ценности.

Для наиболее динамичных представителей молодёжи французская экономика становится в последние годы более притягательным полем деятельности, чем политика или администрация, что, безусловно, радует автора. Но серьёзную тревогу у него вызывает растущий отток талантливых специалистов за рубеж в поисках более широких возможностей для достижения успеха в избранной ими сфере деятельности.

Особенно сурово Жискара д'Эстен осуждает недостатки психологии французской политической элиты, в частности парламентской, целиком поглощённой проблемой своего переизбрания. На этой почве произрастают безответственная демагогия, мелочность, тщеславие, беспринципность, карьеризм. СМИ, особенно телевидение, ещё больше усугубляют эти пороки. Эффективность созданной де Голлем Пятой республики подрывается периодами «сожительства» президента с правительством, которые придерживаются противоположной политической ориентации. Этому, по убеждениям автора, необходимо положить конец. Следовало бы не только сократить срок пребывания у власти главы государства с семи до пяти лет (что уже сделано), но и проводить президентские выборы до или одновременно с парламентскими, а главное – сформировать с помощью реформы законодательства о выборах двухпартийную систему. Здесь успех зависит, прежде всего, от правых партий, расколотых на несколько группировок ввиду бесплодного соперничества голлистов с либералами.

Книга Жискара д'Эстена представляет для российского читателя особый интерес, поскольку многие поднимаемые в ней вопросы стоят на повестке дня и у нас, причём зачастую с ещё большей остротой. Переход нашей страны к демократии и рыночной экономике оказался сопряжённым с колоссальными социально-экономическими и геополитическими издержками. Немалая часть россиян болезненно переживает утрату страной статуса одной из двух мировых сверхдержав, объясняя это либо заговором внешних врагов, либо предательством отечественных элит. Отсюда тоска по былому имперскому величию, ревнивая зависть и вражда к ушедшим вперёд постиндустриальным странам Запада (а отчасти и Востока), мечты о реванше за поражение в холодной войне.

Подобные настроения не являются сугубо российским явлением. Их переживали многие другие народы, в частности французы, как после поражения 1940 г., так и после неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире, завершившихся распадом империи. Последствия этих психологических травм ощущаются до сих пор. Поэтому многие подходы автора к решению проблем Франции вполне приложимы, на наш взгляд, к современной России.

После распада СССР Россия остаётся первой в мире державой по величине территории, но 67% этого пространства приходится на зону вечной мерзлоты, непригодную для земледелия и крайне трудную для создания современной инфраструктуры. Освоение природных богатств Сибири и Севера требует колоссальных средств, изыскать которые в одиночку невозможно. Тем более что по численности населения наша страна оказалась теперь отброшенной с третьего на седьмое место в мире – после Китая, Индии, США, Индонезии, Бразилии и Пакистана. С учётом переживаемого Россией глубокого демографического кризиса мы рискуем оказаться в середине XXI в. где-нибудь в третьей десятке стран – рядом с Турцией или Ираном. Наконец, объём валового внутреннего продукта России сегодня не превышает ВВП Нидерландов, уступающих ей по населению в десять раз.

В свете всех этих объективных обстоятельств попытки возродить величие России на традиционной для неё военно-имперской основе заведомо обречены на провал. Выйти из тупика системного кризиса можно только на пути, с успехом пройденном после Второй мировой войны Германией, Италией, Японией, а во многом и Францией. Если Россия изберёт эту стезю, ей придётся не только сосредоточиться на внутренних социально-экономических проблемах, но и включиться в процесс глобальной научно-технической революции, иными словами, широко открыть двери внешнему миру, в первую очередь Европе, неотъемлемой частью которой она является со времён Петра Великого.

На этом пути нам предстоит преодолеть те же психологические препятствия, с которыми столкнулась Франция и которым посвящена книга Жискара д'Эстена: склонность к политико-идеологическому экстремизму, социальному иждивенчеству, группо-

вому и индивидуальному эгоизму, националистическим предрас-судкам. При таком условии возможности России, с учётом её не только природных, но прежде всего интеллектуальных и духов-ных ресурсов, поистине безграничны. Важно лишь грамотно и ра-чительно распорядиться ими в наступившем XXI в.

ГЛАВА 6. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО*

В мае 2002 г. на витринах парижских магазинов появилась не-большая книга под интригующим названием «Крик Гаргульи»¹⁵, посвящённая отношениям между властью и обществом в совре-менной Франции. Её автор Доминик де Вильпен имел все основа-ния высказать на сей счёт своё веское мнение: в течение послед-них семи лет он бессленно занимал ключевой пост генерального секретаря Елисейского дворца, т.е. руководителя администрации президента Ж. Ширака. Как раз в момент выхода книги в свет Ширак был переизбран главой государства на второй срок, а ав-тор, кадровый дипломат, стал министром иностранных дел ново-го правоцентристского кабинета. Уже одно это должно было при-влечь к книге пристальное внимание читателей.

Вместе с тем все критики, независимо от их политических симпатий и антипатий, признавали, что размышления де Вильпе-на, облечённые в обычную для Франции форму политико-философского эссе или памфлета, отличаются редкой для профессио-нального чиновника эрудицией и блестящим литературным сти-лем. Неудивительно, что книга сразу же вошла в список бестсел-леров.

Гаргульями называют во Франции типичные для архитектуры средневековых готических соборов каменные водостоки на кром-ке крыш, заканчивающиеся головами уродливых химер, через ра-зинутые пасти которых льётся дождевая вода. На протяжении многих веков гаргульи собора Парижской Богоматери были не-

---

* Современная Европа, № 3(11), июль-сентябрь 2002 г. С. 121-123.

¹⁵ Dominique de Villepin. Le cri de la Gargouille. Albin Michel, Paris, 2002.

мыми свидетельницами многих славных и драматических событий бурной истории Франции. И вот теперь одна из них по воле автора наконец заговорила.

Де Вильпен исходит из того факта, что в наши дни требования к государству со стороны различных социальных слоёв, групп, отдельных граждан возрастают, тогда как его возможности для решения усложнившихся проблем общества, жёстко ограниченные реалиями глобализированного мира, сокращаются. Результатом оказывается разбухание чиновничьей машины, которая обходится налогоплательщикам всё дороже при неуклонном снижении её эффективности.

Это общее для всех стран противоречие усугубляется спецификой французской государственности, которой всегда были присущи вертикально-иерархическая структура власти и централизация её административного аппарата. В условиях, когда любое сколько-нибудь важное решение принимается в центре и исходит сверху, в обществе воспитывается иждивенческая психология. Вместо того чтобы решать свои проблемы самостоятельно, оно добивается от власти всевозможных льгот и привилегий за чужой счёт, стремясь проникнуть для этого на вершину властной пирамиды, где постоянно кипит борьба соперничающих кланов. Те из них, кто считает себя обиженными при дележе казённого пирога, смыкаются в коалиции недовольных, противостоящих существующему режиму в целом. Это тормозит давно назревшие реформы, усиливает напряжённость и ведёт к социальным взрывам, перерастающим в политические потрясения, которые не решают проблемы, а лишь осложняют их, раскалывая общество на сторонников несовместимых идеологий и ценностей.

Находясь в самой сердцевине механизма принятия государственных решений, де Вильпен не понаслышке знает её пороки. Всемогущая, казалось бы, вертикаль власти в Пятой республике, выкованная генералом де Голлем, сплошь и рядом оказывается ныне, по существу, бессильной. Её парализует порочная практика «сожительства» президентов и премьеров разной политической ориентации, растаскивает целая лестница посредников, обслуживающих корпоративные системы лоббистов, разъедает коррупция.

Автор сурово обличает атмосферу беспринципных интриг,

борьбы за выгодные и почётные синекуры, низкопоклонства и лести, окружающую первое лицо государства. Они живо напоминают придворные нравы Версаля времён Людовика XIV, о которых оставил свидетельство в своих мемуарах герцог Сен-Симон.

В наши дни, считает автор, придворные нравы не только сохранились, но и значительно усугубились тем, что средства массовой информации в погоне за сенсациями создают и губят в одночасье репутации чиновников и публичных политиков, копаясь в их личной жизни, распространяя сплетни о коррупционных скандалах, отмыться от которых практически невозможно даже в случае благоприятного решения суда на процессе о диффамации. Более того, в эти неблагоприятные игры оказывается втянутой и судебная система, представители которой играют на болезненном интересе широкой публики к разоблачениям власть имущих с тем, чтобы приобрести выгодный имидж преследуемых борцов за правду, сделав на этом карьеру.

Особую горечь у де Вильпена вызывает деградация роли французской интеллигенции, былых «властителей дум», мысли и перо которых формировали некогда умы целых поколений. Высокую миссию мозга и совести нации, которую заслуженно имели Монтень и Вольтер, Руссо и Дидро, Гюго и Токвиль, разменивают в наши дни на салонную болтовню, тщеславную саморекламу и мелочное политиканство.

Однако автор вовсе не ограничивается разоблачениями нравов парижского истеблишмента, пороков общества и дефектов власти. «Крик Гаргульи» звучит не печальной панихидой по французскому государству, а напротив, призывом к его возрождению в новом, соответствующем требованиям времени качестве: просто государства, считает он (прямо по-ленински!), нужно меньше, но оно должно быть лучше.

Решительно отвергая свойственную социалистам склонность к расширению сферы государственной деятельности, он столь же твёрдо не приемлет ультралиберализм англосаксонского образца, равнодушный к судьбе обездоленной части общества. Хотя эта модель имеет свои достоинства, она неспособна соединить свободу с социальной солидарностью. «Дать государству его справедливое место, найти оптимальное равновесие между порядком и

свободой, солидарностью и ответственностью, обновить не только принципы его построения, но и способы функционирования: таковы первые вызовы, которые мы должны принять, чтобы восстановить гармонию между властью и идущим вперёд обществом лучше информированных, причастных к государственным делам людей». Сегодня, как и два столетия назад – в период войны за независимость США и французской революции 1789 г., схожие по ценностям, но в то же время различные по характеру модели общества по обе стороны Атлантики соревнуются за то, чтобы подать пример наиболее эффективного решения проблем третьего тысячелетия.

Другая, не менее важная проблема, которая поднимается в книге, – конфликт между культурным наследием Франции и мощным унифицирующим влиянием глобализации. Этот конфликт усугубляется снижением удельного веса страны в мировом балансе сил, утратой многих привычных атрибутов великой державы, решавшей некогда судьбы Европы и мира.

Книга де Вильпена – настоящий гимн яркой истории Франции, её богатейшей культуре, олицетворяемых именами великих государственных деятелей, полководцев, писателей, поэтов. Если долг каждого француза всегда помнить об этом неоценимом общем достоянии и законно гордиться им, то крайне опасно в то же время замыкаться в нём, поддаваясь ностальгической тоске по былому величию, не видеть архаизма многих издавна присущих французам негативных психологических черт, мешающих им сегодня смело смотреть в будущее. Среди таких черт автор особенно выделяет восходящую ещё к временам абсолютной монархии склонность измерять величие страны военными или территориальными, а не социально-экономическими категориями, идеологизацию внутренней и внешней политики, постоянные колебания между высокомерием и самоуничтожением, претензиями на собственную исключительность и в то же время вселенское признание своих ценностей.

Самым же главным для де Вильпена при оценке пройденного Францией пути, на котором было немало братоубийственных междоусобиц, является то, что прошлое должно не разделять французов, как это слишком часто бывало до сих пор, а объединять их во

имя совместной цели – борьбы за достойное место для их страны в стремительно меняющемся мире XXI в.

Очевидно, что автор, преданный соратник Ж. Ширака, остаётся верен основополагающим постулатам голлизма – политического течения, которое глубоко отметило элиту Франции второй половины XX столетия. Это особенно заметно в таких кардинальных вопросах, как структура институтов Пятой республики, краеугольным камнем которой является избранный всеобщим голосованием президент, поиски «третьего пути» между социализмом и либерализмом, сочетание национально-патриотической риторики с прагматическим подходом к европейскому строительству и евроатлантическим структурам безопасности.

Книга де Вильпена продолжает и дополняет размышления о судьбах Франции и её народа, с которыми выступали виднейшие государственные деятели последних десятилетий – бывшие президенты В. Жискард д'Эстен, Ф. Миттеран, бывшие премьер-министры Р. Барр, Э. Балладюр, Л. Жоспен. Несмотря на различия интересов и политических позиций, в них есть немало общего, особенно в подходе к главной теме рецензируемой книги – роли государства в жизни общества. Все они, так или иначе, разделяют призыв де Вильпена к поискам оптимального синтеза между человеком и природой, этикой и прогрессом, свободой и равенством, а в конечном счёте, между различными цивилизационными ответами на эти вечные вопросы, в частности европейским и американским.

Нетрудно заметить, что те же самые вопросы с ещё большей остротой стоят сегодня перед российским обществом. При всех различиях исторического пути, пройденного Францией и Россией, в их судьбах есть немало общего. Это, прежде всего, решающая роль государства не только в становлении общества, но и в формировании нации, чего не было ни в Германии, ни в Италии, ни тем более в США. Отсюда – сходство некоторых специфических черт французской и российской государственности: вертикальная структура, административная централизация, роль идеологического фактора, активное вмешательство в экономику и т.д. Неудивительно, что многие трудности, с которыми сталкиваются сейчас обе страны, в какой-то мере сравнимы, что делает французские попытки их преодоления интересными и для нас.

ГЛАВА 7. НОВЫЕ РУБЕЖИ*

Президентские выборы, состоявшиеся во Франции 22 апреля и 6 мая 2007 г., за которыми последовали 10 и 17 июня очередные выборы в нижнюю палату парламента – Национальное собрание, с формальной точки зрения могут показаться простым сохранением статус-кво, существовавшего последние пять лет второго мандата Жака Ширака на посту главы государства. Действительно, в Елисейском дворце место Ширака занял лидер его же правящей партии «Союз за народное движение» (СНД) Никола Саркози, получивший месяцем спустя столь же прочное, как и прежде, правительственное большинство в парламенте. Левые силы во главе с социалистической партией остались в оппозиции, но отнюдь не разгромлены наголову и даже увеличили своё парламентское представительство.

Однако такое впечатление было бы обманчивым. Прошедшие выборы предвещают глубокие перемены во всех областях общественной жизни страны – её экономике, социальных делах, внутренней и внешней политике, культуре. Хотя речь не идёт о полном разрыве с прошлым, который сулили в ходе предвыборной борьбы все кандидаты, как справа, так и слева, тот факт, что Франция вступает в новый этап своей долгой и бурной истории, не подлежит сомнению. Первые же меры, предпринятые новым президентом, назначенным им правительством и утверждённые на внеочередной сессии парламента в июле, показали, что предвыборная программа Саркози, обещавшая «разрыв с прошлым», начинает претворяться в жизнь.

Смена поколений

По существу, ставкой в кампании перед выборами была модернизация социально-экономической модели, которая сложилась во Франции после Второй мировой войны. Она сочетала соблюдение законов рыночной экономики с широким участием государства в производственном процессе (дирижизм), администра-

---

* Современная Европа, № 4, октябрь-декабрь 2007 г. С. 43-54.

тивным регулированием трудовых отношений и одной из самых развитых систем социальной защиты, основанной на перераспределительном принципе. Бесспорно оправдав себя на протяжении так называемого «славного тридцатилетия» (1945–1975), отмеченного высокими темпами роста экономики, её структурной перестройкой, открытием во внешний мир, она вступила в середине 1970-х гг. в полосу затяжного кризиса.

Причины его лежали в основном за пределами страны. Начавшись с «нефтяных шоков» – резких скачков цен на энергоносители в 1973 и 1979 гг., этот кризис приобрёл системный характер на фоне научно-технической революции, связанной с информатикой, обострением конкурентной борьбы на мировых рынках, особенно со стороны ряда развивающихся стран (Китай, Индия, АСЕАН) с гораздо более низкими издержками производства, а главное – процесса глобализации, в который прежняя французская модель вписывалась всё труднее.

Среднегодовые темпы роста французской экономики в конце XX – начале XXI вв. снизились вдвое – до 1,5-2%, под тяжестью налогов и обязательных выплат в фонды соцстраха усилился отток капиталов, квалифицированных кадров и целых предприятий за рубеж («делокализация»). Хронический дефицит бюджета, а с 2003 г. и торгового баланса привели к разбуханию государственного долга, достигшего 65% объёма ВВП. Главной социальной проблемой страны стала безработица, особенно среди молодёжи, достигшая 8,5-10% самодеятельного населения – вдвое выше, чем в США и Японии. Она, в свою очередь, обострила многие другие болезненные социальные вопросы – углубление неравенства доходов, конфликт между поколениями, иммиграцию.

Если всего четверть века назад Франция опережала Великобританию по объёму ВВП на душу населения, то теперь заметно отстала от неё, как и от ряда других государств Евросоюза. Ещё недавно аналогичные французским трудности переживала и соседняя Германия, чья модель социальной рыночной экономики также остро нуждалась в модернизации. Однако немцы сумели своевременно провести ряд жёстких реформ, позволивших преодолеть отставание и стать лидером во франко-германском тандеме, который служит мотором всего процесса европейской интеграции.

Трудности адаптации французской социально-экономической модели к вызовам изменившегося внешнего мира повлекли за собой весьма негативные морально-политические последствия. Не видя принципиальной разницы в результатах деятельности правых и левых партий у власти, французские избиратели отвечали на выборах ростом абсентеизма, протестным голосованием за социал-популистские или националистические группировки, зачастую маргинальные и заведомо не имевшие никаких шансов на приход к управлению страной. Отрыв технократической элиты от населения затруднял диалог государства со структурами гражданского общества, не раз выводя конфликты между социальными партнёрами за рамки правового поля – на улицу (бунты представителей младшего поколения иммигрантов в пригородах, протесты учащихся против пересмотра трудового законодательства). В СМИ всё чаще появлялись пессимистические рассуждения о фатальном упадке Франции, утрате ею роли одной из ведущих постиндустриальных держав.

Выборы 2007 г. убедительно опровергают эти мрачные пророчества. Как поведение избирателей, так и ход, а главное содержание предвыборных дебатов наглядно подтвердили способность французов искать и находить ответы на вызовы времени.

Резким контрастом последних выборов относительно многих предыдущих оказалось, прежде всего, поведение избирателей. Опровергая теории «деполитизации» масс, неизбежно присущей якобы современному индивидуалистическому «обществу потребления» на Западе, французы продемонстрировали небывалый интерес к предвыборной борьбе. Газетные киоски брались с боя, теледебаты политиков били все рекорды по числу зрителей, в залах и даже на стадионах, где проходили митинги ведущих кандидатов, не хватало мест и толпы посетителей оставались у входа. В первом туре президентских выборов в голосовании приняли участие 84,8% зарегистрированных избирателей – больше, чем в 1965, 1969, 1988, 1995 и 2002 гг. Выше их активность была только в 1974 и 1981 гг., когда решался вопрос о приходе к власти союза левых сил во главе с лидером соцпартии Франсуа Миттераном после 23 лет безраздельного господства правых партий.

Неожиданный подъём у французов гражданских чувств после

десятилетий разочарования, равнодушия, цинизма во многом связан со сменой поколений. За последнюю четверть века центральными фигурами в политической жизни страны являлись Ф. Миттеран и Ж. Ширак. Сначала один, потом другой занимали пост главы государства два срока подряд: один провёл в Елисейском дворце 14 лет, другой 12 (в связи с сокращением в 2000 г. мандата главы государства с 7 до 5 лет). Хотя между ними была ощутимая разница в возрасте (18 лет), оба принадлежали к поколениям, сформированным духовно и интеллектуально драматическими событиями середины XX в., прежде всего, войнами (Второй мировой, холодной, колониальными в Индокитае и Алжире), в некоторых из которых Ф. Миттеран и Ж. Ширак принимали личное участие. Став лидерами основных политических лагерей – левого и правого, они делили между собой ответственность за отсутствие решений новых проблем, с которыми столкнулась страна в начале третьего тысячелетия нашей эры.

Между тем избирательный корпус Франции существенно изменился. В 2006 г. начался массовый уход на пенсию так называемых «бэби-бумеров» – представителей родившегося уже после Второй мировой войны многочисленного поколения, заявившего о своём совершеннолетию бурными событиями мая 1968 г. Сейчас на авансцену выступает новое, уже второе послевоенное поколение французов, для которого идейные сражения их отцов и дедов времён биполярного мира не более чем далёкая история, не вызывающая особых эмоций. От политиков они ждут не идеологических заклинаний, а чётких ценностных вех в бурном, опасном глобализированном мире в сочетании с эффективными, прагматичными подходами к конкретным вопросам с учётом новых реалий. В их глазах последнее десятилетие, олицетворяемое большим, дискредитированным скандалами 75-летним Шираком, представляется эпохой застоя. Тем более что в соседних странах Евросоюза – Великобритании, Германии, Италии, Испании – политики, родившиеся после Второй мировой войны, пришли к власти уже в середине 90-х гг. прошлого века. В результате во французском обществе скопилась критическая масса ожиданий перемен.

В то же время значительная часть французов, особенно пожилых, опасается, что такие перемены поставят под удар стабиль-

ность, а вместе с ней и социальные гарантии, завоёванные тяжёлым трудом, лишениями, борьбой многих десятилетий. Особенностью Франции является наличие существенных различий не только в уровне доходов или образования между верхами и низами, но и в статусе отдельных социально-профессиональных категорий, обеспечивающем те или иные льготы – занятость, выслугу лет, условия выхода на пенсию и т.п. Естественно, что представители этих категорий, прежде всего связанных с госслужбой и всё ещё значительным, несмотря на приватизацию, общественным сектором экономики, видят прямую угрозу своим интересам в перестройке французской модели по англосаксонскому либеральному лекалу, основанному на жёсткой рыночной конкуренции, где выживает сильнейший. Поэтому надежды на перемены переплетаются со страхом перед ними.

Такие двойственные, противоречивые настроения, замешанные на соединении модернизма с консерватизмом, характерны для всех сегментов современного французского общества. Их разделяют, хотя и в разной степени, рабочие и фермеры, средний класс и интеллигенция, чиновничество и предприниматели. Каждый хотел бы, чтобы цену за реформы платил другой. В результате обычный раскол избирательного корпуса на левых, исторически связанных с идеей реформ, и правых, считавшихся защитниками существующего порядка, приобрёл новые измерения.

Кандидаты и программы

Согласно действующей Конституции выборы президента Пятой республики проводятся всеобщим прямым и тайным голосованием в два тура. Для избрания в первом необходимо получить абсолютное большинство – более 50% голосов избирателей, принявших участие в голосовании. Если такого результата не добился никто, то две недели спустя проводится второй тур – баллотировка, где соперниками остаются два кандидата, набравшие в первом больше голосов, чем остальные.

В 2007 г. список для голосования перед первым туром включал 12 кандидатов. Это далеко не рекорд – на предыдущих президентских выборах 2002 г. их было 16. Порядок выдвижения кандидатур на пост главы государства во Франции не слишком строг:

для него необходимо лишь получить письменную поддержку 500 выборных лиц – депутатов, сенаторов, членов региональных, генеральных (департаментских) советов, мэров и т.д. А коль скоро коммун во главе с мэрами больше 36 тысяч, это по силам представителям даже мелких партий, кандидаты которых не имеют никаких шансов на избрание. Однако сам факт участия в предвыборной гонке имеет немалое значение – он открывает возможности для пропаганды тех или иных лозунгов, создаёт перед вторым туром условия для торга с ведущими претендентами за учёт интересов тех или иных категорий избирателей, а заодно и поддержку на будущих выборах более низкого уровня (парламентских, муниципальных), участие в дележе административных постов. К тому же всем кандидатам предоставляется равное эфирное время на двух государственных телеканалах, а тем кто собрал более 5% поданных голосов, возмещается из госбюджета часть средств, затраченных на проведение их кампаний.

С самого начала было ясно, что серьёзными претендентами на Елисейский дворец будут представители ведущих партий двух лагерей, на которые традиционно делится французское политическое поле – либерально-голлистского «Союза за народное движение» (СНД) в правом, социалистической партии – в левом. Однако вокруг конкретных кандидатур в каждом из них развернулась острая борьба. Уходящий президент Ширак явно хотел бы видеть своим преемником не амбициозного председателя СНД, министра внутренних дел Никола Саркози, а премьер-министра, бывшего генсека Елисейского дворца Доминика де Вильпена. В то же время у социалистов кадровая «обойма» покойного президента Ф. Миттерана – бывшие премьеры Лоран Фабиус, Лионель Жоспен, бывшие министры экономики и финансов Доминик Строс-Кан, культуры Жак Ланг – упорно сопротивлялась кандидатуре малоизвестной ранее Сеголен Руаяль, в то время гражданской жене первого секретаря соцпартии Франсуа Олланда.

Тот факт, что Саркози и Руаяль, люди одного возраста (52 и 53 года), добились выдвижения вопреки противодействию верхушки их собственных лагерей, давал обоим возможность приобрести выигрышный ореол «новых людей», хотя у каждого уже имелся за плечами немалый политический опыт. Это было особенно важ-

но для Саркози – члена двух последних, крайне непопулярных правительств при Шираке, причём на ключевых постах: он мог выступать перед избирателями в роли оппозиционера внутри собственного большинства.

Оригинальности тому и другой добавлял нестандартный профиль сына эмигранта из Венгрии в одном случае, привлекательной женщины – в другом. Напротив, остальные 10 кандидатов либо уже участвовали в предыдущих президентских выборах и успели примелькаться, либо являлись маргиналами, не имевшими сколько-нибудь серьёзной организационно-партийной опоры.

Программы ведущих кандидатов уделяли основное внимание внутренним вопросам, тогда как внешняя политика оставалась на втором плане.

Саркози, остававшийся министром внутренних дел вплоть до апреля 2007 г., обещал французам, прежде всего, обеспечить их личную безопасность – применять максимальные наказания к рецидивистам, в том числе несовершеннолетним, резко улучшить оснащение правоохранительных органов, реформировать судебную систему. Поскольку в представлении многих избирателей преступность ассоциировалась с иммиграцией, он предлагал отказаться от практики массовой выдачи документов нелегалам и предоставлять право на воссоединение семей только тем иностранцам, которые имеют работу и жильё. В его выступлениях всячески подчёркивались национально-патриотические мотивы (культурная идентичность, гордость великим прошлым Франции, отказ от «покаяния» за колониальное прошлое и т.п.).

В социально-экономических вопросах его программа строилась на лозунге «ценности труда» – предпочтении более высоких зарплаток сокращению рабочего времени и перераспределению доходов («больше работать, чтобы лучше жить»). Конкретно речь шла о том, чтобы смягчить введённую социалистами 35-часовую рабочую неделю, предоставив налоговые скидки на сверхурочные, отменить налог на наследство для большинства граждан, снизить налог с акционерных обществ, придать большую гибкость рынку труда введением единого трудового договора, преодолев нынешнее резкое отличие постоянного от временного. Итогом должно было стать снижение к 2012 г. безработицы до 5%. Была

также поставлена задача расширить жилищное строительство и принять меры, поощряющие приобретение семьями скромного достатка собственного жилья благодаря льготному кредиту. Пенсионерам было обещано увеличение минимальных выплат, но при отмене особых режимов пенсионного обеспечения, дающих некоторым профессиональным категориям право на более ранний уход с работы и более короткий стаж. С учётом уроков студенческих волнений кандидат СНД обещал укрепить дисциплину учащихся, модернизировать учебные помещения, расширить автономию университетов.

Средства для всего этого, оценивавшиеся в вилке от 15 до 30 млрд евро, предполагалось изыскать за счёт экономии на административных расходах (замена двух уходящих на пенсию чиновников одним), приватизации госмонополий и повышения темпов роста производства благодаря налоговым льготам, что должно сократить госдолг до 60% ВВП.

Во внешней политике Саркози обязался придать новый импульс евростроительству заменой проекта Конституции ЕС, отвергнутой на референдумах во Франции и Нидерландах, кратким «упрощённым» договором, отказаться от принятия в ЕС Турции, улучшить франко-американские отношения, пострадавшие в связи с войной в Ираке, создать Средиземноморский союз и расширить сотрудничество с Африкой, чтобы взять под контроль идущий оттуда в Европу поток нелегальных мигрантов.

Со своей стороны Руаяль выдвигала на первый план социальные вопросы. 35-часовая рабочая неделя должна была применяться ещё более последовательно, позволяя создать 500 тыс. рабочих мест для молодёжи, минимальные пенсии повышались на 5%, особые режимы для работников с тяжёлыми условиями труда сохранялись, матерям была обещана зарплата по уходу за детьми, университетам – не только автономия, но и бюджетные субсидии за помощь в трудоустройстве выпускников. Семьям скромного достатка предусматривалось пособие на жильё с умеренной квартплатой, объём строительства которого поднимался до 120 тыс. квартир в год. Особое внимание уделялось охране окружающей среды.

Финансировать все эти и многие другие дорогостоящие меры

также предлагалось за счёт сокращения госаппарата путём упразднения дублирующих министерств, а главное – перераспределением налогового бремени под лозунгом «капитал должен платить больше, чем труд».

Существенным отличием программы кандидата соцпартии Руаяль являлось обязательство разработать и вынести на референдум проект новой конституции Шестой республики с расширением прав парламента и частичным пересмотром избирательного законодательства с введением в него определённой дозы пропорционального представительства (что Саркози категорически отвергал).

Во внешней политике Руаяль ограничилась предложениями пересмотреть отвергнутый французами проект Конституции Евросоюза и вновь выдвинуть его на референдум, активизировать деятельность ЕС в энергетике, научных исследованиях, общественных службах, защищать права человека, занять жёсткую позицию в отношении ядерной программы Ирана (в том числе даже мирной).

Сопоставление этих программ показывает, что между ними были реальные различия как ценностных установок двух основных кандидатов, так и их подходов к решению конкретных проблем. Саркози выступал под флагом защиты традиционных правоконсервативных ценностей – закона и порядка, частной собственности, национальной идентичности. Именно этим объясняется резкая критика им событий мая 1968 г., которые он объявил началом моральной деградации французского общества, распространения вседозволенности, упадка трудовой этики и т.д. В свою очередь, Руаяль осталась верной изначально присущим всем левым движениям ценностям социальной справедливости, участия граждан в обсуждении касающихся их проблем, диалога государства с гражданским обществом. Отсюда – избранная ею тактика проведения встреч с избирателями по всей стране, предложения которых она обязалась сделать основой своей программы.

Вместе с тем просматривались и определённые точки соприкосновения, диктуемые стремлением не дать конкуренту монополизировать выгодные темы предвыборной пропаганды. Стремясь отбить обвинения в авторитаризме, Саркози обещал предоставить

правовой статут оппозиции, отдав ей, в частности, важный пост председателя финансовой комиссии Национального собрания, готовящей проект бюджета, назначать чиновников на высокие административные посты с санкции парламента. Со своей стороны Руаяль, дочь полковника колониальной армии, охотно прибегала к необычной для социалистки патриотической риторике (ссылки на «Марсельезу», трёхцветное знамя).

Результатом подобного взаимного плагиата оказалось новое для французской политической жизни явление – появление контуров определённого, пусть пока ограниченного национального консенсуса по некоторым ключевым проблемам, стоящим перед страной. Если в прошлом противоборствующие стороны зачастую оспаривали не только оправданность, но и легитимность позиций соперников, то сейчас речь шла не столько о сути давно назревшей модернизации, сколько её путях, а главное – цене для тех или иных социальных слоёв. Если, например, Саркози обязался снизить потолок налогов с личных доходов с 60 до 50%, то Руаяль, напротив, обещала вообще отменить «налоговый щит» для 160 тыс. богатейших семей страны.

На этом фоне предвыборная кампания приобретала характер не столько столкновения взаимоисключающих идеологий, как это бывало в прошлом, сколько сравнения конкретных программ и персональных качеств претендентов на Елисейский дворец. Левая оппозиция сосредоточила огонь на личности Саркози, обвиняя его в диктаторских замашках, способных расколоть французское общество (отсюда лозунг – «Кто угодно, только не Саркози»), тогда как правые ставили под сомнение опыт и способности Руаяль принимать ответственные государственные решения и достойно представлять страну на международной арене.

Результаты

Первый тур президентских выборов 22 апреля 2007 г. не только показал высокую активность избирателей, но и выявил их склонность «голосовать с пользой», то есть отдать сразу же предпочтение кандидату доминирующей партии, как в правом, так и в левом лагерьях: Саркози получил 31% поданных голосов, Руаяль – 25,1%, что в сумме далеко превышало половину всего избира-

тельного корпуса (20 из 36 млн принявших участие в голосовании).

Результат председателя СНД на треть опережал электорат его предшественника Ширака в ходе первого тура всех четырёх президентских кампаний, в которых последний участвовал с 1981 г., и в 2,5 раза – результаты двух других правых кандидатов, вместе взятых: лидера Национального фронта Жан-Мари Ле Пена (10,7%) и традиционалистского консерватора Филиппа де Вилье (2,29%). По сравнению с предыдущими выборами 2002 г., когда Ле Пену удалось прорваться во второй тур, он потерял более трети своих сторонников.

Итог Руаяль также был в 2,5 раза выше, чем у пяти остальных левых кандидатов – коммунистки Мари-Жорж Бюффе (1,95%), троцкистов Оливье Безансено (4,15%), Арлетт Лагийе (1,34%), Жерара Шивари (0,34%), «зелёной» Доминик Вуане (1,57%), антиглобалиста Жозе Бове (1,31%). На долю экзотического защитника «охоты, рыбалки и народных традиций» Фредерика Ниуса осталось 0,34%.

Потенциальные резервы каждого из двух основных кандидатов, вышедших во второй тур, на крайних флангах правого и левого лагерей были арифметически почти равны – по 10-11%, но у Саркози имелась солидная фора в 6 пунктов. В таких условиях арбитром конечного результата становился кандидат центристского «Союза за французскую демократию» (СФД) Франсуа Байру, неожиданно собравший 18,76% голосов – втрое больше, чем на последних президентских выборах 2002 г.

Этот эфемерный успех вряд ли объяснялся притягательностью программы Байру, представлявшей собой противоречивую смесь предложений правого и левого лагерей. Основной упор делался на помощь мелким и средним предприятиям – классическому электорату центристов, расширение прав регионов, пересмотр действующей конституции в парламентском духе, введение пропорционального представительства партий на выборах, решительное продолжение европейской интеграции путём проведения нового референдума по скорректированному проекту евроконституции.

За Байру проголосовала часть левых избирателей, которая была разочарована кампанией Руаяль, не верила в её шансы на побе-

ду и считала центристского кандидата более эффективным противником Саркози во втором туре. Однако большинство лидеров СФД, в том числе его основатель, бывший президент В. Жискар д'Эстен, и 22 депутата из 29 решительно поддержали Саркози. Это было неудивительно – на выборах всех уровней, проводившихся по мажоритарной системе по одномандатным округам, либеральные кандидаты неизменно блокировались перед вторым туром с правыми – голлистами, а некоторые даже принимали поддержку Национального фронта. Да и сам Байру являлся выходцем из правого лагеря – в 1993–1995 гг. он был министром народного образования в правоцентристском кабинете Э. Балладюра.

Поэтому его неуверенный флирт с Руаяль не мог изменить общую расстановку сил: даже при расколе центристов на почти равные части чаша весов явно склонялась в пользу Саркози. Опросы общественного мнения показывали, что приоритеты программы последнего, как и стиль его кампании – энергичный, напористый, оперировавший доскональным знанием фактов, – импонировали аудитории больше, нежели сентиментальные проповеди Руаяль. Характерно, что свыше половины левых избирателей поддерживали её только из страха и антипатии к Саркози, тогда как 60% правых голосовали именно за него.

Наконец, главным фактором, определившим победу правого кандидата, являлась поддержка Саркози, прямая или косвенная, французским истеблишментом – бизнес-сообществом (патроном) в лице председателя Движения французских предприятий (МЕДЕФ) Паризо, верхушкой кадровой администрации, большинством СМИ, и руководством ведущих партнёров Франции по ЕС и НАТО – президентом США Бушем, канцлером ФРГ Меркель, премьер-министром Великобритании Блэром, которых тот посетил. В то же время с Руаяль солидаризировались лишь испанский премьер социалист Сапатеро и итальянский – левоцентрист Проди, а её поездки на Ближний Восток и в КНР не только прошли незамеченными, но и сопровождались дипломатическими промахами.

С учётом всех этих факторов вместе взятых исход второго тура был предсказуем. Шестого мая 2007 г. за кандидатуру Саркози отдали свои голоса 53% избирателей, принявших участие в голосовании (18,9 млн), за Руаяль – 46,94% (16,8 млн).

Разрыв между ними вполне соответствовал среднему уровню предыдущих президентских выборов Пятой республики – в 1965 г. де Голль получил 55,5%, Помпиду в 1969-м – 58,2, Жискард д'Эстен в 1974-м – 50,8, Миттеран в 1981 и в 1988 гг. – по 54,0, Ширак в 1995-м – 52,6%. В 2002 г. полученные тем же Шираком 82,2% были следствием особых обстоятельств – выходом во второй тур лидера Национального фронта Ле Пена, против которого левые избиратели волей-неволей сомкнулись с умеренными правыми.

Коль скоро резервы с крайних флангов были мобилизованы кандидатами целиком, а центристы разделились пополам, то результат президентских выборов 2007 г. можно считать вполне закономерным: он объективно отражал сдвиг оси французской политической жизни вправо.

Тем не менее, победа Саркози на президентских выборах ещё не могла считаться окончательной. 10 и 17 июня 2007 г. предстояли очередные выборы в нижнюю палату парламента (Национальное собрание). В принципе их результаты были заранее предопределены: новый глава государства мог просить избирателей подтвердить их решение, дав ему прочное правительственное большинство депутатов для проведения в жизнь его программы, только что одобренной убедительным большинством в 2 млн голосов. Именно так с успехом поступали Миттеран после президентских выборов 1981 и 1988 гг., затем Ширак в 2002-м. Деморализованная поражением своей кандидатки соцпартия могла противопоставить этому лишь призывы не отдавать правым всю полноту власти, сохраняя противовес ей в виде достаточно весомой левой оппозиции.

Важным шагом в подготовке следующей предвыборной кампании стало формирование нового правительства. Как и ожидалось, на пост премьер-министра был назначен руководитель предвыборного штаба кампании Саркози Франсуа Фийон, неоднократно занимавший в прошлом ключевые министерские посты, в частности министра по социальным делам.

В то же время Саркози объявил о своей готовности к «открытию» будущего парламентского большинства в сторону центра и даже левого лагеря, представители которого приглашались занять

посты в новом правительстве, расширяя тем самым политическую базу нового президента и разделяя с ним ответственность за намеченные реформы. Этот ловкий манёвр увенчался некоторым успехом: социалисты Бернар Кушнер, основатель международных гуманитарных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», стал министром иностранных дел; Жан-Пьер Жуйе – госсекретарём по европейским делам; бывший национальный секретарь соцпартии по экономическим вопросам Эрик Бессон, перешедший на сторону Саркози уже в ходе президентской кампании, – госсекретарём по анализу перспектив политики государства.

Естественно, что кампания перед парламентскими выборами, содержание которой в основном повторяло только что прошедшую президентскую, вызывала в общественном мнении гораздо меньшие эмоции. Неудивительно, что участие в голосовании резко сократилось, упав на четверть. Число воздержавшихся побило абсолютный рекорд за всю почти полувековую историю Пятой республики – оно составило около 40% зарегистрированных избирателей.

Президентская партия СНД добилась, как это и прогнозировали опросы общественного мнения, абсолютного большинства депутатских мандатов в новом составе Национального собрания – 314 из 577. Однако это было заметно меньше того, на что рассчитывало её руководство, надеявшееся получить чуть ли не 440 мест. Зато соцпартии, напротив, удалось взять частичный реванш – ей досталось 185 депутатских мандатов, на 36 больше того, чем она располагала в предыдущем составе нижней палаты.

Остальные партии продолжили процесс неуклонной маргинализации. Хотя коммунисты несколько улучшили свои позиции по сравнению с президентскими выборами, получив более 4% голосов и 15 депутатских мест, этого оказалось недостаточно для формирования самостоятельной парламентской фракции (минимум 20). Левым радикалам, союзникам соцпартии, досталось 7 мест, «зелёным» – 4. На крайнем правом фланге усугубился кризис Национального фронта, потерявшего треть голосов и не получившего, как и в прежнем составе нижней палаты, ни одного мандата.

Тяжёлый удар был нанесён и по надеждам Байру на достаточно весомое парламентское представительство, которое могло бы

играть в будущем роль арбитра между правым и левым лагерями, в которой он пытался выступать между двумя турами президентских выборов. Созданная им новая партия Демократическое движение (МОДЕМ) провела всего-навсего 3 депутатов, тогда как праволиберальному крылу СФД, сотрудничавшему с СНД, досталось 22 мандата, что даёт возможность его представителям создать собственную фракцию – сателлита правящей «партии власти».

Общие итоги президентских и парламентских выборов во Франции в 2007 г. свидетельствуют, прежде всего, о высокой демократической культуре её граждан. Об этом говорят не только качество дебатов и исключительная активность избирателей, но и отсутствие, несмотря на накал страстей, сколько-нибудь значительных инцидентов или жалоб на нарушение избирательного законодательства.

Полностью подтвердилась давно зревшая тенденция к победе центристских сил над центробежными – биполяризации политического поля страны, сосредоточение голосов избирателей как в правом, так и в левом лагерях вокруг двух умеренных системообразующих партий, способных периодически сменять друг друга у власти и в оппозиции без революционных потрясений, столь свойственных Франции в прошлом. Этот аналог двухпартийной системы при падении влияния национал-экстремистов справа и социал-популистов слева является значительным шагом к модернизации партийно-политической системы страны, долго страдавшей от чрезмерной многопартийности. Поглотив значительную часть электората Национального фронта, Саркози преодолел раскол правого лагеря точно так же, как Миттеран сделал это четверть века назад в левом, перетянув к соцпартии основную массу коммунистических избирателей.

Нынешнее поражение ставит перед социалистами важную задачу – найти новую идейно-политическую платформу и лидера, способных ответить на вызовы времени не менее успешно, чем это сделали британские лейбористы с Тони Блэром, германские социал-демократы с Герхардом Шрёдером, испанские социалисты с Сапатеро или итальянские левоцентристы с Романо Проди. Пока до этого, видимо, ещё далеко.

Между тем тактика «открытия» правоцентристского большинства влево привлекает всё большее число видных представителей соцпартии – число бывших социалистов, соблазненных министерскими портфелями, достигло уже шести. Бывший министр образования и культуры Миттерана Жак Ланг вошёл в состав совета по конституционной реформе, бывший министр иностранных дел Юбер Ведрин – в комиссию по анализу последствий глобализации. Весьма ловким ходом президента стало выдвижение на пост главы Международного валютного фонда бывшего социалистического министра экономики и финансов Доминика Строс-Кана, считавшегося лидером умеренного, социал-демократического крыла в соцпартии, кандидатуру которого поддержали все члены Евросоюза (но не Россия, противопоставившая ему другого кандидата – бывшего председателя Центробанка Чехии Йозефа Тошовского).

Это «бегство с корабля» левой оппозиции легко понять. Представители миттерановской «старой гвардии», которым сейчас по 50-60 лет, не хотят оставаться в оппозиции СНД пять, если не все десять лет, когда они уже по возрасту должны будут при всех условиях навсегда уйти с политической сцены.

Между тем равноценная замена миттерановцам ещё не просматривается. Нынешний первый секретарь соцпартии Франсуа Олланд уже объявил, что на следующем съезде покинет свой пост. На это место претендует его гражданская супруга, теперь уже бывшая, – Сеголен Руаяль, которая пытается использовать в борьбе за лидерство полученный ею во втором туре президентских выборов почётный результат. Однако горечь поражения и отсутствие ясной альтернативной программы делают её притязания на роль кандидата соцпартии в ходе следующих президентских выборов 2012 г. сомнительными.

Со своей стороны нынешний глава государства спешит максимально использовать моральный эффект своей победы. Во Франции принято считать, что первые 100 дней пребывания у власти нового правительства являются для него «благословенным периодом» (*etat de grâces*), когда оно имеет наибольшие шансы провести в жизнь самые сложные пункты своей программы. Президенту Саркози и премьеру Фийону играл при этом на руку и период

летних отпусков, когда активность социальных партнёров резко снижается.

Вновь избранному парламенту, собравшемуся на внеочередную сессию до 3 августа, был представлен ряд ключевых законопроектов, фигурировавших в президентской предвыборной программе, – от максимальных сроков тюремного заключения для рецидивистов до «минимального обслуживания» пассажиров общественным транспортом во время забастовок (с оповещением о них за 2 недели и решением тайным голосованием персонала продолжить стачку через 8 дней после её начала).

Последний проект, принятый правительственным большинством, имеет принципиальное значение. Он наносит тяжёлый удар по возможностям профсоюзов парализовать стачкой на транспорте всю экономику страны, заставляя правительство отступать перед их требованиями, как это было, например, в ноябре-декабре 1995 г. Поэтому данную реформу не без оснований сравнивают с конфронтацией М. Тэтчер с профсоюзами шахтёров в начале 1980-х гг., закончившейся победой «железной леди», которая изменила весь социальный пейзаж страны.

Задача, вставшая перед Саркози, сложнее. Французы – не англичане, и их настроения могут меняться гораздо быстрее и радикальнее. К тому же прогнозы на рост экономики не слишком оптимистичны. Поэтому новый президент должен сочетать жёсткость Тэтчер с гибкостью Блэра во имя решения исторической задачи радикально модернизировать политическую систему, государственные институты Пятой республики и её социально-экономическую основу, избегая как возврата к консерватизму прошлого, так и чрезмерного радикализма, чреватого, как показала история страны, непредсказуемыми последствиями. Именно эту задачу придётся решать не только ему самому, но и всему новому поколению элиты, вступающему ныне на авансцену французской общественной жизни.

ГЛАВА 8. НИКОЛА САРКОЗИ О МИРЕ XXI в.*

Президентские и парламентские выборы 2007 г. во Франции явились важной вехой в процессе давно назревшей всесторонней модернизации страны. Она диктуется нерешенностью многих проблем государственных институтов, форм диалога власти с гражданским обществом, экономики, социальной сферы, особенно острых на фоне ещё незавершившегося полностью глобального финансового кризиса 2008–2009 гг. Мировые масштабы этого кризиса поставили ребром и многие аспекты внешней политики Франции, основы которой были заложены более полувека назад основателем Пятой республики генералом де Голлем.

За годы президентства Никола Саркози внёс как по форме, так и по содержанию существенные коррективы во внешнеполитическое наследие своих предшественников. В связи с приближением начала нового политического цикла перспективой президентских и парламентских выборов 2012 г. имело бы смысл подвести сугубо предварительные итоги его деятельности на международной арене.

Хотя в ходе кампании перед президентскими выборами 2007 г. центральное место занимали внутренние, прежде всего социально-экономические, проблемы, оба ведущих кандидата – Саркози и Руаяль – уделяли немалое внимание внешнеполитическим проблемам, предприняв ряд зарубежных поездок в поисках международной поддержки. У Саркози они прошли, бесспорно, успешнее, чем у его соперницы, обеспечив ему поддержку лидеров основных евроатлантических партнёров Франции – США, Германии, Великобритании.

Давая незадолго до выборов свою оценку ситуации в мире, будущий президент констатировал, что за последние два десятилетия контекст международных отношений радикально изменился: на смену биполярной структуре времён холодной войны пришёл короткий период однополярности (1991–2001 гг.), который

---

* Ю.И. Рубинский. Франция: год Саркози. Внешняя политика 2007–2010. М., Ин-т Европы, 2010 г. ДИЕ РАН № 218. 72 с.

ныне также завершился.

Подъём экономики Китая, Индии, Бразилии, как и возврат России на авансцену мировой политики создают, по его убеждению, объективные предпосылки для формирования нового концерта великих держав, где превосходящий военный потенциал одних уравнивается экономическим динамизмом других и культурным влиянием третьих. Ни одна страна не может, следовательно, навязать в одиночку свои решения глобальных проблем: «Мы вступили в эру относительного могущества», – подчёркивал он¹⁶. Отсюда вытекает необходимость многостороннего сотрудничества в рамках новых международных институтов.

Этот анализ был продолжен президентом вскоре после избрания в традиционном выступлении главы государства перед ежегодной конференцией послов Франции. Наиболее серьёзными вызовами современности Саркози назвал необходимость предотвращения конфронтации между исламом и Западом, плавную интеграцию развивающихся гигантов – Китая, Индии – в мировой порядок, наконец, решение глобальных проблем (изменение климата, пандемии, долговременное обеспечение источниками энергии).

На основе этого вполне реалистичного, хотя и не отличавшегося особой оригинальностью анализа президент сделал конкретные выводы для внешней политики Франции. Ещё в феврале 2007 г. он заявлял, что в случае избрания не собирается начинать свою деятельность на международной арене с чистого листа, поскольку считает итог предыдущего президентства Жака Ширака в этой области «образцовым». Однако, отмечал он, французская дипломатия нуждается в обновлённой доктрине, которая служила бы «становым хребтом» её многогранной деятельности¹⁷.

К долговременным целям своей дипломатии Саркози отнёс в первую очередь обеспечение безопасности и независимости Франции и французов, имеющих, по его убеждению, глобальные интересы и мировую ответственность. Вместе с тем их обеспечение неотделимо теперь от безопасности европейских партнёров, раз-

---

¹⁶ *Politique internationale*, № 120, été 2008. P. 11.

¹⁷ См.: Юрий Рубинский. Никола Саркози: прагматизм и преемственность. Россия в глобальной политике, том 5, № 4, июль-август 2007 г. С. 111-123.

деляющих с Парижем общие ценности и судьбу. Прежде всего, это касается ответа на новые угрозы – международный терроризм, распространение ядерного оружия и разрушение окружающей среды, где многостороннее сотрудничество является необходимым ключом к успеху.

Второй важнейшей целью была провозглашена защита всеобщих ценностей свободы, уважения прав человека и его достоинства. Франция, подчёркивал Саркози, изменит самой себе, если не будет воплощать идеалы свободы против угнетения и за разум против хаоса.

Наконец, третьим пунктом фигурировало продвижение торгово-экономических интересов страны в мире, чтобы укрепить её позиции в условиях глобализации.

Этот перечень задач нуждался, однако, в порядке приоритетов, который уточнял бы их очерёдность и взаимозависимость. Такой список был озвучен уже в ночь после выборов в выступлении на митинге перед толпой ликующих сторонников Никола Саркози. Среди них – придание нового импульса процессу европейской интеграции, восстановление дружественных отношений с США, создание союза стран Средиземноморья, активизация сотрудничества с Африкой.

Такой порядок не был случаен, он диктовался всеми событиями последних лет. Провал на референдуме во Франции 20 мая 2005 г. проекта «Договора, учреждающего Конституцию для Европы», который был составлен по французской инициативе, нанёс чувствительный удар по притязаниям Парижа на политическое лидерство в евростроительстве. Трансатлантическое партнёрство серьёзно пострадало в ходе войны в Ираке, когда Франция выступала с острой критикой односторонних действий Соединённых Штатов. Всё более жёсткое противостояние Запада с исламским, в частности арабским, миром и Ираном не только затрагивает, по словам президента, жизненные интересы Франции на Ближнем Востоке, но и грозит перерасти в предсказанное Сэмюэлем Хантингтоном «столкновение цивилизаций». Наконец, из Северной и Тропической Африки, прежде всего из прежних французских заморских владений, идёт поток нелегальной иммиграции, вызывающий серьёзные социально-политические последствия.

Взаимосвязь данных приоритетов была очевидна. Преодоление кризиса Европейского союза имело целью укрепить позиции Франции в диалоге, как с США, так и с арабо-мусульманским миром и Африкой, давая Парижу надежду вернуть утраченную за последние годы инициативу в Европе, смягчить конфликт между «европеистами» и «атлантистами», западноевропейскими пионерами интеграции и примкнувшими к ним в ходе расширения ЕС странами Центральной и Восточной Европы.

Учитывая разрыв между масштабом поставленных перед внешней политикой страны целей и сравнительной ограниченностью материальных средств для их достижения, Саркози прибёг к традиционным методам своих предшественников в Елисейском дворце, начиная с генерала де Голля. Среди них стремление выступать на международных конференциях в роли инициатора решения глобальных проблем (изменение климата, загрязнение окружающей среды, пути выхода из мирового финансово-экономического кризиса и предотвращения его рецидивов); проведение гуманитарных акций по освобождению невинно осуждённых или заложников (Ливия, Колумбия); предложение посреднических миссий в региональных и внутригосударственных конфликтах (Дарфур, Конго, Южный Кавказ), использование для защиты французских интересов многосторонних институтов (ООН, ВТО, ЕС, НАТО, ОБСЕ, МВФ, ОЭСР и т.д.), в том числе путём выдвижения французских граждан на руководящие посты в их структурах; наконец, активное применение так называемой «мягкой силы» – невоенных способов улучшения облика Франции в глазах международного сообщества (культурное влияние, франкофония, обучение иностранных студентов во французских учебных заведениях, туризм и т.д.).

Особенно активно роль Франции как пионера масштабных инициатив по решению назревших международных проблем подчёркивалась Саркози в периоды его председательства сначала в Евросоюзе (2008 г.), а затем в «восьмёрке» и «двадцатке».

В последнем случае выдвинутая им программа перестройки мировой валютной системы включала принятие «кодекса поведения» при трансграничном переливе капиталов, введение налога на финансовые операции, стабилизацию цен на сырьё и продоволь-

ствии, координацию социальной политики и расширение функций МВФ. Не ставя под вопрос доллар США как основную резервную валюту, французский президент выступал за дополнение её другими денежными единицами, прежде всего евро, а возможно и китайским юанем. Этот комплекс мер имел целью выправить структурные перекосы в мировой экономике, способствовавшие развязыванию глобального кризиса 2008–2009 гг.

Президент избрал двойственный подход к внешнеполитическим делам. Сосредоточив решение всех сколько-нибудь существенных вопросов международного плана в собственных руках, широко практикуя личные контакты с руководителями иностранных государств в ходе частых поездок за рубеж, их визитов в Париж, участия в международных конференциях, он старался в то же время разделить ответственность за неудачи. Поэтому на ключевые посты, имеющие отношение к внешней политике, вначале выдвигались перебежчики из оппозиционной соцпартии.

Министром иностранных дел был назначен Бернар Кушнер, в прошлом одна из наиболее медиатизированных и в то же время нестандартных фигур левого лагеря. Гастроэнтеролог по специальности, основатель неправительственных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», он обладал несомненной харизмой. При президенте Франсуа Миттеране Кушнер занимал правительственные посты, связанные с гуманитарной деятельностью. Однако его пребывание на посту Верхового комиссара ООН в Косово не принесло сколько-нибудь ощутимых результатов в деле примирения албанцев-косоваров с сербами. В число основных направлений деятельности нового главы МИД вошли, прежде всего, преодоление гуманитарных катастроф и массовых нарушений прав человека.

Репутация Кушнера как мастера правозащитной риторики давала возможность президенту сосредоточиться на «реальной политике» в контактах со странами, чьи режимы далеко не всегда соответствовали западным ценностям и критериям демократии. «Внешняя политика, какая бы она ни была, не ограничивается правами человека. Я как министр иностранных и европейских дел претендую на то, чтобы защищать ценности и интересы Франции, не игнорируя малейших замечаний со стороны неправительст-

венных организаций. Я всегда к ним прислушиваюсь. К тому же я хочу сделать из всех посольств Франции витрины нашей страны, место приёма представителей любых организаций по защите прав человека», – уверял Кушнер¹⁸.

Однако пребывание перебежчиков из соцпартии на ключевых постах в правительстве, имеющих отношение к внешней политике в правительстве, должно было рано или поздно стать аномалией. Правозащитная риторика Кушнера всё дальше расходилась с реальной политикой президента, особенно в отношениях с государствами, режимы которых были далеки от стандартов западной демократии.

Это почувствовали на себе сначала бывшие социалисты – госсекретари при МИД по европейским делам Жан-Пьер Жуйе и по сотрудничеству (с развивающимися странами) Жан-Мари Бокель, довольно скоро уступившие свои посты представителям СНД – Пьеру Лелушу и Алену Жуандо. За ними последовала Рама Яде, молодая темпераментная афро-француженка, отвечавшая за права человека.

Наконец, осенью 2010 г. пришёл час смены самого министра. После осуждения Франции рядом международных организаций в связи с высылкой румынских и болгарских цыган Кушнер направил президенту письмо о возможности своей отставки, а 14 ноября того же года его сменила Мишель Альо-Мари, бывший министр обороны, внутренних дел и юстиции, близкая в прошлом к окружению Ширака.

Первая женщина на этом ключевом посту в истории французской дипломатии, Альо-Мари резко отличается от своего предшественника во всех отношениях – политическими взглядами, жизненным опытом, темпераментом. Будучи одним из наиболее сильных, авторитарных профессиональных политиков, она всю свою карьеру принадлежала к неоголлистскому крылу правого лагеря. На предыдущих министерских постах, связанных с силовыми ведомствами, она показала себя волевым, решительным руководителем, склонным принимать жёсткие, а если необходимо непопу-

---

¹⁸ Bernard Kouchner. La France est de retour. «Politique internationale», № 121, automne 2008. P. 13.

лярные решения.

Сразу же сменив ключевые фигуры в кабинете (секретариате) МИД, который возглавил бывший посол Франции в Пекине, новый министр совершила по традиции свою первую зарубежную поездку в Берлин – столицу партнёра Франции по франко-германскому тандему – для обсуждения острых проблем, связанных с кризисом зоны евро, а тем самым и Евросоюза в целом, а также на Ближний Восток. Сходство этого дебюта с началом деятельности самого президента после его прихода в Елисейский дворец было очевидно.

Однако опыт, накопленный Альо-Мари в силовых ведомствах, на дипломатическом поприще оказался не совсем подходящим. С началом массовых уличных волнений в Тунисе в середине января 2011 г. она поспешила предложить тунисским властям поделиться опытом правоохранительных органов Франции в обеспечении общественного порядка. Когда же волнения в этой бывшей колонии Франции переросли в политический кризис, заставивший президента Бен Али с семьёй бежать за рубеж, несвоевременная реакция Альо-Мари выставила французское руководство и её лично в неблагоприятной роли защитников режима свергнутого диктатора. Особенно резко реагировали некоторые страны бывшего Третьего мира, где тунисские события получили большой резонанс, девальвируя образ Франции как защитницы демократии и прав человека, который долго культивировал Кушнер.

Нападки на нового главу французской дипломатии ещё более усилились, когда в СМИ появились сведения о том, что она со своим гражданским мужем – министром по связям с парламентом Олье провела новогодний отпуск в Тунисе уже после начала там массовых волнений, добираясь туда на частном самолёте близкого к семье диктатора Бен Али местного миллиардера. Левая оппозиция (социалисты) потребовала отставки Альо-Мари. Однако министр решительно отвергла все обвинения, получив при этом твёрдую поддержку премьера Фийона и самого президента.

Позиция последнего была вполне логична не только во внутривнутриполитическом плане. Не только планирование, но и практическая подготовка всех мероприятий международного плана с самого начала перешли с левого берега Сены из здания МИД на Кэ

д'Орсэ на правый, в Елисейский дворец, где дипсоветником главы государства стал кадровый дипломат Жан-Давид Левит, уже занимавший тот же пост при Жискаре д'Эстене, Шираке, а затем являвшегося послом в Вашингтоне¹⁹.

Европейская модель Саркози

Главным внешнеполитическим приоритетом главы государства стало придание нового импульса евростроительству. Провал 20 мая 2005 г. проекта Конституции Евросоюза на референдуме во Франции и Нидерландах (хотя он был инициирован Парижем, его текст выработан при активном участии бывшего французского президента В. Жискара д'Эстена, а ратификация поддержана почти всеми лидерами, как правоцентристского большинства, так и левой оппозиции) нанёс тяжёлый удар по французским притязаниям на политическое лидерство в Евросоюзе. Поэтому самой неотложной заботой Саркози сразу же после его избрания стали поиски замены прежнего текста Конституции новым, более компактным, но сохраняющим основные положения предыдущего.

Объясняя причины неудачи конституционного проекта, президент подчёркивал, что она была во многом следствием недостаточно продуманного и подготовленного расширения числа государств-участников, почти удвоившегося одним махом в 2004 г. Учитывая негативные последствия этого шага, он предлагал партнёрам более чётко определить границы ЕС, не скрывая, в частности, свою решительную оппозицию принятию на правах полноправного члена Турции (которое активно лоббировали извне США, а изнутри их «троянский конь» – Великобритания).

Хотя переговоры Брюсселя с Анкарой начались уже давно, Саркози дал понять, что в случае их положительного завершения намерен вынести ратификацию на референдум, где негативный ответ подавляющего большинства французских избирателей, судя по всем опросам, неизбежен. Подобная позиция оправдывалась ссылками на контрасты уровней экономического развития, раз-

---

¹⁹ Создание во Франции Совета национальной безопасности по образцу США или России, обсуждавшееся в 2007 г., затянулось и, судя по всему, не получило продолжения.

личие политических режимов, а главное – ценностных установок, в том числе конфессиональных (ислам).

Однако мотивы подхода Саркози к дальнейшему расширению ЕС и перспективам евростроительства в целом были более глубокими. Они вытекали из его представления о ЕС как одном из ведущих центров силы формирующегося многополярного мира, причём не только экономического, но и политического, а отчасти даже военного («Европа – держава»). Основанием для подобных притязаний он считал тот факт, что за последние пять столетий европейцы, постоянно конфликтовавшие между собой, научились благодаря этому горькому опыту лучше других сотрудничать друг с другом, свидетельством чего стало создание такого уникального явления, как Евросоюз. А поскольку понятие силы в глобализованном мире оказывается относительным, то XXI в. имеет, по его мнению, шансы стать не американским или китайским, а снова европейским.

Между тем опыт показал, что с расширением числа членов ЕС не только углубление интеграции, но и его эффективность как автономного игрока на международной арене уменьшается из-за трудностей поиска консенсусных позиций государств-участников. Само собой разумеется, что роль лидера объединённой Европы по умолчанию отводилась Франции, для которой евростроительство призвано служить мультипликатором её демографического, экономического и военно-политического потенциала.

«Еврооптимизм» Саркози, контрастировавший с «евроскептицизмом» ряда других государств-участников ЕС (Великобритания, Венгрия, Польша), должен был создать благоприятный фон для деятельности французского президента по замене проекта Конституции компактным договором, который учитывал бы уроки провала предыдущего варианта. Текст должен был ограничиться перестройкой институтов Евросоюза, тогда как вопросы содержания его деятельности и формулировка новых задач откладывались на будущее, причём такой документ принимался бы, как правило, не громоздким и рискованным путём референдумов, а голосованием национальных парламентов.

Новый текст, по мысли французского президента, должен был предусматривать следующие положения:

- расширение практики принятия решений, особенно правовых, высшими органами ЕС не консенсусом, а квалифицированным большинством, а по наиболее важным вопросам – «суперквалифицированным» (70-80%);

- использование при этом принципа «двойного большинства» стран и их населения (65%), чтобы не допустить блокирования инициатив ведущих участников или объединения малых и средних государств против крупных;

- более строгое разделение законодательных прерогатив между исполнительными (Евросовет, Совет министров, Еврокомиссия) и представительными (Европарламент) органами ЕС, в частности, путём избрания председателя Еврокомиссии депутатами Европарламента;

- ограничение числа членов Еврокомиссии, назначаемых не правительствами, а её председателем с последующим утверждением Евросоветом, Европарламентом и ротацией по политическому и национальному признакам;

- назначение председателя Евросовета не из числа руководителей национальных государств на 2,5 года с возможностью продления его мандата и учреждение поста ответственного за внешние сношения Евросоюза, который объединил бы обязанности прежнего Верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности (Хавьера Соланы), комиссара по внешним связям и Европейской политике партнёрства (Бениты Ферреро-Вальднер) и очередного председателя Совета министров на уровне МИД, причём он должен быть одновременно заместителем председателя Еврокомиссии.

С тем, чтобы отвести обвинения в «дефиците демократии», предусматривалось право миллиона граждан нескольких стран-участниц потребовать от Еврокомиссии внести на рассмотрение Совета министром предложения по тем или иным аспектам деятельности Евросоюза.

Саркози занял чёткую позицию по двум кардинальным вопросам, без решения которых выход ЕС из тупика заведомо исключался.

Это, во-первых, компромисс между принципами наднациональной федерации и межгосударственной конфедерации. Кон-

статируя тот факт, что Европейский союз опирается на суверенные государства, французский президент считал необходимым последовательно применять метод subsidiarity – решения на европейском уровне лишь тех вопросов, которые выходят за национальные рамки (например, согласование центробанками стран-участниц через общий Центральный Банк ЕС уровня учётной ставки, чтобы не допустить «кредитного демпинга»).

Только решив эту проблему, считал Саркози, Евросоюз сможет говорить одним голосом и позиционировать себя как весомый политический игрок в многополярном мире XXI в., не превращаясь в рыхлую, аморфную зону свободной торговли. Он требовал к тому же ужесточить защиту единого внутреннего рынка ЕС с помощью высоких таможенных тарифов от демпинга стран с низкой зарплатой, отсутствием дорогостоящего соцобеспечения и жёстких норм по охране окружающей среды.

Во-вторых, Саркози настаивал на необходимости чётко определить пределы дальнейшего расширения ЕС. Страны-соседи делились им на две категории: тех, кто имеет бесспорные географические, экономические, ценностные основания вступить в него, когда захотят (Швейцария, Норвегия, Исландия) или смогут (Хорватия, Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Албания), и средиземноморских либо евроазиатских государств, которым следует предложить привилегированное партнёрство без членства.

По сравнению с традиционным голлистским подходом французской дипломатии к евростроительству, однозначно предпочитавшим межгосударственную конфедерацию наднациональной федерации, программа Саркози характеризовалась определёнными уступками последней, что отражало не только взгляды самого президента, но и повышение удельного веса проевропейской и атлантической составляющей либерал-центристов из бывшей СФД в правящей «партии власти» – «Союзе за народное движение» (СНД) и президентском большинстве в целом.

Вместе с тем говорить о полном возврате к федералистским установкам европейской политики Франции времён Четвёртой республики было бы неверно. Выступая за расширение практики принятия решений органами ЕС большинством голосов и увели-

чение полномочий наднационального Европарламента, Саркози лишь продолжал давно наметившуюся линию Парижа, направленную на создание внутри ЕС «твёрдого ядра» его первоначальных участников, которые могли бы продвигать интеграционный процесс дальше, не опасаясь торможения его периферийными государствами, не готовыми к этому (интеграция «с переменной геометрией» или «на нескольких скоростях»).

Внутри такого континентального «твёрдого ядра» политическое влияние Франции было бы выше, чем среди 27 нынешних участников, среди которых многие, прежде всего Великобритания и «новобранцы» – страны Центральной и Восточной Европы, ориентируются больше на Вашингтон, чем на Брюссель, не говоря уже о Париже. Компромиссный подход Саркози к данной проблеме позволил преодолеть оговорки Лондона, отказавшегося подписать Социальную хартию; упрямую оппозицию президента Чехии В. Клауса, известного своим «европессимизмом»; сопротивление Польши, недовольной распределением голосов в европейских институтах; наконец, провал ратификации договора на референдуме в Ирландии, которой пришлось проводить снова – уже с позитивным результатом.

Текст нового договора, подписанного 1 декабря 2009 г. в Лиссабоне, в целом соответствовал изначальной программе Саркози, который принял активное участие в его составлении, редактировании и ратификации. Именно он с помощью канцлера ФРГ Ангелы Меркель и тогдашнего британского премьер-министра Гордона Брауна находил развязки спорных вопросов. Саркози сыграл, в частности, немалую роль в поисках компромиссных кандидатур на посты президента Евросовета (бывший бельгийский премьер Херман Ван Ромпей) и Высокого представителя по внешней политике (британская баронесса Кэтрин Эштон), учреждённые Лиссабонским договором.

«Звёздным часом» европейской политики Саркози призвано было стать председательство Франции в Евросоюзе с 1 июля по 31 декабря 2008 г. Его повестка дня включала:

- завершение процесса ратификации Лиссабонского договора;
- борьбу с потеплением климата путём сокращения выбросов в атмосферу углекислого газа с парниковым эффектом;

– обеспечение энергетической безопасности Европы за счёт диверсификации источников снабжения энергоресурсами и путей их доставки, экономии энергии, развития её возобновляемых альтернативных источников;

– повышение конкурентоспособности европейской экономики на мировых рынках (сотрудничество в сфере высшего образования, научных исследований, развитие инновационных высоких технологий);

– сохранение общей сельскохозяйственной политики ЕС ценой её глубокого реформирования;

– согласование и углубление социальной политики (решение проблем занятости, финансирования систем соцобеспечения, придание большей гибкости трудовому законодательству и т.д.);

– выработка единой иммиграционной политики (согласованные правила допуска, борьба с нелегалами, ужесточение контроля на внешней границе ЕС, сотрудничество со странами-донорами);

– демократизация процесса принятия решений путём вовлечения в него рядовых граждан (защита прав человека, борьба с трансграничной преступностью, совместное преодоление стихийных бедствий, развитие здравоохранения, гарантия продовольственной безопасности);

– придание нового импульса общей политике безопасности и обороны (создание средств переброски вооружённых сил на дальние расстояния, космической спутниковой разведки, расширение совместного производства вооружений, борьба против терроризма, распространения ядерного оружия)²⁰.

Хотя на ряде участков этой крупномасштабной «дорожной карты» были достигнуты вполне реальные результаты, общий итог французского председательства не оправдал надежд, возлагавшихся на неё Саркози. Главной причиной этого явился самый тяжёлый со времён Великой депрессии начала 30-х гг. XX в. глобальный финансово-экономический кризис, получивший название Великой рецессии. Необходимость принятия весьма дорого-

---

²⁰ *Presidence française du Conseil de l'Union européenne. Bilan et perspectives. 1 juillet – 31 décembre 2008. Une Europe qui agit pour répondre aux défis d'aujourd'hui.* Paris. SGAF, 2008.

стоящих антикризисных мер не только резко сузила материальные возможности для решения поставленных французским президентом амбициозных задач, но и ограничила политическую эффективность европейской политики Парижа в целом, в том числе её несущей конструкции – тандема Париж – Берлин.

Несмотря на то что правительство канцлера Ангелы Меркель не ставило под вопрос привилегированный характер франко-германского сотрудничества, условия его изменились. За два десятилетия, прошедшие после объединения Германии, её правящим кругам – как левым (социал-демократам), так и правым (ХДС/ХСС), объединившим свои усилия, удалось ценой немалых затрат интегрировать восточные земли бывшей ГДР и существенно модернизировать ценой непопулярных, но неизбежных реформ социальную рыночную экономику страны в целом. Сохранив в нелёгких условиях глобализации свой мощный промышленный потенциал, заняв первое место в мире по экспорту (только в 2011 г. её собирается опередить КНР), ФРГ окончательно утвердилась в роли экономического ядра и локомотива расширенного Евросоюза.

Успехи Франции в этом отношении оказались скромнее. Она уступает соседке за Рейном как минимум на 20% не только по численности населения и объёму ВВП, но и по конкурентоспособности продукции. Если торговый баланс Германии даже в разгар кризиса оставался активным, то Франция сводит его с внушительным дефицитом. Одной из причин этого является отставание по части модернизации промышленности и социальной сферы. Стремление Саркози наверстать его в сжатые сроки наталкивается не столько на материальные, сколько на социально-политические ограничители, усугублённые кризисом.

В январе 2011 г. в Страсбурге состоялась специальная конференция, в ходе которой участники во главе с министром промышленности Э. Бессоном пытались выяснить причины нового германского «экономического чуда» и оптимальные способы наверстать отставание Франции от соседки за Рейном.

Между тем экономический дисбаланс между партнёрами по франко-германскому тандему не компенсируется более политическими преимуществами Франции – постоянным местом в СБ ООН, принадлежностью к официальному ядерному клубу, не говоря

уже о роли одной из четырёх великих держав-победительниц во Второй мировой войне, ответственных за решение германского вопроса, которая с воссоединением Германии вообще ушла в прошлое. ФРГ входит во все важнейшие мировые и региональные организации – ООН, МВФ, ВТО, НАТО, ОЭСР и т.д. Даже в таком, казалось бы, далёком от Европы, но важном вопросе, как переговоры по ядерному досье Ирана, она является полноправной участницей наряду с США, Россией, КНР, Великобританией и Францией.

В таких условиях французское лидерство в тандеме Париж – Берлин, а следовательно, и Евросоюзе в целом оказывается под вопросом. Одним из признаков этого была судьба проекта создания Средиземноморского союза, выдвинутого Саркози ещё во время предвыборной кампании и запущенного сразу после его избрания.

Сама по себе идея тесного взаимодействия европейских, африканских и азиатских государств средиземноморского региона не нова. Она настойчиво продвигалась французской дипломатией ещё с середины 1990-х гг., вылившись в так называемый «Барселонский процесс» – консультативную структуру стран Западного Средиземноморья (Франция, её бывшие владения в Северной Африке – Алжир, Тунис, Марокко, а также Ливия, Италия, Испания, Мальта). На периодических встречах их представителей на министерском уровне обсуждались вопросы экономического и культурного сотрудничества, торговли, иммиграционной политики. Однако из-за давних конфликтов между участниками, особенно Францией и Алжиром, Алжиром и Марокко, а главное расхождений между европейцами и арабами по ближневосточным делам, реальная эффективность «Барселонского процесса» оставалась весьма ограниченной.

Попытка Саркози расширить его рамки, подключив государства Восточного Средиземноморья – Машрика, и сделав более весомым содержание, диктовалась интересами Франции не только в Африке и на Ближнем Востоке, но и в Европе. Речь шла, прежде всего, о поисках гибкой формы особых отношений ЕС с Турцией без её принятия в полноправные члены, а вместе с этим и о перебалансировке сил внутри самого Евросоюза. После принятия

в 2004 г. бывших соцстран Центральной и Восточной Европы центр тяжести ЕС сместился на восток, в традиционную сферу экономического, а отчасти и политического влияния Германии (Mittteleuropa)²¹. Поскольку главный вектор французских интересов в отношениях ЕС с соседними регионами направлен не на восток, а на юг, Средиземноморский союз был призван нейтрализовать этот дисбаланс.

Однако проект Саркози натолкнулся на решительное сопротивление Меркель, которая вежливо, но твёрдо дала понять, что не допустит формирования внутри ЕС субрегиональной структуры без Германии. Либо в Средиземноморском союзе примут участие на равных основаниях все члены ЕС, либо его не будет вообще – к этому сводилась позиция Берлина. В конечном счёте, она взяла верх: созданный после долгого торга «Союз для Средиземноморья» включает 27 государств ЕС, что делает его лишь довеском к уже существующим формам участия ЕС в решении проблем региона («квартет» с США, ООН и Россией по урегулированию израильско-палестинского конфликта, «евро-арабский диалог», Средиземноморский форум и т.д.).

Ещё более заметными оказались расхождения в тандеме по программе антикризисных мер. С развёртыванием пришедшего из США глобального финансово-экономического кризиса Саркози существенно пересмотрел свою первоначальную неолиберальную платформу, отчасти вернувшись к привычным для французов дирижистским подходам, причём теперь уже не столько на национальном, сколько на европейском уровне.

Различие подходов Парижа и Берлина к антикризисным программам было не столько в их содержании, сколько в выборе приоритетов.

Для Саркози первоочередной задачей являлось преодоление рецессии, возврат к экономическому росту и снижение безработицы – главной социальной проблемы страны за счёт крупных бюджетных субсидий банковской системе и реальному сектору (авто-

---

²¹ В прошлом Франция неоднократно пыталась, особенно между двумя мировыми войнами, ослабить это влияние в рамках Версальской системы, но безуспешно.

мобилестроение, авиакосмическая промышленность и т.д.). Причём эти субсидии не предполагали увеличения налогов, ибо это шло вразрез с его предвыборными обязательствами. Неизбежное в таком случае разбухание бюджетного дефицита и госдолга предполагалось смягчить путём создания общего фонда ЕС – некоего подобия «европейского МВФ», который финансировал бы финансово-экономическую, в том числе промышленную политику стран Евросоюза, согласованную через его институциональные структуры.

Подобный подход не устраивал немцев не столько ввиду их приверженности принципам экономического либерализма, сколько по сугубо материальным соображениям. Располагая крупнейшим в Европе ВВП, ФРГ является главным донором в фонды ЕС, прежде всего, общей сельскохозяйственной и региональной политики. Поэтому Меркель дала понять, что Германия не намерена без ограничений оказывать помощь странам, которые проводят безответственную бюджетную политику, в то время как она сама идёт на жёсткие непопулярные меры экономии во имя предотвращения опасности инфляции, в том числе за счёт системы социальной защиты. Для Берлина необходимость борьбы с кризисом не должна оправдывать иждивенчество слабых звеньев еврозоны – он предпочитает, чтобы кредиты им предоставлял не столько ЕС, сколько МВФ.

В более широком плане для Франции приоритетом антикризисной политики ЕС является преодоление рецессии и стимулирование темпов роста с помощью государства, тогда как для ФРГ – предотвращение инфляции, сокращение бюджетных дефицитов и госдолга стран-участниц. Это различие подходов имеет исторические корни: Германия до сих пор болезненно травмирована воспоминаниями о катастрофической инфляции после Первой мировой войны. Франция же испытывает ностальгию по временам форсированного экономического развития 50-60-х гг. XX в., финансировавшихся во многом именно за счёт инфляции.

Наибольшей остроты полемика между ними достигла летом 2010 г., когда Греция оказалась на грани дефолта. Финансовые трудности Португалии, Испании, Италии, Ирландии поставили под вопрос судьбу единой европейской валюты, если не процесса интеграции в целом. В ФРГ заговорили даже о возможности

возрождения немецкой марки – символа послевоенного германского «экономического чуда».

Французский министр экономики и финансов Кристин Лагард упрекнула в этой связи канцлера ФРГ в «эгоизме». Этот упрек не произвёл на Меркель особого впечатления – условия помощи Греции со стороны ЕС остались достаточно жёсткими. «Канцлер, родившаяся после войны, да ещё на востоке, под советским господством, не испытывает в отношении Европы тех чувств вины и долга, какие были свойственны Гельмуту Коллю», – отмечала парижская газета «Монд»²².

Пределы эффективности тандема Париж-Берлин продемонстрировал эпизод с депортацией из Франции тысяч румынских и болгарских цыган. Эта мера, продиктованная в основном внутриполитическими соображениями Саркози, вызвала резкое осуждение Европарламента и острую стычку на саммите 2010 г. Перед лицом обвинений со стороны еврокомиссара по делам правосудия Лилиан Рединг, сравнившей действия Парижа с нацистским геноцидом, Франция оказалась по существу в изоляции – её защищал только итальянский премьер Берлускони, моральная репутация и политическое будущее которого оставляли желать лучшего. Когда же Саркози попытался искать помощи у канцлера ФРГ, утверждая, что она собирается идти в отношении балканских цыган по тому же пути, его слова были дезавуированы представителем Меркель, что поставило французского президента в неловкое положение.

Трудности в отношениях между привилегированными партнёрами по обоим берегам Рейна уже не раз побуждали в прошлом предшественников Саркози в Елисейском дворце искать противовес Берлину в Лондоне. Именно эту цель преследовали Помпиду, снявший в конце 1960-х гг. деголлевское вето на вступление Великобритании в ЕЭС – будущий Евросоюз, и Ширак, который открыл на встрече с Блэром в Сен-Мало (1998 г.) франко-британский диалог по вопросам общей европейской политики безопасности и обороны.

Саркози последовал их примеру – тем более что его решение

---

²² Le Monde, 19 mars 2010.

о возврате Франции в интегрированные структуры командования НАТО (что не удалось Шираку в 1995 г.) и общая разрядка в её трансатлантических отношениях с США создавали этого благоприятные предпосылки. После резкой стычки Парижа и Лондона в связи с англо-американским вторжением в Ирак в 2003 г. смена руководителей в обеих странах способствовала возобновлению франко-британского диалога. Позиции двух ядерных держав, постоянных членов СБ ООН, в прошлом метрополий крупнейших колониальных империй, объективно сближались по довольно широкому кругу вопросов – оборонному измерению ЕС, разоруженческой проблематике, подходу к проблемам Африки и Ближнего Востока. Это подтвердили весьма медиатизированные визиты Саркози в Лондон. Подчёркнуто благожелательный приём, оказанный британской королевой новой супруге Саркози Карле Бруни, оживил тени былого «Сердечного согласия» 1904 г., союзов в периоды двух мировых и холодной войн.

Такое впечатление ещё более усилилось после встречи Саркози в Лондоне с новым консервативным премьер-министром Великобритании Дэвидом Кэмероном 2 ноября 2010 г. Стороны подписали соглашение о военном сотрудничестве двух стран, включающем создание центра ядерных исследований и формирование экспедиционных сил в составе двух британских и французских бригад (10 тыс. человек) для совместных действий в отдалённых «горячих точках». Для этого предусматривается, в частности, взаимная дозаправка самолётов на авианосцах друг друга и их воздушное прикрытие.

Ланкастерское соглашение, которое СМИ поспешили назвать «новой Антантой», было тесно связано не только и даже не столько с военно-политическими соображениями, сколько с острыми финансовыми трудностями партнёров, особенно Великобритании, существенно сократившей в целях экономии свой оборонный бюджет.

Тем не менее, по другим, прежде всего социально-экономическим, проблемам дело обстояло сложнее. В то время как Саркози в ходе институциональной перестройки ЕС постепенно отходил от деголлевской непримиримости в защите суверенитета национальных государств в сторону уступок наднациональному федерализ-

му, за Ла-Маншем по-прежнему царил в этом плане традиционный для англичан «евроскептицизм». Недаром Великобритания предпочла в ходе выработки текста Лиссабонского договора остаться в стороне от Социальной хартии и не спешила примкнуть к Шенгенскому безвизовому пространству, а главное – еврозоне, на руководство которой безуспешно претендовал Саркози.

Поэтому, вопреки периодическим трениям между Парижем и Берлином, франко-германский тандем остаётся несущей конструкцией европейской политики Саркози, который по-прежнему считает его главной движущей силой процесса евростроительства в проблемах углубления интеграции внутри ЕС, его отношениях с внешним миром, наконец, решении глобальных проблем, например, борьбы с потеплением климата (Копенгагенская конференция 2010 г.).

В конечном итоге французская и германская позиции были приведены к общему знаменателю: в рамках ЕС создан солидный страховой фонд порядка 750 млрд евро. Именно он совместно с МВФ спас Грецию от банкротства, но лишь ценой принятия ультимативно продиктованных Афинам жёстких мер по ограничению бюджетного дефицита за счёт социальных расходов. Более того, в ходе очередных встреч Саркози с Меркель обсуждались вопросы гармонизации налоговой, а в перспективе даже общей бюджетной политики участников тандема.

Трансатлантический диалог

Наряду с реанимацией евростроительства, Саркози провозгласил одной из важнейших задач внешней политики Франции улучшение франко-американских отношений, как на двусторонней основе, так и в рамках НАТО. Уже в 2006 г. в ходе своей предвыборной кампании он выразил при посещении Вашингтона сожаление по поводу чрезмерно резкой формы, в которой французская дипломатия – а ею руководил тогда его соперник де Вильпен – осудила американское вторжение в Ирак.

В первой же программной речи после избрания новый президент заверил США, что «Франция всегда будет рядом с ними, когда они будут нуждаться в ней». Неудивительно, что первый телефонный звонок с поздравлениями новому хозяину Елисейско-

го дворца последовал из Белого дома. Ответный жест Саркози не заставил себя ждать: свой отпуск новый президент провёл в США, где был приглашён в семейное поместье его тогдашнего американского коллеги Джорджа Буша-младшего в Кеннебанкпорте. Первая их деловая беседа произошла ещё раньше на встрече «восьмёрки» в Хайлигендамме (ФРГ).

Демонстративные жесты Саркози в адрес Вашингтона вызвали критику со стороны как левого лагеря, так и ортодоксальных голлистов в правом. В пропагандистской брошюре соцпартии во время предвыборной кампании его назвали «американским неоконсерваторм с французским паспортом»²³.

Подобные полемические крайности были явно чрезмерными. Саркози действительно никогда не скрывал симпатии к определённым чертам американской культуры, особенно в бизнесе – динамизму, предпринимательской инициативе, готовности к риску, которых зачастую не хватает французским предпринимателям. Однако он всегда подчёркивал при этом невозможность, да и нежелательность полного разрыва с французской моделью, её социальными аспектами и ролью государства, стремясь лишь модернизировать эту модель в соответствии с вызовами времени.

Разумеется, при обосновании необходимости пересмотра отношений между Парижем и Вашингтоном широко использовались обычные для таких случаев ссылки на их историю – роль Франции в войне Соединённых Штатов за независимость, а последних – в двух мировых войнах, освобождении французской территории от нацистских оккупантов, помощи восстановлению Европы по плану Маршалла, обеспечении её безопасности от «угрозы с Востока» в холодной войне. Не было недостатка и в напоминаниях об общности цивилизационных ценностей Запада – демократии, рыночной экономики, прав человека, провозглашённых почти одновременно американской Декларацией независимости и французской Декларацией прав человека и гражданина.

Однако главные мотивы Саркози в его поисках более тесного

---

²³ Редактором этой брошюры был социалист Эрик Бессон, руководитель кампании С. Руаяль, переметнувшийся затем на сторону Саркози и вошедший в правоцентристское правительство Фийона.

взаимодействия с США имели не столько идейный или эмоциональный, сколько, прежде всего, сугубо прагматический характер, определяясь его анализом принципиально новой ситуации в мире. Суть этого анализа была изложена прежним покровителем Саркози в начале его политической карьеры Эдуардом Балладюром в брошюре «За Западный союз между Европой и Соединёнными Штатами», вышедшей в свет несколькими месяцами спустя после президентских и парламентских выборов 2007 г.

Бывший премьер-министр бил тревогу в связи с тем, что беспрецедентный прорыв ряда развивающихся стран, далеко опережающих по темпам роста экономики и демографическому потенциалу Европу и США, сопровождается их стремлением к рвану за века отсталости и унижений колониализма. Оно ещё более усиливает, по словам автора, отторжение ими фундаментальных ценностей Запада. К середине XXI в. баланс сил между Севером и Югом, считает он, изменится в пользу последнего, результатом чего могут стать всё более острые и затяжные конфликты, в том числе вооружённые, во всех уголках планеты²⁴.

Ответить на этот вызов в одиночку, утверждал Балладюр, не могут более ни американцы, ни европейцы. Между тем, если «всплывающие» страны бывшего «Третьего мира» сближают свои позиции по важнейшим международным проблемам – экономики, финансов, торговли, сохранения окружающей среды, то Запад истощает свои силы в бесплодном соперничестве между двумя его основными полюсами – Европой и США. Они-де акцентируют свои вполне реальные, но в сущности второстепенные различия социально-экономических моделей или интересов, будь то торгово-финансовых или политических, вместо того, чтобы подчёркивать их фундаментальную общность. Отсюда следовал вывод о необходимости объединения Запада в рамках всеобъемлющей структуры безопасности, охватывающей не только сферу обороны, основой чего служит НАТО, но также все другие аспекты – экономику, культуру, которая имела бы глобальное измерение.

---

²⁴ Edouard Balladur. Pour une Union occidentale entre l'Europe et les Etats = Unis. Paris, Fayard, 2007. P. 45. Robert Kagan. The return of History and the end of dreams. Atlantic Books, London, 2008.

По другую сторону Атлантики аналогичные идеи давно отстаивались представителями правого крыла республиканской партии, в частности одним из её внешнеполитических идеологов Робертом Кейганом, призывавшим к созданию «Союза демократий» во главе с США в мировом масштабе, направленного против авторитарных режимов (России, Китая, Ирана и т.д.). В ходе президентской кампании в США перед выборами 2008 г. её выдвигал республиканский кандидат Маккейн во время его визита в Париж (интервью «Монд»).

Саркози в целом принимал эту логику, но с большими оговорками. Он отдавал себе отчёт в том, что глобализация НАТО означала бы резкое обострение конфронтации Запада со странами бывшего «Третьего мира», обесценивая роль Франции как одного из пяти постоянных членов СБ ООН и подрывая шансы Евросоюза на роль автономного центра силы многополярного мира. Призывая к более равноправному диалогу между Евросоюзом и США, он, судя по всему, исходил из того, что практика односторонних действий, в том числе силовых, проводившаяся республиканской администрацией Буша-младшего, оказалась контрпродуктивной. Войны в Ираке и Афганистане зашли в тупик, проблема иранского ядерного досье не сдвигается с места, решение арабо-израильского конфликта по существу заморожено, а результативность попыток нового президента США Б. Обамы возобновить переговоры сторон остаётся под вопросом. В результате престиж США в Европе, не говоря уже о бывшем «Третьем мире», особенно мусульманском, упал до крайне низкой точки, что чревато негативными последствиями для глобальной стабильности. Отсюда надежда на то, что преемник Буша-младшего в Белом доме будет нуждаться в поддержке европейских союзников и больше считаться с их мнениями.

С другой стороны, Евросоюз, по убеждению Саркози, также заинтересован в обновлении трансатлантического диалога. Расширение его (как и НАТО) на восток углубило контрасты между уровнями экономического развития участников, а тем самым конфликты интересов стран-участниц. В результате наметился раскол между «европеистами» из числа первоначальных членов и «атлантистами» в лице «новобранцев», поддерживаемых Велико-

британией, в частности, по вопросам отношений с США и Россией. Все эти факторы рискуют похоронить мечты о превращении ЕС благодаря принятию Лиссабонского договора в один из ведущих центров силы многополярного мира XXI в.

Очевидно, что в глазах Саркози роль инициатора сближения партнёров по обе стороны Атлантики должна взять на себя именно Франция, которая играла бы роль посредницы между Вашингтоном и Брюсселем: Великобритания чересчур связана односторонней англосаксонской солидарностью, а Германия сосредоточена на региональных и экономических проблемах, ввиду чего не может претендовать на представительство политических интересов ЕС перед лицом США в глобальном масштабе.

Подобные подходы предполагали существенную ревизию внешнеполитического наследия генерала де Голля. Не ставя под вопрос верность Франции союзническим обязательствам с США в рамках Североатлантического альянса и предметно доказав это в ходе Берлинского или Карибского кризисов, генерал упорно и безуспешно добивался сохранения независимости французской внешней политики от Вашингтона по широкому кругу международных проблем: оптимальных способов обеспечения военной безопасности созданием национальной ядерной ударной силы, политики «открытия» в отношении СССР, стран «Третьего мира», торговых и валютных вопросов.

Неприятие США этих притязаний, которые бросали вызов их безраздельной гегемонии среди западных держав в условиях холодной войны, не раз омрачали франко-американские отношения, которые пережили на протяжении полувековой истории Пятой республики несколько острых кризисов. Наиболее серьёзные из них были связаны с выходом Франции из интегрированных структур в командовании НАТО и ликвидацией инфраструктуры альянса на французской территории (1967 г.), признанием де Голлем КНР (1964 г. – за 8 лет до США), публичная констатация им бесперспективности американской войны во Вьетнаме (1968 г.), а 35 лет спустя Шираком – англо-американского вторжения в Ирак (2003 г.).

Саркози начал процесс улучшения отношений с США с шагов, которые имели наибольшие шансы залечить старые раны и

найти в Вашингтоне благоприятный приём, побудив к встречным жестам. Главными из них стали возврат Франции в военно-штабные структуры объединённого командования НАТО и поиски взаимодействия с американцами там, где они оказались в наиболее сложном положении, – на Ближнем и Среднем Востоке.

Ещё при Миттеране французские представители начали принимать участие в работе военного комитета НАТО в Брюсселе при планировании совместных операций в Боснии и Герцеговине. Попытка полностью вернуться в структуры альянса предпринималась и непосредственным предшественником Саркози – Шираком в 1995 г., но она оказалась неудачной. США, казавшиеся в первое десятилетие после распада СССР на вершине своего могущества, сочли запрошенную Парижем цену, в частности передачу европейцам южного командования НАТО в Неаполе, чрезмерной, а главное – не скрывали своей оппозиции французским планам выработки ЕС автономной от атлантических структур общей политики безопасности и обороны.

Спустя 12 лет ситуация изменилась. По-прежнему настаивая на необходимости придания Евросоюзу военно-политического измерения, что провозглашалось одним из важнейших приоритетов французского председательства в ЕС (2008 г.), Саркози вписывал его отныне в рамки НАТО. Обосновывая своё решение, президент ссылался на то, что с окончанием холодной войны и раскола Европы на враждебные военные блоки ситуация, которая объясняла выход Франции из интегрированных структур НАТО, ушла в прошлое. Вместо того чтобы поднимать престиж страны, «французское исключение» вызывало отныне недоверие ряда европейских партнёров, изолируя Париж и подрывая шансы на создание общей внешней политики и политики безопасности. «Речь не идёт о том, чтобы повернуться спиной к европейской обороне. Никакой конкуренции нет. Существует взаимодополняемость между Европой обороны и НАТО. Председательство Франции в Европейском союзе это доказало», – подчёркивалось в заявлении департамента информации французского правительства²⁵.

---

²⁵ Возвращение Франции в объединённое военное командование НАТО. Ambassade de France en Russie. www.porte-parole.gouv.fr.

В заявлении отмечалось, что Франция занимает четвёртое место по объёмам финансирования НАТО, предоставляет 7% личного состава войск, участвующих в операциях альянса (4650 чел.), но не имеет соответствующей доли в распределении командных постов и не может поэтому оказывать влияние на его стратегические решения: «У Франции нет крупного командования, и она не может влиять на стратегические решения альянса. Мы являемся одним из главных действующих лиц, не принимая участия в написании сценария. НАТО – единственная организация, где у Франции нет возможности принимать участие и оказывать влияние. Вновь войти в командные структуры – значит дать себе возможность действовать, а не вести себя пассивно»²⁶.

Вместе с тем Саркози заверял, что возврат Франции в военные структуры НАТО не затронет свободы принятия ею решений о направлении войск для совместных операций альянса, не подчинит её вооружённые силы интегрированному командованию в мирное время и ни в чём не ограничит независимость французского ядерного потенциала.

Со своей стороны, США приветствовали возврат французов в лоно альянса, сняв свои прежние возражения против европейской оборонной идентичности и согласившись предоставить Франции командование АСТ в Норфолке, определяющее потребности для ведения совместных операций, а также создать новое командование, занимаемое в порядке очереди европейцами, при региональном штабе альянса в Лиссабоне. На очередном саммите НАТО в Страсбурге и Келе 3-4 апреля 2009 г. возврат Франции в интегрированную структуру альянса был окончательно оформлен.

Тем не менее, эффект этого шага имеет мало шансов полностью оправдать французские ожидания: «Не очевидно, что с возвратом в (объединённое) командование Франция будет играть более значительную роль в решениях НАТО. Сможет ли она сказать своё слово при определении новой стратегии иначе, кроме как на вторых ролях? Даже если предположить, что мы были бы способны предложить альтернативную стратегию в Афганистане или Пакистане, сможем ли мы убедить США?» – задаёт вопрос дирек-

---

²⁶ Там же.

тор Французского института международных отношений (ИФРИ) Тьерри де Монбриаль²⁷.

Это особенно очевидно на фоне сокращения в условиях финансово-экономического кризиса военных бюджетов ряда стран – членов ЕС, в частности Великобритании, которое поставило под вопрос становление «европейской идентичности» (что провозглашалось Саркози необходимым условием возврата Франции в интегрированную командную структуру НАТО).

Конкретный пример справедливости этого суждения не заставил себя ждать. Провозглашение Б. Обамой конечной целью США «безъядерного мира» было встречено в Париже с нескрываемым скептицизмом. Французское руководство усмотрело в этом покушение на стратегию ядерного сдерживания, остающуюся важнейшей гарантией безопасности и независимости Франции со времён де Голля (тогда как ФРГ поддержала США)²⁸. По той же причине французы не проявили особого энтузиазма по поводу американских планов создания системы ПРО в рамках НАТО, призванной обеспечить безопасность союзников по обе стороны Атлантики, закреплённых в новой стратегической концепции альянса, принятой в Лиссабоне на саммите 18-19 ноября 2010 г.

В своих шифротелеграммах из Парижа, преданных гласности сайтом «Викиликс», посол США в Париже аттестовал Саркози как «самого проамериканского президента Франции за послевоенный период». Однако он не скупился в то же время на критические характеристики его личных качеств, считая «нетерпеливым», «непредсказуемым», «авторитарным», склонным к широкожестам, не согласованным заранее с партнёрами и ставящим их перед свершившимися фактами.

Более тесное франко-американское взаимодействие наметилось в зоне Большого Ближнего Востока. Французский министр иностранных дел посетил Багдад, поддержав решение нового президента США Барака Обамы определить сроки вывода американского контингента из Ирака, призванное повысить ответственность местного правительства аль-Малики за обеспечение без-

---

²⁷ Figaro-magazine, 6 juin 2009.

²⁸ Le Monde, 14 octobre 2010.

опасности в стране. Аналогичные жесты были сделаны в Афганистане, где контингент объединённых сил НАТО пополнился 700 французскими жандармами. Франция и США скоординировали свои подходы к арабо-израильскому конфликту, как в рамках «квартета» (США, Россия, ООН и ЕС), так и на двусторонней основе, с тем чтобы уравновесить отношения с обеими сторонами: американцы несколько смягчили однозначно произраильскую политику Буша, французы – «арабскую политику» Ширака.

Наиболее ощутимо параллелизм подходов обеих стран к ближневосточным делам проявился в вязи с проблемами Ливана – традиционной сферы французского влияния в регионе. Саркози помог разблокировать тупик, в который зашли выборы ливанского президента, а главное – восстановил диалог с Сирией. Направив в Дамаск высокопоставленных эмиссаров и пригласив президента Башара Асада в Париж, Елисейский дворец добился с его стороны исторического шага: признания сирийцами независимости Ливана и установления с ним дипотношений.

Тем не менее, из дипломатической переписки послов США с госдепартаментом, опубликованной на сайте «Викиликс», следует, что американцы относились к жестам Саркози в адрес сирийского президента Асада с явным скептицизмом и настороженностью. Визит французского президента в Дамаск (2008 г.) был сочтён американцами контрпродуктивным, поскольку ему не удалось достигнуть главных целей – ослабить связи Сирии с Ираном и поддержку последним «Хезболлы», в том числе оружием.

К тому же эффективность французской политики в Ливане заметно ограничило втягивание Парижа во внутриливанские разборки. Добиваясь вместе с США международного расследования обстоятельств убийства ливанского премьера Рафика Харири, в причастности к которому подозревали сирийские спецслужбы, французы вызвали враждебную реакцию шиитского движения «Хезболла», тесно связанного с Тегераном и Дамаском. Между тем после второй израильской военной операции в Ливане, которая явно не увенчалась успехом, «Хезболла» превратилась в одну из самых влиятельных политических сил страны, причём откровенно антизападную.

В январе 2011 г. её руководство в знак протеста против ре-

зультатов международного расследования обстоятельств убийства Р. Харири отозвало 11 своих министров из прозападного правительства его сына, что вызвало тяжёлый политический кризис, чреватый возобновлением гражданской войны.

По самой сложной и болезненной для США проблеме в регионе – ядерному доосье Ирана – тактика французской дипломатии также претерпела с приходом Саркози в Елисейский дворец эволюцию. Если раньше Франция вместе с Великобританией и Германией пыталась найти дипломатическое решение вопроса, вызывавшее при Буше явный скептицизм американцев, то провал усилий трёхсторонней европейской инициативы побудил Париж резко ужесточить свой подход.

Между тем, с избранием Обамы президентом США американская тактика в иранской проблеме проделала обратную эволюцию. Новый хозяин Белого дома сделал ряд заявлений в пользу возобновления диалога Запада с Ираном, как и мусульманским миром вообще, предоставив Франции рискованную и неблагодарную роль «наконечника копья», как определил её в своих телеграммах американский посол в Париже – сторонницы максимального ужесточения санкций к Тегерану, в том числе выходящих за пределы резолюций СБ ООН. «С лета 2009 г. в публичном дискурсе Никола Саркози и Барака Обамы относительно Исламской республики налицо явное расхождение», – отмечала парижская газета «Монд»²⁹.

Эти тактические расхождения отражают объективные ограничители курса Саркози на улучшение франко-американских отношений. На фоне глубокой дискредитации США в мировом, европейском и, в частности, французском общественном мнении в период президентства Буша-младшего избрание Обамы было встречено во Франции с бурным энтузиазмом. Многие пункты его предвыборной программы, да и некоторые практические шаги, бесспорно, способствовали этой эйфории. Однако довольно скоро она начала остывать. Главной причиной этого был пересмотр новым хозяином Белого дома порядка приоритетов американской глобальной политики, где Европе отводится отныне подчинённое место по сравнению с Азией, её «всплывающими» гигантами –

---

²⁹ Le Monde, 23 septembre 2007.

прежде всего Китаем, а также Индией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном, арабским и мусульманским миром в целом. Отсутствие президента США на ряде саммитов с европейскими лидерами, на 20-летнем юбилее падения берлинской стены 9 ноября 2009 г. или на саммите ЕС – США год спустя говорили об этом достаточно красноречиво, что с обидой отмечали французские СМИ.

Страны Евросоюза, прежде всего его ядро – франко-германский тандем, разочаровала позиция США по глобальным проблемам: стратегии выхода из кризиса, предотвращения его рецидивов путём перестройки мировой финансово-экономической архитектуры в рамках «восьмёрки» и «двадцатки», борьбы с потеплением климата, юрисдикции Международного уголовного трибунала и т.д.

К тому же расчётам Саркози на то, что его жесты доброй воли обеспечат Франции роль привилегированного собеседника Вашингтона, выступающего от имени всей Европы, хотя бы континентальной (англосаксонская Великобритания вне конкуренции), не суждено было сбыться.

Подчёркнуто любезный, хотя и несколько запоздалый приём в ходе государственного визита французского президента за океан, где он удостоился обеда в семье Обамы в марте 2010 г. накануне саммита по ядерной безопасности в Вашингтоне, вряд ли означал заметную «перезагрузку» франко-американских отношений, о которой говорил в интервью парижской газете «Фигаро» помощник президента США по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс³⁰.

Столь же двойственное впечатление оставил следующий визит в январе 2011 г., в ходе которого Саркози пытался добиться поддержки американцами программы перестройки мировой валютной системы накануне французского председательства в «восьмёрке» и «двадцатке». Обама не скупился на комплименты французскому гостю, но уклонился от принятия конкретных обязательств.

Если с французской стороны администрацию Обамы упрекают в недостатке решимости и конкретных результатов в урегули-

---

³⁰ Le Figaro, 29 mars 2010.

ровании арабо-израильского конфликта, особенно по вопросу о строительстве израильских поселений на оккупированных территориях, или в поддержке американских корпораций в ущерб европейским конкурентам («Боинг» – «Эйрбас»), то американцы не скрывают, что ожидали от европейских союзников, в том числе Франции, большего вклада вооружёнными силами в поиски приемлемого выхода из афганской войны. Сохраняются и различия в подходах Вашингтона и Парижа по другим вопросам, в том числе не в последнюю очередь о перспективах принятия Турции в Евросоюз.

Общий итог политики Саркози на американском направлении вполне сравним с неоднозначными результатами на главном – европейском. «Если французы повернулись к Соединённым Штатам, отнюдь не факт, что по другую сторону Атлантики чувствуется страстное желание ответить взаимностью. Для большинства американцев Франция – всего лишь одна из стран Европы среди прочих», – признавал французский аналитик американских проблем Андре Каспи³¹. Смягчение прежних трений бесспорно налицо, но конечная цель Саркози – придание Франции роли полномочного представителя остальных европейцев в трансатлантическом диалоге – остаётся, вопреки словесным реверансам Вашингтона, как при Буше-младшем, так и при Обаме, вне пределов досягаемости.

Африка, Азия, Латинская Америка

Во внешнеполитической стратегии Саркози отношения со странами бывшего Третьего мира занимают особое место. После долгого и мучительного распада колониальной империи Франции, сопровождавшегося четырнадцатью годами тяжёлых войн в Индокитае и Алжире, восстановление престижа бывшей метрополии в новых независимых государствах и сохранение там всё ещё значительных французских экономических интересов остаются одной из приоритетных задач Парижа на международной арене.

В поисках её решения правящие круги Пятой республики использовали самые различные инструменты: создание системы

---

³¹ Figaro – magazine, 6 juin 2009.

двусторонних договоров об экономическом, политическом, военном сотрудничестве, финансовую и техническую помощь; предоставление Евросоюзом по настоянию Парижа таможенных и прочих преференций африканским и азиатским развивающимся странам (конвенции Яунде, Ломе); создание сообщества франкоязычных государств – «Франкофонии» и т.д.

Наряду с этой видимой верхушкой айсберга, была и менее привлекательная, но более важная подводная часть. Она включала негласные личные связи французских финансово-промышленных групп под покровительством спецслужб и Елисейского дворца с африканскими диктаторами, сидевшими на своих постах десятки лет и предоставлявшими право на эксплуатацию природных богатств своих стран в обмен на вооружения, многомиллионные счета в офшорных банках, роскошные дворцы в бывшей метрополии. В порядке встречной услуги средства с их счетов нередко финансируют предвыборные кампании французских политиков, их партии, да и их самих³².

На протяжении первых десятилетий после завершения политической деколонизации бывшей империи эти усилия приносили ощутимые дивиденды. В международных организациях, начиная с ООН и ЮНЕСКО (штаб-квартира последней находится в Париже), Франция располагала внушительным пакетом голосов представителей африканских государств, учитывая со своей стороны их интересы в диалоге с западными державами. Это помогало не только гарантировать позиции французского бизнеса, но и повысить вес Франции в ЕС, расширяя её манёвренные возможности в биполярном мире и подтверждая притязания Парижа на статус державы с глобальными интересами.

Окончание холодной войны и идеологической конфронтации Восток-Запад в «Третьем мире», экономический прорыв крупней-

---

³² При де Голле и Помпиду африканские дела в Елисейском дворце курировал ветеран голлизма Жак Фоккар, опекавший одновременно спецслужбы, при Миттеране – его сын, оказавшийся замешанным в неблагоприятном скандале с поставками оружия Анголе и осуждённый судом. В правом кабинете Балладюра ими активно занимался, вопреки обычному порядку, министр внутренних дел Шарль Паскуа, также попавший затем под суд в связи с причастностью к «Анголагейт». См. François-Xavier Verschave. *Françafrique*. Paris, Stock, 1998.

ших развивающихся стран во главе с Китаем, Индией, Бразилией, ЮАР серьёзно затруднили продолжение этой политики. Ближний Восток и особенно Африка стали полем экономического соперничества США и Китая за природные, прежде всего энергетические, ресурсы, что отодвигает на второй план бывшие колониальные державы Европы, в том числе Францию. На этом фоне её прежние козыри в бывших заморских владениях в Африке постепенно обесцениваются. Финансовая и военная помощь коррумпированным диктаторским режимам африканских государств обходится всё дороже и сопряжена с растущими морально-политическими издержками.

Уже в 1980-е гг. президенту-социалисту Миттерану пришлось хотя бы словесно дистанцироваться от патерналистских аспектов «Франсафрики» и олицетворявших её одиозных фигур, пообещав подчинить продолжение сотрудничества соблюдению прав человека. В 1990-х гг. правоцентристское правительство Э. Балладюра ограничило финансовые потоки из Франции на Чёрный континент, девальвировав вдвое африканский «франк СФА». С приходом к власти в 1995 г. Ширака началось постепенное свёртывание военного присутствия Франции в ряде африканских стран, где они всё чаще оказываются вовлечёнными в кровавые пограничные конфликты, а зачастую и в межплеменные гражданские войны (Кот д'Ивуар, Чад, Демократическая Республика Конго, Руанда и т.д.). Французская дипломатия оказалась вынужденной поэтому переносить акцент с двусторонних отношений на решение проблем Африки самими африканцами через региональные структуры типа Африканского союза.

Таким образом, наследство, доставшееся Саркози на афро-азиатском направлении, оказалось не менее проблемным, чем оно было на европейском или трансатлантическом. Причём осуществить здесь «разрыв с прошлым» главе государства оказалось ещё сложнее, т.к. инерция «Франафрики», сложившаяся на протяжении полувековой постколониальной политики Парижа и связанная с весьма значительными деловыми, политическими, личными интересами правящих кругов обеих сторон, оказалась чрезвычайно сильной, а реальная альтернатива ей пока не просматривалась.

В ходе своей предвыборной кампании Саркози неустанно клей-

мил процветавшую при его предшественниках, в частности Шираке, практику тайной дипломатии, клиентелизма, поддержки коррумпированных диктаторских режимов, обещая коренные перемены. Сразу же после своего избрания – 6 мая 2007 г., он обратился с «братским призывом» по всем африканцам, которым предлагал помощь в борьбе с голодом, болезнями, бедностью, войнами.

Стартом его новой африканской политика стал уже упоминавшийся проект Средиземноморского союза, призванный решить три важнейшие задачи: расширить доступ Франции к природным, прежде всего, энергетическим, ресурсам Северной Африки и Ближнего Востока, их перспективным рынкам, взять под контроль идущие оттуда потоки мигрантов, наконец, нейтрализовать угрозу дестабилизации региона исламистским экстремизмом и терроризмом.

На протяжении долгого времени основным партнёром Франции в Машрике – восточной части африканского побережья Средиземноморья – являлся президент Египта – Хосни Мубарак – лидер, наряду с королями Марокко и Иордании, «умеренных» арабских стран в их конфликте с Израилем. Закрывая глаза на его жёсткий авторитарный режим, предшественники Саркози «сверяли часы» в своей политике на Ближнем Востоке и в Африке прежде всего с Каиром.

Однако возраст Мубарака (83 года), находившегося у власти почти 30 лет, и обострение социально-экономических проблем в стране вели к неуклонной эрозии созданного им авторитарного режима. В конце января 2011 г. недовольство египтян прорвалось наружу, вылившись, по примеру аналогичных событий в Тунисе, в мощную волну антиправительственных демонстраций, которые положили конец «эре Мубарака».

Хотя правящие круги Парижа не ожидали столь стремительного развития событий в арабском мире, Саркози, видимо, чувствовал необходимость заблаговременно адаптировать французскую политику в Средиземноморье к неизбежным переменам. Поэтому сразу же после своего прихода в Елисейский дворец президент начал поиски «дублёра» Мубарака на роль привилегированного собеседника Франции в регионе.

Его выбор на эту роль оказался несколько неожиданным: им

стала колоритная, экзотическая, но непредсказуемая фигура – вождь Ливийской Джамахирии полковник Муамар Каддафи, которого было ещё труднее заподозрить в приверженности идеалам демократии и прав человека, чем его восточного соседа. 24 июля 2007 г. Саркози прибыл в столицу Ливии Триполи, объявив оттуда о достижении поставленной им гуманитарной цели – освобождении болгарских медсестёр, арестованных по нелепому обвинению в умышленном заражении СПИДом 438 детей в больнице г. Бенгази. Наряду с повышением личного авторитета нового французского президента этот гуманитарный жест преследовал и иные, более прозаические цели. Уже на следующий день – 25 июля, представители Франции и Ливии подписали соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, включавшее поставку французскими фирмами ядерного реактора для опреснения морской воды. Более того, как признал в интервью газете «Монд» сын Каддафи Саиф аль-Ислам, освобождение медсестёр было обусловлено подписанным в тот же день Б. Кушнером соглашением о поставке Ливии на 296 млн евро французских вооружений – противотанковых ракет, средств транспорта, связи, ПВО и т.д.

Год спустя Каддафи нанёс ответный официальный визит в Париж, где установил свой роскошный шатёр в самом центре французской столицы – недалеко от Елисейского дворца, к радости репортёров скандальной хроники и негодованию оппозиционных политиков.

Несмотря на все эти издержки, сближение с Каддафи не было лишено смысла. В принципе, для Парижа отношения с другими странами Магриба – Алжиром, Тунисом, Марокко, входившими некогда в состав заморской империи Франции, безусловно, важнее, но они и гораздо сложнее с учётом психологического груза болезненных воспоминаний о колониальном прошлом, особенно алжирской войне, а также их конфликтов между собой. Поэтому Саркози предпочёл разбирать завалы при выстраивании сотрудничества с ними в ходе своих визитов в каждую из этих стран и их лидеров в Париж, проходивших с переменным успехом, особенно с алжирским президентом Бутефликой, который в конце 1950-х – начале 1960-х гг. успел познакомиться с французскими тюрьмами.

Инаугурацией Средиземноморского союза должно было стать приглашение его потенциальных участников на торжества по случаю национального праздника Франции Дня взятия Бастилии 14 июля 2007 г., когда на правительственной трибуне появились лидеры государств региона, в том числе сирийский президент Башар аль-Асад, ещё недавно считавшийся непримиримым оппонентом политики Франции в Ливане.

Вскоре, однако, стало ясно, что далеко идущим замыслам Саркози в регионе Средиземноморья не суждено сбыться. Проект союза, встреченный без особого энтузиазма арабскими странами на фоне отсутствия прогресса в израильско-палестинском конфликте, столкнулся с решительной оппозицией Турции, увидевшей в этом попытку замены её полномасштабного вступления в Евро-союз. Новые члены ЕС на востоке Европы опасались перекачки остро необходимых им финансовых средств из бюджета ЕС на юг. Главное же именно из-за решительной оппозиции Германии этот амбициозный проект был по существу выхолощен. После бурных революционных событий в Тунисе, Египте от него осталась, с сожалением констатировали французские СМИ, лишь «пустая скорлупа».

Особенно чувствительным испытанием для политики Франции в отношении стран Магриба и всей Северной Африки стало крушение режима Зине Абидина Бен Али в Тунисе, бессменно находившегося у власти на протяжении 23 лет. Несмотря на его жёсткий авторитарный характер, Париж всегда поддерживал с Бен Али самые тесные отношения, видя в нём не только экономического партнёра, но и надёжного союзника в борьбе против исламского экстремизма, вызвавшего в 1990-х гг. кровавую гражданскую войну в соседнем Алжире. 28-30 апреля 2008 г. Саркози посетил Тунис с государственным визитом, не скупясь на заверения дружбы к главе государства. В таком же духе проходили ранее встречи предшественников Саркози – Ширака и Миттерана, с тунисским диктатором.

Неудивительно, что массовые антиправительственные демонстрации в тунисских городах против роста цен, безработицы, коррумпированности правящей верхушки во главе с семейством жены президента, проходившие под лозунгами восстановления граж-

данских свобод, застали Париж врасплох, о чём свидетельствовала неудачная реакция нового министра иностранных дел Альо-Мари (см. выше). Только после того, как диктаторский режим рухнул, а сам Бен Али бежал за границу, французские правящие круги заявили о своей солидарности с демократическими силами.

События в Тунисе не остались сугубо локальными. Они нанесли тяжёлый моральный удар по всем остальным авторитарным режимам Ближнего Востока и Африки, включая Египет и Алжир. Это диктует Франции, а вместе с ней и другим западным державам, необходимость существенной корректировки подходов к региону.

Неоднозначными оказались и итоги политики Саркози в Тропической Африке южнее Сахары – фундаменте французского влияния на Чёрном континенте. Уже в 2007 г. тогдашний министр иностранных дел Кушнер посетил Мали, Чад и Судан. Главной его задачей было принятие срочных мер по прекращению массового террора в отношении жителей суданской провинции Дарфур, в основном чёрных христиан и язычников, практикуемого отрядами исламистов-северян арабского происхождения. Бернар Кушнер добился согласия суданских властей на введение в Дарфур контингента международных миротворцев, состоящего поровну из сил ООН и Африканского союза. Вплоть до их формирования французская армия обеспечила переброску по воздуху части беженцев в соседний Чад и создание для них «гуманитарных коридоров». Кушнер выступил также с инициативой проведения в Париже международной конференции по Дарфуру. В ней приняли участие не только США, давно осуждавшие поведение Хартума, но и КНР, которая до сих пор проявляла большую осторожность, определяемую заинтересованностью в нефтяных ресурсах Судана. В январе 2011 г. население Южного Судана проголосовало на референдуме за независимость от Хартума.

За министром последовал и сам президент, посетивший с официальными визитами Сенегал и Габон. Речь там шла, в частности, о взаимосвязи экономического сотрудничества с договорным регулированием проблемы миграций.

Характерно, что первым из лидеров государств бывшей Французской Экваториальной Африки, принятым в Елисейском двор-

це 27 мая 2007 г. сразу же после избрания Саркози, был президент Габона Омар Бонго – своего рода символ «Франсафрики», построенной за полвека Парижем на обломках его рухнувшей империи.

Небольшое государство с 1,4 млн населения, Габон богат значительными залежами полезных ископаемых, прежде всего, нефтью и газом, а также марганцевыми, железными рудами, ураном, ценными тропическими породами дерева. Инвестиции в их разработку на 80% принадлежат французским компаниям, в частности нефтяной «Тоталь-Фина-Эльф». Неудивительно, что Париж проявил повышенное внимание к политической ориентации Габона после обретения им независимости, оказав решительную поддержку на выборах президента кандидатам профранцузской ориентации – Леону М'ба, а после его смерти в 1967 г. – Омару Бонго.

Бывший директор кабинета (секретариата) Жака Фоккара, куратора африканских дел в Елисейском дворце от де Голля до Ширака, заявлял: «Африка без Франции – это автомобиль без водителя, Франция без Африки – автомобиль без горючего»³³. Бессленный габонский президент не жалел средств для финансирования предвыборных кампаний французских политических партий, особенно голлистского направления. Это откровенно признавал бывший руководитель французской внешней разведки – DGSE Пьер Марион, назвавший подобную практику «колониализмом наоборот».

Приём Саркози Бонго был не случаен – за предыдущие несколько лет они уже встречались много раз и обращались друг к другу на «ты». Нетрудно представить себе характер тех советов, которые африканский лидер дал, по его собственному признанию, новому президенту Французской республики. Первую же свою официальную поездку по странам Тропической Африки Саркози завершил в габонской столице – Либревиле, где на основании соглашений о сотрудничестве в сфере безопасности расквартировано 800 французских военнослужащих. По случаю этого визита было объявлено о сокращении задолженности Габона Франции на 20%.

---

³³ Samuel Foutoyer. Nicolas Sarkozy ou la Françafrique décomplexée. Paris, Filibuste, 2009.

Два года спустя, с кончиной Омара Бонго Париж благословил «избрание» 30 августа 2009 г. на вакантное место главы государства сына покойного – Али. «Пробил час возврата к старым плохим привычкам – влиянию официозных эмиссаров, абсолютному приоритету экономических и стратегических интересов Франции над требованиями демократического африканского общества. Африка снова становится, несмотря на обещания перемен, исключительной прерогативой главы исполнительной власти Франции», – констатировала парижская «Монд». – ... От Мадагаскара до Мавритании, от Нигёра до Гвинеи вернулись времена военных путчей и антиконституционных переворотов с помощью и с благословения председателя Африканского союза полковника Каддафи»³⁴.

К рекорду покойного Омара Бонго по длительности пребывания на президентском посту (42 года) приближаются многие другие нынешние или бывшие африканские партнёры Франции – тот же Муамар Каддафи (41 год), Этьен Эйадема в Того (39 лет), так же, как и Бонго, передавший «трон» сыну путём военного путча, Поль Бия в Камеруне (27 лет), Лонсана Конте в Гвинее (35 лет), Блез Компаоре в Буркина-Фасо (22 года), Идрис Беби в Чаде (19 лет) и т.д.

С тем, чтобы смягчить разочарование африканцев контрастом между обещаниями демократизации отношений Франции с государствами Тропической Африки южнее Сахары и неблагоприятной реальностью Саркози предложил собственный анализ причин экономической отсталости и политической нестабильности Чёрного континента. Выступая 28 июля 2007 г. в Дакарском университете (Сенегал), он решительно отказался от «покаяния» бывшей метрополии за наследие колониальной эпохи.

Признав, что колонизация имела немало крайне негативных черт – работорговлю («преступление перед человечеством»), эксплуатацию, грабёж, он подчеркнул, что только этим её наследие

---

³⁴ По утверждениям французской печати, удаление с поста статс-секретаря по делам сотрудничества бывшего социалиста Жан-Мари Бокеля, а затем назначение советника Саркози по африканским делам Брюно Жубера послом явились результатом интриг адвоката Бонго Робера Буржи – неофициального эмиссара Бонго, которому не понравились их реформаторские намерения. *Le Monde*, 17 octobre 2009.

не исчерпывается. Европейцы строили дороги, мосты, внедряли мелиорацию почв, развивали здравоохранение и народное образование. «Колонизация не несёт ответственности за все нынешние трудности Африки – за кровавые войны, которые африканцы ведут между собой, за геноцид диктаторов, фанатизм, коррупцию, казнокрадство, за грабёж и разрушение окружающей среды, – утверждал французский президент. – Трагедия Африки в том, что африканец недостаточно вошёл в историю. Африканский крестьянин тысячелетиями жил временами года, его идеал в жизни – гармония с природой, он умеет лишь вечно повторять прошедшее время, всё те же жесты и те же слова. В этом воображении, где всё повторяется, нет места ни для человеческой инициативы, ни для идеи прогресса»³⁵.

По существу, попытка сбалансированной трактовки президентом истории колониальной эпохи имела под собой реальную почву. Однако с учётом менталитета африканцев, тяжёлой ситуации в их экономике, политического хаоса и серии кровавых конфликтов речь Саркози была воспринята как тактический промах. Им поспешили воспользоваться не только его бывшая соперница в борьбе за президентский пост Сеголен Руаяль, выступившая в том же Дакаре с резкой критикой речи президента, но и антифранцузские силы в самой Африке, а также за её пределами. Главу государства обвиняли в презрительном отношении к африканской культуре, лоббировании интересов французских деловых кругов – компаний Альстом, ЕАДС, Тоталь, Веолиа, Буиг, его личного друга Венсана Боллоре, возврате к использованию традиционных инструментов французского влияния в Тропической Африке.

В борьбе против террора АКНИ – местного филиала аль-Кайды, жертвами которого стали многие французские граждане (особенно в Нигере – источнике урановой руды для атомной промышленности Франции), Париж вынужден волей-неволей прибегать к традиционным инструментам «Франсафрики» – замены им не видно. Между тем эффективность этих инструментов неуклонно снижается. Времена, когда верными друзьями Франции были столь авторитетные, уважаемые фигуры, как Леопольд Седар Сенгор в

---

³⁵ Samuel Fontoyer. Op. cit.

Сенегале или Феликс Уфуэ-Буаньи в Кот-д'Ивуаре, глубоко интегрированные в политическую жизнь Франции ещё при Четвёртой республике, давно ушли в прошлое. Париж оказался обречённым на зависимость от коррумпированных диктаторов типа Омара Бонго в Габоне, Фора Гнасеингбе в Того, Дени Сассу-Нгессо в Конго-Браззавиле, Исмаила Омара Геллеха в Джибути и т.д. Поддержка их становится всё накладнее, а надёжность – всё более сомнительной.

Убедительным подтверждением этого стал затяжной кризис во втором по важности после Сенегала оплоте французского пост-колониального присутствия в Тропической Африке – Кот-д'Ивуаре. После кончины в 1998 г. верного союзника Парижа Феликса Уфуэ-Буаньи его сменил Анри Конан Бедье, свергнутый шесть лет спустя военным переворотом. На прошедших после них явно подтасованных выборах президентом стал Лоран Гбагбо, в то время близкий к Франции.

Если Гбагбо опирался на христианизированные южные и западные области страны, то северные районы, где доминировали мусульмане – выходцы из соседних стран, особенно Буркино-Фасо, выступили против него. Их лидером стал Аласан Уаттара. Началась кровопролитная гражданская война, в ходе которой Париж сначала поддержал Гбагбо, в том числе военными силами под предлогом защиты безопасности местных французов («Операция Единорог»). Вскоре, однако, в Париже сочли более перспективной ставку на Уаттара, избранного на новых, не менее сомнительных выборах главой государства. Поскольку Гбагбо отказался уступать власть сопернику, Франции пришлось призвать на помощь посредников, а затем и вооружённых миротворцев из других африканских государств – Либерии, Кении и т.д. под эгидой ООН.

События в Кот-д'Ивуаре и Тунисе показали всё более очевидную шаткость устоев «Франсафрики». Лишним подтверждением этого явился довольно прохладный отклик на празднование 50-летия провозглашения независимости франкоязычными государствами Тропической Африки. Хотя направленное 14 президентам приглашение провести по этому случаю военный парад их воинских подразделений на Елисейских полях и концерт африканской музыки на Марсовом поле в Париже 14 июля 2010 г. было при-

нято, Саркози предпочёл отказаться от объявления 2010 г. «Годом Африки»³⁶.

Отсюда стремление Парижа придать французской политике в Африке многосторонний характер, максимально используя для защиты своих интересов экономические ресурсы Европейского союза и политические, а отчасти и военные – Африканского Союза. Именно таков был подход Саркози к кризисам в Демократической Республике Конго, Дарфуре, Кот-д’Ивуаре и т.д.

Столь же противоречиво выглядит итог его политики в Азии – не только на Большом Ближнем Востоке (арабский мир, Турция, Ирак, Иран, Афганистан), но и в отношении ключевого игрока на евразийском континенте, а в недалёком будущем и в мире – Китая. Колоссальную роль этого гиганта оценил уже генерал де Голль, который стал первым из западных лидеров, признавшим КНР и установившим с ней в 1964 г. дипломатические отношения вопреки жёсткой оппозиции США (Вашингтон осознал необходимость пойти по тому же пути только в 1972 г.). Генерал был убеждён, что именно Китай будет решающим образом содействовать развитию тенденции к формированию многополярного мира, подталкивая СССР к сближению с объединённой Западной Европой.

Феноменальный рывок экономики Китая, начатый в конце 1970-х гг. реформами Дэн Сяопина, ещё больше повысил интерес правящих кругов Парижа к КНР, что особенно чувствовалось у Ж. Ширака. Естественно, что Саркози, стремившийся показать своё преимущество перед предшественником, постарался не отстать от него и на китайском направлении. Уже в ноябре 2007 г. он нанёс визит в КНР, сопровождаемый группой видных представителей французских деловых кругов, результатом чего явилось подписание крупных контрактов или договорённость о них. За этим визитом последовали ещё два. «Наша китайская политика – это глобальное стратегическое партнёрство с быстро растущей державой, – утверждал Бернар Кушнер в бытность свою министром иностранных дел. – ... Констатация очевидна: Китай стал глобальной державой. Отныне наша главная задача состоит в том, чтобы он принял на себя ответственность, вытекающую из этого

---

³⁶ Le Monde, 29 avril 2010.

нового статуса, в управлении мировыми кризисами и в общих интересах – устойчивого развития, борьбы с потеплением климата, энергетической безопасности»³⁷. Среди таких проблем он назвал также нераспространение ядерного оружия, в частности, в связи с Ираном и Северной Кореей.

Предлагая Китаю свои инвестиции и высокие технологии, французское руководство отдавало себе отчёт в том, что возможности Франции, далеко отстающей по объёму торговли с КНР от США, Японии и Германии, ограничены. Поэтому Париж стремится выступить инициатором развития сотрудничества между Пекином и Евросоюзом в целом, используя, в частности, своё председательство в ЕС во второй половине 2008 г. Данную цель преследовали саммиты Европа – Азия (ASEM) в октябре и ЕС – КНР в Лионе в декабре 2008 г.

Однако здесь Саркози ожидали немалые трудности. Торговый обмен Франции с КНР не только всегда отставал от германского по объёму, но и сводится с крупным дефицитом (170 млрд евро в 2007 г.). Одну из причин этого Париж усматривает в заниженном курсе китайской валюты по отношению к доллару и евро, поддерживая требования США о ревальвации юаня, от чего Пекин долго отказывался, пойдя, в конечном счёте, на весьма ограниченные уступки³⁸.

Французы, как и другие члены ЕС, критикуют и сдержанное отношение КНР к мерам по сокращению выбросов парниковых газов в атмосферу, наглядно проявившееся в ходе Копенгагенского саммита (в этом вопросе США, являющиеся наряду с Китаем главными загрязнителями атмосферы, проявляли такую же пассивность).

Одним из ведущих направлений глобальной экономической экспансии КНР в поисках доступа к природным, особенно энергетическим ресурсам, необходимым для поддержания динамичного роста её экономики, стала традиционная сфера французского

---

³⁷ Bernard Kouchner. La France est de retour. «Politique internationale», № 121, automne 2008. P. 20.

³⁸ Со своей стороны КНР стремится ограничить роль доллара как мировой резервной валюты, добавив к нему не только евро, но и юань. Реакция Парижа на это остаётся осторожной, в частности, из-за трудностей, пережитых евро в 2010 г.

влияния – Тропическая Африка. Китайские компании с государственным участием строят там дороги, аэропорты и прочие инфраструктурные объекты, предоставляя кредиты на весьма щедрых условиях. Причём антидемократические порядки и попрание прав человека африканскими диктаторами беспокоят Пекин гораздо меньше, чем Париж, которому приходится считаться с реакцией общественного мнения в собственной стране и в мире, где Франция претендует на роль активной защитницы гуманитарных ценностей. Столкновение французских и китайских позиций в Африке особенно наглядно проявилось в подходе к трагедии Дарфура, где Пекин, заинтересованный в нефтяных запасах Судана, покровительствовал президенту Судана Омару аль-Баширу, осуждённому Международным уголовным судом за преступления против человечности.

Франко-китайский конфликт по правозащитной проблематике ещё более обострился в связи с волнениями коренного населения в Тибете, а затем в Синьцзяне, жёстко подавленными китайскими властями. Ситуация осложнялась тем фактом, что эти события совпали с открытием Олимпийских игр 2008 г. в Пекине, которым китайское руководство придавало огромное пропагандистское значение, стремясь превратить их в демонстрацию новой роли Китая как великой державы глобального масштаба.

Между тем именно на этот период пришлось французское председательство в Евросовете (1 июля – 31 декабря 2008 г.). События в Тибете вызвали крайне негативный резонанс во французском общественном мнении, вылившийся во враждебные уличные инциденты во время прохождения олимпийского огня через Париж. Саркози оказался перед щекотливым выбором: его присутствие на церемонии открытия Олимпиады в Пекине выглядело бы отречением от роли ревнителя прав человека, тогда как отказ был бы воспринят руководством КНР как оскорбление и повлёк бы за собой санкции. Ещё более трудным являлся вопрос о встрече Саркози с духовным лидером Тибета далай-ламой, объявленным китайцами сепаратистом. Выбор французского президента осложнялся его статусом председателя Евросоюза, выступавшим от имени всех его членов (тогда как канцлер ФРГ Меркель отказалась от поездки в Пекин, а тогдашний британский премь-

ер-министр Браун предпочёл присутствовать не на открытии, а только на закрытии Олимпиады).

В конечном счёте, Саркози выбрал половинчатое решение. После долгих колебаний и выдвижения так и не выполненных предварительных условий о переговорах центральных властей с тибетской оппозицией он всё же отправился в китайскую столицу, но зато встретился в Гданьске с далай-ламой, причём не специально, а как бы между прочим, по поводу проходившего в Польше другого международного мероприятия.

Как и следовало ожидать, реакция китайцев оказалась крайне острой. Пекин демонстративно отложил до конца французского председательства очередной саммит ЕС – КНР, намеченный на 1 декабря 2008 г. в Лионе, ряд уже подготовленных экономических контрактов оказался в подвешенном состоянии, а китайские СМИ развернули враждебную кампанию против Парижа, доходившую до призывов к бойкоту традиционных французских товаров – примерно так же, как это было в 2003 г. в США, когда Ширак осудил англо-американское вторжение в Ирак. В книге «Китай сердится», вышедшей в свет в Пекине весной 2009 г., Франция была названа одним из «главных врагов Китая» в современном мире.

Саркози сделал из этого урока серьёзные выводы, объявив инцидент исчерпанным: «Взаимные обвинения являются бесплодными», – заявил он на официальном обеде в Пекине³⁹. Французский президент тщательно избегал касаться таких деликатных проблем, как права человека, Тибет или Синьцзян, признав их внутренним делом Китая, и предложил размышлять и работать вместе над конкретными вопросами вроде курса юаня или мер против выбросов парниковых газов. Переговоры сосредоточились на перспективах дальнейшего развития экономического сотрудничества, нераспространении ядерного оружия, в частности, в связи с предстоящим обсуждением СБ ООН санкций в отношении Ирана (к которым Китай, зависящий от импорта иранской нефти, относится сдержанно), роли КНР в преодолении последствий кризиса и перестройке мировой валютной системы, особенно актуальными в предвидении французского председательства в «восьмёр-

---

³⁹ Le Monde, 30 novembre 2008.

ке» и «двадцатке» в 2011 г. Поддержав призывы Китая к такой перестройке, Саркози объявил, что именно она будет приоритетом в повестке дня «двадцатки» под председательством Франции.

«Французский президент понял, что китайское правительство верит только в соотношение сил и уважает лишь тех, кто готов сопротивляться его нажиму, но не выносит неожиданностей. Необходимы, следовательно, отношения без эмоций, которые были бы более последовательными и прочными», – констатировала парижская «Монд»⁴⁰. Аналогичный тон избрала и китайская пресса. Выходящая в Пекине официозная газета «Чайна дейли» отмечала, что Саркози был встречен в Пекине без гневной реакции, но и без восторгов: «Он начинает свою поездку с реализмом. Медовый месяц между Францией и Китаем, начавшийся в период президентства Жака Ширака, закончился. Compliments, которыми обменивались обе страны, заменены политически рациональными переговорами во имя прагматизма и взаимных интересов»⁴¹.

Ответный визит председателя КНР Ху Цзиньтао во Францию в октябре 2010 г. прошёл уже в более благоприятной атмосфере, завершившись подписанием серии крупных контрактов и сближением сторон по ряду актуальных международных проблем. Ему не помешало присуждение китайскому диссиденту Нобелевской премии мира, вызвавшее диаметрально противоположную реакцию официального Пекина и французских правозащитных организаций.

Не менее важным уроком, извлечённым Саркози из опыта двухлетней ссоры с Пекином, стало убеждение в том, что перед лицом бурно растущего китайского гиганта Франция имеет шансы на равноправный и взаимовыгодный диалог с КНР только при опоре на Евросоюз в целом. Известный французский китаевед профессор Франсуа Годман отмечал, что Франция платит за отсутствие у Евросоюза подлинно единой внешней политики, оказавшись в качестве его председательницы «слабым звеном» среди западных партнёров Поднебесной. Характерно, что на следующий день после французского президента в КНР прибыл предсе-

---

⁴⁰ Le Monde, 30 avril 2010.

⁴¹ Ibid.

датель Комиссии ЕС Жозе-Мануэль Баррозу, причём главным пунктом его программы был визит на только что открывшуюся в Шанхае Всемирную выставку ЭКСПО-2010, которой китайское руководство придавало не менее важное значение для своего престижа, чем прошедшей пекинской Олимпиаде 2007 г. У Баррозу посещение выставки не вызвало никаких колебаний.

Мотивы заинтересованности Брюсселя, как и Парижа в Китае аналогичны – необходимость сокращения дефицита в торговле, в частности, путём пересмотра курса юаня, выбросов парниковых газов в атмосферу и т.д. Со своей стороны КНР добивается официального признания рыночного характера своей экономики, позволяющего снизить таможенные барьеры ЕС, получить доступ к передовым технологиям и расширить инвестиционные возможности китайских компаний в Европе, а также отмены эмбарго на экспорт в Китай вооружений, введённого в 1989 г. после кровавого подавления войсками студенческого митинга за демократию на площади Тяньаньмынь в Пекине. По большинству этих вопросов как Саркози, так и Баррозу удалось добиться определённого прогресса, чему способствовала полоса охлаждения отношений КНР с США.

Несмотря на то, что как в экономическом, так и в политическом плане американо-китайские отношения остаются для обеих сторон, безусловно, приоритетными, Евросоюз, включая Францию, имеет шансы играть роль своего рода балансира между двумя глобальными сверхдержавами – сегодняшней и завтрашней. Однако собственных сил для такой роли ни у ЕС, ни тем более у одной Франции явно недостаточно – она возможна лишь в рамках сближения с Россией – естественным мостом между Европой и Азией.

Не менее активно Саркози стремится развивать сотрудничество с другим «всплывающим» гигантом Азии – Индией. Почва для этого была подготовлена уже во время президентства Ширака, посетившего Индию в 1998 г. Формально осудив тогда проведённые индийцами испытания ядерного оружия, Франция отказалась присоединиться к санкциям против неё и поддержала кандидатуру Индии на статус постоянного члена СБ ООН. Эти политические жесты, которые были позитивно оценены Нью-Дели, имели

важные экономические последствия, особенно в двух ключевых отраслях, где французские экспортные товары отличаются высокой конкурентоспособностью – атомной энергетике и авиакосмическом комплексе, особенно военном авиастроении.

В 2009 г. между французской группой «Арева» и индийской корпорацией атомной энергетики было достигнуто предварительное соглашение об участии Парижа в реализации широкомасштабной программы строительства 20 АЭС (в которой рассчитывают участвовать также США и Россия). Параллельно шли переговоры об оснащении индийских ВВС французскими истребителями-бомбардировщиками «Мираж» и «Рафаль».

Тем не менее, по объёму торговли с Индией Франция занимает в ЕС лишь пятое место после Великобритании, Германии, Италии и даже Бельгии. На Индию приходится всего 2% французского экспорта. С тем, чтобы преодолеть это отставание, Саркози за три года посетил Индию дважды – в 2008 и 2010 гг. В декабре 2010 г. его сопровождали 60 представителей ведущих французских компаний. Визит символично начался с индийского центра высоких, в том числе космических технологий – Бангалора. В ходе переговоров Саркози, как и в Китае, обсуждал с индийским руководством также проблемы перестройки международной валютной системы в рамках «двадцатки», где Франция именно в этот момент осуществляла обязанности председателя. Эти переговоры принесли конкретные результаты – французские компании получили заказ на строительство двух энергоблоков в рамках программы развития атомной энергетики Индии.

Активно развиваются связи Франции и с Латинской Америкой, где она занимает значительное место в экономике таких крупных, перспективных стран, как Бразилия, Аргентина, Чили, Мексика. Саркози попытался придать им новый импульс интенсивным диалогом с бразильским президентом Лулой да Силва, одним из лидеров альтерглобалистского движения, и усилиями по урегулированию гуманитарных проблем, в частности, успешным участием в переговорах по освобождению Ингрид Беттанкур – бывшего кандидата на президентских выборах в Колумбии, захваченной в плен и удерживавшейся в качестве заложницы левоз экстре-

мистским повстанческим движением ФАРК⁴².

В телеграмме посла США в Париже, отправленной в Вашингтон в ноябре 2009 г. и преданной гласности сайтом «Викиликс», выражались опасения по поводу того, что близкие отношения Саркози с да Силвой, скреплённые контрактами на поставку французских вооружений (истребители «Рафаль»), способны нанести серьёзный ущерб конкуренции американских компаний. Саркози стремится «сделать Бразилию моделью проникновения Франции в Латинскую Америку», – утверждал посол, призывая Б. Обаму принять соответствующие контрмеры. Этот эпизод лишней раз показал объективные лимиты франко-американского «медового мёсяца», наступившего после прихода Саркози в Елисейский дворец.

Россия и государства постсоветского пространства

На протяжении многовековой истории отношений между Францией и Россией они колебались в весьма широком диапазоне – от союзов до конфликтов, в том числе даже на поле боя, но обе державы никогда не оставались индифферентными друг к другу. Это относится и к периоду Пятой республики, на протяжении которого прослеживается определённая закономерность: каждый из шести её президентов начинал свой мандат обычно в конфликтной тональности отношений с Москвой, но всегда заканчивал сближением с ней.

После возврата к власти в 1958 г. генерала де Голля в разгар войны в Алжире советско-французский диалог омрачился поддержкой Москвы алжирского Фронта национального освобождения вплоть до тайных поставок ему вооружений и признания Временного правительства Алжирской республики, за которым последовал взаимный отзыв послов. Со своей стороны де Голль решительно поддерживал ФРГ в берлинском вопросе, а США – в ходе кубинского кризиса.

Однако с 1964 г., когда алжирская война была закончена, а вопрос о Западном Берлине снят с повестки дня, генерал совершил крутой поворот, взяв курс на «разрядку, согласие и сотрудниче-

---

⁴² Тем более что Беттанкур имеет двойное гражданство – не только колумбийское, но и французское (она француженка по происхождению), что объясняет особый интерес Парижа к её судьбе.

ство» с Советским Союзом во имя преодоления блоковых структур и построения единой Европы «от Атлантики до Урала».

Не менее резкие колебания претерпела «восточная политика» непримиримого политического оппонента де Голля – Миттерана. С избранием его в 1981 г. президентом советско-французский диалог оказался временно заморожен, что было связано с последним всплеском холодной войны. Незадолго до этого в Белый дом пришёл Рейган, призвавший к глобальной конфронтации с советской «империей зла». Стремясь рассеять настороженность американцев в связи с приходом к власти во Франции президента-социалиста и правительства союза левых сил с участием, впервые с 1947 г., четырёх министров-коммунистов, Миттеран притормозил взаимодействие с СССР, ссылаясь на ввод советских войск в Афганистан, объявление военного положения в Польше и развёртывание СССР ракет СС-20. По этому последнему вопросу он выступил в бундестаге ФРГ с речью в пользу развёртывания в ответ американских крылатых ракет и ракет «Першинг-2» в Европе, что помогло переломить оппозицию этому в общественном мнении немцев, особенно социал-демократов. «Пацифисты на западе, СС-20 на востоке», – заявлял Миттеран.

Вместе с тем он постарался сбалансировать эти жесты участием французских фирм в строительстве в СССР нефтепровода «Дружба», несмотря на решительное противодействие и даже угрозы санкций со стороны США. Когда же напряжённость в мире несколько смягчилась, а в Советском Союзе началась перестройка, Миттеран активно поддержал М.С. Горбачёва и в ходе нескольких поездок в СССР настойчиво, хотя и безуспешно, предлагал ему совместно искать пути обеспечения стабильности в Европе после падения берлинской стены с помощью создания общеевропейской конфедерации, призванной обеспечить дополнительные гарантии сохранения баланса сил на континенте с учётом объединения Германии.

Столь же резкие зигзаги наблюдались и в политике Ширака. Приход его в 1995 г. в Елисейский дворец ознаменовался охлаждением российско-французских отношений в связи с войнами в бывшей Югославии, особенно в Косово, где французский контингент входил в состав сил НАТО под командованием США, в Чеч-

не, пробуксовкой Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве ЕС–РФ (не в последнюю очередь из-за блокирования французами экспорта ряда российских товаров, например расщепляющихся материалов, в торговле которыми Москва и Париж являлись конкурентами).

Однако уже с начала XXI в. плодотворный диалог между Москвой и Парижем вновь оживился по широкому кругу международных и двусторонних вопросов, чему способствовал доверительный характер личных отношений между руководителями обеих стран – Шираком и Путиным. Высшей точкой этого сближения была общая оппозиция англо-американскому вторжению в Ирак без санкции СБ ООН.

Не избежал этой своеобразной закономерности и Саркози. Построив свою предвыборную кампанию на обещании «разрыва» с шираковским прошлым, он, казалось, намеревался распространить его и на отношения с Россией. Правый кандидат выражал беспокойство по поводу авторитарной эволюции политического режима РФ, осуждал нарушения прав человека и трагические гуманитарные последствия войны в Чечне, упрекал Москву в «грубости» при выборе методов борьбы за признание статуса великой державы с использованием энергетического фактора и т.д. Подобные заявления, сопровождавшиеся обещаниями коренным образом улучшить отношения с США, были расценены рядом аналитиков, в том числе российских, как признаки предстоящего пересмотра партнёрских отношений Парижа с Москвой, восходивших к эпохе де Голля и ставших при двух его преемниках константой внешней политики Пятой республики.

Однако дальнейшее развитие событий не подтвердило эти пессимистические прогнозы. С окончанием предвыборных баталий объективные интересы обеих сторон неуклонно брали верх над недавними словесными упражнениями, а реальная политика – над пропагандистскими стереотипами. Регулярные взаимные визиты министров иностранных дел и обороны по вопросам безопасности, сессии российско-французских Совета и Комиссии по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам на уровне глав правительств, наконец, обмены визитами глав государств и правительств проходили во всё более деловой, кон-

структивной атмосфере поисков точек соприкосновения как в вопросах двустороннего сотрудничества, так и по ключевым проблемам современности.

В ходе первой же личной встречи Саркози с Путиным на саммите «восьмёрки» 2007 г. в Хайлигендамме (ФРГ) французский президент подтвердил привилегированный, стратегический характер отношений между Москвой и Парижем. Основания для этого были сформулированы в речи главы государства на очередной Международной конференции по безопасности в Мюнхене 7 февраля 2009 г. С сожалением признав сохранение взаимного недоверия между ЕС и Россией, он заявил: «У России существует столько фантастических вызовов внутри страны, на которые требуется ответить, что я не вижу в ней прямой угрозы НАТО в Европе. Страна, у которой столько проблем с демографией, не может предпринять военную агрессию по отношению к соседям»⁴³.

Это не осталось пустыми словами. Саркози одним из первых среди руководителей ЕС и НАТО позитивно отозвался о возможности обсуждения идеи подписания Договора о европейской безопасности, выдвинутой Д.А. Медведевым в Берлине 5 июня 2008 г., и созыва для этого международной конференции, вместе с канцлером ФРГ А. Меркель заблокировал на саммите НАТО в Бухаресте вопрос о распространении на Украину и Грузию программы по подготовке к членству в альянсе, в пользу чего решительно выступали США. Отметив взаимодополняемость энергоресурсов России и технологий ЕС, он подчеркнул необходимость восстановить доверие между ними созданием общего экономического и гуманитарного пространства, что особенно актуально в условиях глобального потепления климата. Одной из задач его могло бы стать, по мнению президента, сотрудничество в освоении ресурсов Африки. Отведя возможные обвинения в том, что такая позиция является признаком слабости, Саркози напомнил, что из всех европейских стран Франция в наименьшей степени зависит от российского газа благодаря значительному развитию у неё ядерной энергетики.

---

⁴³ Неофициальный перевод Посольства Франции в РФ. Речь Президента Франции на международной конференции по безопасности. *Ambassade de France en Russie. Moscou, 2009.*

Схожие мысли, но в более развёрнутой форме, фигурировали и в его выступлении на конференции по проблемам мировой политики в Эвиане 6-8 октября 2008 г., где российскую делегацию возглавлял президент РФ Д.А. Медведев: «За последние несколько лет Россия вернулась к экономическому росту, ведущему к новому богатству, к авторитету государства, к влиянию на международной арене. Мир, а Европа больше, чем кто-либо другой, заинтересован в том, чтобы Россия была процветающей, стабильной, участвующей в мировых делах. Это наш интерес. Европа желает, чтобы Россия была сильной: история евростроительства, история нашего континента учит нас, что хороший сосед – это счастливый сосед»⁴⁴.

Среди вопросов, по которым у ЕС с Россией существуют возможности сотрудничества, Саркози назвал борьбу против международного терроризма, против возврата к власти в Афганистане союзников Аль-Каиды, против международного пиратства, распространения оружия массового уничтожения, в частности по ядерному досье Ирана путём принятия СБ ООН резолюций о санкциях.

Признав обоснованность болезненной реакции России на пренебрежение её интересами со стороны Запада, Саркози заметил вместе с тем, что методы, с помощью которых Москва стремится ныне утвердить свой законный статус одной из мировых держав, вызывают обоснованное беспокойство и вопросы международного сообщества: от форм восстановления авторитета государства внутри страны до использования силовой составляющей и умножения спорных вопросов в двусторонних отношениях с рядом государств – членом ЕС. Подобные методы, отмечал Саркози, способны вызвать подозрение, что Россия может счесть конфронтацию одним из способов защиты своих взглядов или продвижения интересов.

Согласно документам госдепартамента США, опубликованным на сайте «Викиликс», в беседах с американскими коллегами французские дипломаты, критикуя подход Москвы к государствам постсоветского пространства, подчёркивали в то же время,

---

⁴⁴ World Policy Conference. Prèmiere édition, Paris, 2008. P. 69.

что можно повлиять на позицию России только путём диалога. Именно таковы были, по их словам, мотивы поддержки Саркози инициативы Д.А. Медведева о перестройки архитектуры европейской безопасности, которая призвана, по мнению Елисейского дворца, «вписать Москву в рамки международных правил поведения».

Наглядной демонстрацией взвешенного подхода Саркози к России, не исключающего критики, явилась его посредническая миссия в качестве председателя Евросоюза в ходе конфликта в Южной Осетии (август 2008 г.). Посетив в самый острый момент – 12 августа и 8 сентября Москву и Тбилиси, он согласовал с Д.А. Медведевым план прекращения вооружённой конфронтации, который позволил стабилизировать обстановку в этом взрывоопасном регионе. Французский президент счёл военную интервенцию Грузии «ошибкой», реакцию российской армии – «непропорциональной», а признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии «неприемлемым». В связи с этим ряд пунктов соглашения о перемирии, особенно по части границ района осуществления миссии международных наблюдателей, не был проведён в жизнь, но главное – прекращение военных действий обеспечено.

Конфликт на Южном Кавказе, с сожалением констатировал Саркози, «вбил новый клин» в отношения между ЕС и Россией, временно заморозив переговоры о заключении нового соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС), призванного заменить предыдущее – 2007 г., срок которого истёк, а многие условия устарели. Тем не менее, президент остался при своём убеждении в том, что «судьбы Европы и России связаны. Они связаны географией, ибо редкие страны меняют свои адреса. Они связаны историей, культурой, очевидной взаимодополняемостью их экономики. Для Европы Россия – третий по объёму рынок, а она сама может успешно осуществить модернизацию и диверсификацию своей экономики только при опоре на Европу, являющуюся её первым торговым партнёром и первым иностранным инвестором... Допустить конфронтацию между ними было бы безумием»⁴⁵.

Важной вехой в развитии российско-французских отношений

---

⁴⁵ World Policy Conference. P. 69.

стала трёхсторонняя встреча Н. Саркози, канцлера ФРГ А. Меркель и президента РФ Д.А. Медведева во французском курортном городке Довиль 18-19 октября 2010 г. Проведённая за месяц до саммита НАТО, посвящённого принятию новой стратегической доктрины альянса, встреча в Довиле позволила уточнить перспективы развития его отношений с Россией по таким существенным вопросам, как возможность взаимодействия в создании региональной системы ПРО, снабжении через российскую территорию сил НАТО в Афганистане, судьба «замороженных» конфликтов в Европе и т.д.

По сравнению с предыдущей встречей в том же формате в 2006 г., когда ещё не были преодолены последствия франко-американского конфликта из-за Ирака, международный контекст свидания в Довиле существенно изменился, как и персональный состав участников. Главная цель Саркози и Меркель состояла в том, чтобы обеспечить присутствие российского президента в Лиссабоне в рамках сессии Совета Россия – НАТО с тем, чтобы найти оптимальные формы их сотрудничества с учётом новой стратегии альянса.

С этой целью А. Меркель затронула выдвинутую в июне 2010 г. идею о создании ЕС совместно с Россией комитета по обороне и безопасности, изложив заодно новые подходы к проблеме Приднестровья. Со своей стороны Саркози вновь подчеркнул решимость добиваться создания единого экономического и гуманитарного пространства ЕС – Россия. «Вновь демонстрируя свою способность к диалогу с Россией по военно-политическим проблемам, глава французского государства может надеяться расширить свои манёвренные возможности среди союзников», – комментировала «Монд»⁴⁶.

Довильская встреча вызвала несколько ревнивые отклики за океаном: «Я удивляюсь – с каких пор европейская безопасность не является больше предметом, касающимся Америки, а становится вопросом, который решают Европа и Россия?» – задавал вопрос представитель госдепартамента США⁴⁷. Тем не менее, глав-

---

⁴⁶ Le Monde, 19 octobre 2010.

⁴⁷ International Herald Tribune, October 2-3, 2010.

ным итогом встречи в Довиле стало согласие российского президента на проведение сессии Совета Россия – НАТО в Лиссабоне параллельно с саммитом альянса, что принесло позитивные результаты по большинству обсуждавшихся конкретных вопросов.

Франко-российский диалог подкрепляется экономическим сотрудничеством. Наиболее крупные инвестиции французских компаний в России, опережающие американские, сосредоточены в энергетической сфере, пищевой промышленности, торговле, финансах (покупка «Тоталь» четверти акций в компании по освоению уникального Штокмановского газоконденсатного месторождения, строительство группами «Рено» и «Пежо-Ситроен» сборочных автозаводов, создание сети супермаркетов «Ашан», «Карфур», «Леруа-Мерлен», банков «Сосьете Женераль Восток», «БНП-Париба» и т.д.). Впервые в истории член Североатлантического союза – Франция, вернувшаяся в его интегрированные структуры, начала переговоры о продаже России вертолётноосцев типа «Мистраль».

Из дипломатической переписки, опубликованной на сайте «Викиликс», следует, что США реагировали на эту сделку крайне болезненно. В ходе беседы министра обороны США Р. Гейтса с его тогдашним французским коллегой Э. Мореном (февраль 2010 г.) он пытался отговорить Париж от данного решения, получив вежливый, но твёрдый отказ. Французский министр подчеркнул, что в результате продажи «Мистралей» вопреки опасениям Грузии, Эстонии и Литвы, баланс сил не изменится ни на Чёрном море, ни на Балтике, тогда как России «будет дан сигнал о готовности к партнёрству в критический момент».

В ходе визита премьер-министра Ф. Фийона в Москву в декабре 2010 г. было официально объявлено о подписании соответствующего контракта, который Франция выиграла на международном тендере. Два «Мистраля» должны быть построены за четыре года, ещё два – позднее с постепенным переводом совместного производства, включая технологическое оснащение, десантно-командных судов в Россию. Общая стоимость контракта оценивается в 2 млрд евро.

Наряду с этим Ф. Фийон обсуждал со своим коллегой В.В. Путиным ряд других экономических проблем, в том числе взаимно-

действие в сфере энергетики (строительство АЭС, экономия энергии и т.д.).

Если, однако, 80% иностранных инвестиций в России и столько же российских за рубежом приходится на Евросоюз, то Франция играет в их экономических отношениях сравнительно скромную роль, не отвечающую потенциалу партнёров. По объёму товарооборота она переместилась в 2007–2010 гг. лишь с девятого места в списке экспортёров в Россию на пятое, всё ещё уступая Германии, Италии, Финляндии, Польше. Мировой финансово-экономический кризис нанёс по российско-французскому деловому сотрудничеству тяжёлый удар: если в 2008 г. их торговля выросла на 35,3% (российский экспорт на 40,4, импорт – на 29,6%), то только за 5 месяцев 2009 г. она сократилась на 37% (соответственно экспорт России на 43,1, импорт – на 26,7%).

Стремясь переломить эту негативную тенденцию, руководители обеих стран приняли решение сделать 2010 г. годом Франции в России, а России – во Франции. Программа «перекрёстного» года, утверждённая на уровне глав правительств, включала более 350 масштабных мероприятий в области экономики, культуры, контактов между представителями как официальных кругов, так и организаций гражданского общества. В ней фигурировали выставки, фестивали, гастроли театров и музыкальных коллективов, контакты учёных, молодёжи и т.д. Президент Д.А. Медведев открыл в марте 2010 г. выставку «Святая Русь» в Лувре, премьер-министр В.В. Путин в июне – Российскую национальную выставку в парижском Большом дворце, президент Саркози принял участие в работе Международного экономического форума в Санкт-Петербурге.

Наряду с Россией французские правящие круги уделяют пристальное внимание ряду государств постсоветского пространства – Украине, Казахстану, Центральной Азии, Закавказью – Грузии, Азербайджану, Армении. Франция входит, наряду с РФ и США, в Минскую группу по урегулированию армяно-азербайджанского конфликта из-за Нагорного Карабаха.

Во время визита в Казахстан в октябре 2009 г. Саркози поддержал кандидатуру президента Н. Назарбаева на пост очередного председателя ОБСЕ, высоко оценив его решение об отказе от

атомного оружия, мирную обстановку в стране, уважение к этническим и национальным меньшинствам. «Казахстан представляет для Франции интерес прежде всего по геополитическим причинам. Париж хочет видеть в нём своего привилегированного союзника в Центральной Азии, как Бразилию в Латинской Америке, Египет в Африке и Индию в Азии. В разгар войны в Афганистане Франция хочет также обезопасить снабжение и транзит для 3 тыс. своих солдат в этой стране, подписав соответствующее соглашение», – отмечала парижская «Монд»⁴⁸.

Пристальное внимание Парижа к Казахстану во многом объясняется его нефтяными и другими природными богатствами. Компании «Тоталь» и «ЖДФ» участвуют в разработке Хвальенского газового месторождения, вложив в него 1 млрд евро. Консорциум во главе с компаниями «Спи-Капаг» и «Венси» строят нефтепровод «Набукко» к Каспийскому морю, которой мог бы стать частью международного проекта, призванного доставить казахскую и азербайджанскую нефть в Европу в обход России. Однако та же «Тоталь» подключилась и к конкурирующему российскому проекту «Северный поток» на Балтике. Наконец, Казахстан покрывает 10% французского импорта урановых руд, тогда как Париж не прочь принять участие в строительстве АЭС в регионе.

* * *

Очередные президентские и парламентские выборы во Франции предстоят, согласно действующей Конституции, в мае-июне 2012 г. Кандидатом от правящего правоцентристского большинства и его ядра – «партии власти» СНД – на второй и последний 5-летний срок скорее всего будет Никола Саркози. Кандидат от левой оппозиции во главе с соцпартией определится не ранее осени 2011 г. Фаворитами на эту роль считаются первый секретарь СП Мартин Обри, бывший кандидат на предыдущих выборах 2007 г. Сеголен Руаяль и глава МВФ Доминик Строс-Кан, хотя за эту роль будут бороться и другие лидеры СП младшего поколения.

Решение французских избирателей зависит, с одной стороны, от оценки ими результатов проведённых Саркози многочисленных реформ, с другой – от убедительности альтернативной про-

---

⁴⁸ Le Monde, 7 octobre 2008.

граммы, которую готовит оппозиционная соцпартия, и личного авторитета её кандидата. На основании первых 3,5 лет первого мандата Саркози можно подвести некоторые предварительные итоги проведения в жизнь его предвыборной платформы 2007 г., за которую отдали свои голоса почти 19 млн французов.

Саркози поставил перед собой поистине масштабную задачу – модернизировать институты Пятой республики, её экономику, внутреннюю и внешнюю политику, адаптировав их к грозным вызовам начала третьего тысячелетия н.э. Внутри страны он обещал снизить налоговое бремя, положить конец чрезмерной бюрократической регламентации экономики и социальной сферы, повысить благодаря этому темпы роста ВВП, добившись сокращения безработицы и улучшения покупательной способности французов.

Во внешней политике Саркози обязался поднять престиж Франции на международной арене, выведя из тупика процесс евростроительства после провала проекта Конституции ЕС, улучшить отношения с США, активизировать сотрудничество с развивающимися странами, особенно средиземноморскими и африканскими, внести весомый вклад в решение глобальных проблем – деградации окружающей среды, нехватки энергоресурсов, борьбы с потеплением климата, международным терроризмом, распространением ядерного оружия, предотвратить угрозу конфронтации Запада с исламским миром.

Столь амбициозная программа объясняет лихорадочный темп реформаторской деятельности президента, затронувшей буквально все стороны жизни французского общества. Частичная ревизия Конституции, начало перестройки органов местного самоуправления, сокращение госаппарата способствовали уменьшению дисбаланса между ветвями власти, центром и провинцией. Одной из приоритетных задач исполнительной власти стала борьба с преступностью и насилием, в том числе в семье и школе, обеспечение безопасности в пригородных зонах благодаря реорганизации силовых ведомств – юстиции, полиции, жандармерии, спецслужб.

Заметными, хотя и неоднозначно оценёнными общественным мнением инициативами президента стали кампания по утверждению национальной идентичности французов, ужесточение иммиграционной политики, содействие интеграции представителей эт-

ноконфессиональных меньшинств во французскую социально-экономическую и культурную среду. Новые акценты появились в отношениях между светским государством, католической церковью и исламом. Обострение проблем молодёжи повлекло за собой реформы системы образования, особенно высшего. В социальной сфере придана большая гибкость трудовому и пенсионному законодательству, в экономике частично перестроены налоговая система, транспорт и связь.

На международной арене Саркози активно способствовал разработке и принятию Лиссабонского договора, восстановил доверительный диалог с США, в частности, благодаря взаимодействию с ними на Большом Ближнем Востоке и возврату Франции в объединённое командование НАТО. Причём это произошло не за счёт ухудшения отношений Франции с Россией, Китаем, государствами Африки, Азии, Латинской Америки, сотрудничество с которыми по ряду направлений заметно расширилось.

Тем не менее, этот, казалось бы, внушительный итог вызвал противоречивые оценки французского общественного мнения и СМИ. В ходе опроса, проведённого в августе 2010 г., 70% респондентов отметили, что они не удовлетворены достигнутыми результатами, и лишь 27% одобрили их. Эти оценки относились не только к результатам, но и к политическим ориентациям Саркози (36% положительных ответов), стилю его правления (35%), освещению СМИ его личной жизни (39%)⁴⁹. Согласно другому опросу полгода спустя 62% респондентов высказались против выдвижения им своей кандидатуры на второй срок, а 57% предсказали ему в противном случае поражение.

Эти данные подтверждаются и результатами промежуточных выборов в органы местного самоуправления – муниципальные, кантональные (в генеральные советы департаментов), региональные, на которых «партия власти» – СНД – потерпела чувствительное поражение, утратив контроль над советами 21 регионов метрополии из 22 и мэриями ряда крупных городов.

Главной причиной трудностей президента, несомненно, был глубокий финансово-экономический кризис, который начался в

---

⁴⁹ Libération, 24 avril 2010.

2007 г. в США и приобрёл год спустя глобальный характер, не обойдя Францию. Падение ВВП, рост безработицы, разбухание бюджетного дефицита по существу сорвали первоначальную программу Саркози в области экономики. Несмотря на то что активные действия президента и правительства Ф. Фийона на национальном и международном уровнях позволили отчасти амортизировать последствия кризиса для Франции, связанные с этим колоссальные расходы привели к дальнейшему росту бюджетного дефицита и госдолга во всех странах ЕС, включая Францию. Попытки найти оптимальный синтез рудиментов французской дирижистской модели с англосаксонским либерал-монетаризмом принесли половинчатые, противоречивые результаты. Правящие круги были вынуждены прибегнуть к мерам строгой экономии – замораживанию расходной части бюджета, урезыванию социальных программ и т.д., что не осталось без последствий.

Помимо факторов внешнего порядка сыграли свою роль и внутренние причины. В глазах значительной части французов издержки модернизации и кризиса были распределены несправедливо: бюджетная, прежде всего, налоговая политика правительства воспринималась как отвечающая интересам обеспеченных слоёв населения за счёт остальных. По данным Национального института статистики и экономических исследований (ИНСЭЕ) 1% населения получает 5,5% всех своих доходов от профессиональной деятельности, 32% – от состояния и 46% – от финансовых операций⁵⁰. Общая тенденция поляризации доходов, свойственная с 1970–1980-х гг. всем постиндустриальным странам, воспринимается во Франции с её эгалитаристскими традициями весьма болезненно, особенно с учётом близости Саркози к видным представителям делового мира.

Ущерб популярности президента, поначалу высокой, нанёс и персональный стиль его правления. Стремление единолично решать не только стратегически важные, но даже мелкие, второстепенные вопросы приводило к тому, что персональная ответственность за трудности и неудачи возлагалась на «гиперпрезидента». Это неизбежно вело на фоне экономического кризиса к эрозии ав-

---

⁵⁰ Libération, 3 avril 2010.

торитета главы государства. Неудивительно, что рейтинг премьер-министра Ф. Фийона, державшегося как бы в тени Саркози, обогнал президентский, чего никогда не бывало в истории Пятой республики и противоречило изначально сложившимся в ней правилам политической пары.

Тем не менее, выводы относительно исхода выборов 2012 г. были бы явно преждевременны. Оба предшественника Саркози в Елисейском дворце – Ширак и Миттеран – во время их первых президентских мандатов имели почти столь же низкие рейтинги и терпели не менее чувствительные поражения на промежуточных местных выборах, что не помешало им успешно переизбраться на второй срок. В правоцентристском большинстве достойных конкурентов Саркози пока не видно: бывшие премьер-министры Ален Жюппе и Доминик де Вильпен воспринимаются как фигуры из прошлой, шираковской эпохи, а нынешний – Франсуа Фийон, полномочия которого продлены в ноябре 2010 г., дал понять, что выставлять свою кандидатуру против Саркози не собирается.

К тому же президент принял меры по смягчению недовольства в стране, скорректировав некоторые прежние реформы – отменил налог на выбросы углекислого газа в атмосферу, сохранил независимое следствие, подчинённое судам, а не прокуратуре и т.д. Глава государства стал реже появляться на телевидении, сократил разбухший аппарат Елисейского дворца, передав решение ряда вопросов правительству, из которого удалены скомпрометировавшие себя министры, сделал жесты в адрес важных сегментов его электората – фермеров, врачей, судей, лиц свободных профессий, пенсионеров, молодёжи. «Речь идёт о том, чтобы превратить безудержно активного президента-реформатора в более величественного главу государства, соблюдающего порядок своих приоритетов. Короче, превратить перманентного кандидата в президенты, чтобы получить возможность снова сделать его солидным кандидатом», – отмечала «Монд» в передовице, посвящённой третьей годовщине избрания Саркози⁵¹.

Сумеет ли левая оппозиция и её ядро, соцпартия, выдвинуть убедительную альтернативную программу, найти весомых союз-

---

⁵¹ Le Monde, 6 mai 2010.

ников и достаточно популярного, кредитоспособного кандидата на следующих президентских выборах покажет дальнейшее развитие событий. Таким образом, политическое будущее Франции остаётся открытым и, как это уже не раз бывало в прошлом, многовариантным.

ГЛАВА 9. НА НОВОМ ВИТКЕ ИСТОРИИ: ВЫБОРЫ 2012 г.*

Президентские и парламентские выборы 2012 г. открыли новую главу в политической истории современной Франции. Впервые за последние 17 лет в Елисейский дворец пришёл президент-социалист Франсуа Олланд. Назначенное им правительство Жан-Марка Эйро опирается на абсолютное большинство соцпартии в обеих палатах парламента – Национальном собрании и Сенате. Социалисты контролируют 21 региональный совет из 22, в том числе столичный Иль-де-Франс, свыше половины из 96 генеральных советов департаментов метрополии, мэрии крупнейших городов – Парижа, Лиона, Лилля, Тулузы, Нанта, Ренна, Дижона и т.д. Такой концентрации власти в руках левой партии не бывало в Пятой республике ещё никогда.

Однако масштабы этого сдвига не стоит преувеличивать: в первом туре президентских выборов Олланд опередил уходящего правоцентристского президента Саркози всего на полтора процентных пункта, во втором на три. В нижней палате социалисты располагают абсолютным, но не конституционным большинством ($\frac{3}{5}$ состава обеих палат), а в верхней для принятия спорных законопроектов будут, скорее всего, нуждаться в голосах союзников – «зелёных» и левых радикалов.

Это, само собой разумеется, не ставит под вопрос легитимность победы левых сил. Пересчёт голосов имел место лишь в отдельных округах, где судьба депутатского мандата зависела от сотни-другой бюллетеней, причём только из-за возможности су-

---

* Современная Европа, № 4(52), октябрь-декабрь 2012 г. С. 19-33.

губо технической ошибки, а не сознательной подтасовки.

Политическая ответственность французских социалистов, монополизировавших властные структуры в своей стране, чрезвычайно высока, тогда как свобода их манёвра в экономике крайне ограничена. Делить эту ответственность не с кем, а списывать на мировой кризис или тяжёлое наследство, доставшееся от правых, долго не удастся. Непопулярные, но неизбежные меры по сокращению бюджетных расходов и введение новых налогов при весьма скромных средствах для стимулирования экономического роста рискуют девальвировать предвыборные обещания соцпартии, вызывая разочарование избирателей.

Подобная ситуация не является новой – очень похожая уже имела место в начале 1980-х гг. при первом президенте-социалисте Франсуа Миттеране. Тем не менее, этому незаурядному политическому деятелю удалось оставаться хозяином Елисейского дворца на протяжении долгих 14 лет (1981–1995 гг.) при самых крутых поворотах политической конъюнктуры. Сумеет ли его нынешний преемник Франсуа Олланд с успехом использовать уникальный опыт Миттерана, которого всегда называет своим учителем и примером для подражания, покажет время. Его успехи и неудачи будут определяться как внешними факторами, так и эволюцией баланса политических сил внутри страны, сложившегося на президентских и парламентских выборах 2012 г.

Президентские выборы

Согласно действующей Конституции 1958 г. президент Французской республики избирается прямым всеобщим голосованием на пять лет, причём никто не имеет права занимать этот пост более двух раз подряд. Для избрания необходимо получить абсолютное большинство поданных голосов – свыше 50%. Если его не получил никто, то через две недели проводится второй тур – баллотировка, где остаются два кандидата, получившие в первом больше голосов, чем остальные⁵².

---

⁵² Продолжительность мандата главы государства была сокращена с семи до пяти лет в 2000 г., а ограничение двумя сроками подряд в 2008 г. *Constitution de la République Française*. Paris, 2010. P. 21-22.

Для внесения в список кандидатов достаточно получить письменное поручительство 500 выборных лиц-депутатов, сенаторов, председателей региональных и генеральных советов, мэров коммун. Поскольку коммун, то есть населённых пунктов, жители которых избирают муниципальный совет и мэра, во Франции более 36 тысяч, то число кандидатов в первом туре президентских выборов бывает обычно довольно значительным – в 2012 г. их насчитывалось десять, в 2007 г. – 12, а в 2002 г. даже 16. Поэтому на протяжении более чем полувековой истории Пятой республики в первом туре не избирался ещё никто.

Политической опорой Саркози в борьбе за пост главы государства в 2007 г., а пять лет спустя за его сохранение, служила партия Союз за народное движение (СНД). Созданная путём слияния неоголлистского Объединения за республику (ОПР) и либерального Союза за французскую демократию (СФД)⁵³, она являлась подлинной «партией власти» – ядром правоцентристского парламентского большинства и опиравшихся на него кабинетов в 2002–2012 гг., вела предвыборные кампании всех уровней – от муниципальных до европейских, поставляла кадры для ключевых государственных должностей, начиная с правительства.

За влияние в СНД всегда соперничали разные течения и деятели – генсек Жан-Франсуа Копе, премьер-министр Франсуа Фийон, экс-премьер (бывший председатель партии) Ален Жюппе. Однако безраздельный контроль над ней оставался в руках Никола Саркози и его ближайшего личного окружения в Елисейском дворце, ввиду чего никаких сомнений в поддержке его кандидатуры на второй президентский мандат быть не могло⁵⁴.

У главного соперника СНД в борьбе за верховную власть – оппозиционной социалистической партии (СП) – поиски достойного конкурента Саркози оказались гораздо сложнее. На предыдущих президентских выборах 2007 г. её представляла Сеголен Руаяль – председатель регионального совета провинции Пуату-Шарант, занимавшая в прошлом малозначительные министерские

---

⁵³ ОПР была создана в 1975 г. Жаком Шираком, СФД в 1978 г. В. Жискара д'Эстеном. Их объединение произошло в 2002 г.

⁵⁴ Ю.И. Рубинский. Франция. Время Саркози. М., изд-во «Международные отношения», 2011 г. С. 213-249.

посты в левом правительстве Лионеля Жоспена (1997–2002 гг.). Силы оказались неравными: уступая по опыту, бойцовским качествам, убедительности реформаторской программы лидеру СНД, она потерпела закономерное поражение. Поскольку Руаяль не поддерживали ни ветераны СП из бывшего окружения Ф. Миттерана, ни большинство представителей младшего поколения, повторение этого неудачного эксперимента пять лет спустя заведомо исключалось.

Значительная часть соцпартии долго связывала свои надежды с представителем её социал-либерального крыла Домиником Строс-Каном, занимавшим престижный пост исполнительного директора Международного валютного фонда (МВФ), который играл важную роль в антикризисных мероприятиях последних лет. В Строс-Кане видели французский эквивалент Тони Блэра у британских лейбористов или Герхарда Шрёдера у германских социал-демократов. Опросы общественного мнения давали ему, казалось, достаточно высокие рейтинги. Однако в мае 2011 г. ДСК, как его обычно называли, был арестован полицией Нью-Йорка по обвинению в попытке изнасилования горничной отеля «Софитель» и попал под суд. Вызванный этим громкий скандал поставил крест на его политической карьере.

Когда скоро сроки очередных президентских выборов неуклонно приближались, руководство СП прибегло к необычной для Франции процедуре отбора своего кандидата по американскому образцу – путём первичных выборов («праймериз»), в которых впервые приняли участие не только члены партии, но и её избиратели – всего около 1 млн человек.

В претендентах недостатка не было. Среди них фигурировали прежний кандидат Сеголен Руаяль, первый секретарь СП, мэр Лилля Мартин Обри, её предшественник на этом посту Франсуа Олланд, экс-премьер Лоран Фабиус, Арно Монтебур и др. Победу во втором туре «праймериз» одержал Олланд.

Успех кандидата, не пользовавшегося широкой известностью за пределами аппарата СП, который возглавлял десять лет подряд (1997–2007 гг.), был связан с тем, что он не принадлежал к определённому фракционному течению, а гибко лавировал между ними. Поэтому его компромиссная фигура оказалась наиболее при-

емлемой для всех соперничавших группировок, давая партии шанс преодолеть кризис идентичности – программы, стратегии, лидерства, затянувшийся на полтора десятилетия после кончины первого президента-социалиста Франсуа Миттерана.

Одной из особенностей общественной жизни Франции всегда было наличие на крайних флангах идейно-политического спектра радикальных сил, ставящих под вопрос (хотя в основном словесно) не только ту или иную политику правительства, но и существующую систему в целом, пусть даже при уважении конституционной законности и республиканских ценностей. В 2012 г. тенденция к поляризации политических сил давала себя знать в первом туре президентских выборов на фоне мирового экономического кризиса особенно заметно.

Слева её представлял Жан-Люк Меланшон – депутат Европарламента, бывший министр-социалист, порвавший с СП и создавший собственную Левую партию, а затем и Левый фронт при поддержке некогда мощной, но маргинализованной коммунистической партии. На массовых митингах Меланшон призывал своих сторонников ликвидировать «засилье финансовой олигархии», поднять на треть минимальную зарплату, созвать Учредительное собрание для принятия конституции новой, Шестой республики, выйти из НАТО и т.д. Безответственная социальная демагогия кандидата Левого фронта, активная защита им интересов национальных, культурных, сексуальных меньшинств облекалась им в старомодную, архаичную лексику Великой Французской революции 1789 г.⁵⁵

В аналогичном ключе выступали прочие ультралевые кандидаты от мелких троцкистских группировок – Натали Арто («Рабочая борьба»), Филипп Путу («Новая антикапиталистическая партия») и левый технократ, самовыдвиженец Жак Шеминад⁵⁶.

На противоположном, крайне правом фланге, своего рода аналогом и антагонистом Меланшона выступала кандидат Национального фронта (НФ) Марин Ле Пен. Сменив на посту лидера

---

⁵⁵ Jean-Luc Mélanchon. Prenez le pouvoir. Paris, 2012. P. 2-4.

⁵⁶ Nathalie Arthaut. Candidat de la Lutte ouvrière. Paris. 2012; Philippe Poutou. Aux capitalistes de payer leurs crises. Paris, 2012.

ультраправой партии своего отца, основателя НФ 83-летнего Жан-Мари Ле Пена, она сохранила его главные лозунги – требования резкого ужесточения иммиграционной политики, прежде всего в отношении арабов-мусульман из Северной Африки, выдворения нелегалов, предоставления преимуществ французам при приёме на работу и гарантий социальных льгот, сугубо репрессивный уклон в борьбе против преступности и терроризма и т.д. Вместе с тем она сгладила прежние провокационные крайности НФ расистского и антисемитского характера, дополнив свою предвыборную программу экономическими и внешнеполитическими требованиями не менее популистского, демагогического типа – пересмотра всех договоров ЕС, выхода Франции из еврозоны, ограждения её протекционистскими таможенными барьерами от импорта из развивающихся стран с дешёвой рабочей силой и т.д. «Я положу конец диктатуре финансовых рынков, создав сильное государство... Франция вновь обретёт независимость и выйдет из-под опеки Соединённых Штатов», – обещала М. Ле Пен⁵⁷.

В этих вопросах нового лидера НФ поддерживал другой крайне правый кандидат – «суверенист» Никола Дюпон-Эньян, призывавший освободить Францию от «Европы банкиров и хулиганов»⁵⁸.

Псевдореволюционная риторика Меланшона, с одной стороны, ультраконсервативная Ле Пен – с другой, апеллировали, несмотря на их демонстративный антагонизм, к одному и тому же протестному электорату, отчасти унаследованному обоими от компартии – рабочим традиционных отраслей промышленности, приходящих в упадок, безработной молодёжи, представителям страдающих от кризиса мелкобуржуазных средних слоёв. Неудивительно, что в некоторых вопросах идейно-политические антиподы заимствовали лозунги (например, протекционистские) друг у друга.

На протяжении года, предшествовавшего президентским выборам, рейтинги лидера Левого фронта неуклонно росли от 6 до 9%, а Национального фронта зашкаливали порой даже за 20. Не-

---

⁵⁷ Marine Le Pen. *Oui, la France*. Paris, 2012. P. 2-3.

⁵⁸ Nicolas Dupont-Aignan. *La France libre*. Paris, 2012. P. 2-3.

которые аналитики не исключали даже повторения ситуации 2002 г., когда Жан-Мари Ле Пен обошёл в первом туре кандидата соцпартии премьер-министра Лионеля Жоспена, оставшись во втором лицом к лицу с создателем правоцентристской СНД, тогдашним президентом Жаком Шираком, что принесло последнему переизбрание на второй срок беспрецедентным большинством более 80% голосов.

Хотя повторение подобного сценария, но в обратном варианте – опережением уходящего президента Саркози М. Ле Пен в первом туре и поединка её во втором с Олландом являлось маловероятным, сам по себе рост влияния крайних сил в ущерб центру выглядел достаточно очевидным. Такой вывод подтверждался неутешительными рейтингами кандидата центристской партии Демократическое движение (МОДЕМ) Франсуа Байру.

Будучи в 1990-х гг. министром образования в правых кабинетах, он, тем не менее, отказался примкнуть в 2002 г. к СНД и сделал ставку на лавирование между двумя традиционными политическими лагерями в надежде играть роль арбитра между ними. На президентских выборах 2007 г. эта цель казалась близкой: в первом туре кандидатура Байру получила внушительные 17% голосов, побудив представителя СП Руаяль негласно предложить ему за поддержку пост премьер-министра. Хотя избрание главой государства Саркози сделало дальнейший торг беспредметным, Байру надеялся продолжить ту же тактику и пять лет спустя – в 2012 г.⁵⁹

Однако на сей раз обстановка существенно изменилась. Поляризация политических сил на фоне мирового кризиса всё более явно выбивала почву из-под центристских комбинаций, о чём говорили результаты опросов общественного мнения: в январе-феврале 2012 г. рейтинг Байру снизился с 17 до 13% и продолжал падать. Его программа, сочетавшая обещания реформ как левого, так и правого толка, выглядела всё менее убедительно. Многие центристские политики предпочитали связать свою судьбу с одним из двух лагерей – правым (экс-министр по вопросам экологии при Саркози Жан-Луи Борлоо, возглавлявший партию радикалов, бывший министр обороны Эрве Морен, создавший мелкую груп-

---

⁵⁹ François Bayrou. *La France solidaire*. Paris, 2012.

пу Новый центр) либо левым – кандидат «зелёных» Эва Жоли, Движение левых радикалов.

В итоге Байру оказался между двух стульев. Саркози и Олланду приходилось вести борьбу с оглядкой не столько на всё менее многочисленных колеблющихся избирателей центра, от которых обычно зависит исход любых выборов, сколько на протестный электорат крайних флангов каждого лагеря, делая порой уступки экстремистской демагогии Ле Пен и Меланшона.

Это радикализовало общий тон кампании, придавая ей нередко характер соревнования в популизме, толкая кандидатов ведущих системных партий на скользкий путь «чёрного пиара», использования компромата, личных нападок. Такая ситуация вызывала у общественного мнения, как во Франции, так и за рубежом, явное разочарование, а порой и раздражение: британский еженедельник «Экономист» назвал даже президентскую кампанию 2012 г. во Франции «фривольной».

Столь нелестная оценка объяснялась рядом факторов субъективного порядка. Уязвимой стороной Саркози была необходимость давать отчёт избирателям за итоги своего 5-летнего правления, отмеченные последствиями глобального кризиса. Обещав в 2007 г. стать «президентом покупательной способности французов», призывая их «больше работать, чтобы больше зарабатывать», уходящий президент вынужден был теперь объяснять причины стагнации экономики страны, падения её конкурентоспособности, безработицы 10% самодеятельного населения, углубления неравенства доходов.

К тому же налоговая политика Саркози отвечала интересам, прежде всего, имущих слоёв, стяжав ему нелестную репутацию «друга богатых». Она усугублялась спецификой характера уходящего президента – его несколько вульгарными вкусами, образом жизни, в том числе личной близостью к верхушке делового мира и шоу-бизнеса, пристрастие к дорогим ресторанам, аксессуарам престижных торговых брендов. Критику вызывал и стиль его правления – суетливая активность, вмешательство в решение всех, даже второстепенных вопросов, эгоцентричное стремление постоянно держаться в центре внимания СМИ («гиперпрезидент»). Это резко контрастировало с прочно укоренившимся в представ-

лениях французов величественным образом президента как «республиканского монарха».

Давали себя знать, наконец, и многочисленные скандалы, связанные с финансированием предвыборной кампании Саркози в 2007 г. («дело Беттанкур»). От судебного расследования главу государства защищала лишь его юридическая неприкосновенность, которая отменялась с истечением срока мандата, что уже испытал на себе его предшественник Ширак, осуждённый на два года условно за финансовые нарушения, допущенные им в бытность мэром Парижа.

Всё это не могло не отразиться на имидже уходящего президента в глазах «народной» части правого электората СНД, а отчасти даже его буржуазно-консервативном, традиционалистском ядре. В ходе опроса, проведённого в августе 2010 г., 70% респондентов ответили, что они не удовлетворены достигнутыми Саркози результатами и лишь 24% одобрили их. Эти оценки относились не только к результатам, но и политическим ориентациям президента (36% положительных ответов), стилю его правления (35%), освещению СМИ его личной жизни (39%)⁶⁰. Согласно другому опросу полтора года спустя 62% высказались против выдвижения им своей кандидатуры на второй срок, а 57% предсказали в противном случае поражение⁶¹.

Тем не менее, Саркози был не из тех политиков, которые падают духом в трудных обстоятельствах. Основным мотивом его кампании стал лозунг «Сильная Франция». Президент-кандидат в собственные наследники утверждал, что именно благодаря ему стране удалось справиться с испытаниями мирового кризиса успешнее, чем остальным членам ЕС (кроме Германии), проведя при этом важные реформы по модернизации пенсионной системы, высшей школы, трудовых отношений, сокращению госаппарата и т.д. В условиях кризиса, подчёркивали сторонники Саркози, только его внушительный опыт государственной деятельности, энергия и решительность могут обеспечить авторитет государства, единство нации, её идентичность и шансы в борьбе за

---

⁶⁰ La Libération, 24.08.2010.

⁶¹ Le Monde, 25.08.2010.

достойное место в Европе и в мире.

К этому добавлялись испытанные ещё на предыдущих президентских выборах обещания ужесточить иммиграционную политику и обеспечить безопасность граждан от насилия, преступности, терроризма, явно перекликавшиеся с излюбленной тематикой пропаганды НФ⁶².

Образ Олланда выглядел зеркальным отражением Саркози, но с обратным знаком. Будучи практически одного возраста с соперником (57 и 59 лет), Франсуа Олланд, сын преуспевающего провинциального врача, получил солидное образование, типичное для представителей французского политического и чиновничьего истеблишмента – окончил парижский Институт политических наук (Sciences Po), затем Национальную школу администрации (ЭНА), начал госслужбу аудитором Счётной палаты.

Однако опыта пребывания на ответственных правительственных постах национального уровня, сравнимого с блестящей карьерой Саркози, который успел побывать до Елисейского дворца на ключевых постах министра внутренних дел, экономики и финансов, у него явно не хватало. Мэр городка Тюль в юго-западном департаменте Коррез, председатель его генерального совета, депутат – этим послужной список Олланда исчерпывался. Важнейшей ступенькой на пути к власти стало для него десятилетнее руководство аппаратом соцпартии в качестве её первого секретаря (1997–2007 гг.)⁶³.

Зато Олланд казался ближе, чем его соперник, к «реальной стране», её общественной жизни не только в Париже, но и в провинции. Если опросы общественного мнения признавали за Саркози высокую компетентность в экономических, административных, международных вопросах, то за Олландом – понимание забот рядовых граждан, особенно скромного достатка, стремление более справедливо распределить между французами тяготы мирового кризиса.

Кандидат соцпартии обязался довести налоги на лиц с дохо-

---

⁶² Nicolas Sarkozy. *La France forte*. Paris, 2012. P. 3-4.

⁶³ Вынужденный уход Олланда с этого ключевого поста был следствием поддержки им проекта Конституции ЕС, расколовшего соцпартию и провалившегося на референдуме 20 мая 2005 г.

дом свыше 1 млн евро до 75%, повысить их на прибыли корпораций, крупные состояния, увеличив в то же время минимальную зарплату, сократить почти на треть должностной оклад президента (удвоенный Саркози), министров, депутатов. «Я не люблю богатых», – повторял Олланд, обещая стать в Елисейском дворце прямой противоположностью своего предшественника – скромным, уравновешенным, демократичным, одним словом «нормальным» президентом⁶⁴.

По вопросам внешней политики Олланд ограничивался обещаниями вывести французские войска из Афганистана уже в 2012 г., пересмотреть «пакт бюджетной дисциплины» ЕС, разработанный по инициативе А. Меркель, добавить к нему меры по стимулированию экономического роста в еврозоне, активизировать участие Франции в урегулировании конфликтов на Ближнем Востоке и в Африке. Поскольку, однако, международные дела – главный козырь Саркози в президентской кампании почти отсутствовали, это бесспорно играло на руку кандидату СП.

Результаты первого тура президентских выборов, состоявшегося 22 апреля 2012 г., в целом подтвердили прогнозы. Явка избирателей оказалась высокой, составив 80,46%. Среди десяти кандидатов лидировал Франсуа Олланд с 28,63% поданных голосов, за ним следовали Никола Саркози – 27,18%, Марин Ле Пен – 17,9%, Жан-Люк Меланшон – 11,1 и Франсуа Байру – 9,13%. Список замыкали Эва Жоли – 2,31%, Никола Дюпон-Эньян – 1,79%. Троцкистам Филиппу Путу, Натали Арто и маргиналу Жаку Шеминаду достались по 0,5-1%⁶⁵.

Анализируя эти данные, эксперты сходились на том, что их отличием от первого тура предыдущих выборов 2007 г. было, прежде всего, отставание, хотя и небольшое (1,5%), уходящего президента от его главного конкурента, чего раньше не бывало никогда.

Однако главным сюрпризом первого тура стал высокий результат кандидата НФ М. Ле Пен, которая превзошла показатели своего отца в 2002 и 2007 гг. Итоги лидера Левого фронта Ж.-Л.

---

⁶⁴ François Hollande. Le changement c'est maintenant. Paris, 2012. P. 4.

⁶⁵ Le Monde, 24.04.2012.

Меланшона оказались менее значительными, чем ожидалось. Наконец, результат кандидата центристского МОДЕМ Ф. Байру, потерявшего по сравнению с выборами 2007 г. половину своих избирателей, выглядел явно провальным. Таким образом, общая тенденция к поляризации сил продолжалась. Вместе с тем её влияние на перспективы во втором туре двух оставшихся претендентов – Олланда и Саркози – было неодинаковым.

Кандидату СП не было нужды особо заботиться о позициях Меланшона, «зелёных», левых радикалов или троцкистов: в соответствии с традиционным правилом «республиканской дисциплины» их лидеры призывали своих избирателей не допустить переизбрания Саркози на второй срок, единодушно отдав свои голоса Олланду. Более того, центрист Байру после долгих колебаний объявил, что «в личном качестве» решил сделать такой же выбор.

Напротив, у Саркози дела обстояли гораздо хуже. Для победы ему необходимы были не менее двух третей протестного электората НФ. Поэтому уходящий президент решился под влиянием своего весьма консервативного советника П. Бюиссона совершить между двумя турами крутой вираж вправо, взяв по существу на вооружение многие лозунги Национального фронта.

Однако лидер НФ М. Ле Пен не спешила идти ему навстречу. Заявив, что она не видит большой разницы между СНД и соцпартией, итоги правления которых были, по её мнению, в равной мере плачевными, она сообщила о намерении опустить белый, недействительный бюллетень. Такое решение было с её стороны вполне логичным. В 2002 г., когда отец Марин прошёл во второй тур президентских выборов, опередив в первом социалиста Жоспена, его оппонент, тогдашний президент Ширак обвинил соперника в отходе от республиканских ценностей, призвав окружить НФ «санитарным кордоном», и получил в результате свыше 80% голосов как умеренно правых, так и левых избирателей. Тактика М. Ле Пен десять лет спустя диктовалась, разумеется, не чувством личной мести наследнику Ширака, а трезвым расчётом. Провал Саркози лишил СНД общепризнанного вождя, создавая условия для раскола бывшей «партии власти» и переформатирования всего правого лагеря, где НФ имела в таком случае шансы выйти из прежнего «гетто» и занять весомое место в парламенте, а в буду-

шем и в правительстве.

В таких условиях результаты второго тура не стали неожиданностью: Олланд получил 51,64% поданных голосов (18,0 млн), Саркози 48,36% (16,8 млн)⁶⁶. Если активность избирателей сохранялась на прежнем высоком уровне, то число недействительных или белых бюллетеней заметно увеличилось. Тем самым подтвердилась эффективность тактики М. Ле Пен – из её избирателей за Саркози голосовали не многим более половины, тогда как остальные воздержались или даже голосовали за Олланда.

На предыдущих президентских выборах 2007 г., когда Саркози одержал победу с более значительным преимуществом над Сеголен Руаяль (5,1%), большинство избирателей проголосовало именно за него, ибо он олицетворял тогда динамизм, стремление к переменам, надежду на модернизацию страны после десятилетия шираковского застоя. Большая часть традиционного левого электората голосовала тогда не столько за Сеголен Руаяль, сколько против Саркози.

Пять лет спустя ситуация оказалась обратной – большинство избирателей отдало свои голоса не столько за Олланда, сколько против Саркози, причём не только из-за итогов его 5-летнего правления, которые пришлось на период мирового экономического кризиса, но ввиду аллергии немалой части французских избирателей к его неординарной, яркой, но весьма противоречивой фигуре.

Парламентские выборы

Первым шагом нового главы государства после инаугурации 15 мая 2012 г. явилось назначение премьер-министра. Им стал 62-летний мэром Нанта, председатель группы (фракции) соцпартии в нижней палате парламента – Национальном собрании Жан-Марк Эйро. Этот спокойный, сдержанный, гибкий политик, в прошлом учитель немецкого языка в лицее, был предпочтён жёсткой, волевой Мартине Обри, преемнице Олланда на посту первого секретаря соцпартии и его сопернице в борьбе за выдвижение кандидатуры СП на президентских выборах. Отказавшись войти в правительство и участвовать в парламентских выборах, Обри

---

⁶⁶ Le Monde, 09.05.2012.

предпочла остаться мэром Лилля.

Ключевые правительственные посты заняли видные деятели соцпартии, представлявшие различные фракционные течения – экс-премьер Лоран Фабиус стал министром иностранных дел, Мануэль Вальс – внутренних дел, Жан-Ив Ле Дриан – обороны, Мишель Сапен – труда и занятости, бывший руководитель кампанией Олланда Пьер Московиси – экономики, Венсан Пейон – народного образования и т.д.⁶⁷ Портфель министра юстиции, второго по протоколу в кабинете, достался «цветной» уроженке заморского департамента Гвиана в Южной Америке Кристиан Тобира. Другим левым радикалам и «зелёным» достались два-три второстепенных поста.

Впервые в истории Франции было чётко соблюдено обещанное Олландом правило гендерного равенства – женщины составили ровно половину из 48 министров и министров-делегатов.

Первоочередной задачей Эйро стала подготовка к кампании перед выборами в Национальное собрание, назначенными на 10 и 17 июня 2012 г. Премьер-министр, имевший солидный опыт парламентской деятельности, заявил, что 24 члена правительства и он сам выдвинут свои кандидатуры в депутаты, а в случае поражения покинут кабинет. Испрашивая таким образом вотум доверия избирателей для половины министров, Эйро стремился повысить авторитет правительства с учётом перспективы принятия им в ближайшем будущем непопулярных социально-экономических решений. Вместе с тем участие членов правительства в выборах подкрепляло шансы соцпартии на получение прочного парламентского большинства.

Этот ловкий, хотя и рискованный шаг полностью оправдал себя: все 25 министров были избраны (сам премьер уже в первом туре в родном Нанте), после чего в соответствии с Конституцией сложили свои депутатские полномочия, передав их избранным одновременно в тех же округах заместителям.

В ходе парламентских выборов основная тема кампании социалистов и их партнёров по левому лагерю сводилась к необходимости дополнить президентское большинство парламентским.

---

⁶⁷ Chambre et Sénat № 67, juin 2012. P. 16-17.

Новый президент ставил перед своими избирателями логичный вопрос: «Вы избрали меня главой государства – дайте же теперь назначенному мной правительству средства, чтобы провести в жизнь его программу».

Лейтмотив кампании правых партий, прежде всего СНД, был прямо противоположным: они призывали помешать социалистам, завоевавшим Елисейский дворец, установить контроль ещё над Бурбонским и Люксембургским – резиденциями Национального собрания и Сената, создать там солидный правоцентристский противовес им во избежание чрезмерного перекоса политики страны влево. Однако этот тезис звучал малоубедительно, ибо на протяжении всего предыдущего десятилетия сами правые располагали всей полнотой политической власти. Раздел же её – «сожительство» левого президента с правым парламентским большинством и кабинетом (1994–1998 гг., 1993–1995 гг.) или наоборот (1997–2002 гг.), которое каждый раз дестабилизировало институты Пятой республики, оставило после себя негативные воспоминания.

Выборы депутатов Национального собрания во Франции проходят по 577 одномандатным округам в два тура. Для избрания в первом необходимо получить не менее 50% поданных голосов и при этом как минимум четверть всех зарегистрированных избирателей⁶⁸. Если абсолютное большинство не собирает никто, то через неделю проводится второй тур – баллотировка, где для избрания достаточно относительного большинства. Однако в отличие от президентских выборов во второй тур проходят не только два, но все кандидаты, собравшие в первом не менее 12,5% поданных голосов.

В промежутке между турами внутри левого и правого лагерей идёт торг о взаимном снятии кандидатов, прошедших барьер 12,5%, в пользу того, кто имеет с учётом результатов первого тура наилучшие шансы нанести поражение общему противнику. Таким образом, в первом туре французы выбирают, во втором устраняют – отдают голос сначала тому, кто привлекательнее других, а затем против того, кто особенно неприятен. Поэтому в

---

⁶⁸ Pierre Brechon. La France aux urnes. Soixante ans d'histoire électorale. Edition 2004. Documentation française, Paris, 2003.

большинстве округов во втором туре остаются обычно два конкурента. «Треугольные» выборы являются довольно редкими, так как раскол своего лагеря, играющий на руку противнику, считается нарушением неписанных правил игры и может быть наказан на следующих выборах – национальных или локальных.

На сей раз левые показали более высокую степень единства, что сыграло на руку, прежде всего, партии президента и премьера – социалистам. «Зелёные», левые радикалы и даже популистский Левый фронт, включавший коммунистов, почти повсюду неукоснительно соблюдали правило «республиканской дисциплины» – случаи диссидентства, караемого исключением из партии и её парламентской фракции, были редкостью.

Исключением оказался лишь округ г. Лярошель, где выступали два кандидата-социалиста – бывший неудачливый представитель СП на президентских выборах 2007 г. Сеголен Руаяль и лидер местной федерации (обкома) соцпартии Оливье Фалорни. Причём Руаяль заранее объявила, что после парламентских выборов намерена стать председателем будущего Национального собрания. Однако однопартиец наотрез отказался уступать место.

Пикантность положения усугублялась тем, что в прошлом Руаяль была гражданской женой Олланда и матерью четырёх его детей. Между тем нынешняя подруга президента, политический обозреватель еженедельника «Пари-матч» Валери Трирвейлер, поместила в Twitter открытое письмо в поддержку Фалорни, который одержал убедительную победу. Глубоко уязвлённая Руаяль назвала поступок Трирвейлер «предательством».

Президенту пришлось выпутываться из этой щекотливой истории заявлением о нежелании смешивать свою личную жизнь с публичной (чем порой грешил его предшественник Саркози), а его подруга имеет полное право продолжать профессиональную деятельность журналиста, не претендуя на титул «первой леди». Несмотря на этот скандальный эпизод, все фракционные течения СП и их лидеры сплотились вокруг новоизбранного главы государства в надежде на близкую победу и делёж её плодов.

В то же время в правом лагере царил полный разброд. Поражение Саркози и его заявление об уходе с политической авансцены обезглавил былую «партию власти», лишив её общепризнан-

ного лидера, которому грозило судебное разбирательство в связи с нарушениями закона при финансировании его предыдущей кампании 2007 г. Экс-премьер Фийон и генсек Копе открыто столкнулись в борьбе за пост председателя СНД, а в перспективе и её кандидата на следующих президентских выборах 2017 г. Представители младшего поколения прежней команды Саркози, уже успевшие побывать депутатами и министрами – Ксавье Бертран, Франсуа Баруэн, Натали Костюшко-Моризе, Брюно Ле Мэр, Луи Вокье, Кристиан Жакоб и другие (т.н. «мушкетёры»), разделились между ними, а кое-кто был не прочь и попытать собственный шанс на съезде СНД в ноябре 2012 г.

Конфликты личных амбиций, кланов, фракционных течений в СНД, перекалывавших ответственность за неудачи друг на друга, не ограничились партийной верхушкой. Они затронули и актив на местах, снижая его эффективность в предвыборной кампании. Эти распри нередко приобретали характер серьёзных разногласий тактического, программного и даже ценностного характера.

Катализатором разногласий в рядах прежнего большинства стал вопрос об отношениях СНД с Национальным фронтом. Группа «народных правых», которая разделяла многие национал-популистские лозунги НФ, выступала за фактический блок с лепеновцами в 61 избирательном округе, где их кандидаты получили в первом туре более 12,5% голосов и прошли во второй. Наиболее активными представителями этого течения выступили бывшие министры Надин Морано и Оливье Тома. Другие их однопартийцы, также в прошлом члены правительства (Розалин Башло), заняли противоположную позицию, изъявив готовность поддержать во втором туре скорее социалиста, чем лепеновца.

Генсек СНД Копе пытался выйти из трудного положения, предложив компромиссную формулу «ни-ни» (ни Левый фронт, ни Национальный), но это двусмысленное решение не устроило никого.

На выборах в Национальное собрание 10 и 17 июня 2012 г. активность избирателей упала по сравнению с президентскими почти вдвое. В первом туре к урнам для голосования пришли лишь 57,23% зарегистрированных, во втором и того меньше – 55,41%. Этот почти рекордный в полувековой истории Пятой республики абсентеизм объяснялся не только тем, что значительная часть из-

бирателей считала вопрос о власти уже решённым на президентских выборах, но и общим разочарованием французов в способности любых политиков, будь то правых или левых, вывести страну из кризиса.

Абсолютное большинство в своих округах – больше половины всех принявших участие в голосовании – получили 36 кандидатов: 22 социалиста плюс три их союзника и 1 из представителей СНД. Став депутатами же в первом туре, они выбыли из дальнейшей борьбы.

В остальных 541 округах предстоял второй тур – баллотировка. В 495 в борьбе за депутатский мандат сталкивались два кандидата, чаще всего представители СП и СНД. В 46 их могло оказаться больше ввиду наличия других претендентов, преодолевших 12,5%-ный барьер. Однако восемь из них предпочли добровольно сойти с дистанции, признав своих сторонников отдать голоса представителю своего лагеря, который лидировал в первом туре. В итоге «треугольных» вариантов перед вторым туром оказалось сравнительно немного – всего 33, из которых «третьим лишним» являлся, как правило, представитель НФ. Его лидер М. Ле Пен по-прежнему держала курс на раскол СНД, рассчитывая извлечь из этого максимальную выгоду для своей партии.

Однако на данном этапе этим далеко идущим планам не суждено было осуществиться. Если лидер НФ доказала свою способность нанести правому лагерю чувствительный ущерб, то обеспечить ему победу за свой счёт она не могла, да и не хотела.

Сравнение итогов президентских и парламентских выборов 2012 г. во Франции говорит о том, что если на первых преобладала центробежная тенденция к поляризации политических сил между крайними флангами электорального поля, то на вторых взяла верх противоположная, центростремительная. В первом туре выборов в Национальное собрание 10 июня кандидаты НФ собрали 13,6% голосов (3,5 млн), во втором – 3,66% (842,5 тыс.). Это, соответственно, в три и шесть раз меньше, чем результат М. Ле Пен в первом туре президентских выборов (17,9%, 6,4 млн). Ещё слабее оказались результаты социал-популистского Левого фронта. Если в первом туре президентских выборов его лидер Ж.-Л. Меланшон получил 11,1% голосов (3,98 млн), то в первом туре

парламентских кандидатам от его партии досталось почти вдвое меньше – 6,91% (1,79 млн), а во втором жалкие 1,08%.

Харизматичные лидеры непримиримо враждебных экстремистских партий – М. Ле Пен (НФ) и Ж.-Л. Меланшон (Левый фронт) – столкнулись лицом к лицу в избирательном округе департамента Па-де-Кале на северо-востоке страны, но оба потерпели неудачу, уступив социалисту, причём Меланшон даже не вышел во второй тур.

Национальному фронту удалось провести в нижнюю палату всего двух своих кандидатов, в том числе 22-летнюю студентку Марион Марешаль-Ле Пен, племянницу лидера НФ и внучку его основателя. Левый фронт получил с помощью социалистов десять депутатских мандатов, тогда как для создания самостоятельной парламентской фракции необходимо вдвое больше⁶⁹.

Основная масса избирателей отдала голоса кандидатам СП и СНД, двух системообразующих партий левого и правого центров, которые периодически сменяют друг друга у власти и в оппозиции во всех развитых демократиях. Социалисты получили в обоих турах 49,93% (9,4 млн) голосов и 280 депутатских мандатов из 577, то есть абсолютное, хотя и не конституционное большинство⁷⁰. Их младшим партнёрам – «Европе-экологии» достались 17 мест, левым радикалам – 21⁷¹. Это создаёт достаточно солидную парламентскую опору для президента Ф. Олланда и правительства Ж.-М. Эйро. В свою очередь, «парламентские» правые, т.е. прежнее большинство Саркози, перешедшие отныне в оппозицию, собрали в общей сложности 44,13% голосов (10,61 млн) и получили 229 мест в Нижней палате. На долю СНД пришлось 37,95% (8,74 млн) и 185 мандатов плюс 35 их мелких сателлитов.

Таким образом, мировой экономический кризис не перерос во Франции в политический, как опасались многие зарубежные аналитики в связи с заметным увеличением протестного электората вообще и Национального фронта, в частности, в первом ту-

---

⁶⁹ Меланшону пришлось обращаться к депутатам от заморских департаментов, коммунистам и отдельным маргиналам.

⁷⁰ Для пересмотра действующей Конституции требуется $\frac{3}{5}$ общего числа депутатов и сенаторов, собирающихся на Конгрессе в Версале.

⁷¹ Le Monde, 19.06.2012.

ре президентских выборов. Баланс основных ветвей власти и компонентов её партийно-политической системы отнюдь не был поколеблен.

Смена векторов между президентскими и парламентскими выборами, обеспеченная институтами Пятой республики и логикой мажоритарного голосования, подтвердила сохранение традиционного водораздела между левым и правым лагерями. Хотя смысл и критерии этих терминов, возникших ещё в эпоху Великой французской революции 1789 г., с тех пор неоднократно менялись, утверждения о том, будто их давно пора сдать в архив, не оправдались: они поныне служат системой координат для ценностных ориентиров французского избирателя.

Маргинализация крайних флангов в ходе парламентских выборов (в отличие от президентских) лишней раз подтвердила целесообразность периодической ротации у власти и в оппозиции двух умеренных системообразующих полюсов – СНД и СП. Создавая страховку от чересчур длительной монополизации власти одной и той же партией, она облегчает взаимодействие государства с гражданским обществом, снижая тем самым порог социальной напряжённости, способной, особенно в периоды кризисов, выплёскиваться за рамки правового поля на улицу, что не раз случилось в бурной политической истории Франции.

В то же время выборы 2012 г. наглядно показали беспочвенность попыток найти некий абстрактный, «чистый» центр, равноудалённый от обоих традиционных политических лагерей и призванный играть роль арбитра между ними, что заменяло бы ротацию правого и левого центров коалицией между ними. Это наглядно подтвердил полный крах центристской партии Демократическое движение (МОДЕМ), созданной и возглавлявшейся на протяжении последнего десятилетия Ф. Байру. На её долю в первом туре парламентских выборов пришлось всего-навсего 1,76% (468 тыс.) голосов, а во втором жалкие 0,49% (131 тыс.). Сам лидер партии даже не прошёл во второй тур, оставшись за бортом парламента, если не политической жизни страны вообще.

Это унижительное поражение не было случайностью. Основной электорат МОДЕМ – средние слои города и деревни – всегда колебались между левыми и правыми партиями, но всё же в ко-

нечном счёте склонялись в основном на сторону умеренного крыла последних. Серьёзной тактической ошибкой Байру стала недооценка этой тенденции: между двумя турами президентских выборов он после долгих колебаний заявил, что решил отдать свой голос Олланду, явно надеясь на соответствующее вознаграждение после его победы. Однако соцпартия не сочла целесообразным платить за эту услугу чрезмерную цену и сохранила своего кандидата в округе, где избирался прежде лидер МОДЕМ, заведомо обрекая его на провал.

* * *

Изменение политического пейзажа Франции после десятилетия безраздельного господства правых партий, остающихся у руля в ведущих государствах ЕС – Германии, Великобритании, Италии, Испании, связано с самым глубоким со времён Великой депрессии 1930-х гг. прошлого века финансово-экономическим кризисом, пришедшим в Европу из США.

Одним из его последствий стал ускоренный моральный износ партий и лидеров, оказавшихся в этот период во власти, которая сменилась с 2008 г. уже в десяти странах – участницах Евросоюза из 13, где проходили выборы. В одних она переходила слева направо, в других наоборот, но нигде так и не принесла пока радикального решения наиболее острых проблем – снижения темпов роста экономики, массовой безработицы, разбухания дефицитов и долгов, как частных (семейных, корпоративных, банковских), так и государственных, суверенных. За это надо было платить: гражданам – экономическую цену, элитам – политическую.

В результате поражения Саркози со сцены уходит, прежде всего, его ближайшее окружение – бывший генсек Елисейского дворца, затем министр внутренних дел Клод Геан, его предшественник в МВД Брис Ортофё, спичрайтер и «идеолог» Анри Гуэно и т.д.

Более того, вслед за Байру рано или поздно уходит с авансцены целый слой французской политической элиты. Это было неизбежно уже по чисто биологическим, возрастным причинам. Слева речь идёт о представителях послевоенного поколения многочисленных «бэби-бумеров», вступивших в политическую жизнь с майскими событиями 1968 г. – так называемого «поколения Мит-

терана», которое он привёл спустя десятилетие к власти. Справа – о бывших соратниках президентов Ширака и Жискара д'Эстена, унаследованных Саркози. Среди них такие политические тяжеловесы, как бывшие премьер-министры Мишель Рокар, Лионель Жоспен, экс-министры культуры и образования Жак Ланг, иностранных дел Бернар Кушнер, с одной стороны, экс-премьеры Ален Жюппе, Жан-Пьер Раффарен, Доминик де Вильпен, бывший министр обороны и иностранных дел Мишель Альо-Мари – с другой. Все они либо потерпели неудачу на парламентских выборах или вообще не выставляли больше свои кандидатуры. Они уступают место команде нового президента-социалиста Франсуа Олланда: премьер-министру Жан-Марку Эйро, председателю Национального собрания Клоду Бартолоне, главе парламентской фракции СП Алену Ришару и другим.

Смена людей, их лексикона и стиля правления неизбежно влечёт за собой новые акценты в политике страны, как внутренней, так и внешней. Тем не менее, ждать разрыва с прошлым в духе лозунга предвыборной кампании Олланда «Перемены сейчас» было бы нереалистично. Франция чересчур глубоко интегрирована в мировую, прежде всего европейскую экономику, чтобы проводить в условиях глобализации и кризиса рискованные эксперименты, идти против течения на сугубо национальном уровне. Уже три десятилетия назад в контрпродуктивности таких попыток предметно убедил своих соотечественников предыдущий президент-социалист Миттеран. Его нынешний преемник намерен, судя по всему, следовать его примеру, сочетая реформы с преемственностью, а цели – с возможностями их достижения.

Глава 10. ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ДЕБЮТ ФРАНСУА ОЛЛАНДА*

Прочной традицией Пятой республики во Франции, заложенной ещё более полувека назад её основателем генералом де Гол-

---

* Современная Европа, № 2(54), апрель-июнь 2013 г. С. 20-33.

лем, стали периодические встречи главы государства с представителями СМИ в Елисейском дворце. Проводимые обычно раз в полгода, они позволяют президенту дать оценку положению в стране, подвести итоги деятельности правительства, наметить задачи на будущее.

Для нынешнего президента-социалиста Франсуа Олланда первая такая пресс-конференция, состоявшаяся 13 ноября 2012 г. – шесть месяцев спустя после инаугурации, имела особое значение. В отличие от всех предшественников – де Голля, Помпиду, Жискара д'Эстена, Миттерана, Ширака, Саркози, он вплоть до избрания на высший государственный пост был по существу почти неизвестен большинству граждан. Политическая карьера Олланда прошла главным образом в аппарате соцпартии, первым секретарём которой он являлся десять лет подряд (1997–2007 гг.). Мэр небольшого городка Тюль в юго-западном сельскохозяйственном департаменте Коррез, председатель его генерального совета, депутат – этим список выборных постов президента исчерпывался.

Да и по своему характеру Олланд не склонен к саморекламе, являясь в этом отношении прямой противоположностью его недавнему сопернику – темпераментному, авторитарному, эгоцентричному Саркози, чья гиперактивность нередко раздражала избирателей. Олланд обещал стать «нормальным» президентом – скромным, демократичным, внимательным к заботам рядовых граждан, что способствовало его победе.

Однако спустя полгода психологический климат в стране заметно изменился. Французская экономика продолжала испытывать последствия глобального финансово-экономического кризиса: прежние прогнозы роста её ВВП в 2013 г., положенные в основу бюджетных расчётов правительства и составлявшие 1,5%, были снижены экспертами МВФ до 0,8. На фоне стагнации производства стремительно увеличивалась безработица, перевалив за 3 млн человек, а с частично занятыми 6 млн – 10% самодеятельного населения, среди молодёжи вдвое больше.

Естественно, что рейтинг нового президента начал стремительно падать. Если в мае-июне 2012 г. доверие Олланду оказывали, согласно опросам, 55% респондентов, то в ноябре-декабре – всего 38%. Худшие результаты за полгода правления были в про-

шлом в начале второго президентского мандата только у Ж. Ширака (1995 г.)⁷².

Избирателей беспокоило не только отсутствие позитивных сдвигов в экономическом положении Франции, но и стиль нового руководства. Многолетняя практика лавирования между соперничающими фракционными течениями в соцпартии и их амбициозными лидерами выработали у Олланда предпочтение фронтальному конфликту постоянного поиска компромисса на основе взаимных уступок. Успех такой тактики требует от руководителя умения держаться как бы на втором плане с тем, чтобы достигнутое решение не казалось сторонам навязанным сверху. Однако мастерство манёвра неизбежно сопряжено с определёнными издержками. Если Саркози упрекали в чрезмерной суете, стремлении лично вмешиваться в решение любых, даже второстепенных вопросов, подменяя правительство, то Олланда наоборот – в уходе от острых проблем, затягивании с принятием непопулярных, но необходимых мер, способных затронуть интересы тех или иных категорий избирателей.

Серьёзные претензии предъявлялись и к премьер-министру Эйро в связи с непоследовательностью в заявлениях, противоречивыми действиями отдельных министров, открыто конфликтовавших между собой, что вынуждало главу правительства, а то и президента выступать в качестве арбитров. «Есть ли пилот в самолёте?» – спрашивали журналисты, повторяя название популярной кинокомедии. Оппозиционные правые партии спешили воспользоваться этим, обвиняя социалистов в профессиональной некомпетентности, граничащей с дилетантством.

Действительно, в окружении Олланда немало молодых людей, не имеющих опыта государственной деятельности и воспитанных за десятилетие господства правых в популистской «культуре оппозиции». Тем не менее, история показала, что предыдущее «поколение Миттерана» в руководстве соцпартии, страдавшее поначалу теми же недостатками, довольно скоро преодолело с приходом к власти «детскую болезнь левизны», а проведённые

---

⁷² У Миттерана соответствующая негативная динамика составляла 74 и 63%, у Саркози 63 и 53%. Figaro-magazine, 5 octobre 2012.

ею реформы (1981–1986, 1988–1993, 1997–2002 гг.) в известной мере способствовали, хотя и не без издержек, модернизации страны.

Основная задача, которую ставил перед собой Ф. Олланд в ходе пресс-конференции, состояла в том, чтобы дать старт аналогичному переходу от оппозиционной романтики и предвыборной риторики к прозаическим реалиям «культуры управления», выходя при этом как уверенный в себе, полномочный руководитель страны.

Вполне предсказуемо возложив основную вину за переживаемые французами трудности на глобальный кризис и оставленное правыми нелёгкое наследство, президент постарался, прежде всего, убедить общественное мнение, что власть во Франции в надёжных руках. Постоянно повторяя «я намерен», «я дал указание правительству», он подчёркивал решимость реализовать внушительные полномочия, предоставляемые Конституцией главе государства в полном объёме. Твёрдая поддержка была оказана президентом и деятельности премьер-министра.

Большинство комментаторов склонялись к тому, что данная цель достигнута успешно: партнёры нового президента во Франции и за рубежом получили сигнал о том, что сложившийся в Пятой республике порядок принятия решений и условия политической игры, нити которой сходятся в Елисейский дворец, с приходом туда Ф. Олланда не изменились.

Гораздо сложнее оказалась другая задача президента – совместить свои предвыборные обязательства с их существенной корректировкой, диктуемой крайней узостью поля для манёвра в условиях кризиса. «Соцпартия подготовила социалистическую программу, Франсуа Олланд вёл социал-демократическую кампанию, а президент избрал социал-либеральную политику», – отмечал политолог Ален Дюамель⁷³.

Правая оппозиция объявляет эту эволюцию подтверждением обоснованности её позиций, осуждая президента лишь за его половинчатость, тогда как радикалы – Левый фронт Ж.-Д. Меланшона, коммунисты, экологи, левое крыло самой соцпартии обви-

---

⁷³ La Libération, 14 novembre 2012.

няют его в отходе от базовых левых ценностей. Сам же президент и его ближайшие соратники маневрируют между этими полюсами. Поскольку от успеха или неудачи их попыток найти оптимальный баланс между ними зависит будущее страны, анализ первых результатов деятельности нового французского правительства приобретает несомненный интерес⁷⁴.

Экономика

В ходе кампании перед президентскими и парламентскими выборами 2012 г. соцпартия остро критиковала политику Саркози, приоритетом которой была «строгая экономия» – сокращение бюджетного дефицита и госдолга, облегчение налогов и обязательных отчислений в фонды соцстраха с прибылей предприятий, придание большей гибкости трудовому законодательству. Краеугольным камнем этого жёсткого неолиберального курса являлся Пакт бюджетной дисциплины, подписанный бывшим президентом с канцлером ФРГ А. Меркель и ограничивавший дефицит 3% ВВП.

Социалисты во главе с Ф. Олландом противопоставляли ему неокейнсианские рецепты стимулирования экономического роста государством и потребительским спросом во имя борьбы с безработицей, а также более справедливое распределение издержек кризиса путём налоговой реформы в пользу наименее обеспеченных слоёв населения.

Словесный радикализм издавна является неотъемлемой частью политической культуры Франции, причём в наши дни данная традиция усугубляется мировым кризисом, способствующим поляризации политических сил. В этих условиях образцом для Олланда явно послужит его предшественник и учитель Миттеран, который столкнулся тремя десятилетиями ранее со схожей проблемой. Причём ему приходилось иметь дело с гораздо более сильной компартией, за которую голосовал тогда каждый пятый французский избиратель.

В борьбе за лидерство в соцпартии, переживавшей глубокий

---

⁷⁴ См. Ю.И. Рубинский. Франция на новом витке истории: выборы 2012 г. Современная Европа, № 4, октябрь-декабрь 2012 г.

кризис идентичности, Миттеран пошёл на подписание общей программы с коммунистами, содержащей радикальные формулировки вроде «разрыва с капитализмом» или «смены общества». Стратегия союза левых сил позволила изменить баланс сил в лагере левой оппозиции в пользу соцпартии и обеспечить приход её к власти, потеснив, а затем маргинализовав коммунистов.

Однако за это пришлось заплатить немалую цену. После избрания Миттерана в 1981 г. главой государства на основе его предвыборной программы («110 предложений») были проведены весьма радикальные реформы – национализация банков и 15 ведущих промышленных групп, введение пятидневного оплачиваемого отпуска, сокращение рабочей недели без уменьшения зарплаты и т.д. Результаты не заставили себя ждать – бегство капиталов за рубеж, инфляция, двукратная девальвация национальной валюты поставили под вопрос дальнейшее участие Франции в процессе евростроительства. Миттеран объявил сначала о «паузе» в дальнейших реформах, а два года спустя об их свёртывании и переходе к «строгой экономии» (*la rigueur*).

Спустя три десятилетия эта история частично повторилась. В ходе предвыборной кампании конкуренция со стороны лидера радикального Левого фронта Ж.-Л. Меланшона побудила Олланда сделать ряд несвойственных ему популистских заявлений («я не люблю богатых») и включить в свою программу меры, способные насторожить не только ядро электората правой оппозиции – привилегированные элиты, но и часть среднего класса, в том числе склонную обычно голосовать за левые партии.

Наибольший резонанс получило обязательство повысить налог на физических лиц, чьи доходы превышают 1 млн евро в год, до 75%, тогда как, например, в Великобритании уровень подоходного налога не превышает 45, а в США 30-35%. Причём налог на крупные состояния (ISF), введённый социалистами ещё в эпоху Миттерана, остался в силе. В ответ самый богатый человек Франции Бернар Арно, владелец крупнейшей в мире компании по производству предметов роскоши и моды (LVMH), демонстративно объявил о намерении принять гражданство Бельгии. Его примеру последовал популярный киноактёр Жерар Депардьё. Британский премьер-консерватор Д. Кэмерон иронически обещал даже рас-

стелить в таком случае «красную дорожку» через Ла-Манш для французских инвесторов и менеджеров, число которых в Лондоне уже превысило 350 тысяч.

Сигналом тревоги стало снижение двумя ведущими агентствами из трёх (Standard and Poor's и Moody's) кредитного рейтинга французских гособлигаций на мировых финансовых рынках с высшего (AAA) до относительно благоприятного (AAQ), что может повысить издержки обслуживания госдолга, достигающего 90% ВВП страны. Руководство ряда крупных компаний, в частности автомобильного концерна «Пежо-Ситроен» (PSA) и крупнейшей сталелитейной корпорации англо-индийского миллиардера Лакшми Миттала, объявили о решении закрыть нерентабельные заводы в Ольне-су-Буа и Флоранже, прибегнув к «социальным планам» – массовым сокращениям персонала.

Следует отметить, что действия правительства по выполнению предвыборных обязательств Олланда вряд ли давали основания для столь острой реакции – они носили скорее символический характер и были гораздо менее радикальны, нежели реформы 1981–1982 гг. в начале первого президентского мандата Миттерана. Должностные оклады президента и министров сокращены на 30%, введён потолок для вознаграждения руководителей госкомпаний. Двукратное повышение минимальной зарплаты почти не вышло за пределы индексации роста цен. Доход по сберегательным вкладам категории «А», популярных среди французов скромного достатка, увеличился на десятые доли процента. Несколько притормозился рост квартплаты и цен на бензин. Проведённое при Саркози повышение пенсионного возраста с 60 до 62, вызвавшее протесты, отменено только для тех, кто начал работать раньше. Увеличились пособия для родителей перед началом учебного года. Премьер Эйро выдвинул программу борьбы против крайней нищеты, предусматривавшую увеличение минимального размера социальных пособий.

В долгосрочном плане для стимулирования динамики экономического роста создан Государственный банк капиталовложений и Европейский фонд инвестиций и занятости для финансирования инфраструктурных проектов, но с весьма ограниченными возможностями (его резервы должны составить 120 млрд евро, то есть

1% ВВП 27 стран – участниц ЕС).

Наконец, для смягчения самой острой социальной проблемы – занятости – планируется создать новые «рабочие места будущего» в высокотехнологичных отраслях и инициировать налоговыми льготами «контракты поколений» – наём молодёжи для обучения её квалифицированными старшими работниками непосредственно на производстве. Для реализации предвыборного обещания Олланда увеличить за 5 лет на 60 тыс. человек численность работников государственной системы образования был объявлен набор учителей, всегда являвшихся кадровыми резервом соцпартии.

Эти скромные, зачастую косметические меры, неспособные в условиях кризиса дать быстрый эффект, разочаровали левый электорат, особенно профсоюзы, и в то же время способствовали усилению оппозиционных настроений в бизнес-сообществе (патронате). Знаменосцем «фронды» выступила влиятельная Ассоциация частных предприятий, включающая 98 крупнейших корпораций. Авторы били тревогу в связи с падением конкурентоспособности французской экономики, требуя от правительства принятия срочных мер по снижению налоговой и социальной нагрузки на прибыли и давая понять, что в противном случае неизбежно закрытие предприятий, утечка капиталов за рубеж и рост безработицы.

Главной причиной трудностей французской экономики являлся чересчур высокий удельный вес перераспределительных функций государства и системы соцстраха в экономике, составляющий 57% ВВП (второе место среди 27 стран – членов ЕС после Дании).

Ультиматум патроната имел под собой основания. С 2004 г. торговый баланс Франции сводится с хроническим пассивом, достигшим в 2011 г. суммы порядка 70 млрд евро, тогда как соседняя Германия добилась тогда же вдвое большего актива. За последние четверть века удельный вес обрабатывающей промышленности во французском ВВП снизился с 27 до 12%, число упразднённых в ней рабочих мест достигло 720 тыс.

Президент и правительство не могли игнорировать сделанного им предупреждения. Высокопоставленному чиновнику Луи Галуа, в прошлом президенту Управления государственных железных дорог (SNCF), затем Европейского авиакосмического кон-

церна (EADS), была поручена подготовка доклада о мерах по повышению конкурентоспособности французской экономики. Выводы Галуа, переданные премьер-министру 5 ноября, выглядели однозначно: для улучшения конкурентных возможностей французских предприятий признавалось необходимым снижение нагрузки на их прибыли как минимум на 20 млрд евро⁷⁵. Они практически совпали с опубликованными одновременно оценками Международного валютного фонда.

Эти рекомендации были проведены в жизнь. В ходе парламентских дебатов о бюджете на 2013 г. правительство поставило задачу сократить бюджетный дефицит с 4,5% в текущем году до 3% ВВП, а в перспективе до 0,5% (т.н. золотое правило) в соответствии с Пактом бюджетной дисциплины ЕС, ратифицированным Францией в октябре⁷⁶. С учётом почти нулевого роста экономики это требовало изыскать дополнительно 30 млрд евро за счёт сокращения расходов всех министерств (кроме образования, МВД и обороны) и повышения налогов, покрывавших $\frac{2}{3}$ этой суммы.

Для левого президента, правительства и особенно парламентского большинства труднее всего было распределение дополнительного налогового бремени между разными социальными категориями. После долгих споров было решено увеличить НДС и Всеобщий социальный взнос (CSG), ложившиеся на плечи основной массы населения, а не только зажиточных слоёв, как обещали своим избирателям социалисты. В то же время главная рекомендация доклада Галуа была реализована – предпринимателям предложен налоговый кредит до 2014 г. в размере 20 млрд евро.

Он принял форму т.н. «пакта конкурентоспособности», предложенного Олландом на встрече с представителями мелких и средних предпринимателей. Речь шла о снижении налога на акционерные общества (с учётом их масштабов), облегчении им доступа к кредиту, упрощении сделок с недвижимостью, придании большей гибкости рынку труда в обмен на сохранение («страхов-

---

⁷⁵ The Economist, November 10, 2012.

⁷⁶ Перед выборами Олланд обещал пересмотреть пакт в ходе новых переговоров. Однако это обещание было по существу снято ввиду решительной оппозиции канцлера ФРГ А. Меркель в обмен на её согласие создать Фонд экономического роста.

ку») рабочих мест.

Патронат не был полностью удовлетворён этими уступками, требуя втрое большей суммы – 60 млрд евро. В то же время на левом фланге парламентского большинства он был воспринят как отход от предвыборных обещаний Олланда. В декабре 2012 г. опросы показывали, что 51% избирателей, отдавших весной и летом этого года нынешнему большинству свои голоса, считает президента «недостаточно левым»⁷⁷.

Особое раздражение в левом лагере вызвали действия правительства в связи с угрозой закрытия металлургического комбината компании «Арселор» во Флоранже. После того как министр промышленности Арно Монтебур пригрозил владельцу компании Митталу национализацией предприятия и заявил, что ему вообще «не место во Франции», премьер-министр поспешил дезавуировать популярного министра и начал поиски компромисса, способного хотя бы частично ограничить потерю рабочих мест. Широкий резонанс данного конфликта не объяснялся тем, что на первый план выдвинулся принципиальный вопрос о пределах не только политической воли, но и материальных возможностей бороться с последствиями мирового кризиса нерыночными методами.

В поисках ответа на этот вопрос, а вместе с ним и на обвинения в общем повороте курса вправо, к «социал-либерализму» Ф. Олланд должен был учитывать специфику французской левой идеологии, свойственные ей черты этатизма и эгалитаризма. Поэтому во время пресс-конференции 13 ноября 2012 г. основной акцент был сделан не на формы и масштабы государственного вмешательства в экономику, а на его цели. Наряду с более справедливым распределением материальных благ, к ним было отнесено создание максимально благоприятных условий для роста производства. Именно этим оправдывался предложенный главой государства предпринимателям «пакт конкурентоспособности», включающий налоговый кредит в обмен на рост инвестиций и сохранение рабочих мест. «Я за производственный социализм!», – заявлял президент. Он также заявил, что всегда отдавал себе отчёт в необходимости решения проблем бюджетного дефицита и гос-

---

⁷⁷ Aujourd'hui en France, 15 décembre 2012.

долга, обещав сократить расходы государства на 60 млрд евро.

Аргументацию, соприкасающуюся с неолиберальным кредо правых оппонентов соцпартии, подхватили и развили ближайшие соратники Олланда. «Быть левым – это не только распределять, но также производить. Быть левым – это не только поддерживать покупательную способность, что мы и делаем, но также повышать производство, предложение товаров», – уверял министр экономики и финансов Пьер Московиси. Он считает, что корректировку приоритетов президента и правительства можно сравнить не менее чем с «коперниковской революцией»⁷⁸. Хотя нынешнюю смену вех французскими социалистами, начатую в своё время ещё Миттераном, вряд ли следует описывать в таких космических категориях, она вполне вписывается в общую эволюцию европейской социал-демократии, важными этапами которой явилась деятельность Т. Блэра в Великобритании и Г. Шрёдера в ФРГ. Однако успех её зависит не только от экономических, но и от многих политических факторов.

Внутренняя политика

В ходе последних выборов вопрос о коренном пересмотре действующей Конституции 1958 г. и принятии новой поднимали только маргинальные кандидаты вроде лидера популистского Левого фронта Ж.-Л. Меланшона. По мнению всех остальных, нынешняя полупрезидентская Конституция функционирует вполне удовлетворительно, обеспечивая ротацию различных политических сил у власти⁷⁹.

Широкий консенсус существует в вопросе о правовом режиме политических партий и некоммерческих организаций гражданского общества (НКО) на основе закона 1901 г. об отношениях между светским государством и религиозными культурами, разделение которых закреплено законом 1905 г.

Тем не менее, на протяжении полувека конституционные тексты уже не раз подвергались частичной ревизии с учётом требо-

---

⁷⁸ La Libération, 27 novembre 2012.

⁷⁹ В период пребывания в оппозиции (1958–1981 гг.) Ф. Миттеран остро критиковал Конституцию, принятую по инициативе генерала де Голля, за её авторитарные черты, но став президентом, сам правил ничуть не менее единовластно.

ваний времени. С избранием главой государства Ф. Олланд поручил комиссии под председательством бывшего премьер-министра, одного из «исторических» лидеров соцпартии Лионеля Жоспена подготовить доклад о возможных мерах по модернизации политической жизни Франции.

Среди представленных комиссией предложений наиболее существенным выглядит запрет совмещения одним лицом нескольких выборных мандатов. Сама эта идея обсуждается уже давно, но её проведение в жизнь тормозится. Дело в том, что три четверти французских парламентариев являются одновременно мэрами, членами или председателями генеральных (департаментских) и региональных советов, депутатами Европарламента. Это не только увеличивает их материальное вознаграждение, но и обеспечивает прочную политическую базу в избирательных округах.

С другой стороны, территориальные органы самоуправления располагают в лице таких совместителей влиятельными ходатаями по местным делам в парламенте, а иной раз и в правительстве (Олланд сам многие годы совмещал депутатский мандат с постами мэра и председателя генсовета департамента Коррез).

Большинство французских избирателей независимо от политических взглядов высказывается за запрет совместительства, усматривая в нём почву для коррупционных явлений. Но политический класс, включая многих социалистов, оказывает упорное сопротивление. Поэтому судьба данной инициативы остаётся открытой.

Лучшие перспективы имеет предложенное комиссией ужесточение порядка регистрации кандидатов на президентских выборах. Сейчас для этого достаточно 500 письменных поручительств выборных лиц – депутатов, сенаторов, председателей региональных и генеральных советов, мэров. Между тем коммун и, соответственно, мэров во Франции свыше 36 тыс., подавляющее большинство мелких, ввиду чего в первом туре выборов главы государства бывает по 10-15 претендентов, заведомо не имеющих никаких шансов на победу. Их участие преследует лишь цели пропаганды своих взглядов, порой весьма радикальных, тем более что кандидаты, собравшие не менее 5% голосов, получают от го-

сударства компенсацию части своих расходов на кампанию⁸⁰. Судя по всему, Олланд, вероятный кандидат в 2017 г. на второй срок, лично заинтересован в такой реформе.

Предвыборными интересами правящей соцпартии продиктовано и предложение комиссии Жоспена, уже озвученное в ходе последней кампании Олландом, частично изменить избирательную систему на парламентских выборах. В настоящее время все 577 депутатов Национального собрания избираются в одномандатных округах по системе мажоритарного голосования в два тура⁸¹. Речь идёт о введении в эту систему элементов пропорционального представительства по партийным спискам в национальном масштабе (не более чем для 10% мандатов). Открывая путь в Национальное собрание для малых партий, социалисты могли бы надеяться привлечь дополнительных союзников в центре и в то же время расколоть правую оппозицию увеличением представительства экстремистского Национального фронта (именно такую тактику с успехом применял Миттеран перед парламентскими выборами 1988 г.).

По мере того как вопросы государственных институтов или отношений государства с церковью утрачивали былую конфликтность, на первый план во внутривнутриполитической жизни Франции выдвигаются так называемые «проблемы общества».

Проблемы общества

Речь идёт, прежде всего, о создании на фоне углубляющегося неравенства доходов и состояний равного доступа всех социальных слоёв к качественному здравоохранению, образованию, культуре, а тем самым к возможностям выдвижения в состав экономических, политических и интеллектуальных элит («социальный лифт» для молодёжи).

Столь же важное место среди этих проблем занимают подлин-

---

⁸⁰ На президентских выборах 2002 г. жертвой этой практики стал сам Жоспен: из-за выдвижения в первом туре 16 кандидатов, в основном левых, он не прошёл во второй.

⁸¹ В первом для избрания необходимо абсолютное большинство голосов избирателей, принявших участие в голосовании, во втором – относительное, но для прохождения во второй тур нужно получить не менее 12,5% голосов в первом.

ное равноправие женщин, борьба против явной или скрытой дискриминации этнических, конфессиональных, сексуальных и прочих меньшинств, наконец, защита окружающей среды (замена АЭС возобновляемыми источниками энергии, снижение выбросов парниковых газов в атмосферу, охрана исчезающих видов растений и животных, памятников культуры и т.д.). Позиция по всем этим вопросам становится отныне важнейшим критерием принадлежности политиков, как и их избирателей, к левому или правому лагерю, более того, пробным камнем их отношения к системе ценностей Великой Французской революции 1789 г. – демократии и правам человека, воплощённым в девизе Республики – Свобода, Равенство, Братство.

Наибольшую остроту среди проблем общества в политической жизни современной Франции приобрели вопросы, связанные с иммиграцией. Постоянно проживающие во Франции 3,5 млн граждан других государств, почти такое же число иностранцев, родившихся за рубежом и получивших французское гражданство, их дети, а также сотни тысяч нелегалов составляют в общей сложности 10% населения страны.

Франция всегда привлекала выходцев из соседних, более бедных стран Европы – итальянцев, испанцев, португальцев, учитывая в том числе близость языка, религии, культуры. Во втором-третьем поколении большинство их фактически ассимилировалось, чему способствовали смешанные браки, школа, служба по призыву в армии. Тот же процесс, хотя и труднее, происходил с поляками или русскими, покинувшими родину по политическим причинам и получившими во Франции право убежища.

С середины XX в. основную массу иммигрантов составили выходцы из бывших колоний Франции в Северной и Тропической Африке, прежде всего арабы-мусульмане. Быстрый рост французской экономики в период так называемого славного тридцатилетия (1946–1976 гг.) обеспечивал их работой, а социальное законодательство поощряло переселение членов семей.

Поворот наступил в конце 1970-х гг. XX в., когда темпы экономического роста резко снизились, а в рабочий возраст вступили многочисленные поколения французов, родившихся после Второй мировой войны («бэби-бумеры»). Хотя страна всё ещё нужда-

лась в притоке рабочей силы, шансы на интеграцию иммигрантов во французское общество существенно уменьшились. Одной из причин этого были значительные этноконфессиональные и культурные различия большинства иммигрантов – североафриканских арабов-мусульман. Во Франции, считавшейся некогда «старшей дочерью» римско-католической церкви, второй по числу верующих (3,5 млн) конфессией стал ислам.

Экономический кризис, обостривший проблему занятости, побудил правящие круги Франции значительно ужесточить иммиграционное законодательство, особенно условия воссоединения семей, порядок предоставления гражданства, виз и видов на жительство с правом на работу.

Значительная часть иммигрантов сосредоточена в пригородах крупных городов, где уровень безработицы, особенно среди молодёжи, выше, а вместе с ним и уровень заболеваний, наркомании, преступности. Замкнутые в себе «этнические гетто» вырабатывают собственную субкультуру, на почве которой растёт влияние прибывших из-за рубежа проповедников фундаменталистского ислама. В результате проблема иммиграции тесно переплелась с вопросами обеспечения безопасности граждан, борьбы с преступностью и терроризмом, в том числе международным.

Все эти явления, присущие не только Франции, но и в той или иной мере большинству других европейских стран, вызывают среди этнических французов тревогу, выливающуюся порой в ксенофобские настроения, которые активно и небезуспешно используют экстремистские движения, прежде всего Национальный фронт. Его кандидат Марин Ле Пен получила в первом туре президентских выборов 2012 г. почти 18% голосов. Конкуренция Национального фронта оказала заметное влияние на правоцентристские партии, прежде всего Союз за народное движение (СНД). Его лидер Н. Саркози выдвинул лозунги ограничения иммиграции, а в более широком плане – отказа от мультикультурализма, утверждения национальной идентичности французов во главу угла своей программы на президентских выборах как 2007, так и 2012 гг., когда перед вторым туром его кампания по сути прямо заимствовала некоторые лозунги у Национального фронта.

Для его социалистического оппонента данные проблемы бы-

ли явно невыгодны, ибо ценности левой идеологии всегда строились на идеях интернационализма, терпимости, равенства, осуждения любой дискриминации. Между тем эти ценности вызывают ныне всё большую настороженность среди немалой части «народного» электората в рабочих пригородах промышленных центров, где высок удельный вес иммигрантов из стран Северной Африки.

Руководство соцпартии во главе с Олландом, одержавшее на выборах победу за счёт главным образом своей социальной программы, не могло не учитывать, что с приходом левых к власти экономические возможности её реализации окажутся весьма ограниченными. В связи с этим новое правительство обратило повышенное внимание на сферы своей деятельности, в которых левые партии обычно считались менее эффективными – иммиграционную политику и борьбу с преступностью. Во время пресс-конференции 3 ноября 2012 г. Олланд пересмотрел своё предвыборное обязательство предоставить иностранным гражданам право голоса на выборах в местные органы самоуправления, сославшись на отсутствие для этого конституционного большинства (оно было впервые обещано ещё Миттераном в 1980-х гг. прошлого века).

Этот поворот нашёл концентрированное выражение в деятельности министра внутренних дел Мануэля Вальса, который отвечал в ходе президентской кампании за связи Олланда со СМИ. Сын эмигранта из Испании, родившийся в Барселоне и получивший только в 20 лет французское гражданство. Вальс твёрдо решил доказать, что в наведении порядка левые ничуть не менее надёжны, чем правые.

Практика массового выдворения венгерских и румынских цыган, незаконно проживавших во Франции, начатая правыми предшественниками Вальса (и критиковавшаяся прежде социалистами), была продолжена и расширена. Органы правопорядка провели аресты главарей могущественной корсиканской мафии, контролирующей наркоторговлю, казино, проституцию. За решёткой оказались члены подпольной террористической сети исламистов, состоявшей из этнических французов, принявших мусульманство. Вальс решительно поддержал полицейских, недовольных обязательством выдавать расписки при проверке документов подозрительных лиц, особенно иммигрантов.

Все эти меры, встретившие неоднозначную реакцию левых правозащитных организаций, получили сдержанное одобрение даже у правой оппозиции, чётко вписываясь в контекст общей корректировки предвыборной платформы Олланда.

В качестве известной страховки слева репрессивная деятельность Вальса в какой-то мере уравновешивалась мерами его коллеги – министра юстиции Кристиан Тобира по гуманизации уголовного законодательства (отмена минимальных сроков заключения для несовершеннолетних рецидивистов и т.д.).

По деликатному вопросу об однополых браках, важного пункта предвыборной программы соцпартии, против юридического оформления которых с правом усыновления жёстко возражает церковь, Олланд занял с приходом в Елисейский дворец уклончивую позицию. Его гибкая формулировка «брак для всех», не удовлетворила ни сторонников, ни противников этой меры, вызвав шумные уличные демонстрации, на которые последние вывели более полумиллиона человек.

Недовольство союзников соцпартии слева – «зелёных», представительница которых занимает пост министра экологии в правительстве Ж.-М. Эйро, вызвало поддержку премьером спорного проекта строительства крупного международного аэропорта на западе страны, который экологи считают угрозой сохранению окружающей среды.

Между тем внутри каждого из двух лагерей, на которые традиционно делится политический пейзаж Франции – левого и правого, наметились новые тенденции.

Куда ведут новые тенденции

Нынешнее левое большинство с лета 2012 г. монополизировало все основные рычаги власти – ключевой пост главы государства, правительство, контроль над обеими палатами парламента, 21 региональным советом из 22, более чем над половиной генеральных советов 96 департаментов метрополии, мэриями крупнейших городов – Парижа, Лиона, Тулузы, Нанта, Дижона и т.д. Задача сохранения этой монополии как можно дольше требует единства. Несмотря на фронт коммунистов, экологов, левого крыла соцпартии, в том числе ряда министров, центростремительные тен-

денции в большинстве пока преобладают над центробежными.

Внутренние распри, раздиравшие соцпартию на протяжении двух десятилетий, временно приглушены. Представители «поколения Миттерана» – Жоспен, Фабиус, Жокс, Килес, Ланг и прочие так называемые «слоны», которые никак не могли поделить его наследство, просто по возрасту сходят со сцены. Подведена черта и под конфронтацией между Сеголен Руаяль, кандидатом от социалистов на предыдущих президентских выборах 2007 г., и бывшим первым секретарём Мартин Обри. Левое крыло (Б. Амон, А. Монтебур) может рассчитывать лишь на треть голосов партактива. Впервые за последнее десятилетие вопрос о единстве социалистов, сплочённых правительственной солидарностью, снят с повестки дня.

На очередном съезде социалистов в Тулузе (октябрь 2012 г.) Обри, являвшаяся в ходе борьбы за выдвижение кандидата на последних президентских выборах соперницей Олланда, покинула пост первого секретаря. Её сменил Арлен Дезир, француз арабского происхождения, бывший лидер правозащитного движения «SOS-расизм». Его избрание, заранее согласованное Олландом с Обри, было predeterminedено принятием значительным большинством партактива проекта резолюции съезда, составленного под контролем Елисейского дворца. Поскольку наиболее влиятельные лидеры соцпартии перешли в правительство, парламент или администрацию, А. Дезир считается не столько самостоятельной политической фигурой, сколько «крепким аппаратчиком».

Правая оппозиция переживает глубокий внутренний кризис. После поражения Саркози на президентских выборах 2012 г. пост председателя ведущей правоцентристской партии Союз за народное движение (СНД) остался вакантным. В борьбе за него столкнулись генсек СНД Жан-Франсуа Коппе и бывший премьер-министр Франсуа Фийон. Непримируемость их соперничества усугублялась тем, что победитель рассчитывал стать естественным кандидатом оппозиции на следующих президентских выборах 2017 г.

Вопрос должно было решать голосование с участием всех 340 тыс. членов СНД, назначенное на 18 ноября 2012 г. Хотя победителем был объявлен Коппе, его перевес сводился всего к 98 голосам (0,03%). Фийон немедленно опротестовал эти данные, ссыла-

ясь на недоучёт трёх заморских департаментов и территорий, а главное – на фальсификации и подтасовки, организованные, якобы, сторонниками Копе в контролируемом им партаппарате.

Противоборство двух соперников неуклонно обострялось, поставив бывшую партию власти на грань раскола. Фийон уже объявил о создании в парламентской фракции СНД отдельной группы преданных ему депутатов (72 из 194). Попытки примирить враждующие стороны, предпринятые основателем СНД, бывшим премьер-министром Аленом Жюппе и экс-президентом Никола Саркози, сохраняющим ещё немалое влияние, провалились. Дело в том, что конфликт не только отражал столкновение личных амбиций соперников, но имел и политическую подоплёку. Копе отстаивал максимально жёсткую тактику оппозиции по всем вопросам, прежде всего по проблеме иммиграции, фактически смыкавшуюся с экстремистской риторикой Национального фронта (как это безуспешно пытался практиковать Саркози перед вторым туром президентских выборов 2012 г.). В свою очередь, Фийон предпочитал стратегию широкого объединения всех консервативных, либерал-центристских и даже части умеренных левых сил на основе республиканских ценностей (в 2002 г. именно такая стратегия принесла успех Шираку).

Этот раскол уходил своими корнями в историю СНД, созданную после выборов 2002 г. путём слияния неоголлистского Объединения за Республику (ОПР) и либерал-центристского Союза за народное движение (СНД). Десять лет спустя этот блок, отброшенный в оппозицию, дал трещину. Словесные баталии между Коппе и Фийоном, продолжавшиеся более месяца и приобретающие облик комического телесериала, вызвали растущее раздражение у правых избирателей, дискредитируя обоих претендентов. Известный публицист Никола Баверез заговорил о «коллективном самоубийстве» СНД⁸². В конечном счёте, в декабре был достигнут компромисс: осенью 2013 г. будут проведены новые выборы председателя СНД после предварительного пересмотра устава партии и создания на паритетных началах временного коллективного руководства⁸³.

---

⁸² Le Point, 6 décembre 2012.

⁸³ Aujourd'hui en France 18 decembre 2012.

Тем временем на обоих флангах СНД её электоральный капитал уже пытаются поделить конкуренты с флангов правого лагеря – Национальный фронт с одной стороны, и созданный осенью 2012 г. Союз центристов и независимых во главе с бывшим министром экологии при Саркози Жаном-Луи Борлоо с другой. Очевидно, что процесс переформатирования партийной структуры Франции не завершён и может затянуться, судя по всему, вплоть до следующих выборов.

* * *

Начало очередного политического цикла во Франции, открытого президентскими и парламентскими выборами весной и летом 2012 г., не решило многих проблем, связанных с последствиями системного финансово-экономического кризиса глобального масштаба, начавшегося в 2008 г. и не преодоленного по существу до сих пор. Поэтому значительная часть избирателей, отдавших свои голоса соципартии и её лидеру Ф. Олланду, разочарованы первыми итогами их деятельности.

Вместе с тем политическая и институциональная система Пятой республики выдержала очередную проверку на прочность. Несмотря на ряд промахов и ошибок, которые были допущены социалистами, вернувшимися к власти после долгого пребывания в оппозиции, президент Франсуа Олланд гибко сочетает выполнение ряда своих предвыборных обязательств с их частичным пересмотром в соответствии с реалиями.

Эта корректировка идёт в русле общей эволюции европейской социал-демократии, которая постоянно колеблется между двумя моделями экономической политики современного капитализма – неолиберальной, с её рыночным и монетаристским фундаментализмом, и неокейнсианской, включающей активную роль государства в экономике и перераспределительную систему социальной защиты.

После Великой депрессии 1930-х гг. и Второй мировой войны преобладали кейнсианские подходы, с 1980-х гг. XX в. – неолиберальные. Популярности последних, безусловно, способствовал крах советского т.н. реального социализма, претендовавшего на альтернативу рыночной экономике вообще. Знаменосцами неолиберализма выступили правоконсервативные партии в Европе,

Японии и республиканцы в США, а также их единомышленники в остальных промышленно развитых странах.

Системный кризис, начавшийся в 2008 г. нанёс по гегемонии неолиберализма тяжёлый удар, но не означал простого возврата к неокейнсианству. На фоне глобализации каждая страна ищет оптимальное сочетание обеих моделей с учётом её человеческого и ресурсного потенциала, структуры экономики, политического режима, культурных традиций. Полемика сторонников и противников двух моделей во многом определяла тональность последней президентской кампании в США, где победа Б. Обамы выглядела своего рода международным измерением успеха Ф. Олланда. Те же модели в разных цивилизационных вариантах на фоне глобализации мировой экономики присущи и «всплывающим» странам – БРИКС, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки.

Во Франции, как и во многих других демократических государствах, эти поиски вылились в ротацию между двумя системообразующими партиями – Союзом за народное движение (СНД) и социалистами. На протяжении десяти лет (1997–2007 гг.) вся полнота законодательной власти была у первой, с лета 2012 г. – у второй.

Есть основания предполагать, что нынешнее положение сохранится до следующих президентских и парламентских выборов 2017 г. Несмотря на падение популярности социалистов, во многом связанное с условиями кризиса, соцпартия располагает ключевым в режиме Пятой республики постом главы государства, который опирается на абсолютное большинство в Национальном собрании и Сенате. Раскол этого большинства маловероятен, а дистанцирование левого фланга вполне может быть компенсировано за счёт расширения в сторону центристских группировок. Возможное поражение соцпартии на промежуточных муниципальных выборах 2014 г. не изменит общей картины.

Такой прогноз выглядит тем более обоснованным, что правая оппозиция не смогла пока преодолеть внутреннего разброда. Поражение Саркози на последних президентских выборах и острая борьба за его наследство поставила под вопрос роль СНД как ведущей силы правого лагеря. Центробежные тенденции в ней усу-

губляются всё более жёсткой конкуренцией ультраправого Национального фронта.

Между тем Франция отнюдь не лишена козырей, на которые может рассчитывать в борьбе за достойное место на мировой арене, которое занимала на протяжении своей долгой истории. У неё самая благоприятная в Евросоюзе демографическая динамика, солидная инфраструктура, эффективная кредитно-банковская система, она лидирует среди 27 стран ЕС в таких авангардных отраслях, как авиакосмическая индустрия, атомная энергетика, вооружения, аграрно-промышленный комплекс, строительство, массовая торговля, производство предметов роскоши и моды. Почасовая производительность труда на одного занятого во Франции выше, чем у большинства её конкурентов. Французские облигации размещаются на международных рынках, несмотря на снижение рейтинга страны, по весьма приемлемым ставкам.

Поэтому её основная задача – повышение конкурентоспособности на мировых рынках при сохранении социально-политической стабильности, стоящая перед нынешним руководством, вполне реальна.

ГЛАВА 11. НА ПЕРЕПУТЬЕ*

В современную историю Франции 2015 г. войдёт под знаком трагических событий, открывших и завершивших его. 7 и 9 января трое террористов расстреляли 17 человек – журналистов сатирического еженедельника «Шарли Эбдо» (Charlie Hebdo), объявив это мезтью за карикатуры на пророка Мухаммеда, и покупателей в кошерном супермаркете. 13 ноября жертвами другой группы джихадистов-смертников стали 130 человек – посетителей стадиона, концертного зала, ресторанов, кафе. Ответственность за эти преступления взяла на себя международная террористическая ор-

---

* Франция на пороге перемен. Экономка и политика в начале XXI века. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции (ИМЭМО РАН, 7 декабря 2015 г.). Отв. ред.: А.В. Кузнецов, М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, П.П. Тимофеев. М, ИМЭМО РАН, 2016 г. 285 с. С. 88-95.

ганизация «Исламское государство» (ИГ), запрещённая в РФ.

В ответ 11 января на улицы французских городов вышли 3,7 млн чел., в том числе 1,5 млн – на «республиканский марш» в столице под лозунгом защиты демократии от исламистского терроризма. Наряду с французской политической элитой – президентом, премьер-министром, председателями обеих палат парламента, руководителями политических партий большинства и оппозиции, в «республиканском марше» приняли участие специально прибывшие в Париж главы государств и правительств 45 стран. Кроме лидеров стран Евросоюза (Германии, Великобритании, Испании, Италии и др.) среди них были первые лица ряда государств, где традиционной религией является ислам – Турции, Иордании, Нигерии, а также Израиля и Палестинской автономии. Россию представлял министр иностранных дел Сергей Лавров.

На экстренном совместном заседании обеих палат парламента (Конгресса) в Версале после бойни 13 ноября президент Франсуа Олланд объявил, что Франция находится в состоянии войны с исламистским терроризмом. Введено чрезвычайное положение, в рамках которого расширены полномочия властей для принятия превентивных мер в отношении лиц, подозреваемых в связях с международными террористическими сетями (обыски, домашние аресты, запрет экстремистских организаций и т.д.). Увеличены штаты правоохранительных органов, полиции, жандармерии, спецназа. Все эти меры, включая лишение пособников террористов французского гражданства, должны получить правовую базу путём частичной ревизии действующей Конституции 1958 г.

За рубежом французские ВВС и ВМС активизировали участие в боевых действиях против «Исламского государства» на Ближнем Востоке и в Африке. Президент встретился с лидерами ведущих держав с целью координации действий международной коалиции во главе с США, с одной стороны, и Россией, Ираном, Ираком, с другой.

Эти события вызвали во Франции подъём патриотических чувств – значительно увеличилось число заявлений на контрактную службу в армии, возрос спрос на трёхцветные флаги. В Версале депутаты и сенаторы большинства и оппозиции встретили призыв главы государства к национальному единству на основе

республиканских ценностей овацией и пением «Марсельезы». Французские СМИ отмечали, что стилистика президента явно напоминала риторику Джорджа Буша-младшего после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, а принятые меры – «Патриотический акт», одобренный тогда Конгрессом США.

Естественный рефлекс сплочения граждан вокруг легитимного носителя верховной власти в минуты опасности вызвал скачок рейтинга президента: если ранее он неуклонно падал, опустившись до беспрецедентно низкого в истории Пятой республики уровня 17-18%, то после ноябрьских терактов удовлетворение деятельностью президента выражали 35%, а по некоторым оценкам даже 50% населения. Заметно повысился и рейтинг премьер-министра Мануэля Вальса. Имидж президента, бесспорно, украсило также проведение в Париже 30 ноября – 10 декабря 2015 г. Форума ООН по вопросам потепления климата, в котором приняли участие 195 стран, в том числе 138 на уровне глав государств и правительств.

С учётом всех этих факторов Ф. Олланд явно взял курс на участие в президентских выборах 2017 г., которое ранее ставил в зависимость от снижения уровня безработицы. 18 января 2016 г. глава государства предложил широковещательный план стимулирования занятости, приравняв его значение к борьбе с терроризмом. Однако такая эйфория имеет вполне определённые пределы – она не меняет коренным образом общую расстановку политических сил в стране. Два месяца спустя после терактов 13 ноября 2015 г. рейтинги доверия президенту и премьеру снова откатились к прежним уровням порядка 19-20%. Убедительным показателем сохранения неблагоприятной для правящих кругов динамики настроений в обществе стали результаты региональных выборов 6 и 13 декабря 2015 г.

Советы регионов, число которых сокращено недавней реформой органов местного самоуправления вдвое – с 22 до 13 (кроме заморских департаментов и территорий), располагают довольно ограниченными полномочиями. Они занимаются дорожной инфраструктурой, курируют лицеи и профобразование, координируют экономические проекты входящих в них департаментов и коммун, уступая им в объёме собственных финансовых ресурсов. По-

этому явка избирателей на них остаётся низкой – в первом туре она составила 49,9%.

Тем не менее, региональные, как и прочие местные выборы, являются заметными вехами в общественной жизни страны. Избиратели не только решают на них вопросы локального значения, но и посылают сигналы правительству и президенту об оценке их деятельности. Мэры, члены и председатели муниципальных, департаментских, региональных советов служат кадровым резервом и проводниками влияния политических партий на всех уровнях.

Победа левых сил, прежде всего социалистов, на президентских и парламентских выборах 2012 г. была подготовлена постепенным завоеванием контроля над большинством местных органов власти. Однако в 2013–2015 гг. бóльшая часть завоеваний была утрачена – проиграв муниципальные, затем департаментские выборы, как и выборы в Европарламент, социалисты лишились 115 мэрий крупных и средних городов, большинства в трети контролирувавшихся ими прежде департаментских советов.

Результаты региональных выборов подтвердили ту же тенденцию. На них, как и на всех других, кроме европейских, применяется один из вариантов мажоритарного голосования в два тура по партийным спискам. В первом туре для победы необходимо абсолютное большинство набранных голосов. Если его не добился никто, то партии, чьи списки получили свыше 10%, проходят во второй тур, где необходимо относительное большинство – кандидат должен лишь опередить остальных конкурентов. Места в совете распределяются пропорционально числу полученных голосов, причём победитель получает не только место председателя, но и дополнительные 25% мандатов, что обеспечивает ему прочное большинство.

В первом туре 6 декабря 2015 г. списки кандидатов от соцпартии получили 5 млн голосов (23,1%) – на 700 тыс. меньше, чем на предыдущих региональных выборах 2010 г. (29,6%). Чувствительные потери понесли и другие левые партии: экологи, Левый фронт, коммунисты; левые радикалы получили немногим более 1,8 млн вместо 2,5 млн шестью годами ранее.

Основные конкуренты социалистов – оппозиционные «Республиканцы» (Les Républicains, LR) во главе с бывшим президен-

том Никола Саркози – привлекли 5,8 млн избирателей (28,6%), что на 800 тыс. больше, чем на предыдущих региональных выборах 2010 г. Близкие к ним центристы также улучшили свои результаты. Однако главным победителем оказался Национальный фронт (НФ), кандидатов которого поддержали 6 млн избирателей (27,7%) – в 2,5 раза больше, чем в 2010 г. (2,2 млн – 11,4%)⁸⁴. НФ тем самым подтвердил, что является ведущей по числу собранных голосов партией страны, которой впервые стал на европейских выборах 2014 г.

Успех НФ повысил накал борьбы между двумя турами: социалисты призвали преградить НФ дорогу к власти любой ценой, выразив готовность снять списки своих кандидатов там, где они оказались на третьем месте после «Республиканцев». Это действительно произошло на Северо-Востоке и Юго-Востоке страны, где фронтисты во главе с их лидером Марин Ле Пен (Marine Le Pen) и её племянницей Марион Марешаль-Ле Пен (Marion Maréchal-Le Pen) имели реальные шансы на победу. Саркози отверг это предложение, ссылаясь на то, что любая сделка с правящей соцпартией возложит на умеренную правую оппозицию ответственность за неудачи власти и только сыграет на руку ультраправым.

Во втором туре 13 декабря, в котором активность избирателей заметно повысилась, социалисты и другие левые партии получили 40,7% голосов, все правые в общей сложности 56,8%. Однако правый лагерь оказался расколотым пополам – «Республиканцы» и центристы собрали 29,29%, НФ – 27,5%. Тем не менее, фронтистам не удалось, как и на департаментских выборах в марте 2015 г., получить большинство и председательство ни в одном регионе⁸⁵. В итоге «Республиканцам» достались 7 регионов, социалистам – 5, а на Корсике победили местные националисты.

Социалисты сохранили традиционные зоны влияния левых партий на Юго-Западе (Аквитания – Лимузен – Пуату-Шарант, Миди-Пиренеи), в центре (Бургундия – Франш-Конте) и в Бретани. В свою очередь «Республиканцы» одержали политически важную победу в столичном регионе Иль-де-Франс, где на протяже-

---

⁸⁴ Официальные данные МВД Франции. URL: <http://www.interieur.gouv.fr/>

⁸⁵ Ibid.

нии 17 лет председателем совета был социалист Жан-Поль Юшон (J.-P. Nuchon), которого теперь сменила бывший министр высшего образования Валери Пекресс (V. Récrésse). «Республиканцам» достались также регионы Севера (Нормандия), Востока (Эльзас – Шампань – Арденны – Лотарингия), наконец, оба региона Северо-Востока и Юго-Востока, где снятие социалистами своих списков позволило предотвратить неминуемую, казалось, победу НФ⁸⁶. НФ также не остался внакладе, подтвердив своё первенство среди политических партий страны по числу полученных голосов и расширив представительство в региональных советах втрое – с 118 до 358.

Тенденция к смещению оси политической жизни вправо и появление на крайнем фланге радикальных партий национал-популистского толка, выступающих под флагом антиглобализма и евроскептицизма, свойственна большинству стран ЕС в последние годы (кроме его южной периферии, где протестные настроения принимают также форму левацкого социал-популизма). Питательной почвой для них служит сочетание экономических проблем – низких темпов роста ВВП после мирового кризиса 2008–2009 гг., безработицы, углубления социального неравенства в сочетании с наплывом мигрантов из стран иного культурно-цивилизационного профиля, прежде всего мусульманских (Африка, Ближний Восток). Мощная волна беженцев, хлынувшая в ЕС в 2015 г., явно усилила ксенофобские настроения. Во Франции главным полюсом притяжения для них стал НФ, который создал общую фракцию в Европарламенте с близкими ему партиями Бельгии, Нидерландов, Австрии, Финляндии, Дании, Швеции. К ней тяготеют аналогичные популистские движения в Германии, Великобритании, Швейцарии, Греции. В ряде стран Центральной и Восточной Европы – Венгрии и Польше, отчасти Австрии и Чехии – эти силы либо пришли к власти, либо близки к ней.

Между тем, политическая жизнь Франции определяется ныне перспективой президентских и парламентских выборов мая-июня 2017 г., подготовка к которым уже идёт полным ходом. В пер-

---

⁸⁶ Gombin J. Les trois visages du vote FN. Le Monde Diplomatique. 2015. Décembre. URL: <https://www.monde-diplomatique.fr/2015/12/GOMBIN/54357>.

вом туре для избрания главы государства требуется абсолютное большинство, во второй тур проходят два кандидата, набравшие в первом максимальное число голосов. Поскольку на протяжении истории Пятой республики ни один кандидат в первом туре не получал больше 50% голосов, необходимым условием победы во втором становилось привлечение голосов близких по профилю партий в соответствующих лагерях в обмен на учёт их интересов победителем.

При этом принято считать, что избиратель в первом туре «голосует сердцем» – за кандидата, которого предпочитает, а во втором «умом» – против того, кто ему наиболее неприятен, чтобы не допустить его избрания. Поэтому наибольшие шансы на победу имеют кандидаты умеренных партий, способных привлечь в своём лагере максимум голосов как слева, так и справа. За последние полвека на политическом поле Франции кристаллизовались два полюса – неоголлисты в сочетании с либерал-центристами, воплощением которых ныне служат «Республиканцы», и социалисты с примыкающими к ним экологистами, коммунистами, Левым фронтом, которые регулярно чередовались у власти.

Однако прорыв НФ в число ведущих игроков превратил биполярную систему в трёхполюсную, поскольку три главных игрока поделили между собой три четверти избирателей на сравнимые доли. Поэтому президентское и парламентское большинство может формироваться теперь только за счёт одного из них, который обречён на роль младшего партнёра того или иного из остальных и в конечном счёте маргинализацию. Именно такая судьба постигла в своё время французскую компартию (ФКП). Она тоже была, как сегодня НФ, первой по числу собираемых на выборах голосов политической силой страны. В 1946 г. за коммунистов голосовали 28% избирателей, в 1956 г. – всё ещё 25% и даже в 1969 г. на президентских выборах коммунист Жак Дюкло (J. Duclos) получил 22%, а социалист Гастон Деффер (G. Defferre) – втрое меньше. Хотя идейно они кажутся антиподами, политически обе крайние партии выражают, прежде всего, протест наиболее уязвимых в социальном плане категорий – рабочего класса, служащих, части средних слоёв, сильнее всего страдающих от последствий очередной научно-технической революции, глобализации, евро-

пейской интеграции. У обеих крайних партий этот протест выливается в национал-протекционизм, антиамериканизм, еврофобию. Не случайно зоны наибольшего влияния ФКП в прошлом и НФ сегодня практически совпадают. Однако ФКП так и не смогла конвертировать свои успехи на выборах в реальное участие в принятии политических решений, оставаясь с началом холодной войны наглухо запертой в политической изоляции. Первая же попытка выйти из неё путём союза левых с социалистами оказалась последней, закончившись политическим самоубийством.

Подобная ситуация не раз возникала в других европейских странах, в том числе на родине двухпартийной системы – в Великобритании, где либералы, противостоявшие некогда консерваторам, уступили вначале место лейбористам, затем образовали промежуточную либерал-лейбористскую партию, а теперь дело идёт уже к многопартийной системе с участием региональных партий. Та же тенденция налицо в Нидерландах, Финляндии, Дании, а в Германии большая коалиция ХДС/ХСС с СДПГ стоит ныне у власти.

Однако во Франции при существующем раскладе сил такой вариант требует отказа от мажоритарной системы выборов в пользу пропорциональной, что открывает дверь в парламент перед антисистемной силой, идеология которой не укладывается в рамки «республиканских ценностей». Подобное решение уже пробовал применить президент-социалист Ф. Миттеран на парламентских выборах 1986 г., когда депутаты НФ впервые прошли в Национальное собрание. Но теперь удельный вес НФ вырос по сравнению с тем периодом втрое, что делает подобный манёвр весьма рискованным. «Система выдыхается», – делает вывод профессор парижского Института политических наук (Sciences Po) Паскаль Перрино (P. Perrineau)⁸⁷. Дело здесь не только в парламентской арифметике. Стремительный рост влияния НФ вызван глубинными процессами во французском обществе, о чём говорит состав электората фронтистов в двух регионах, где лидеры добились на региональных выборах в 2015 г. наибольшего успеха – на Севе-

---

⁸⁷ Pascal Perrineau: «Les attentats ont donné un sérieux coup de pouce au FN». Le Monde, 22.12.2015.

ро-Востоке (Нор – Па-де-Кале – Пикардия) и Юго-Востоке (Прованс – Альпы – Лазурный берег).

На протяжении десятилетий именно они являлись прочными бастионами влияния левых партий – социалистов и коммунистов. На индустриальном Севере за них голосовали рабочие крупных предприятий, на аграрном Юге – крестьяне и городские средние слои. Федерации департаментов Нор – Па-де-Кале и Буш-дю-Рон играли решающую роль на съездах соцпартий, мэр г. Лилля Пьер Моруа (P. Mauroy) был премьер-министром, мэр г. Марселя Гастон Деффер – министром внутренних дел первого левого правительства Пятой республики после избрания Франсуа Миттерана президентом в 1981 г.

Глобализация и научно-техническая революция нанесли сокрушительный удар по традиционным отраслям промышленности, которые доминировали на Северо-Востоке – угледобыче, металлургии, текстильной, а расширение Евросоюза на средиземноморские страны поставило в трудное положение сельское хозяйство Юго-Востока (виноградарство, овощеводство). Поскольку левые партии к этому времени периодически приходили к власти, протестный электорат качнулся от них на противоположный фланг.

Этому способствовали и последствия деколонизации. После завоевания независимости Алжиром в ходе кровопролитной войны в метрополию репатриировались 1,2 млн французов – т.н. «черноногих» (pieds-noirs), живших там много поколений. Они осели главным образом на Юге, куда одновременно шёл поток трудовых мигрантов-арабов из стран Магриба, что вело к росту ксенофобии среди коренного населения региона, игравшей на руку Национальному фронту.

НФ был создан в 1972 г. Жан-Мари Ле Пенем (Jean-Marie Le Pen), который воевал в Индокитае и Алжире и начал политическую карьеру с избрания в 1956 г. депутатом от Союза в защиту торговцев и ремесленников во главе с Пьером Пужадом (P. Poujade). Их недовольство ростом налогов и конкуренцией супермаркетов приобрело националистический характер, вылившись в поддержку «ультра» – противников предоставления Алжиру права на самоопределение – и требования протекционистской защиты французского рынка от иностранных товаров. Добившись 2,8 млн

голосов (12,6%) на парламентских выборах 1956 г., движение Пу-жада довольно быстро пришло в упадок и исчезло с политической авансены.

На президентских выборах 1965 г., где главными кандидатами были де Голль и Миттеран, Жан-Мари Ле Пен поддерживал против них кандидатуру Жан-Луи Тиксье-Виньянкура (J.-L. Tixier-Vignancour), бывшего адвоката на процессе маршала Петэна (Ph. Pétain) – главы марионеточного правительства Виши при германской оккупации Франции. Многие аспекты реакционной идеологии вишистского режима – разрыв с демократическим наследием революции 1789 г., культ Жанны д'Арк, ксенофобия, антисемитизм – легли в основу пропагандистского багажа НФ. Центральное место в его предвыборных программах заняло ужесточение иммиграционной политики, прежде всего предоставление кореным французам «национального преимущества» при приёме на работу, доступе к дешёвому жилью и социальным гарантиям. По мере того, как снижались темпы роста французской экономики и обострялась проблема занятости, эти лозунги находили всё более широкий отклик.

Апогеем успехов НФ под руководством его основателя стали президентские выборы 2002 г., когда Ж.-М. Ле Пен обошёл в первом туре лидера ФСП, премьер-министра Лионеля Жоспена, чему способствовало распыление левого лагеря между 9 кандидатами. Перспектива прихода ультраправых к власти вызвала мощные демонстрации протеста в стране, на которые вышли 1,3 млн чел., в т.ч. 400 тыс. в Париже. Социалисты были вынуждены поддержать во втором туре уходящего президента-неоголлиста Жака Ширака, который получил подавляющее большинство – 82,49% против 17,79%, поданных за Ле Пена⁸⁸.

Однако сам Ж.-М. Ле Пен был доволен результатом. Он отнюдь не считал власть для себя самоцелью и вполне удовлетворялся выгодной, в том числе материально, ролью «народного трибуна», говорящего вслух то, о чём другие предпочитают молчать. Отсюда его скандальные заявления, что геноцид был всего лишь «деталью» истории Второй мировой войны; оправдание коллабо-

---

⁸⁸ Официальные данные МВД Франции. URL: <http://www.interieur.gouv.fr/>

рационалистского режима Виши; ксенофобские выпады против арабов-мусульман, за которые неоднократно попадал под суд и лишился депутатского мандата в Европарламенте. В таких условиях НФ оставался изгоем на политическом поле, поскольку предвыборные сделки с ним для представителей системных партий были сопряжены с неприемлемыми репутационными издержками.

Положение изменилось после съезда НФ в январе 2011 г., когда Ж.-М. Ле Пен уступил пост председателя своей дочери Марин. Она взяла курс на изменение имиджа партии и включение в борьбу за реальную власть не извне, а изнутри существующей системы. Новый лидер – энергичная, амбициозная Марин Ле Пен – стремится положить конец «демонизации» образа НФ, придать ему облик обычной демократической партии, готовой в рамках действующей Конституции к взаимодействию со всеми остальными на равноправной основе. Она дистанцировалась от наиболее одиозных заявлений своего отца – осудила геноцид евреев, смягчила традиционное для католиков негативное отношение к абортам, сексуальным меньшинствам.

Вместе с тем с учётом эволюции структуры электората НФ в экономическую платформу НФ вошли социальные требования, позаимствованные из арсенала Левого фронта, компартии, экологов – повышение минимальной зарплаты, снижение возраста выхода на пенсию, налоговые санкции за бегство капиталов из Франции, национализация банков и т.д. Тем не менее, основное содержание пропагандистского багажа НФ, прежде всего в отношении иммиграции, обеспечения безопасности, борьбы с преступностью и терроризмом, сохранилось, а евроскептицизм на фоне долгового кризиса и волны беженцев из стран Ближнего Востока ещё более усилился (требования восстановить контроль на национальных границах Франции, выйти из Шенгенского соглашения и еврозоны).

Укрепилась и организационная структура партии – контроль над её аппаратом сосредоточился в руках председателя, любые посягательства на авторитет которого влекли за собой жёсткие санкции, в том числе в отношении самых видных деятелей НФ – Б. Мегре (B. Mégret), Б. Гольниш (B. Gollnisch). Такая же судьба постигла даже самого основателя НФ, 87-летнего Жан-Мари Ле

Пена. Тот бросил вызов собственной дочери, опубликовав в ультраправом еженедельнике «Ривароль» (Rivarol) интервью, в котором повторял свои скандальные тезисы. В ответ решением политбюро НФ патриарх был снят с поста почётного председателя и исключён из партии. Хотя этот семейный скандал повлёк за собой определённые издержки – отец-основатель пригрозил подать в суд и создать конкурирующую группировку – он принёс лидеру НФ выгоды, продемонстрировав смену поколений, явно затянувшуюся в других партиях.

С учётом итогов местных выборов 2013–2015 гг. самым вероятным сценарием будущих президентских выборов 2017 г. станет опережение лидером НФ остальных кандидатов в первом туре и выход во второй. Главная интрига заключается в том, кто будет её противником и скорее всего победителем.

Рост влияния НФ поставил основную системную партию правой оппозиции – «Республиканцев» – в крайне сложное положение. Неудачи на президентских и парламентских выборах 2012 г. вызвали ожесточённую борьбу за лидерство между генеральным секретарём Франсуа Копе (F. Copé) и бывшим премьер-министром Франсуа Фийоном (F. Fillon), что поставило партию на грань раскола и побудило экс-президента Саркози вновь её возглавить, чтобы превратить, как это было в 2007 г., в трамплин для возврата в Елисейский дворец. Однако неоднозначные итоги пребывания Саркози у власти, завершившегося поражением в 2012 г., вызывают критику, в т.ч. в правом лагере. К тому же Саркози является фигурантом ряда судебных расследований в связи с злоупотреблениями при финансировании его президентской кампании в 2007 г.⁸⁹ Присущий ему агрессивный стиль полемики провоцирует конфликты в собственном лагере, затрудняющие поиск союзников.

Хотя Саркози удалось добиться избрания на съезде в ноябре 2014 г. председателем партии, сменить её название, укрепить и взять под контроль аппарат, он вынужден согласиться с проведением 23 и 30 ноября 2016 г. первичных выборов («праймериз»), на которых будет определён единый кандидат от правоцентрист-

---

⁸⁹ Характерно, что иски по поводу укрывательства от налогов недвижимости были предъявлены также Ж.-М. Ле Пену.

ской оппозиции на президентских выборах в 2017 г. Об участии в них заявили такие видные политические фигуры, как бывшие премьер-министры Ален Жюппе (A. Juppé), Франсуа Фийон, бывший генсек Ксавье Бертран (X. Bertrand), представитель младшего поколения бывший министр Брюно Ле Мэр (B. Le Maire). Каждый выдвигает свою платформу и ведёт кампанию в её поддержку.

Главным пунктом разногласий между ними и Саркози стали не столько конкретные предложения по экономической, социальной, внутренней и внешней политике будущего главы государства, сколько выбор стратегии. Экс-президент видит главную задачу в привлечении части электората НФ и пытается для этого предельно ужесточить позиции по таким вопросам, как иммиграция, национальная идентичность, обеспечение безопасности граждан, а отчасти и внешняя политика, особенно будущее Шенгенского пространства и еврозоны. Напротив, его соперники, прежде всего А. Жюппе, доказывают, что попытки конкурировать с ультраправыми на их поле заведомо обречены на провал. В ответ Марин Ле Пен иронически заявляет, что «избиратель предпочитает оригинал копии». Поэтому мэр г. Бордо предлагает гибкую тактику, которая сочетала бы конфронтацию с ультраправыми и тесное сотрудничество с центристами на их либеральной и евроатлантической платформе.

Сами центристы – лидеры Демократического движения (MoDem) Франсуа Байру (F. Bayrou) и Союза демократов и независимых (Union des démocrates et indépendants, UDI) Жан-Кристоф Лагард (J.-Chr. Lagarde), не имеющие серьёзных перспектив на президентских выборах, активно поддерживают эти авансы. Поскольку на первичных выборах могут голосовать избиратели не только «Республиканцев», но и центристов, опросы чаще всего дают Жюппе преимущество перед Саркози, прогнозируя его победу во втором туре президентских выборов по сценарию 2002 г., тем более что 73% респондентов не хотят видеть в роли главы государства ни бывшего, ни нынешнего президента.

В чём-то схожие процессы происходят и на противоположном фланге – в соцпартии, где усиливается влияние сторонников перехода на социал-либеральные позиции германских и скандинавских социал-демократов. Наиболее активным сторонникам «сме-

ны вех» выступает премьер-министр Мануэль Вальс, которого поддерживает президент Ф. Олланд. Дрейф к центру всё больше определяет политику правительства социалистов и его министра экономики либерала Эммануэля Макрона (E. Macron). Очередная реорганизация правительства с включением в его состав экологов и левых радикалов не смогла расширить политическую базу кабинета. Между тем попытка президента включить статьи о введении чрезвычайного положения и лишении французского гражданства обвиняемых в терроризме в текст действующей Конституции, а также проект реформы трудового законодательства вызвали решительный протест профсоюзов и ряда видных социалистов во главе с мэром г. Лилля Мартин Обри (M. Aubry), в очередной раз поставив партию на грань раскола. Внутрипартийная оппозиция требует проведения праймериз в левом лагере тоже.

В обозримом будущем нельзя исключать расколов в обеих системообразующих партиях и формирования на президентских выборах новых лево- и правоцентристских блоков с выведением крайних флангов за рамки политического поля, как это уже бывало в 1948–1956 гг. с коммунистами и голлистами. Очевидно, партийно-политическая система Франции вступает в период реформирования: биполярная структура уходит в прошлое, уступая место в 2017 г. более фрагментарной, и, соответственно, появлению различных вариантов формирования президентского и парламентского большинства. Заметно эволюционируют и сами критерии принадлежности партий к левому или правому лагерям. Водораздел между ними всё больше проходит по отношению к глобализации и евростроительству, национальным или международным приоритетам.

Такое реформирование является необходимой предпосылкой затянувшегося решения жизненно важных для Франции проблем, с которыми она столкнулась на пороге третьего тысячелетия. Речь идёт о смене социально-экономической модели, сложившейся у неё в первые послевоенные десятилетия и исчерпавшей себя в глобализованном многополярном мире XXI в. Именно эти проблемы предстоит решать новому президенту после выборов 2017 г.⁹⁰

---

⁹⁰ См.: Aghion Ph., Cetto G., Cohen E. Changer de modele. Les nouvelles idées pour

---

ГЛАВА 12. В ПОИСКАХ НОВЫХ ПУТЕЙ*

Президентские и парламентские выборы 2017 г. во Франции не только завершили очередной электоральный цикл и открыли новый. Нестандартный ход предвыборных кампаний и их результаты говорят о существенных изменениях всей партийной системы Пятой республики, правил игры и состава её политического класса.

Обе прежние системообразующие партии – республиканцы и социалисты, сменяя друг друга у власти на протяжении последних десятилетий, потерпели сокрушительное поражение, которое ставит под вопрос их будущее. Президентом республики стал в 39 лет Эммануэль Макрон – самый молодой глава государства в истории Франции после Наполеона Бонапарта. Его движение «Вперёд!», созданное только в апреле 2016 г. и преобразованное в дальнейшем в партию «Вперёд, Республика!», получило абсолютное большинство депутатских мандатов в нижней палате парламента – Национальном собрании, обеспечив прочную поддержку назначенному президентом правительству Эдуарда Филиппа для проведения в жизнь его программы.

Радикально обновился возрастной, гендерный и профессиональный состав депутатского корпуса, $\frac{3}{4}$ которого, как и сам президент, никогда прежде не избирались, а многие вообще не политические деятели, а выходцы из организаций гражданского общества и деловых кругов. С авансены политической жизни ушли сразу три поколения представителей высшего звена политического класса, начинавшие свою карьеру 30-40 лет назад – бывшие президенты, премьеры, министры, парламентарии, партийные функционеры.

Революция или Реставрация?

Британский еженедельник «The Economist», отражающий мнение международного бизнес-сообщества, не поколебался назвать

---

une nouvelle croissance. P., Odile Jacob, 2015. 272 p.

* Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. ДИЕ РАН № 347. М., ИЕ РАН, 2017 г. Изд-во «Нестор-История». 88 с. С. 65-85.

эти перемены «второй французской революцией»⁹¹. Это же слово – «революция» – избрал и сам Э. Макрон для названия своей автобиографической и программной книги, которая вышла в свет за полгода до выборов в ноябре 2016 г.⁹² Между тем применимость этого термина к последним событиям во Франции далеко не очевидна.

Характерной особенностью богатой на революционные потрясения истории Франции всегда было правовое закрепление их итогов очередным вариантом основного закона, призванного придать легитимность новому режиму. Таких конституционных актов насчитывается более десятка. Действующая Конституция 1958 г. и созданный на её основе президентско-парламентский режим никто не собирается отменять – к созданию новой, Шестой республики, призывают только отдельные политические маргиналы⁹³. Основные положения этой Конституции – асимметричный баланс между ветвями власти с перевесом в пользу исполнительной и ключевая роль президента как арбитра между ними, своего рода республиканского «монарха», остаётся в силе.

Фигурирующая в программе Э. Макрона ревизия Конституции не ставит под вопрос эти принципиальные установки, но напротив, лишь ещё более усиливает их. Речь идёт о сокращении на треть числа членов обеих палат парламента и объёма их законотворческой деятельности, ограничении сроков полномочий выборных лиц тремя, расширении прав консультативного Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС), представляющего структуры гражданского общества и т.д. Таким образом, власть президента усиливается, а роль парламента и выборных органов местного самоуправления – муниципальных, генеральных, региональных советов ещё более ограничивается.

Преемственность берёт верх над переменами и в социальном профиле элит, где всегда, но особенно с 1958 г., доминировали кадровые чиновники-технократы, которые формируются в привилегированных учебных заведениях – парижском Институте поли-

---

⁹¹ France's next revolution. The Economist, 04.03.2017.

⁹² Emmanuel Macron – Révolution. XO Editions, Paris, 2016.

⁹³ Этот лозунг выдвигает, в частности, ультралевое движение «Непокорённая Франция» во главе с Жан-Люком Меланшоном.

тических наук, Политехнической, Высшей нормальной, Центральной школах и особенно Национальной школе администрации (ЭНА). Они приобретают солидный опыт службы в ключевых звеньях госаппарата – Госсовете, Счётной палате, Генеральной инспекции финансов, корпусе префектов, переходят затем в частный сектор и завершают карьеру в политике⁹⁴. Именно такой жизненный путь прошли новый президент Э. Макрон, премьер-министр Э. Филипп, большинство его министров. «Это правительство экспертов, управленцев, менеджеров, чья компетентность не вызывает сомнений, но в их упряжке кто-то должен заниматься политикой – и это будет Макрон», – отмечает политолог Л. Жаффрен⁹⁵.

Таким образом, произошла не революция, т.е. слом прежнего государственного строя и смена типа общества, а напротив, скорее обратное – реставрация, возврат к принципам, изначально заложенным в основу режима, путём его частичного обновления. Речь идёт в первую очередь об усилении роли президента, укреплении несколько пошатнувшейся властной вертикали во главе с избранным всеобщим голосованием главой государства.

Эта задача вытекала из неутешительных итогов пребывания в Елисейском дворце двух предыдущих президентов – правого Н. Саркози (2007–2012 гг.) и левого Ф. Олланда (2010–2017 гг.). Всё связанное с их именами десятилетие прошло под знаком «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса и его последствий, которые ограничивали до минимума свободу действий обоих. Результатами оказались девальвация образа главы государства в режиме Пятой республики, «сшитого по мерке» её основателя генерала де Голля – недаром Саркози потерпел неудачу в попытке добиться переизбрания, а Олланд не решился с учётом катастрофического падения рейтинга даже выдвинуть свою кандидатуру на второй срок.

На этом фоне императивными требованиями к следующему, восьмому по счёту президенту Пятой республики, становились наличие убедительной программы и лидера, способного объеди-

---

⁹⁴ Charles Debbasch. L'administration au pouvoir. Fonctionnaires et politiques sous la Ve République, 1969. P. 175.

⁹⁵ Libération, 22.06.2017.

нить расколотое общество. Поиск такой программы затрудняли высокие издержки пересмотра модели социальной рыночной экономики, сложившейся во Франции после Второй мировой войны. Её особенности – высокая доля госсектора в инфраструктурных отраслях (энергетика, транспорт, связь, кредит), накоплении и перераспределении финансовых потоков (ныне 47%), административное регулирование трудовых отношений, наличие одной из самых продвинутых в мире, но весьма дорогостоящей системы соцзащиты – здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, семейной политики.

С середины 1970-х гг. развернулась коренная перестройка мировой экономики, толчком к которой стали резкие скачки цен на энергоносители и переход ведущих держав Запада к постиндустриальному обществу. Соответственно, французская модель подверглась суровым испытаниям. Жёсткая административно-бюрократическая регламентация хозяйственной деятельности, условий найма и увольнения, тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений от прибыли предприятий в кассы соцстраха ухудшали инвестиционный климат, вели к оттоку капиталов и предприятий за рубеж. Если во время «Великой рецессии» падение производства во Франции было вполне сравнимо со средним по ОЭСР, то после её окончания страна вступила в длительную полосу стагнации – среднегодовые темпы роста не превышали 0,6-1,2%⁹⁶. Между тем, с 1974 г. бюджетный дефицит не удавалось снизить до 3%-ной нормы Пакта стабильности и роста ЕС, что вело к неуклонному разбуханию госдолга, достигающего ныне 97,4% ВВП. После 2004 г. с постоянным пассивом сводится и торговый баланс страны, что сокращает её долю в мировой торговле.

Главной социальной, а тем самым и политической проблемой страны стала занятость: численность полностью безработных составляет 3,5 млн чел., а с учётом частично занятых 6,5 млн чел., т.е. 9-10% самодеятельного населения. Эти негативные симптомы воспринимаются во Франции как опасность утраты страной её ранга одной из держав с глобальными интересами и ответственностью, символом чего служит место одного из пяти постоянных

---

⁹⁶ Economie française 2017. OFCE, Edition la Déconverte, 2016.

членов СБ ООН и «ядерного клуба».

Перспектива такого оттеснения во «вторую лигу» вызывает у французов крайне болезненную реакцию. За последние 10-15 лет книжный рынок заполнили многочисленные сочинения разных жанров, авторы которых сокрушаются по поводу, якобы, неизбежного «упадка» Франции, утраты ею былого величия, исторической миссии, образца и защитницы общечеловеческих ценностей прогресса, демократии и прав человека⁹⁷.

Подобное декадентское поветрие способствовало общему росту не только пессимизма, страха перед будущим, но и протестных настроений, сомнений в эффективности и справедливости существующих порядков. По оценке близкого к деловым кругам Института Монтеня, более половины французов (57%) считают, что демократический режим во Франции работает плохо, причём $\frac{3}{4}$ были склонны винить в этом своекорыстие и коррупцию выборных лиц, а 78% уверены в том, что страна вообще идёт в неверном направлении⁹⁸.

Ответной реакцией стали рост абсентеизма на выборах, голосование белым бюллетенем («против всех»), рост влияния на крайних флангах политического спектра популистских движений – ультраправого Национального фронта и левацкой «Непокорённой Франции». Их харизматические лидеры – Жан-Мари Ле Пен, затем его дочь Марин, с одной стороны, и Жан-Люк Меланшон – с другой, апеллировали к протестному электорату: рабочим, служащим, части средних слоёв, молодёжи, вынужденным нести неизбежные издержки глобализации. В последнее десятилетие их удельный вес в электорате неуклонно увеличивался. На выборах разного уровня – муниципальных, департаментских, региональных, европейских, наконец парламентских и президентских – кандидаты НФ вышли на первое место, собирая до 27,5% голосов, а «Непокорённая Франция» – 11,5%. Между тем мажоритарная избирательная система голосования в два тура ограничивала представительство обеих крайних партий в органах местного самоуп-

---

⁹⁷ Baverez N. Reveillez – vous! Librairie Arthème Fayard. Paris, 2012; Zemmour E. Le Suicide français. Edition Albin Michel, Paris, 2014; Mamère N., Farbiaz P. Contre Zemmour. Réponse au Suicide français. Les petits matins, 2014.

⁹⁸ Le Monde. 08.11.2010.

правления и парламенте – в избранном в 2012 г. составе Национального собрания НФ был представлен всего двумя депутатами.

Однако распад электорального поля на три примерно равных сегмента по существу блокировал нормальное функционирование биполярного партийно-политического механизма. Как социалисты, так и республиканцы не могли более добиваться большинства за счёт голосов колеблющихся между ними центристских избирателей, как бывало прежде. Отныне необходимым условием победы становилось для одних привлечение сторонников НФ, а для других – «Непокорённой Франции». Притяжение крайних флангов переносило центробежные тенденции внутрь обеих системообразующих партий, обостряя борьбу соперничающих течений и лидеров.

Новый лидер

Именно это объясняет сложные перипетии избирательных кампаний 2017 г. На первичных выборах кандидата на пост главы государства как у оппозиционных республиканцев (ноябрь 2016 г.), так и у правящей соцпартии (январь 2017 г.) верх одержали представители крайних течений: бывший премьер-министр Ф. Фийон и бывший министр образования Б. Амон. Однако обоим оказалось не под силу объединить вокруг себя соперничающие течения собственных партий. В результате произошёл крутой перелом – центробежная тенденция столкнулась с центростремительной, главным носителем которой выступил Э. Макрон и его движение «Вперёд!».

Э. Макрон своевременно покинул правительство социалистов и дистанцировался от своего прежнего покровителя – уходящего президента Олланда, чей рейтинг упал до исторического минимума (14-15%). Макрон позиционировал себя и своё движение как центр притяжения всех «прогрессистов» – сторонников реформ и слева, и справа.

Разумеется, он был вынужден уклоняться от каких-либо чётких обязательств – недаром в предвыборных речах кандидата постоянно присутствовало выражение «в то же самое время». Тем не менее, на фоне дискредитации и раскола обеих системных партий подобная эквилибристика приносила результат: в первом ту-

ре президентских выборов 23 апреля из 11 кандидатов на финише оказались четверо – Э. Макрон (24,1% или 8,8 млн голосов), М. Ле Пен (21,3%, 7,6 млн), Ф. Фийон (20%, 7,2 млн) и Ж.-Л. Меланшон (19,6%, 7,0 млн). Социалист Б. Амон остался далеко позади (6,8%, 2,9 млн).

Несмотря на минимальный разрыв между ними, выход во второй тур двух несистемных фаворитов сделал неизбежной коренную перестановку политических сил в стране: обе прежние системообразующие партии были впервые устранены от участия в борьбе за пост главы государства и, тем самым, теряли сам смысл своего существования. Это подтвердил весь дальнейший ход событий: во втором туре 14 мая Э. Макрон, которого поддержали практически все бывшие лидеры республиканцев и социалистов, убедительно выиграл, получив 66,01% голосов избирателей, принявших участие в голосовании (20,7 млн), против 33,94% (10,6 млн) у М. Ле Пен.

Результаты президентских выборов месяц спустя предопределили итоги парламентских, на которых абсолютное большинство мест – 313 из 577 – получила партия «Вперёд, Республика!», к которой примыкают центристы и отколовшиеся от республиканцев и социалистов «конструктивные» депутаты. В новом составе Национального собрания её представители заняли основные руководящие посты.

В назначенном президентом правительстве во главе с бывшим мэром Гавра республиканцем Э. Филиппом тщательно сбалансирован гендерный состав, доля выходцев из обеих бывших системных партий и «новичков» из организаций гражданского общества. Правительство без труда получило вотум доверия: 370 голосов «за» (67 «против», 129 «воздержались»). Парламентская оппозиция, представленная республиканцами (112), остатками по существу распавшейся соцпартии (30), «Непокорённой Францией» (17), НФ (8) и т.д., лишена возможности реально влиять на правительственную политику.

Смена моделей

Очевидно, что главной стратегической задачей президента становится модернизация прежней социально-экономической мо-

дели, неспособной более дать ответ на вызовы времени. Проект таких реформ разработала ещё 10 лет назад по инициативе президента Н. Саркози комиссия экспертов во главе с Ж. Аттали, бывшим специальным советником Ф. Миттерана. Основные выводы её доклада, посвящённого устранению препятствий для экономического роста, сводились к ликвидации «ренты», т.е. статусных привилегий отдельных категорий экономических агентов, демонтажу бюрократической регламентации рыночных отношений, в том числе трудовых, обеспечению равновесия бюджета, торгового баланса и т.д.⁹⁹ Характерно, что одним из докладчиков комиссии был молодой инспектор финансов Э. Макрон, которого именно Ж. Аттали представил следующему президенту-социалисту Ф. Олланду, назначившему его протеже заместителем генсека Елисейского дворца, а затем министром экономики, промышленности и цифровых технологий. С тех пор тема «смены моделей» стала предметом широкой дискуссии среди французских экономистов, сравнивавших её достоинства и недостатки с германской¹⁰⁰.

В итоге возник запрос на реформатирование политического поля – преодоление традиционного водораздела между левыми и правыми, создание мощной группировки в центре, которая служила бы надёжной опорой главы государства. Именно с этих позиций выступает Э. Макрон, который претендует на мифологический образ Юпитера, верховного авторитета на Олимпе в пантеоне античных богов. Приглашая к сотрудничеству представителей обновлённых политических элит, молодой президент не прочь обращаться через их голову и к рядовым избирателям. Эта тенденция уходит корнями в одну из прочных традиций французской политической культуры – бонапартизм, наследником которого в XX в. стало такое важное явление, как голлизм. Однако возможности Э. Макрона брать пример с великих предшественников покажет время и конкретные результаты его начинаний внутри страны и на международной арене, которые ещё предстоит доказать делом.

---

⁹⁹ Attali J. Urgences françaises. Edition actualisée. Pluriel, Paris, 2014.

¹⁰⁰ Aghion P., Cetto G., Cohen E. Changer de modèle. Les nouvelles idées pour une nouvelle croissance. Odile Jacob, Paris, 2015; Blot Ch., Chagny O., Le Bayon S. Fa-t-il suivre le modèle allemand? La Documentation française, 2015.

Надежды и тревоги

К неформальным, но прочным традициям французской политической жизни относится оценка деятельности нового президента за символические «100 дней» после инаугурации. Его заявления, жесты, поступки в этот короткий период создают определённый образ, многие черты которого сохраняются в общественном мнении на весь 5-летний срок первого мандата главы государства, а порой отражаются на его шансах быть переизбранным.

Принято считать, что очередной хозяин Елисейского дворца переживает в это время т.н. «благословенный период» (*l'état de grâce*), когда инерция недавней победы на выборах обеспечивает ему определённый кредит доверия и расширяет свободу действий, пока деморализованная поражением оппозиция занята поисками причин своих неудач и критикой ответственных за них лидеров.

К тому же, президентские выборы, результаты которых, как правило, определяют исход следующих за ними парламентских, обычно проходят весной. В период летних отпусков общественная жизнь замирает до сентября – начала учебного года и открытия очередной сессии парламента (*la rentrée*). Это «межсезонье» предоставляет президенту благоприятную возможность сформировать новое парламентское большинство, правительство и подготовить обещанные реформы.

В 2017 г. все эти факторы были, казалось, налицо. Тем не менее, представитель Французского института общественного мнения (IFOP) Ж. Фурке констатирует, что восьмому по счёту президенту Пятой республики Э. Макрону не удалось воспользоваться ими в полной мере¹⁰¹.

Сразу после вступления нового главы государства в должность, которое состоялось 14 марта 2017 г. и было отмечено торжественной церемонией во дворе Лувра, индекс доверия ему достигал весьма высокой отметки – 62%. Однако всего три месяца спустя удовлетворение его деятельностью выражали лишь 36% респондентов. Этот показатель заметно ниже, чем соответствующие периоды у двух его предшественников – Ф. Олланда и Н. Сар-

---

¹⁰¹ Le Figaro, 13.08.2017.

кози (соответственно 46 и 57%)¹⁰². Между тем, кампания перед выборами 2017 г. проходила под знаком глубокого разочарования избирателей итогами пребывания у власти обоих, исключившее возможность их избрания на второй срок. Настроения электората немало способствовали уверенной победе Э. Макрона, который выступал под лозунгом решительного разрыва с прошлым.

К середине августа 2017 г. треть французов считала взятый им темп реформ приемлемым, а 26% – даже недостаточным. Однако 41% опасались, что президент зашёл слишком далеко¹⁰³, 61% вообще не были уверены в правильности избранного курса¹⁰⁴. Если в мае 2017 г. оптимистов, убеждённых в скором подъёме французской экономики, было на 16% больше, чем пессимистов, то к сентябрю соотношение между ними изменилось на 26 п.п. в пользу вторых.

Соответственно, эволюционировал и образ президента, который становился более контрастным – позитивные коннотации постепенно уравнивались критическими. В середине августа 2017 г., по оценкам исследовательского центра «ELABE», 73% французов считали нового главу государства «динамичным», 71% – «властным», (-11 п.п. по сравнению с маем), 60% – сохраняли уверенность в его стремлении к переменам (-8 п.п.). Вместе с тем более половины респондентов (53%) были им недовольны, 51% сомневались в его честности, готовности выполнить предвыборные обещания и объединить для этого людей разных взглядов, а другая половина воздержалась от оценок, предпочитая судить в будущем по результатам¹⁰⁵.

Эта осторожная, выжидательная позиция вполне устраивает самого главу государства, который не считает, что 100 дней представляют собой подходящий срок для оценок: «Когда приходят к власти, то важные дела не делают за сто дней. Иначе мы были бы единственной страной, которая два года ведёт кампанию по выборам президента для того, чтобы он правил три месяца», – заявлял Э. Макрон в своём первом развёрнутом интервью еженедельнику

---

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Данные опроса центра Odoxa, BFM-TV, 07.08.2017.

¹⁰⁵ Le Point, 17.08.2017.

«Le Point»¹⁰⁶.

Издержки обновления

В поисках причин повышенной волатильности общественного мнения Франции после выборов 2017 г. аналитики обращают внимание на то, что убедительная победа Э. Макрона и кандидатов от его партии была достигнута благодаря объединению различных политических сил, взгляды и интересы которых не всегда и во всём совпадают.

Самой прочной опорой президента был и остаётся «ядерный» электорат – 24% избирателей, отдавших ему свои голоса в первом туре президентских выборов (8,6 млн). С учётом воздержавшихся и опустивших недействительные бюллетени («против всех») это составляет 18,2% всего избирательного корпуса. Среди них преобладают представители делового мира, менеджеры, служащие, лица свободных профессий, интеллигенция, т.е. верхняя прослойка среднего класса крупных городов, особенно на западе и юго-западе страны, которая успешно вписалась в контекст научно-технической революции, европейской интеграции и глобализации мировой экономики.

Именно среди них находит наибольшее понимание и поддержку либерально-глобалистский дискурс Э. Макрона: с мая по сентябрь 2017 г. рейтинг поддержки избирателями президентской партии «Вперёд, Республика!» сохранился на уровне 85%, а отсев ограничился 12%¹⁰⁷.

Его облик, стиль, жизненный путь энергичного, амбициозного выходца из семьи провинциальных врачей, получившего образование в самых престижных, элитных учебных заведениях – парижском Институте политических наук, Национальной школе администрации (ЭНА), инспектора финансов, инвестиционного банкира, высокопоставленного чиновника, наконец, министра экономики служит в глазах «ядерного» электората символом принципа меритократии – «власти достойных».

Вместе с тем победа Э. Макрона во втором туре президент-

---

¹⁰⁶ Le Point, 30.08.2017.

¹⁰⁷ Le Figaro, 13.09.2017.

ских выборов, где оставались только два претендента, большинством в 66% была обеспечена на $\frac{2}{3}$ за счёт голосов избирателей, перешедших к нему от кандидатов прежних системных партий – левого социалиста Б. Амона и правоконсервативного республиканца Ф. Фийона. Значительная часть их голосовала не столько за будущего президента, сколько против его соперницы – лидера ультраправого Национального фронта М. Ле Пен, получившей вдвое меньше – 33,9% голосов.

На парламентских выборах в июне многие из этих примкнувших избирателей предпочли воздержаться, что объясняет рекордный уровень абсентеизма (57%)¹⁰⁸. Когда же переформатирование высших эшелонов власти осталось позади и начали проявляться контуры будущих реформ, а главное их цена, представители наиболее уязвимых социальных категорий в депрессивных отраслях и регионах начали проявлять растущее беспокойство, что и отразилось на рейтингах нового президента.

Это коснулось в первую очередь избирателей, которые в мае 2017 г. перешли к Э. Макрону от социалистов и республиканцев, а отчасти даже крайних флангов – «Непокорённой Франции» и Национального фронта. Большинство их изначально составляли левые – 45% избирателей Э. Макрона на предыдущих президентских выборах 2012 г. голосовали за социалиста Ф. Олланда, тогда как только 19% за республиканца Н. Саркози и 15% за центриста Ф. Байру¹⁰⁹.

Между тем наибольшая утечка из лагеря Э. Макрона произошла именно слева. Если в целом рейтинг поддержки деятельности главы государства снизился к сентябрю 2017 г. на 20-25%, то среди бывших избирателей социалиста Б. Амона он упал на 40%, а ультралевого Ж.Л. Меланшона – на 35%. В то же время правый электорат оказался к нему заметно более снисходительным: среди прежних избирателей Ф. Фийона отсев составил 16,2%, а Национального фронта – 8,9%¹¹⁰.

Подобная тенденция следует общей направленности социально-экономической политики правительства, знаковыми решени-

---

¹⁰⁸ Le Monde, 20.06.2017.

¹⁰⁹ Le Figaro, 13.09.2017.

¹¹⁰ Ibid.

ями которого стали упразднение налога на крупные состояния (ISF), заменённого налогом на недвижимость, и введение плоской шкалы налога на прибыль при повышении общего социального сбора. Подобные меры, которые явно отвечают интересам зажиточных слоёв населения, вызвали острую реакцию в левом лагере, представители которого объявили Э. Макрона «президентом богатых». Неудивительно, что с мая по сентябрь 2017 г. популярность президента среди служащих снизилась на 26 п.п., среди рабочих на 24 п.п., тогда как среди высших управленческих кадров и интеллигенции только на 12 п.п.¹¹¹

Таким образом, постепенная эрозия электоральной базы Э. Макрона сопровождается изменением её структуры – сдвигом центра тяжести вправо. Следовательно, оказывается под вопросом основная стратегическая установка президента: преодолеть традиционный раскол партий на два лагеря, объединить всех «прогрессистов» слева и справа вокруг давно назревших реформ, которая принесла ему победу на выборах 2017 г.

Проверка на прочность

Первой заметной, знаковой реформой за первые «100 дней» пребывания Э. Макрона в Елисейском дворце, стал закон о т.н. «морализации» («доверии») в политической жизни. Он исключает допуск к выборам лиц с судимостью, запрещает выборным лицам наём на работу членов семьи, упраздняет «парламентский резерв» – безотчётный представительский фонд, из которого депутаты могли выделять субсидии в своих округах, ограничивает совмещение выборных мандатов с консалтинговыми услугами и т.д.¹¹² Это, бесспорно, популярный закон, принятый подавляющим большинством в обеих палатах парламента и подписанный президентом 15 сентября 2017 г., был реакцией на серию коррупционных скандалов в ходе последних предвыборных кампаний, которые глубоко дискредитировали политический класс в глазах общества.

Однако четыре министра нового правительства Э. Филиппа, в том числе сам его автор – экс-министр юстиции Ф. Байру и ли-

---

¹¹¹ Le Figaro, 18.10.2017.

¹¹² Le Monde, 21.07.2017.

дер фракции президентской партии в Национальном собрании Р. Ферран – стали фигурантами расследований в связи с аналогичными обвинениями, что явно снизило позитивный эффект от закона для образа главы государства. К тому же, идею Э. Макрона юридически закрепить статус «первой леди» – супруги президента по американскому образцу расценили как противоречащую «морализации». Протест против неё собрал 330 тыс. подписей, что заставило отложить такую меру на будущее.

Среди других событий, которые имели негативные последствия для имиджа Э. Макрона летом 2017 г., фигурировали конфликт главы государства с начальником генштаба вооружённых сил генералом П. де Вилье, закончившийся отставкой последнего, сокращение пособий на квартплату для малоимущих и пересмотр налогового законодательства.

Каждый из этих эпизодов имел свою специфику, хотя в основе всех них была одна и та же причина – категорическая установка президента ограничить бюджетный дефицит в 2017 г. 3%, а затем его снизить до 2,6%¹¹³. Коль скоро при этом налоги, прежде всего на крупные состояния (ISF) и прибыли предприятий были снижены, то в проигрыше оказались госслужащие, пенсионеры, студенты, органы местного самоуправления.

Решимость Э. Макрона пойти на риск непопулярных, чреватых рейтинговыми издержками мер диктовалась логикой его программы, изложенной перед выборами в книге «Революция», а после них в речи перед обеими палатами парламента (Конгрессе) в Версале и интервью еженедельнику «Le Point» 30 августа 2017 г. Суть её сводится к демонтажу социально-экономической модели, сложившейся во Франции в первые послевоенные десятилетия и неспособной, по убеждению президента, дать ответ на вызовы глобализации, европейской интеграции, научно-технической революции.

Речь идёт об отказе от жёсткого административно-правового регулирования рыночных, прежде всего трудовых отношений, снижении налогов и обязательных отчислений от прибылей в фонды соцстраха (47% ВВП) с тем, чтобы стимулировать предпринима-

---

¹¹³ Emmanuel Macron. Révolution. Xoéditions, Paris, 2016; «Le Point». 30.08.2017.

тельскую инициативу, снизить отток капиталов за рубеж, увеличить инвестиции и решить самую острую социальную проблему безработицы (9,5% самодеятельного населения – вдвое больше, чем в Германии или Великобритании).

Эта неолиберальная программа, одобренная Всемирным банком и ОЭСР, призвана стать французским эквивалентом т.н. «третьего пути» Т. Блэра в Великобритании или реформ Г. Шрёдера в Германии, проведённых ещё 15-20 лет назад. Именно так определяет её смысл Л. Бигорнь¹¹⁴, президент влиятельного, близкого к деловым кругам Института Монтея. Решению данной стратегической задачи подчинены и все дальнейшие радикальные реформы – пересмотр Кодекса законов о труде, перестройка системы пенсионного обеспечения, образования, страхования по безработице и т.д.

Шансы на успех и препятствия на пути столь внушительной программы французские и иностранные аналитики оценивают по-разному. Большинство сходится на том, что в среднесрочной перспективе Э. Макрон располагает достаточным запасом прочности и свободой действий, позволяющей минимизировать последствия эрозии его рейтингов. Несмотря на высокий уровень абсентеизма на последних выборах, легитимность президента не подвергают сомнению¹¹⁵. Президентская партия «Вперёд, Республика!», с которой блокируется центристская «Современная демократия» («МОДЕМ»), а также проправительственная группа «Конструктивисты», располагают абсолютным большинством в Национальном собрании, депутаты которого избраны впервые и полностью обязаны этим президенту.

В то же время оппозиция справа – Национальный фронт во главе с М. Ле Пен и «Республиканцы» – глубоко расколоты и ещё долго будут заняты реорганизацией партийных структур, поисками пропагандистской платформы и лидеров. Выборы нового председателя «Республиканцев» состоятся только в декабре 2017 г., и ему предстоит длительный период самоутверждения. Из НФ де-

---

¹¹⁴ Le Monde, 14.09.2017.

¹¹⁵ Почти все предыдущие президенты Пятой республики, включая её основателя генерала де Голля (кроме Ж. Ширака в 2002 г.) также избирались относительным меньшинством избирателей.

монстративно выбыли два самых видных политика – Марион Марешаль Ле Пен и первый вице-президент Ф. Филиппо, что серьёзно подорвало позиции лидера после поражения на выборах.

Поскольку соцпартия по существу распалась, то на левом фланге главным полюсом притяжения протестных настроений оказалась «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшона, популистская демагогия которого исключает какую-либо перспективу прихода к власти. Это тем более касается сугубо маргинальных коммунистов и экологов.

Коль скоро следующие общенациональные выборы в Европарламент предстоят только в 2019 г., а муниципальные – в 2020 г., то президент и правительство обладают временем, чтобы провести намеченные реформы в жизнь форсированными темпами.

Первым шагом стала коренная ревизия Кодекса законов о труде, которая существенно ограничила права профсоюзов в гарантий занятости и отношений с предпринимателями. После упорного торга с представителями социальных партнёров летом 2017 г. министру труда М. Пенико удалось расколоть профсоюзную оппозицию, склонив к сотрудничеству реформистские профцентры – Французскую демократическую конфедерацию труда (ФДКТ) и «Форс увриер». Протестный «день действий» 12 сентября 2017 г., проведённый Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), в прошлом близкой к компартии, получил сравнительно ограниченный размах: в забастовках и демонстрациях по всей стране приняли участие от 200 до 400 тыс. человек, что на порядок меньше, чем бывало ранее. Демонстрации не помешали принять новую версию трудового законодательства пятью президентскими указами (ордонансами) без детальной дискуссии в парламенте.

Тем не менее, противники нового законодательства о труде отнюдь не сложили оружие. ВКТ и «Непокорённая Франция» призвали к новым акциям протеста. С аналогичными призывами выступают всё новые категории недовольных – водители грузовиков, госслужащие, учителя и даже полицейские. Президент заявляет, что не намерен отступать под давлением улицы, однако дальнейший ход событий зависит от фактора времени. Издержки упразднения «завоёванных прав» – статусных льгот и гарантий, которыми традиционно пользуются многие социально-профессио-

нальные категории, – им приходится нести уже сегодня. Между тем обещанные властью выгоды от модернизации прежней модели французской экономики власти обещают только «завтра», а то и позже. К тому же, справедливость распределения связанных с реформами тягот вызывает в обществе растущие сомнения, что и объясняет падение рейтингов президента за первые «100 дней» его правления.

Дело не ограничивается одними рейтингами и уличными демонстрациями или забастовками: режим жёсткой экономии болезненно затронул бюджеты «территориальных коллективов» – муниципальных, департаментских, региональных советов. Именно их члены, провинциальные «нотабли» избирают верхнюю палату парламента – Сенат. В ходе обновления 24 сентября 2017 г. половины его состава (171 сенатора из 348) президентская партия потерпела первую серьёзную неудачу – большинство осталось за традиционными системными партиями, прежде всего «Республиканцами». Хотя в Пятой Республике верхняя палата играет подчинённую роль, ей оппозиция заметно ограничивает свободу действий президента, прежде всего при пересмотре без референдума действующей Конституции, для которого требуется конституционное большинство в $\frac{3}{5}$ членов обеих палат.

Немалую роль в судьбах макроновского эксперимента могут сыграть и субъективные факторы. На всех этапах своей успешной карьеры чиновника-технократа, затем инвестиционного банкира Э. Макрон твёрдо усвоил присущую административной и деловой элите Франции вертикальную схему отношений верхов и низов, склонность к императивному стилю принятия решений: отсюда претензии на роль «Юпитера» – повелителя богов на древнегреческом Олимпе. Об этом сам президент прямо заявил в интервью германскому журналу «Шпигель», связав вертикальность отношений между верхами и низами с католической традицией Франции, отличающей её от протестантских англосаксонских и северо-европейских стран¹¹⁶. В то же время, культура представителей традиционной французской политической элиты, прежде всего, выборных лиц («нотаблей») в органах местного самоуправления

---

¹¹⁶ Der Spiegel, № 42, October 14, 2017.

– муниципальных, департаментских, региональных советах – построена на горизонтальном принципе постоянных поисков взаимных уступок и компромиссов.

Те же «бонапартистские» черты присущи и новоиспечённым депутатам от партии «Вперёд, Республика!», большинство которых вышли из деловых кругов и организаций гражданского общества. Не имея какой-либо серьёзной подготовки к обязанностям парламентариев, они допустили во время чрезвычайной сессии Национального собрания летом 2017 г. массу грубых технических и психологических ошибок, расцененных как признаки авторитарности и дилетантства. Подобных упреков не удалось избежать и самому президенту, назвавшему противников реформы трудовых отношений «бездельниками, циниками и экстремистами», что получило весьма негативный резонанс в СМИ.

Внешнеполитические ориентиры

В своей книге «Революция», вышедшей в ноябре 2016 г., Эмманюэль Макрон доказывал, что Франции необходимо разорвать с её прежней социально-экономической моделью не только и не столько по внутренним причинам, сколько принимая во внимание факторы международного порядка. «Мы вступили в новую эру. Глобализация, цифровая экономика, растущее неравенство, угроза климату, геополитические конфликты и терроризм, эрозия Европы, кризис демократии в западных обществах, сомнения в самой сердцевине нашего общества – всё это симптомы того, что мир вступил в период потрясений», – констатировал будущий президент¹¹⁷. Перед лицом этих грозных вызовов активное участие Франции в решении важнейших международных проблем диктуется, по убеждению Э. Макрона, не только заботой о престиже, но и интересами национальной безопасности, залогом сохранения исторической роли страны как великой державы одной из вершин мировой цивилизации.

Со времени основания Пятой республики внешняя политика, оборона и безопасность считаются т.н. «заповедной областью» главы государства (*le demaine réservé*), где он решает вопросы сам

---

¹¹⁷ Emmanuel Macron. Révolution. Hoédition, Paris, 2016. P. 8.

или напрямую с соответствующими министрами. Для Э. Макрона осуществление этих «королевских прерогатив» («les fonctions régaliennes») с учётом ограниченности его опыта в международных делах было особенно важно, что объясняет крайнюю плотность графика его международных контактов в первые «100 дней» (как, впрочем, и после них). Своё видение приоритетов внешней политики он изложил в речи на традиционном совещании французских послов в Париже 28 августа 2017 г. Концептуальной основой стратегии Франции президент считает сочетание верности основанным на общих ценностях и интересах союзам с поиском выхода из кризисных ситуаций с учётом реального соотношения сил их участников, где Франция могла бы играть ключевую роль посредника¹¹⁸. Подобный подход именовался «голло-миттерановским»: у основателя Пятой республики он заимствовал твёрдую защиту национальных интересов и гибкость манёвра, а у его соперника-социалиста приоритет евростроительства на базе франко-германского тандема.

Календарь встреч на высшем уровне в самом различном формате сложился для нового президента весьма благоприятно. Летом 2017 г. он успел принять участие в сессиях «Большой семёрки» в Таормине (Сицилия), Советов ЕС и НАТО в Брюсселе, «Большой двадцатки» в Гамбурге и т.д. Пристальное внимание французской и мировой общественности привлекли официальные визиты президента РФ В. Путина в Версаль в связи с 300-летием установления дипломатических отношений между двумя странами и президента США Д. Трампа, присутствовавшего на национальном празднике 14 июля.

Особое внимание Э. Макрон уделил проблемам борьбы с международным исламистским терроризмом в Африке, на Ближнем Востоке (Сирия, Ирак) и в самой Франции: он посетил развёрнутый в Мали французский военный контингент, добился объединения усилий 5 государств Сахары в противостоянии исламистскому джихадизму. Первостепенное значение уделяется и активному участию Франции в решении глобальных проблем – изменения климата, миграций, терроризма и т.д., в частности судьбе Париж-

---

¹¹⁸ Le Monde, 30.08.2017.

ского соглашения по климату 2015 г., соблюдение которого стало центральной темой речи Э. Макрона на очередной сессии ГА ООН. Бурная деятельность молодого президента Пятой республики на международной арене не остаётся безрезультатной: подходы Парижа ко многим кризисным ситуациям (Сирия, Ирак, Ливия, израильско-палестинский конфликт, контроль над потоками беженцев и мигрантов через Средиземное море и т.д.) заметно эволюционировали в сторону поисков компромиссных решений.

Тем не менее, успех внешнеполитической стратегии Э. Макрона будет измеряться, прежде всего, судьбой его попыток преодолеть кризис Евросоюза. Амбициозная программа, выдвинутая Э. Макроном 7 сентября в Афинах и 26 сентября 2017 г. в Сорбонне, подразумевает институциональное укрепление ядра ЕС – еврозоны, увеличение её общего бюджета, финансирование инвестиций в отрасли будущего, назначение общего министра финансов, выборы парламента и т.д. На данной основе предложено выровнять налоговую, социальную, кредитно-финансовую политику, активно сотрудничать в сфере безопасности – по вопросам миграционного законодательства, борьбы с международным терроризмом, укрепления военно-промышленного комплекса вплоть до создания единых сил быстрого реагирования как костяка связанной с НАТО, но автономной «европейской обороны». Его далеко идущие предложения, по сути, реанимируют старые проекты «Европы разных скоростей», в которых экономическое превосходство Германии уравновешивалось бы военно-политическим лидерством Франции. Тем более что после брекзита она остаётся единственным в ЕС постоянным членом СБ ООН и «ядерного клуба», активно участвующим в решении внеевропейских проблем (Средиземноморье, Африка, Ближний Восток).

Однако реализация столь масштабного замысла остаётся под вопросом. Она зависит, прежде всего, от готовности Германии на протяжении следующего, четвёртого срока канцлерства А. Меркель искать и находить взаимоприемлемые решения с французским партнёром. Между тем общность ценностей, взглядов, интересов, явная симпатия канцлера к Э. Макрону не мешают германской стороне ставить поддержку его взглядов перестроить ЕС в зависимость от модернизации французской экономики. Позиция

Германии стала особенно очевидной после выборов 24 сентября 2017 г. в бундестаг, результатом которых стал временный распад коалиции ХДС/ХСС и социал-демократов.

Новые факторы, безусловно, учитывает президент, который должен адаптировать конкретные формы намеченных им преобразований к эволюции баланса политических сил внутри страны и на международной арене.

Прощание с биполярностью?

В 2018 г. Франция отметит 60-ю годовщину основания Пятой республики, которая имеет все шансы стать более долговечной, чем предыдущие четыре. Основные принципы действующей Конституции 1958 г. были заложены генералом де Голлем, – асимметричный баланс ветвей власти с преобладанием исполнительной и ключевая роль главы государства как верховного арбитра между ними. Они в целом успешно выдержали испытание временем, поэтому призывы к созданию парламентской Шестой республики не находят сколь-нибудь заметного отклика.

Если, однако, анатомия существующего режима (тип государственного строя) остаётся в неприкосновенности, то его физиология (партийно-политическая система, отношения центра с регионами, государства с гражданским обществом) претерпевают серьёзные перемены. Президентские и парламентские выборы 2017 г. могут стать в этом плане переломным пунктом.

Решающим фактором, который определял до сих пор партийный ландшафт Пятой республики, служили выборы главы государства всеобщим голосованием по мажоритарной системе в два тура.

В первом для избрания необходимо получить абсолютное большинство – более 50% голосов, чего не удавалось пока никому. Спустя две недели проводится второй, где остаются только два кандидата, которые получили в первом больше голосов, чем остальные. Очевидно, что из их поединка во втором туре шансы на победу имеет тот, кто сумеет успешнее привлечь голоса не только своих сторонников, но и вчерашних конкурентов из своего же лагеря.

Принято считать, что в первом туре колеблющийся избиратель голосует «сердцем» – за кандидата той партии, которая ему

всего ближе, а во втором «умом» – за того, кто способен вернуть всего нанести поражение кандидату противоположного лагеря. Соответственно, в ходе кампании перед первым туром каждая партия максимально ужесточает свои позиции с тем, чтобы мобилизовать собственный электорат, а перед вторым смягчает их, чтобы привлечь дополнительные голоса с обоих флангов.

В период между турами идёт закулисный торг обоих фаворитов с потенциальными партнёрами, которые стремятся получить от будущего победителя максимальную цену за поддержку. Поскольку исход президентских выборов обычно предопределяет результаты следующих за ним парламентских, предметами торга служат взаимная поддержка на них кандидатов в округах, корректировка программы будущего большинства, распределение правительственных постов и т.д.

Эти неписанные правила игры призваны решить двоякую задачу: закрепить деление политического поля на два традиционных лагеря – левый и правый, но в то же время обеспечить в каждом из них преимущество умеренных системообразующих партий, которые периодически сменяются у власти при маргинализации крайних флангов. При таком раскладе сил за последними сохранялась лишь т.н. «трибунская» функция критики власти без каких-либо реальных возможностей влиять на принятие политических решений¹¹⁹.

На протяжении последних десятилетий двумя системообразующими партиями служили республиканцы справа и социалисты слева. Первые объединили в 2002 г. голлистов разных оттенков, консерваторов и либерал-центристов, вторые продолжали в той или иной форме миттерановскую стратегию союза левых сил, которая позволила им стать с 1981 г. реальной альтернативой правым в борьбе за власть.

Традиционный водораздел между правым и левым лагерями в принципе сохранялся, а в политике сменявшихся президентов и правительств преемственность в рамках т.н. «республиканского консенсуса» явно преобладала над переменами, особенно в соци-

---

¹¹⁹ См.: Рубинский Ю.И., Белик Т.В. Политическая система Франции: незаконченная модернизация. Доклады Института Европы РАН, М., 2006.

ально-экономических проблемах. Преемственность во многом определялась внешними факторами – глобализацией и европейской интеграцией, которые ограничивали свободу манёвра правительств национальных государств.

Между тем социально-экономическая модель рыночной экономики, сложившаяся во Франции в первые послевоенные десятилетия, всё менее успешно отвечала реалиям стремительно меняющегося мира. Её особенности – высокая доля государства в экономике (47% ВВП проходят через бюджетные каналы), тяжёлое бремя налогов и обязательных отчислений в кассы соцстраха, жёсткое административное регулирование деловой активности и трудовых отношений вызывали бегство капиталов за рубеж, хронический дефицит бюджета и торгового баланса, увеличение госдолга, значительную безработицу (порядка 9-10% самодеятельного населения).

Несовместимость такой модели с требованиями времени стала особенно очевидной в итоге «Великой рецессии» – мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., – после которой французская экономика вступила в полосу длительной стагнации с темпами роста порядка 0,6-1,2% в год.

Реакцией французов на эти тревожные факты стали рост пессимизма, утрата доверия к дискредитированным серией коррупционных скандалов элитам, абсентеизм на выборах или голосование за популистские партии на крайних флангах политического спектра. Если на протяжении второй половины XX в. в политической жизни Франции преобладала центристская тенденция, то с XXI в. её всё более явно теснила противоположная, центробежная.

Первым симптомом оказались президентские выборы 2002 г., в ходе которых противником президента-неоголлиста Ж. Ширака во втором туре стал не премьер-социалист Л. Жоспен, а лидер ультраправого Национального фронта Ж.-М. Ле Пен. Хотя сплочение избирателей обеих системных партий под лозунгом «республиканского фронта» обеспечило переизбрание уходящего президента подавляющим большинством – 82%, поляризация сил, как в стране, так и внутри обеих системных партий продолжалась.

На выборах в органы местного самоуправления, в Европарла-

мент кандидаты НФ собирали до 27,5% голосов, «Непокорённой Франции» 11-12%. Поляризация политического спектра блокировала нормальное функционирование биполярной системы – ни социалисты, ни «Республиканцы» не могли более обеспечивать ротацию власти за счёт колеблющихся центристских группировок. В погоне за голосами протестных избирателей Национального фронта и «Непокорённой Франции» они вынуждены были заимствовать у них националистические или социал-популистские лозунги, которые становились у них менее кредитоспособными. «Избиратель предпочитает оригинал копии», – заявляла лидер НФ М. Ле Пен. В то же время интеграция в политическую систему того или иного из крайних флангов исключалась ввиду сугубо демагогического характера их программ, диктуемых протестным электоратом обеих, который социологически всё более схож.

Плачевные результаты попыток двух последних президентов – правого Н. Саркози (2007–2012 гг.) и левого Ф. Олланда (2012–2017 гг.) найти решение проблем страны вызывали у избирателей сомнение в самом смысле ротации системных партий у власти.

Перед президентскими выборами 2017 г. в ходе первичных выборов кандидатов на пост главы государства в обеих системных партиях резко обострилась фракционная борьба, в которой взяли верх представители крайних течений – левого у социалистов (Б. Амон), правого у «Республиканцев» (Ф. Фийон), что исключило выход представителей обеих во второй тур. Таким образом, сам смысл их существования, как и судьба прежней партийной системы, оказались под вопросом.

Это относится, прежде всего, к соцпартии, которая в 2012–2017 гг. контролировала основные рычаги власти – парламентское большинство, правительство, ключевой пост президента. После вынужденного отказа Ф. Олланда баллотироваться на второй срок (ввиду катастрофического падения его рейтингов) кандидатом на пост главы государства стал лидер левого крыла Б. Амон. Однако его результат в первом туре (2,9 млн, т.е. 6,9% голосов) оказался для социалистов худшим с 1969 г. – он занял всего лишь 5-е место и выбыл из дальнейшей борьбы. Столь же неутешительными для социалистов стали и итоги выборов в нижнюю палату парламента – Национальное собрание, где количество её депутатов сокра-

тилось на порядок – до 31 из 577.

Неудивительно, что в рядах соцпартии начался глубокий разброд – численность рядового актива сократилась втрое, из партии вышли ключевые фигуры – как лидер правого, социал-либерального крыла бывший премьер-министр М. Вальс, так и его главный оппонент на левом фланге Б. Амон, причём последний объявил о создании собственной конкурирующей группировки. В отставку подал и первый секретарь партии Ж.-К. Камбаделис, публично возложивший ответственность за неудачи социалистов на экс-президента Ф. Олланда. На чрезвычайном съезде в марте 2018 г. программа партии, её стратегия и тактика были существенно пересмотрены, к руководству пришли представители нового поколения. Тем не менее, все аналитики единодушно считают, что в обозримом будущем шансы на весомое участие в борьбе за власть у «обновлённой» партии отсутствуют. Своего рода символом краха соцпартии эпохи Миттерана стала продажа за долги её исторического здания на ул. Сольферино в 7-м округе Парижа.

Весьма чувствительные потери понесли и «Республиканцы». Их кандидат в первом туре президентских выборов Ф. Фийон, образу которого нанёс тяжёлый ущерб коррупционный скандал, получил в первом туре президентских выборов 7,2 млн голосов (20%), но оказался лишь на третьем месте. На парламентских выборах этой партии удалось сохранить 3,7 млн голосов (15,7%), что обеспечило ей 115 депутатских мест в Национальном собрании, где они стали главной оппозиционной фракцией. Тем не менее, «исторические» лидеры умеренных правых – экс-президент Н. Саркози и бывший премьер-министр А. Жюппе навсегда сошли с авансцены. Избранный председателем на чрезвычайном съезде в декабре 2017 г. Л. Вокье с трудом пытается найти место между президентской партией слева и Нацфронтом справа с тем, чтобы стать главным полюсом оппозиции, но пока без заметного успеха.

В первом туре президентских выборов 2017 г. лидер ультралевой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшон получил 7 млн голосов (19,6%), кандидат НФ М. Ле Пен 7,6 млн (21,3%). Во втором туре за неё проголосовали 10,6 млн (33,94%). Однако трансформировать эти результаты в политически значимое парламентское представительство крайним флангам не удалось – на выбо-

рах в Национальное собрание Национальный фронт получил в нижней палате всего 8 депутатских мест, а «Непокорённая Франция» вместе с коммунистами 26. Они могут использовать парламентскую трибуну лишь в сугубо пропагандистских целях, хотя среди них фигурируют оба лидера – М. Ле Пен и Ж.-Л. Меланшон.

Крах надежд на превращение НФ из аутсайдера в полноценного участника политического процесса пошатнул авторитет лидера НФ М. Ле Пен. После исключения из партии её отца – основателя и почётного председателя НФ Ж.-М. Ле Пена – из неё вышли её племянница Марион Марешаль Ле Пен и вице-президент Ф. Филиппо, создавший собственную группировку «Патриоты». В повестку дня чрезвычайного съезда в апреле 2018 г. выдвинуты пересмотр программы, и даже смена названия партии.

Паралич биполярной модели партийно-политической системы Пятой республики, ставшей жертвой центробежных сил в обеих системообразующих партиях, вызвал противоположную, центростремительную тенденцию, которую олицетворяют новый президент Э. Макрон и его партия «Вперёд, Республика!». Именно они одержали решающую победу в ходе президентских и парламентских выборов 2017 г., завоевав как Елисейский дворец, так и абсолютное большинство депутатов в Национальном собрании – 350 из 577. В состав этого большинства вошла центристская партия «Современная демократия» (МОДЕМ) во главе с Ф. Байру. К нему фактически примкнула отколовшаяся от «Республиканцев» группа «конструктивистов», увеличив большинство до 350-370. Оно призвано обеспечить проведение в жизнь широкой программы реформ – Конституции, налоговой системы, трудового, антикоррупционного законодательства, средней и высшей школы, жилищной политики, правил иммиграции и т.д.

Радикально обновился возрастной, гендерный, профессиональный состав депутатского корпуса, три четверти которого, как и сам президент, прежде ранее не избирались ни в какие выборные органы. Значительная часть депутатов президентской партии и многие назначенные президентом министры правительства Э. Филиппа являются не профессиональными политиками, а выходцами из деловых кругов или структур гражданского общества, что отвечает запросу на радикальное обновление дискредитирован-

ных традиционных элит.

Стратегия Э. Макрона строится на преодолении традиционного идейно-ценностного антагонизма левых и правых партий путём прагматичного синтеза отдельных положений их программ во имя модернизации французского общества и повышения конкурентоспособности его социально-экономической модели перед лицом вызовов внешнего мира. В этой новой системе координат противостояние левых/правых заменялось бы соревнованием «прогрессистов» с «консерваторами», где главным критерием принадлежности к тем или другим объявляется выбор между открытостью на внешний мир в рамках евростроительства и замкнутостью в национальных границах¹²⁰.

Очевидно, что подобная постановка вопроса ещё более углубила раскол внутри прежних системных партий. Основным кадровым резервом партии «Вперёд, Республика!» стали выходцы из правого, социал-либерального крыла социалистов, с одной стороны, либерал-центристское крыло республиканцев, с другой в сочетании с технократами из деловых кругов и организаций гражданского общества. По тому же сценарию сформировано и правительство Э. Филиппа: пост премьер-министра и экономический блок в нём достались «перебежчикам» из рядов «Республиканцев», тогда как ключевые политические посты министров внутренних и иностранных дел заняли бывшие соратники Э. Макрона в соцпартии.

Причём как в отборе кандидатур, так и в контроле над деятельностью депутатов и министров решающую роль играет сам президент. Характерно, что на съезде правящей партии единственным кандидатом на пост её лидера (генерального делегата) стал, с поддачи Елисейского дворца, бывший социалист К. Кастанер, сохранивший и пост представителя правительства по связям с парламентом.

Опыт первых месяцев деятельности президента и правительства показал, что созданная Э. Макроном новая партийно-политическая структура функционировала достаточно эффективно. Депутаты, которые целиком обязаны своим избранием главе государства, дисциплинированно голосовали за правительственные

---

¹²⁰ Emmanuel Macron. Révolution. XOéditions, Paris, 2016. P. 153.

законопроекты, в том числе наиболее конфликтные (бюджет). Таким образом, вертикаль власти, заложенная в Конституции 1958 г., но пошатнувшаяся в последние два десятилетия из-за кризиса прежних социально-экономической и партийной моделей, восстановлена в полном объёме. Проекты частичной ревизии Конституции, которые готовит президент, идут в том же направлении (сокращение на треть количества парламентариев и объёма их законотворческой деятельности, ограниченное тремя сроками переизбрания и т.д.)¹²¹.

Тем не менее, прочность и долговечность итогов этой модернизации далеко не гарантированы. Уже проведённые и планируемые правительством Э. Филиппа реформы должны принести результаты лишь со временем. Между тем, они уже сейчас затронули интересы разных категорий избирателей, особенно социально уязвимых, – пенсионеров, госслужащих, квартиросъёмщиков, учащихся и т.д., которые проявляли своё недовольство забастовками и демонстрациями. На этом фоне индекс доверия президенту претерпел заметные колебания – если в момент инаугурации он достигал весьма высокой отметки (63%), то уже осенью и зимой 2017–2018 гг. заметно снизился и колеблется на уровне 45-50%.

Отток происходил в основном с левого фланга за счёт бывших избирателей соцпартии, поддержавших кандидатуру Э. Макрона во втором туре президентских выборов. Опросы показывают, что ²/₃ проведённых правительством Э. Филиппа реформ респонденты оценивают как «правые» и только 2-3 как «левые». Тем самым принципиальная установка президента на преодоление этих понятий подвергается сомнению.

Между тем, президентская партия представлена на этих уровнях весьма скромно: у неё нет ни одного поста председателя регионального совета, одно – департаментского и 3 мэра коммун с населением свыше 70 тыс. человек. В то же время оппозиционные республиканцы контролируют все 8 региональных советов и 66 департаментских из 101, а социалисты – 29.

Неудивительно, что на очередных перевыборах половины членов верхней палаты парламента – Сената, представляющего мест-

---

¹²¹ Magnaudeix M. Macron et Cie. Don Quichotte éditions, Paris, 2017. P. 105.

ные органы власти («территориальные коллективы»), «Республиканцы» сохранили крупнейшую фракцию (184 места), левые – 111 мест, а президентской партии и их союзнице – центристской МОДЕМ – достались всего 28. Согласно Конституции 1958 г., полномочия верхней палаты ограничены по сравнению с нижней, однако конфликт с Сенатом затрудняет проведение дальнейших реформ, особенно ревизии Основного закона без референдума. К тому же налоговая политика правительства, чувствительно ущемившая бюджеты местных органов власти, вызывает в Сенате серьёзное недовольство, делая его оплотом оппозиционных сил. Они упрекают главу государства в близости к верхушке деловых кругов («президент богатых»), принадлежности к парижской элите, забвении интересов сельской «глубинки», «якобинском централизме» и т.д. Попытки президента отвергнуть эти упреки напоминанием о своих провинциальных корнях, его заверения в сочувствии идеям «жирондистской» децентрализации административной власти, стремление модернизировать сельское хозяйство не находят пока достаточного отклика.

По этой причине Э. Макрон взял курс на превращение очередных выборов в Европарламент (май 2019 г.) в подобие референдума¹²², исход которого призван укрепить легитимность власти вплоть до конца его президентских полномочий и создать предпосылки для второго мандата. Для этого изменён порядок евровыборов – они проводятся теперь в национальных, а не в региональных рамках, по единым спискам. Однако подобная стратегия не лишена рисков. Опыт показал, что промежуточные между президентскими и парламентскими выборы, муниципальные, департаментские, региональные и особенно европейские, избиратели используют для демонстрации недовольства теми или иными конкретными действиями правительства. Тем самым центристская конструкция партийной системы может оказаться под вопросом, а центробежные тенденции снова взять верх над центростремительными.

Характерно, что становление центристской партийной систе-

---

¹²² Bigorgne L., Baudry A, Dunamec O. Macron, et en même temps... Plon, Paris, 2017. P. 271.

мы во Франции происходит на фоне глубокого кризиса её эквивалента в соседней Германии – «большой коалиции» ХДС/ХСС и СДПГ после выборов 24 сентября 2017 г. в бундестаг. Между тем укрепление франко-германского тандема в ходе модернизации Евросоюза изначально было и остаётся краеугольным камнем всей стратегии Э. Макрона как внутри страны, так и на международной арене.

Решительный бой между профсоюзами, правительством, а в конечном счёте президентом Э. Макроном развернулся в связи с решением кабинета о коренной реформе статуса Национальной компании французских железных дорог (SNCF) – стержня всего госсектора экономики страны. Ссылаясь на значительный дефицит госкорпорации, покрываемый из бюджета, кабинет Э. Филиппа приступил к демонтажу традиционного льготного статуса работников транспорта, в первую очередь гарантий их занятости и пенсионного обеспечения. Первая аналогичная попытка в этом плане была предпринята ещё в 1995 г. кабинетом А. Жюппе, но оказалась сорванной трёхдневной всеобщей забастовкой железнодорожников. На сей раз к ним примкнули также пилоты и служащие авиакомпании «Эр Франс», парализовавшие часть полётов.

Между тем радикальная перестройка правительством системы высшего образования столкнулась с упорным сопротивлением студенческих организаций, напоминающем о бурных событиях полувековой давности (мая-июля 1968 г.).

Однако на сей раз власти твёрдо решили не уступать, сделав ставку на раскол рядов профсоюзных организаций, побудивший жёсткое крыло – Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ) – использовать тактику частичного блокирования транспортных магистралей на протяжении трёх месяцев (апрель-июль 2018 г.). Исход этой пробы сил во многом предопределяет общий итог реформаторской программы Э. Макрона.

ГЛАВА 13. ПОСЛЕ ФУТБОЛЬНОЙ ЭЙФОРИИ*

Победа французской команды на Чемпионате мира по футболу – вторая после 1998 г. – вызвала на её родине беспрецедентную волну радости и гордости, охватившую миллионы людей. Сотни тысяч парижан вышли на улицы приветствовать героев – их популярность, особенно девятнадцатилетнего К. Мбаппе побил все рекорды. Народные гуляния с трёхцветными флагами и пением Марсельезы проходили во всех городах Франции, главным образом в тех, к которым имели отношение игроки команды. Французы и за рубежом проводили массовые демонстрации, в том числе в Москве, в посольстве Франции.

Столь бурная эйфория объясняется не только вполне естественными патриотическими чувствами футбольных болельщиков. Дело в том, что за последние 10-15 лет настроения значительной части французского общества отличались явным пессимизмом – во всевозможных публикациях настойчиво муссировалась тема упадка Франции. Их авторы, прозванные «деклинистами» (упадочниками), с тревогой говорили о таких тенденциях французской экономики, как низкие темпы роста, хронический дефицит бюджета и торгового баланса, разбухание государственного долга, а главное – массовая безработица. Хотя эти показатели далеко не катастрофичны, они заметно выше, чем в большинстве стран Евросоюза.

Тревожным настроениям способствовала глубокая травма, связанная с массовой иммиграцией из арабо-мусульманских стран, усугубляемая проблемой этнических гетто в пригородных районах, где высокая безработица и преступность служат питательной почвой для исламистского фундаментализма и терроризма. Предметом острых дискуссий стали проблемы сохранения национальной идентичности французов, совместимости ислама с принципами отделения церкви от государства и равноправия женщин. С учётом всех этих факторов высказывались опасения о риске ут-

---

* Юрий Рубинский. Франция после футбольной эйфории. РСМД. 01.08.2018. <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-posle-futbolnoy-eyforii/>

раты Францией её традиционного положения на международной арене, способности надёжно обеспечить свою безопасность и интересы в Европе и глобализованном мире.

В таких условиях победа на ЧМ стала своего рода психологической компенсацией – она должна была показать, что страна верна своему призванию носителя ценностей Великой французской революции 1789 г. – «Свободы, равенства, братства», авангарда борьбы за права человека, демократию, роли одной из немногих держав среднего масштаба, но с глобальными интересами и ответственностью. С учётом сомнений в этом за рубежом и в самой Франции результат ЧМ стал поводом для французов преодолеть их «психодраму».

Ещё один важный фактор, объясняющий размах празднования победы на ЧМ, – состав национальной сборной. Тот факт, что её треть имеет африканские корни, был воспринят как успех в борьбе за единство французского общества независимо от происхождения его представителей. Французские СМИ крайне болезненно воспринимали утверждения зарубежных СМИ о том, что это победа не Франции, а Африки. Сами игроки сборной, признававшие тот факт, что все из них являются коренными французами, а зачастую потомками выходцев из других этнических групп, заявляли, что их успех – победа Республики, её идей и ценностей, символ единства нации. Это был ответ не только на те упреки, которые предъявляли французам за рубежом, но отчасти и на их собственные.

Весьма эффектно и даже немного театрально выглядела реакция французских властей на успехи сборной – президент Э. Макрон присутствовал на полуфинале в Санкт-Петербурге и финале в Москве, бурно демонстрировал свою радость и общался с командой. Все её члены получили орден Почётного легиона, были приняты в Елисейском дворце, куда явились и тысячи болельщиков. Хотя в искренности чувств главы государства трудно усомниться, в них явно присутствовал определённый политический расчёт, связанный с эволюцией обстановки в стране. Убедительная победа Э. Макрона на президентских выборах в мае 2017 г. и его партии «Вперёд, Республика!» на парламентских выборах позже была результатом глубокой дискредитации традиционных

элит. Прежде всего, речь идёт о руководстве обеих системообразующих партий – республиканцев и социалистов, сменявшихся у власти на протяжении последних десятилетий, но неспособных решить стоящие перед страной проблемы. С авансены были сметены сразу три поколения верхнего эшелона политиков, начинавших свою карьеру 30-40 лет назад и нередко запятнанных коррупционными скандалами.

На этом фоне молодой, энергичный, амбициозный кандидат, обещавший преодолеть устаревший водораздел между левыми и правыми силами во имя коренной модернизации страны, восстановления её престижа в мире, привлёк симпатии значительной части избирателей – верхнего слоя среднего класса крупных городов, успешно вписавшихся в процессы глобализации и европейской интеграции (предпринимателей, интеллигенции и т.д.). Обещанная президентом программа решительной перестройки социально-экономической модели, сложившейся во Франции за первые послевоенные десятилетия и неспособной ныне дать ответ на новые глобальные вызовы, не стали формальностью. За прошедший год правительство Э. Филиппа, опираясь на прочное большинство в нижней палате парламента – Национальном собрании – провело беспрецедентное со времён основания полвека назад режима Пятой Республики число реформ. Они затронули налоговую систему, трудовое законодательство, борьбу с коррупцией и терроризмом, пенсионное обеспечение, профессиональную подготовку, образование и многое другое. Их смысл очевиден – снизить налоги и отчисления в фонды соцстраха для предпринимателей, укрепить их позиции перед лицом профсоюзов в вопросах трудовых отношений, освободить от чрезмерной административной опеки государства с тем, чтобы прекратить отток капиталов, стимулировать инвестиции в перспективные инновационные отрасли, темпы роста и тем самым создать условия для сокращения безработицы.

Однако конкретные результаты этой неолиберальной политики будут видны нескоро – рост экономики остаётся вялым, а её главная проблема – занятость – столь же болезненной. Между тем издержки преобразований приходится нести уже сейчас, причём основная тяжесть их легла на плечи наиболее уязвимых социаль-

ных категорий – пенсионеров, учащейся молодёжи, крестьян, средних слоёв в сельской местности, малых провинциальных городах депрессивных регионов востока страны. Особенно серьёзное недовольство проявляют рабочие и служащие госсектора в убыточных инфраструктурных отраслях, прежде всего на железнодорожном транспорте, где отмена ряда традиционных льгот – гарантий занятости, раннего выхода на пенсию – вызвала волну забастовок и демонстраций, к которым порой присоединялись представители самых разных профессиональных категорий вплоть до полицейских и охранников мест заключения.

Тем не менее, размах протестного движения остаётся пока довольно ограниченным – он гораздо скромнее, чем был в ходе крупных социальных кризисов 2006 г., 1995 г. и тем более 1968 г. Профсоюзы, как и студенческие организации, глубоко расколоты, что даёт правительству возможность играть роль посредника в диалоге социальных партнёров и успешно проводить спорные реформы через парламент, где оппозиционные партии на крайних флангах пока не способны сколько-нибудь заметно влиять на законодательный процесс. В таких условиях неизбежно усиливается изначально заложенная в режиме Пятой Республики её основателем – генералом Ш. де Голлем – тенденция к дальнейшему укреплению вертикали власти во главе с президентом, который сравнивает себя с Юпитером – повелителем богов на древнегреческом Олимпе. В том же духе выдержан проект реформы Конституции, сокращающий на треть число депутатов и сенаторов при ограничении масштабов их законодательской деятельности.

Вместе с тем именно эта тенденция, превращающая главу государства в конечную инстанцию при решении любых спорных вопросов, возлагает на него всю ответственность за любые неудачи, делает главной мишенью недовольных. Хотя премьер-министр Э. Филипп пользуется уважением за компетентность и технократическую эффективность, он выглядит в глазах гражданского общества лишь послушным исполнителем воли президента, неспособным взять на себя роль щита, прикрывающего его от критики. Если предшественника Э. Макрона Ф. Олланда в Елисейском дворце упрекали в уходе от решения серьёзных проблем, то нынешнего главу государства, напротив, обвиняют в излишней само-

уверенности и высокомерном эгоцентризме. Этим грешил в своё время и другой его предшественник – Н. Саркози.

Хотя во время предвыборной кампании Э. Макрон, бесспорно, олицетворял в глазах общественного мнения разрыв с прошлым, сегодня в нём всё чаще видят «президента богатых» – представителя и защитника интересов тех самых привилегированных элит, отторжение которых большинством избирателей привело его к власти. Этому способствует стиль публичных выступлений Э. Макрона, в которых он нередко прибегает к полемическим перегибам, называя своих критиков дармоедами и циниками. В итоге если после президентских выборов в мае 2017 г. рейтинг доверия новому главе государства достигал 62%, то год спустя он упал до 40%, а в июле 2018 г. до 32%, т.е. почти вдвое. Между тем в условиях всё большей «президентиализации» режима имидж первого лица неизбежно страдает от, казалось бы, мелких, второстепенных промахов представителей его ближайшего окружения – покупки дорогого сервиза для Елисейского дворца на фоне жёсткой экономии бюджетных расходов, оплаты услуг модного визажиста первой леди и парикмахера её супруга и т.д.

В этой связи особенно показателен громкий скандал, разразившийся из-за участия личного охранника президента А. Беналла в разгоне студенческой демонстрации с применением силы 1 мая в Латинском квартале, на что у него не было никаких полномочий. Публикация видеозаписи этого эпизода послужила поводом к созданию парламентской комиссии, перед которой пришлось оправдываться не только непосредственному начальнику А. Беналла, но и префекту полиции Парижа, и министру внутренних дел, а затем и премьер-министру на пленарном заседании Национального собрания.

В конечном счете в дело вмешался сам президент, который взял всю ответственность за промах своего телохранителя на себя, объявив скандал «бурей в стакане воды». Дело, видимо, не ограничится наказанием нескольких «козлов отпущения» в аппарате Елисейского дворца – оно значительно ускорит процесс дальнейшей «макронизации» верхних звеньев всего государственного аппарата. Так это происходит и в США с приходом в Белый дом нового президента иной партийной принадлежности, но во Фран-

ции практиковалось прежде в гораздо меньшей степени из-за гарантий нейтральности чиновников. Тем не менее, победа на ЧМ никак не отразилась на рейтинге главы государства, тогда как скандал с А. Беналла привёл к его снижению.

Последствия постепенной эрозии образа президента, не имеющего пока сколько-нибудь реального соперника в расколотовой оппозиции, так или иначе будут давать о себе знать в ходе подготовки к предстоящим политическим боям – выборам в Европарламент в мае 2019 г., муниципальным выборам годом позже, а главное – президентским 2022 г., на которых Э. Макрон, не скрывая решимости, собирается бороться за продление своего мандата на второй пятилетний срок. Их особенностью обещает стать выдвижение на первый план не только внутренних, но и международных проблем, где сталкиваются европеисты и либерал-глобалисты с изоляционистскими национал-популистами. Этот конфликт уже давно очевиден на примерах США, Великобритании, Германии, Италии, Австрии и ряда других стран, причём результат его сплошь и рядом непредсказуем.

ГЛАВА 14. «НОВОЕ – СТАРОЕ» ПРАВИТЕЛЬСТВО*

16 октября 2018 г. представитель Елисейского дворца официально объявил об изменениях в составе правительства Э. Филиппа, произведённых президентом Э. Макроном по предложению премьер-министра. Вечером того же дня глава государства выступил по телевидению с обращением к нации, в котором разъяснял принципы и цели произошедших перемен.

Подчеркнув важность проведённых правительством по его инициативе радикальных реформ, Э. Макрон признал, что за последние месяцы они не встречают достаточного понимания, а порой вызывают критику.

Между тем он считает, что альтернативы модернизации стра-

---

* Аналитическая записка № 48(144), 26 октября 2018 г., www.instituteofeurope.ru/publications/analytics.

ны в рамках обновлённого Евросоюза не существует – она властно диктуется вызовами взаимозависимого, но глубоко расколото-го, опасного мира XXI в. В то же время призывы оппозиционных национал-популистов на крайних флангах к самоизоляции страны могут лишь ослабить её и завести в тупик. Поэтому президент призвал французов запастись терпением до тех пор, пока время не подведёт общий итог начатым им переменам. «Сегодня не будет ни поворота, ни смены политического курса», – предупредил он¹²³.

Реакция на эти объяснения оказалась довольно прохладной: «Страна недаром чувствует себя дезориентированной... Эммануэль Макрон утверждает, что он слушает своих критиков, но слышит ли он их?» – задаёт вопрос правоконсервативная газета «Фигаро», которая в целом обычно поддерживает политику нынешнего правительства¹²⁴. По данным опроса, проведённого Центром по изучению общественного мнения Odexa на следующий день после выступления президента, 65% респондентов сочли, что реорганизация правительства не отвечает их ожиданиям¹²⁵.

Эти результаты соответствуют общему негативному тренду рейтингов Э. Макрона за последние полтора года: если сразу после торжественной церемонии его инаугурации во дворе Лувра 14 мая 2017 г. симпатию и доверие новому президенту выражали 63% респондентов, то в октябре 2018 г. этот индекс составил всего 29%. Данный показатель ниже, чем был у его предшественников в Елисейском дворце – Н. Саркози и Ф. Олланда в соответствующие периоды их первых президентских мандатов, которые обоим так и не удалось продлить.

Реформы и итоги

Между тем упрекнуть нынешнего президента и его премьер-министра в бездействии было бы явной несправедливостью. Всего за полтора года пребывания у власти ими были подготовлены и проведены через парламент 77 важных законопроектов, которые существенно изменили трудовой кодекс, налоговую систему, ста-

---

¹²³ <http://einernaute.com/actualite/politique>.

¹²⁴ Le Figaro, 18 Octobre 2018.

¹²⁵ Там же.

тус инфраструктурных госмонополий, прежде всего железнодорожного транспорта, организацию народного образования на всех уровнях (дошкольного, среднего, высшего), а также профобучения.

Заметно ужесточились законы о борьбе с коррупцией, терроризмом, распространением ложных сведений, порядок предоставления права на убежище иммигрантам и т.д. На очереди ещё более масштабные реформы пенсионного обеспечения, страхования по безработице, наконец, частичная ревизия действующей Конституции 1958 г.

Резко активизировалась и внешняя политика Франции, где решающую роль играет сам президент. Всего за первый год после прихода в Елисейский дворец он успел совершить 46 зарубежных визитов, посетив 29 стран, не считая участия в международных конференциях. Не меньшее число иностранных гостей побывало за это время в Париже.

Однако конкретные результаты этой бурной активности заставляют себя ждать. В 2017–2018 гг. основные макроэкономические показатели Франции – темпы роста ВВП (1,7%), дефициты бюджета и торгового баланса, разбухание госдолга (98% ВВП) остались почти столь же негативными – они ниже, чем большинство средних по ЕС.

Довольно скромной оказалась и эффективность амбициозной внешнеполитической деятельности главы государства. Ему не удалось пока добиться ни ощутимого прогресса в перестройке Евросоюза, где его главный партнёр – канцлер ФРГ А. Меркель – испытывает серьёзные внутренние трудности, ни компромиссов по спорным вопросам с президентом США Д. Трампом (климат, иранское ядерное досье, торговый протекционизм и т.д.).

Между тем распределение выгод и издержек реформ оказалось крайне неравномерным. Наибольшие преимущества в бюджетно-налоговой политике и трудовом законодательстве получил «ядерный» электорат Э. Макрона и его партии «Вперёд, Республика!» – предприниматели, управленцы, лица свободных профессий, интеллигенция крупных городских центров, успешно вписавшиеся в процессы глобализации и европейской интеграции (порядка 24% голосов на последних выборах). В то же время инте-

ресы социально уязвимых слоёв – рабочих, мелких госслужащих, пенсионеров, учащейся молодёжи из пригородов или небольших населённых пунктов в сельской местности – оказались ущемлёнными.

Поскольку возможности уличного протеста, как и забастовочного движения, в условиях массовой безработицы и раскола профдвижения ограничены, выразителями их недовольства стали выборные органы местного самоуправления – муниципальные, департаментские, региональные советы, мэры – и их представительство в верхней палате парламента – Сенате, где президентская партия «Вперёд, Республика!» остаётся в меньшинстве.

Конфликты в верхах

Этот конфликт связан не только с ущемлением материальных интересов «территориальных коллективов» отменой жилищного налога, из которого пополнялись местные бюджеты. Он отражает противоречие между вертикальной иерархией, свойственной деловому миру и технбюрократии, выходцами из которых являются Э. Макрон и его окружение, и горизонтальной культурой взаимных компромиссов, свойственной традиционной политической элите, потерпевшей тяжёлое поражение на президентских и парламентских выборах 2017 г. и стремящейся взять реванш.

Симптомом этого противоречия оказался раскол внутри ближайшего окружения президента. За полтора года после формирования правительства Э. Филиппа из него выбыли по разным причинам, связанным обычно с конфликтами интересов или нарушениями налогового законодательства, 7 министров из 35.

Наибольший резонанс при этом получили отставки двух ключевых членов кабинета – министров экологического перехода Н. Юло и внутренних дел Ж. Колона, имевших высокий ранг государственных министров, т.е. вице-премьеров. Причём оба объявили о своём решении через СМИ, не согласовав его заранее с президентом и премьер-министром, которые оказались поставленными перед свершившимся фактом.

Между тем они занимали в команде Э. Макрона особое место не только по формальному протоколу. Н. Юло, в прошлом теле-

ведущий весьма популярного сериала на экологические темы, пользовался репутацией смелого, независимого представителя гражданского общества. Напротив, Ж. Колон, многие годы занимавший пост мэра Лиона, третьего по населению города Франции, являлся типичным представителем традиционной политической элиты с прочными корнями на местах. Он оказался первым и долгое время единственным из лидеров правящей соцпартии, который решительно поддержал кандидатуру практически никому неизвестного Э. Макрона на президентских выборах 2017 г. и привлёк к нему многих других.

Естественно, оба госминистра вели себя достаточно самостоятельно: Ж. Колон, хорошо информированный о настроениях в стране через МВД, решил даже публично предупредить главу государства о негативных последствиях его высокомерной манеры держаться, стоившей ему прозвища «президента богатых».

Однако эти предупреждения остались без последствий. Президент, претендующий на роль «Юпитера» – всесильного повелителя богов на древнегреческом Олимпе, ясно давал понять, что не намерен советоваться и тем более делиться властью с кем-либо на основании прежних заслуг.

Н. Юло убедился в этом в связи с неудачей его попыток ограничить влияние на экологический транзит отраслевых лобби, групп давления в сфере энергетики или охраны вымирающих видов фауны от охотников. В ответ он заявил, что не может и не намерен далее выполнять свои обязанности.

В свою очередь Ж. Колон столкнулся с громким скандалом, вызванным беспардонным поведением личного охранника президента А. Беналла, который принял активное участие в силовом разгоне студенческой демонстрации 1 мая 2018 г. без каких-либо на то официальных полномочий. Когда видеозапись этого эпизода попала в интернет, телохранитель отделался сначала сугубо символическими санкциями. Однако вскоре министру внутренних дел и префекту полиции пришлось давать унижительные объяснения парламентским комиссиям по расследованию, признав свою некомпетентность в отношении действий сотрудников Елисейского дворца, которые находятся под покровительством главы государства.

Глубоко оскорблённый Ж. Колон заявил, что на следующих муниципальных выборах 2020 г. намерен снова выставить свою кандидатуру на пост мэра Лиона¹²⁶. Застигнутый врасплох президент сначала отказался принимать отставку, но, коль скоро Ж. Колон всё же настоял на своём и вернулся в родной город, его обязанности в МВД временно принял на себя премьер-министр Э. Филипп.

Выбор президента

Глава государства оказался перед сложным выбором: он мог либо «банализировать» инцидент, придать ему характер мелкого дорожного происшествия, либо признать наличие политического кризиса, требующего смены правительства во главе с премьер-министром и ревизии его курса. После двухнедельных колебаний, когда деятельность МВД и правительства в целом оказалась во многом парализованной, Э. Макрон предпочёл первый вариант, о котором и сообщил в своём обращении к нации.

Премьер-министр Э. Филипп, 18 из 22 министров, 7 госсекретарей из 12 остались на своих постах, тогда как 10 выбыли или назначены впервые. Как и прежде, в обновлённом составе кабинета тщательно сбалансированы представители гендерных, возрастных, профессиональных категорий, выходцы из президентской партии «Вперёд, Республика!» и её младшие партнёры в парламентском большинстве – центристы из партии «Современная демократия» (МОДЕМ), перебежчики из оппозиций слева и справа.

Наиболее важным, естественно, оказался выбор преемника Ж. Колона на посту министра внутренних дел. В Пятой республике он отвечает не только за безопасность, поддержку правопорядка, борьбу с преступностью и терроризмом, но также курирует через полномочных представителей правительства на местах – префектов – выборные органы местного самоуправления, оказывая немалое влияние на подготовку и проведение выборов. Это тем более важно, что с учётом намеченной ревизии Конституции, сокращающей на треть число депутатов и сенаторов.

Неудивительно, что новым министром внутренних дел назна-

---

¹²⁶ Le Monde, 16 Octobre 2018.

чен К. Кастанер – ближайший, самый доверенный соратник Э. Макрона, занимавший до их пор пост генерального делегата, т.е. лидера президентской партии «Вперёд, Республика!» и являвшийся госсекретарём в правительстве по связи с парламентом. Госсекретарём при нём стал опытный эксперт – бывший шеф службы внутренней безопасности Л. Нуньес, тогда как прежний госсекретарь при МВД Ж. Гуро возглавила новое полномочное министерство по делам «территорий», т.е. органов местного самоуправления¹²⁷.

Эти назначения позволяют предположить, что Э. Макрон извлёк из последних событий определённые уроки не только сугубо кадрового или организационного, но и политического плана.

Создание особого министерства по делам «территориальных коллективов» призвано подкрепить обещание больше считаться с интересами органов местного самоуправления – 36 тысячами мэров больших и малых коммун страны. Это особенно важно с учётом перспективы предстоящих выборов в Европарламент в мае 2019 г. и муниципальных выборов 2020 г. В свою очередь, их результаты окажут немалое влияние на кампанию перед президентскими и парламентскими выборами мая-июня 2022 г., когда Э. Макрон будет бороться за продление на следующий срок своего нынешнего 5-летнего мандата.

О том же говорит и его призыв к содействию со стороны организаций гражданского общества, среди которых многие чувствуют себя маргинализированными «необонапартистской» властной вертикалью Пятой республики, которая при нынешнем президенте стала ещё более централизованной.

Наконец, в повестку дня «нового – старого» правительства Э. Филиппа срочно включены вопросы борьбы с бедностью, страхования от безработицы и т.д. Они связаны с интересами тех самых уязвимых социальных слоёв, которые составляют основную часть протестного электората несистемной оппозиции на крайних флангах слева и справа – «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшона и «Национального объединения» (бывшего «Национального фронта») М. Ле Пен.

---

¹²⁷ Новыми членами правительства стали также министр культуры Ф. Ристлер и сельского хозяйства Д. Гийом, по связи с парламентом М. Фено.

Антагонизм между ними полностью исключает объединение левых и правых популистов по примеру Италии. Характерно, что лидеры обоих крайних флангов оказались сейчас ныне фигурантами судебного расследования за предполагаемые нарушения законодательства в ходе прошедших избирательных кампаний. Что же касается прежних системных республиканцев и тем более социалистов, то они ещё долго останутся вне игры.

Заключение

В контекст поисков способов поднятия популярности действующей власти вписывается внешнеполитическая инициатива Э. Макрона – проведение 11-13 ноября 2018 г. в Париже «Конгресса мира и глобального управления» по случаю 100-летней годовщины перемирия, положившего конец Первой мировой войне. На него были приглашены главы государств и правительств более 80 стран, среди которых дали своё согласие президенты РФ В.В. Путин и США Д. Трамп.

Это масштабное мероприятие призвано содействовать созданию благоприятного климата при подготовке к очередным выборам в Европарламент в мае 2019 г., а затем к муниципальным выборам 2020 г. Их результаты во многом покажут общий баланс успехов или неудач внутренней и внешней политики нынешнего главы государства.

ГЛАВА 15. МИНИ- ИЛИ МАКСИ КРИЗИС?*

«Жёлтые жилеты»

Бурные события, потрясшие Францию в ноябре-декабре 2018 г., выглядят парадоксальными во многих отношениях – по времени и формам, причинам и возможным последствиям.

Они начались в тот момент, когда страна готовилась встретить

---

* С учётом важности событий конца 2018 г. автор счёл целесообразным включить свой доклад на семинаре в ИЕ РАН, проведённом в конце 2018 г. перед сдачей в набор т. III сборника «Приметы времени».

самые радостные дни календаря – Рождество и Новый год. Эти дни, как и везде, отмечаются французами украшением ёлок и базарами игрушек, каникулами школьников и отпусками родителей, семейными ужинами и обменом подарками между родными, друзьями, близкими. Однако на сей раз их предпраздничное настроение оказалось серьёзно омрачённым.

В субботу 17 ноября на улицы городов и перекрёстки дорог страны вышли 282 тыс. людей в жёлтых жилетах¹²⁸. В знак протеста против намеченного правительством повышения акцизов на бензин и дизельное топливо они перекрывали движение автотранспорта, блокировали заправочные станции и склады горючего. С тех пор такие демонстрации повторялись каждую субботу, перерастая в социальный кризис общегосударственного масштаба.

Хотя численность «жёлтых жилетов» постепенно сокращалась – 24 ноября их было, по данным МВД, 166 тыс., 1 декабря – 136 тыс., 8 декабря – 138 тыс., а к Рождеству и Новому году ещё меньше – 32-39%, их требования неуклонно радикализировались. Они включали повышение покупательной способности низких зарплат и пенсий, пересмотр налоговой системы и всей экономической политики правительства, а в конечном счёте его смену и отставку президента Э. Макрона. Всё большую популярность приобретали лозунги дополнения представителей демократии прямой – проведения «Референдумов гражданской инициативы» (RIC) для обсуждения местных и общегосударственных проблем. На протяжении ноября и декабря 2018 г. опросы отмечали устойчивое сочувствие «жёлтым жилетам» большинства общественного мнения – порядка 70-71% респондентов¹²⁹.

Пример «жёлтых жилетов» подал сигнал демонстрациям представителей иных недовольных категорий населения – учащимся лицеев и студентам, протестовавшим против ужесточения правил приёма в университеты, медсёстрам, водителям санитарных автомашин и даже полицейским, которые требовали улучшить условия службы.

---

¹²⁸ Светоотражающий жёлтый жилет входит во Франции в обязательный комплект средств обеспечения безопасности водителя на случай аварии.

¹²⁹ Le Figaro. 7 décembre 2018.

Между тем ситуация на улицах и дорогах накалялась. В ряды мирных «жёлтых жилетов» влились немногочисленные, но агрессивные группы экстремистов ультраправого или левацкого толка, прозванные «громиллами» (les casseurs), или просто уголовные элементы из неблагополучных пригородных зон, где высок уровень безработицы, наркомании, преступности. Банды хулиганов с чёрными повязками на лицах били стёкла, ломали объекты коммунальной инфраструктуры, поджигали автомашины, грабили магазины и рестораны, бросали в полицейских и жандармов булыжники и бутылки с зажигательной смесью («коктейли Молотова»). Со своей стороны правоохранители широко применяли для разгона толпы дубинки, слезоточивый газ, светошумовые гранаты, травматические пули, сносили бронемашинами баррикады.

Эпицентром этих беспорядков не раз оказывался центр Парижа – Елисейские поля, площадь Этуаль с Триумфальной аркой, ставшей объектом актов вандализма, и прилегающие улицы, где расположены основные правительственные учреждения – дворец президента, резиденция премьер-министра, палаты парламента. Аналогичные инциденты, сопровождавшие демонстрации «жёлтых жилетов», происходили во многих городах провинции – Лионе, Тулузе, Дижоне, Бордо, Кане, Страсбурге, Сент-Этьене и т.д.

Выдержка и профессионализм сил правопорядка позволили избежать массового кровопролития – за три месяца погибли 11 человек (в основном в ДТП). Тем не менее число раненых с обеих сторон и арестованных с привлечением виновных к суду оказалось достаточно внушительным и неуклонно росло: 15 ноября оно составило, соответственно, 40 и 72, 24 ноября уже 84 и 307, 1 декабря 263 и 630, 8 декабря 118 и 1220 и т.д.¹³⁰

Если министр внутренних дел К. Кастанер обвинял демонстрантов в мятеже против республики и демократии, а его коллега, министр бюджета Б. Дарманен сравнивал их с нацистами 1930-х гг. («под жёлтыми жилетами скрываются коричневые рубашки»), то премьер-министр искал почву для переговоров.

Поскольку, однако, у «жёлтых жилетов», связанных между собой главным образом через социальные сети, не было ни орга-

---

¹³⁰ <https://www.bbc.com/news-europe-46502585>.

низационной структуры, ни общепризнанных авторитетных лидеров, как и чёткой программы требований, попытки наладить диалог с ними оставались безрезультатными. Приглашённые в резиденцию премьер-министра Отель Матиньон случайные «жилеты» навлекли со стороны их более радикальных товарищей обвинения в предательстве.

Столь же напрасными оказались и посреднические усилия оппозиционных партий, профсоюзов, организаций гражданского общества. Хотя лидеры крайне-правого «Национального объединения» (бывш. «Национального фронта») М. Ле Пен и левацкой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшон поддержали протестное движение, осудив лишь его насильственные эксцессы, им не удалось канализировать события в политическое русло, превратив в свой дополнительный ресурс перед выборами в Европарламент (26 мая 2019 г.). Требования Ле Пен о роспуске парламента и проведении досрочных выборов с изменением избирательной системы на основе пропорционального представительства были решительно отвергнуты властью и не нашли заметного отклика среди «жёлтых жилетов».

Ещё беспомощнее выглядели аналогичные жесты бывших системных партий – республиканцев (Л. Вокье) и социалистов (О. Фор), потерпевших сокрушительное поражение на выборах 2017 г. и ещё далеко не оправившихся от его последствий. Резолюция недоверия («порицания») кабинету министров, внесённая левыми фракциями – социалистами, коммунистами, «Непокорённой Францией» в нижнюю палату парламента – Национальное собрание 5 декабря, не прошла, собрав всего 194 голоса против 358 президентского большинства¹³¹.

Страна напряжённо ждала объяснений о первого лица – президента Макрона, популярность которого стремительно падала, причём радикальное крыло движения избрало главу государства объектом острых личных нападок, приобретающих порой оскорбительный характер¹³².

---

¹³¹ Le Figaro, 7 décembre 2018.

¹³² За все 60 лет истории Пятой республики рейтинг доверия был ниже 18% только у непосредственного предшественника Э. Макрона – Ф. Олланда в самом конце его провального 5-летнего мандата.

Новый этап

На протяжении первых трёх недель кризиса президент держался в тени, возложив ответственность за мониторинг событий, контакты с общественностью, парламентом, СМИ на премьер-министра Э. Филиппа. Он, видимо, учитывал при этом тактику генерала де Голля в ходе событий мая-июня 1968 г., когда аналогичную роль играл тогдашний премьер-министр Ж. Помпиду.

Э. Макрон явно выжидал благоприятный момент, когда пик протестного движения останется позади, а ситуация на улице будет взята под контроль. Такой момент настал, по его оценке, после четвёртой по счёту субботней мобилизации «жёлтых жилетов» 8 декабря, оказавшейся менее массовой, чем предыдущие. В понедельник 10 декабря глава государства пригласил в Елисейский дворец членов правительства, председателей палат парламента, лидеров политических партий, социальных партнёров – предпринимательских ассоциаций и профсоюзов, выслушал их мнения и выступил в 20 часов по телевидению с обращением к нации.

Речь президента была выдержана в подчёркнуто драматизированной тональности. Решительно осудив акты насилия, сеющие анархию и хаос в политических целях, и предупредив о своей решимости не допускать таких попыток впредь, Э. Макрон признал обоснованными многие причины недовольства, которые накопились за последние 40 лет. Он напомнил, что они дают себя знать не только во Франции, но и во всём мире и никак не могли быть устранены за 1,5 года его правления. Переложив тем самым основную ответственность на своих предшественников и внешние обстоятельства, президент выразил сочувствие наиболее уязвимым в социальном плане слоям населения (в частности, одиноким матерям, многие из которых участвовали в демонстрациях). Закончив на этом скромную самокритику, он перешёл к главному – частичному удовлетворению требований протестующих. Речь шла о четырёх конкретных мерах, которые вписываются в рамки объявленного им в стране «чрезвычайного социально-экономического положения»:

1. работающие лица, члены семей которых имеют доход ниже минимальной зарплаты, получают ежемесячную прибавку в разме-

ре 100 евро, причём её выплата освобождается от налогов и сборов;

2. от них освобождаются также сверхурочные часы, превышающие по длительности узаконенную 35-часовую рабочую неделю;

3. глава государства призвал работодателей выплатить своим рабочим и служащим новогоднюю премию, с которой не будут взиматься налоги, как и обязательные отчисления в фонды соцстраха;

4. пенсионеры, чей доход не превышает 2 тыс. евро в месяц, не будут обязаны выплачивать намеченное ранее правительством повышение ставки «обязательного социального сбора» (CSG), за счёт которого финансируется система соцзащиты.

Подтверждена также отмена мер, которые ущемляли права автомобилистов под предлогом заботы об экологии, что послужило детонатором протестов: отменены до конца 2019 г. новые акцизы на топливо, аннулировано ужесточение правил техосмотра, введены льготы для тех водителей, кто вынужден ездить на работу далеко от места жительства и т.д.

Поскольку стоимость всех этих мер оценивается в сумму порядка 10-11 млрд евро, что рискует увеличить дефицит, часть её имеется в виду получить за счёт более жёсткой борьбы с уклонением от налогов, особенно иностранными интернет-корпорациями, уходящими от налогов в офшоры – Gafa (Google, Amazon, Facebook, Android)¹³³. Выдвинутые предложения были конкретизированы правительством и в предельно сжатые сроки – за 10 дней и поступили на рассмотрение парламента.

Некоторому снижению активности «жёлтых жилетов» способствовали не только праздничные дни, когда общественная жизнь страны всегда замирает (т.н. «перемирие кондитеров» – *la trêve de confiseurs*). Внимание от протестов отвлек теракт исламского экстремиста Шерифа Шеката – 29-летнего французского гражданина арабского происхождения, который открыл 2 декабря огонь на рождественском базаре в Страсбурге, убив 5 и ранив 13 человек. На место преступления срочно прибыл сам президент, предупредивший о приоритетном значении борьбы против терроризма (два дня спустя Шекат, у которого уже было 27 уголовных су-

---

¹³³ Le Monde. 10 décembre 2018.

димостей, погиб в перестрелке с полицией).

На этом фоне тональность выступлений президента заметно ужесточилась: назвав протестующих «злой толпой», он выразил сожаление, что чересчур много французов хотят жить лучше, но не готовы прилагать для этого достаточно усилий. В традиционных новогодних пожеланиях французам Э. Макрон подчеркнул свою решимость пресечь любые посягательства на республиканский порядок и продолжить намеченные реформы, в том числе столь сложные и потенциально конфликтные, как перестройка пенсионного обеспечения и госслужбы¹³⁴.

Между тем в отношении крайнего крыла протестного движения усиливались репрессивные меры: арестован и привлечён к суду водитель-дальнобойщик Э. Друэ, которого обвинили в нарушении порядка проведения демонстраций (предварительное согласование с префектурой цели, маршрута, числа участников). МВД инициировало принятие парламентом закона, который возлагает на нарушителей порядка («громил») материальную ответственность за нанесённый ими ущерб и предусматривает составление списка лиц, которым запрещено участие в любых массовых, даже легальных уличных акциях. Причём решение об этом должно приниматься не судом, а представителем исполнительной власти – префектом в административном порядке. Этот проект вызвал не только критику оппозиции, но и определённые сомнения в правящем большинстве, 50 депутатов которого воздержались от его одобрения¹³⁵.

Международный контекст

События во Франции вписываются в гораздо более масштабные процессы, выходящие далеко за пределы её национальных границ. Речь идёт о противоречивых последствиях глобализации и научно-технической революции на основе информатики, развернувшихся в мире на рубеже XX–XXI вв. и вступающих ныне в новый этап.

---

¹³⁴ Конституционный совет вскоре отменил наиболее спорный аспект данного закона, как несовместимого с основными гражданскими свободами. *Le Monde*, 2 janvier 2019.

¹³⁵ MTS RUS Wi Fi, 27.01.2019.

Массированные трансграничные потоки товаров, капиталов, людей, которые подняли международное разделение труда на более высокий уровень, способствовали росту мирового ВВП. Благодаря этому сотни миллионов людей в ряде развивающихся стран, совершивших беспрецедентный модернизационный прорыв, преодолели крайнюю нищету, пополнив ряды среднего класса.

В то же время в странах т.н. «золотого миллиарда» – США, ЕС, Японии аналогичные социальные категории, составляющие там большинство самодельного населения, испытывают растущие трудности.

По мере утечки капиталов, технологий, производств реального сектора экономики в бывший «Третий мир» в поисках дешёвой рабочей силы, менее обязывающих социальных и экологических норм основная масса среднего класса постиндустриальных стран Запада сосредоточилась в сфере услуг. Между тем стремительная автоматизация и роботизация этой сферы не требуют более высокой профессиональной подготовки, как это было прежде. Основная масса рабочих мест там составляют теперь такие области экономики, как строительство, коммунальное хозяйство, транспорт, учёт и контроль, уборка, охрана, уход за больными, детьми, стариками и т.п., для чего подходят неквалифицированные иммигранты.

В результате перелив излишней рабочей силы из промышленности в сферу услуг, как ранее из сельского хозяйства в индустрию во время промышленных революций XIX – XX вв., затрудняется. Соответственно, покупательная способность доходов многих представителей среднего класса постиндустриальных государств стагнирует, а порой даже сокращается. В то же время структура их семейных бюджетов существенно изменилась – в ней появились новые статьи расходов, без которых работа, отдых, повседневная жизнь становятся крайне затруднительными (Интернет, мобильная связь, личный автотранспорт и т.д.).

Это отражается и на таком важном аспекте жизненного уровня как доступ младшего поколения к высшей школе и тем самым возможности повышения материального и морального статуса («социальному лифту»). Отныне обладание университетским дипломом отнюдь не гарантирует высокооплачиваемой работы, да

и просто занятости. В ходе опросов представители среднего класса постиндустриальных стран всё чаще опасаются, что их дети будут жить хуже, чем они сами.

На протяжении десятилетий эти тенденции смягчались разбуханием объёма потребительского кредита банками и страховыми компаниями. Благодаря этому представители среднего класса со скромными доходами получали доступ к дорогостоящим предметам длительного пользования – недвижимости, автомобилям, престижным брендам бытовой техники, модным аксессуарам, путешествиям, коллегам для детей и т.д.

Однако с конца первого десятилетия XXI в. такая система становится всё менее эффективной, а зачастую и рискованной. Тяжёлый удар по ней нанесла «Великая рецессия» – финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., начавшийся с краха пирамиды ипотечного кредитования в США и получивший глобальный размах. Превратив малообеспеченные вторичные и третичные долговые обязательства в объект биржевых спекуляций, частные банки создали реальную угрозу цепной реакции банкротств сначала своих клиентов, а затем и самих себя по примеру крупнейшего банка «Леман бразерс» с непредсказуемыми последствиями.

Хотя правительствам «двадцатки» ведущих промышленных и развивающихся стран удалось предотвратить повторение катастрофы типа «Великой депрессии» 1929–1933 гг. путём конверсии долгов частных банков в государственные (что увеличило суммарный объём всех долгов до поистине астрономической цифры – 178,3 трлн долл. в 2018 г.), прежние условия кредитования, а вместе с ними покупательная способность, образ жизни, социальный статус части среднего класса оказались под вопросом.

Между тем узкая прослойка международной финансово-технократической элиты, успешно вписавшаяся в процессы глобализации, извлекла из них беспрецедентные выгоды, резко углубившие социальное расслоение. Если в 2012 г. на долю 1% самых богатых людей планеты приходилось 46% личных активов, то в 2016 г. состояние 6% их них превысило имущество беднейшей половины человечества – 3,6 млрд людей¹³⁶.

---

¹³⁶ См. Ю.И. Рубинский. Судьбы гуманитарного прогресса. Доклады ИЕ РАН

По оценке неправительственного центра «Оксфам» (Oxfam) 26 богатейших людей планеты владеют такой же собственностью, как 3,8 млрд наименее зажиточных. Только в одном 2018 г. состояние 1100 миллиардеров увеличилось на 900 млрд долл., т.е. по 2,5 млрд в день, тогда как доходы 2,8 млрд людей сократились на 11%. Причём финансовая элита укрывала тогда же от налогов 7,6 трлн долларов.

В сочетании с деградацией материальных условий и социального статуса средних слоёв эти контрасты способствовали эрозии многих их традиционных ценностей. Неудивительно, что если прежде эти слои служили самой прочной опорой западных либеральных демократий, то теперь они превращаются в фактор дестабилизации общества.

Катализатором их протеста стал массовый наплыв иммигрантов из развивающихся мусульманских стран Ближнего Востока, Африки в ЕС или Латинской Америки в США. Они не только конкурируют с коренным населением стран приёма на рынке труда и в доступе к соцзащите, но и порождают у него опасения за свою национально-культурную идентичность.

Все эти факторы объясняют рост влияния массовых национал-популистских движений крайне-правого, а иногда и левацкого толка. Их харизматические лидеры, которые выступают под лозунгами антиглобализма и евроскептицизма, культивируют ностальгию по иллюзорному «золотому веку» прошлого, призраку былого имперского величия, в котором средний класс чувствовал себя достаточно комфортно.

Общим знаменателем всех подобных движений служит отторжение политических элит, глубоко дискредитированных коррупционными скандалами и ценностным релятивизмом постмодерна, прикрываемого лицемерной политкорректностью «единого мышления». Именно это объясняет такие масштабные политические события, как успех на референдуме сторонников брекзита – выхода Великобритании из ЕС или избрание Д. Трампа президентом США, которые привели к ревизии прежних основ трансатлантических отношений в рамках НАТО и всего «либерального миро-

порядка», созданного после 1945 и 1991 гг. в итоге Второй мировой и холодной войн.

Те же причины облегчили приход к власти в ряде посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, прежде всего Вишеградской группе – Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, а также в Австрии и Италии радикальных сил, бросающих вызов общепринятому либерал-глобалистскому дискурсу и деятельности брюссельской бюрократии. Их влияние растёт даже в «твёрдом ядре» ЕС – франко-германском тандеме, Нидерландах, Скандинавских странах, где их единомышленники они активно и порой небезуспешно конкурируют с системными партиями европейского «мейнстрима» – христианскими демократами, либералами, социал-демократами.

Это выражается прежде всего в решительном отказе национал-популистов принимать по квотам ЕС определённое число мигрантов. Более того, под вопросом для них оказываются даже такие базовые ценностные критерии принадлежности к западной цивилизации, как разделение властей, независимость правосудия, права этнических, религиозных, сексуальных меньшинств и т.д. (т.н. «нелиберальные демократии»).

Убедительным доказательством международного измерения социального кризиса во Франции стал её острый конфликт с правительством соседней Италии, где к власти пришёл блок национал-популистских евроскептиков. Начавшийся со споров об ответственности за массовый наплыв иммигрантов из Африки через Средиземное море и французских планов модернизации ЕС этот конфликт приобрёл ярко выраженный внутривнутриполитический аспект – вице-премьер Италии, лидер популистской партии «Движение 5 звёзд» Ди Майо встретился с группой французских «жёлтых жилетов» и публично поддержал их нападки на политику президента Э. Макрона. В ответ французский посол в Риме был демонстративно отозван в Париж.

Специфика Франции

Своеобразные формы, которые приобрело протестное движение во Франции обусловлены двумя причинами – спецификой её национальной политической культуры и характером проблем, с

которыми столкнулась страна на рубеже XX–XXI вв.

За 240 лет, прошедших после Великой французской революции 1789 г., страна перепробовала все возможные типы государственного строя – абсолютную и конституционную монархии, две бонапартистские империи, пять республик – три парламентские, президентскую и нынешнюю полупрезидентскую. Каждый из них создавался в итоге очередной революции, военного переворота, массовых движений (революции 1830, 1848, 1870, Парижская коммуна, Народный фронт 1936 г., создание в 1958 г. Пятой республики в результате мятежа части армии в Алжире) и закреплялся очередной конституцией, по числу которых Франция безусловно держит рекорд Гиннеса.

Тем не менее, эта внешняя турбулентность скрывала преемственность многих традиционных черт социальной жизни страны: недаром великий французский социолог А. де Токвиль считал, что даже после революции 1789 г. страна сохраняла многие черты старого монархического порядка. Гарантией такой преемственности служила строго централизованная административная система, почти неизменно сохранявшаяся при всех режимах. Хотя каждый из них был вынужден так или иначе учитывать идейное наследие Просвещения и революции 1789 г., воплощённые официальным девизом «Свобода, Равенство, Братство», бразды правления фактически оставались в руках кадровой бюрократии, тесно связанной с правящей элитой.

Несмотря на высокий профессионализм чиновничьей касты серьёзным недостатком её вертикальной структуры оказывалась тенденция к политизации любых, даже второстепенных, локальных конфликтов интересов, решавшихся в Париже. Это вело к перерастанию их в общенациональные, приобретению идейно-ценностного измерения, затруднявшего поиски прагматичных компромиссов, являющихся основой англосаксонской или германской политических культур.

Между тем постоянный риск превращения социальных конфликтов в политические не стимулировал, а тормозил назревание преобразования, побуждал власть ограничиваться полумерами или откладывать их на будущее в надежде на то, что со временем они утратят чересчур конфликтный характер. Однако такая такти-

ка (т.н. «иммобилизм») давала обратные результаты – противоречия в обществе накапливались до критической черты, выливаясь в массовые протестные движения, если не очередную смену режима.

Именно такая ситуация в очередной раз сложилась в конце XX – начале XXI вв., когда под вопросом оказалась своеобразная модель социальной рыночной экономики, сложившаяся в первые послевоенные десятилетия и оказавшаяся ныне неспособной дать ответ на новые вызовы глобализированного внешнего мира.

Наиболее характерной чертой этой неокейнсианской модели была активная роль государства в накоплении капитала и его использовании. До сих пор во Франции через бюджеты всех уровней и фонды соцстраха проходит 57% ВВП – больше, чем в любой стране ЕС. При опоре на мощный национализированный госсектор в инфраструктурных отраслях (транспорт, связь, энергетика), контроль над кредитно-денежной политикой государство определяло административно-правовые рамки предпринимательской деятельности, отношения социальных партнёров – работодателей и профсоюзов, прежде всего трудовое законодательство, оказывало значительное влияние на внешнеэкономические связи.

Важнейшим компонентом этой модели служила весьма продвинутая, хотя и затратная перераспределительная система соцзащиты – пенсий, пособий для инвалидов, многодетных семей и немощных, а также государственного образования, здравоохранения, поддержки науки и культуры, финансируемая за счёт налогов или обязательных отчислений от прибылей и зарплат в управляемые социальными партнёрами автономные кассы.

Для своего времени она, бесспорно, оправдала себя – за 30 первых послевоенных лет ВВП Франции, среднегодовые темпы роста экономики которой составляли 4-5%, утроился, а её структура радикально изменилась: страна стала одной из ведущих постиндустриальных держав планеты. Важнейшую роль при этом сыграл процесс европейской интеграции, инициатором которого с 1950г. выступила именно Франция, которая остаётся в тандеме с Германией главным мотором евростроительства.

Тем не менее, даже в период становления этой модели – послевоенного «славного тридцатилетия» (1946–1973 гг.), как на-

звал его известный экономист Ж. Фурастье, она не была лишена недостатков: гибкая бюджетно-денежная политика подстёгивала инфляцию, обесценивала сбережения, тормозила частные инвестиции. Эти недостатки становились всё более ощутимыми по мере того, как ситуация в мировой экономике с середины 70-х гг. XX в. круто менялась. Резкие скачки цен на энергоносители повысили издержки производства и снизили вдвое среднегодовые темпы роста ВВП постиндустриальных держав Запада, тогда как модернизационный прорыв ряда государств бывшего «Третьего мира» значительно обострил конкурентную борьбу на глобализованном мировом рынке.

Ответом стала т.н. «консервативная революция» Рейгана – Тэтчер: отказ от кейнсианства, крутой поворот к ультралиберальному монетаризму. Он диктовал необходимость существенного пересмотра роли государства в экономике – приватизацию, обеспечение бюджетно-финансового равновесия путём снижения бюджетных расходов и налогов, прежде всего за счёт социальной сферы. Именно так выглядели основные установки т.н. «Вашингтонского консенсуса», положенного в основу деятельности международных структур «либерального миропорядка» (МВФ, ВБ, ВТО, ОЭСР и т.д.).

В ЕС подобные реформы – дерегулирование хозяйственной жизни, бюджетно-финансовое оздоровление были проведены лейбористами в Великобритании («Третий путь» Т. Блэра) и социал-демократами в Германии («новый центр» Г. Шрёдера), что позволило этим и другим странам Северной Европы с меньшими издержками пройти «Великую рецессию» 2008–2009 гг.

Между тем во Франции эти реформы явно затянулись, что повлекло за собой всё более ощутимые макроэкономические последствия. Послекризисный период был отмечен у неё затяжной стагнацией, среднегодовые темпы роста ВВП колебались в пределах 1,2-1,5%, бюджет сходится с хроническим дефицитом, а торговый баланс с крупным пассивом (в 2018 г. порядка 60 млрд евро). Это ведёт к неуклонному разбуханию госдолга, объём которого превысил 1 трлн евро (98,6% ВВП).

Высокий уровень налогов и обязательных отчислений в кассы соцстраха, по которым страна лидирует в ОЭСР, стимулирует

деиндустриализацию – утечку капиталов и производства за рубеж. Вес обрабатывающей промышленности в ВВП Франции снизился за четверть века вдвое, достигнув 11% – наполовину меньше, чем в соседней Германии. Самой острой социальной проблемой страны остаётся занятость: число полностью безработных достигает 3,5 млн человек, с частичными 6,5 млн (9-9,5%) самодеятельного населения, а у молодёжи вдвое больше¹³⁷.

Хотя по всем этим показателям положение в соседних средиземноморских странах – должниках Южной Европы – Италии, Испании, Португалии, Греции заметно хуже, риск перехода Франции во «вторую лигу», утраты ею престижного ранга одной из немногих держав с глобальными интересами и ответственностью глубоко травмировал французское общество. Реакцией народных «низов» и значительной части среднего класса стала постепенная утрата интереса к политике – абсентеизм на выборах или голосование «белым бюллетенем» (против всех).

В конце 2018 г. в ходе опроса общественного мнения об отношении французов к политике позитивные чувства испытывали только 17% респондентов, тогда как негативные 81%. При этом 37% отвечали, что они испытывают к ней недоверие, 32% – отвращение, 8% скуку и только 9% проявляли к ней интерес, а 5% надежду¹³⁸. Если доверие к мэру своей коммуны оказывают более половины – 58% избирателей, а к депутату парламента от своего округа 38%, то к премьер-министру лишь 25, а к президенту республики всего 23%¹³⁹.

Прямым отражением кризиса доверия граждан к существующим государственным институтам служит тенденция к поляризации сил – голосованию за популистские партии на крайних флангах политического поля. На выборах разных уровней – президентских, европейских, местных ультраправое «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») М. Ле Пен получает до 27,5% поданных голосов, левацкая «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшона 11-12%. Хотя при мажоритарной системе их пред-

---

¹³⁷ L'Économie française 2018. La Découverte, Paris, 2017. P. 31-77.

¹³⁸ Центр CEVIPOF, BFM-TV 14 décembre 2018.

¹³⁹ CEVIPOF, BFM-TV 14 décembre 2018.

ставительство в парламенте и местных органах самоуправления весьма ограничено, конкуренция экстремистов дестабилизировала системные партии правого и левого центра, периодически сменявшиеся у власти и в оппозиции на протяжении последних десятилетий – республиканцев и социалистов.

Их программы, а главное практическая деятельность отличались по существу лишь поисками разных способов половинчатого, частичного реформирования прежней социально-экономической модели с учётом интересов электората каждой (промышленники, торговцы, крестьяне, ремесленники с одной стороны, лица наёмного труда, особенно в сфере услуг с другой). Поскольку жёсткие условия глобализации и европейской интеграции сводили свободу манёвра этих правительств к минимуму, итоги их деятельности оказывались всё более разочаровывающими.

Это стало особенно очевидно для двух предыдущих президентов – республиканца Н. Саркози (2007–2012 гг.) и социалиста Ф. Олланда (2012–2017 гг.), мандаты которых совпали с «Великой рецессией» и её последствиями. Неспособность обоих обеспечить успешный выход из кризиса дискредитировала систему в целом: по мере роста протестного голосования за популистов на обоих флангах социалисты и республиканцы в борьбе за большинство зависели отныне не от колеблющихся избирателей мелких центристских группировок, а от электората экстремистов слева или справа. Поэтому центробежные тенденции переносились внутрь каждой из системных партий, раскалывая их на соперничающие фракции во главе с амбициозными лидерами. Неудивительно, что в таких условиях Н. Саркози потерпел на первичных, отборочных выборах неудачу в попытке переизбраться на второй 5-летний срок, а Ф. Олланд был вынужден заранее отказаться от такой попытки с учётом катастрофически низкого уровня его рейтингов.

Кризис партийно-политической системы Пятой республики, являвшейся следствием неспособности её элит своевременно обеспечить постепенную смену исчерпавший себя социально-экономической модели, предопределил результаты президентских и парламентских выборов 2017 г., где обе системообразующие партии потерпели сокрушительный разгром, ставящий под вопрос

их дальнейшее существование.

Наиболее характерной чертой этих выборов стала поголовная смена кадрового состава верхнего эшелона политических элит – с авансены были сметены три поколения бывших президентов, премьер-министров, депутатов, партийных функционеров. В новом составе нижней палаты – Национального собрания возрастной, гендерный профессиональный состав которого радикально обновился, 75% депутатов никогда прежде не избирались, а зачастую являются не профессиональными политиками, а технократами – выходцами из чиновничества, деловых кругов, структур гражданского общества.

Олицетворением этой смены поколений стал новый, восьмой по счёту президент Пятой республики Э. Макрон – в прошлом инспектор финансов, успешный инвест-банкир, министр экономики и цифровых технологий в правительстве президента Ф. Олланда. Самый молодой за последние полтора столетия во Франции 39-летний глава государства претендовал на преодоление традиционного раскола политического поля на два лагеря, объявляя себя «прогрессистом» – «и левым и правым», полным решимости модернизировать страну.

Многие положения его автобиографической и программной книги, опубликованной в ходе предвыборной кампании под амбициозным заголовком «Революция», были действительно проведены в жизнь¹⁴⁰. За полтора года пребывания в Елисейском дворце президент и назначенное им правительство Э. Филиппа провели через парламент 77 крупных законопроектов, вносящих существенные перемены во все стороны жизни французского общества. Радикально пересмотрены Трудовой кодекс, налоговая система, управление инфраструктурными госмонополиями, особенно железнодорожным транспортом, где усилилась роль частного капитала, реорганизованы народное образование, прежде всего высшее, приняты меры по борьбе с коррупцией, терроризмом, правила предоставления убежища иммигрантам. На очереди масштабные реформы пенсионного обеспечения, страхования от безработицы, госслужбы, наконец, частичная ревизия действующей Кон-

---

¹⁴⁰ Emmanuel Macron. Révolution. OX-éditions, Paris, 2016.

ституции 1958 г. – сокращение на треть числа парламентариев, объёма их законотворческой деятельности и т.д.

Все эти преобразования стали возможны благодаря двум факторам – дальнейшему укреплению властной вертикали Пятой республики, вершиной которой является президент, объявивший себя «Юпитером» – повелителем богов на древнегреческом Олимпе, и ликвидации прежней биполярной партийно-политической системы.

Её сменила безраздельная монополия президентской партии «Вперёд, Республика!», получившей абсолютное большинство в Национальном собрании – 313 из 577, а с примкнувшей к ней центристской «Современной демократией», перебежчиками от социалистов и республиканцев, 350-370. Депутаты большинства, целиком обязанные своим избранием президенту, как правило, послушно голосуют за все меры, предложенные правительством.

Однако события показали, что те же самые особенности Э. Макрона, которые помогли ему прийти к власти, стали причинами прогрессирующего сужения социальной базы президента, роста оппозиционных настроений, проявлением которых и стал кризис «жёлтых жилетов»¹⁴¹.

Наибольшие выгоды от пересмотра фискальной политики (отмена налога на крупные состояния – ISF, плоская шкала налога на прибыль, ревизия Трудового кодекса, урезавшая права профсоюзов и т.д.) получили предприниматели, менеджеры высшего и среднего звена, лица свободных профессий крупных мегаполисов, которые успешно вписались в процессы глобализации и европейской интеграции. Именно среди этих привилегированных категорий элиты и верхнего слоя среднего класса находит наибольшее понимание либерал-глобалистский дискурс главы государства.

Однако они составляют не более четверти всего избирательного корпуса, т.е. результата Э. Макрона в ходе первого тура президентских выборов 2017 г. Между тем неизбежную цену за последствия разрыва с прежней экономической моделью приходится нести социально уязвимым «народным» слоям и основной мас-

---

¹⁴¹ См. Юрий Рубинский. Франция: итоги и перспективы. РСМД, Глобальный прогноз 2019–2024 гг., Западная Европа.

се среднего класса. Это прежде всего пенсионеры, молодёжь, рабочие и служащие, проживающие в небольших населённых пунктах и сельской местности, особенно в депрессивных регионах Северо- и Юго-Востока страны, Центрального массива, которые переживают глубокую структурную ломку уходящих в прошлое традиционных отраслей промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг.

Хотя конфликт интересов этих «двух Франций» – завтрашней и вчерашней, верхов и низов, города и деревни имеет под собой объективную почву, его смягчение, амортизация служит важнейшим критерием политической адекватности государственного руководства при любом режиме, а особенно во Франции с учётом её истории и культуры. Между тем бесспорным симптомом кризиса доверия между обществом и только недавно обновлённой, казалось бы, властью оказалась тенденция к неуклонному снижению, хотя и с определёнными колебаниями, рейтинга доверия президенту, графика симпатий и антипатий к нему. Эта кривая берёт начало от 67% активной поддержки после победы на выборах – в июле 2017 г., затем проходит через средние показатели порядка 35-45 и круто падает в декабре 2018 г. до минимума – 23%¹⁴².

Этот негативный тренд не случаен. Он отражает не только разочарование итогами практической деятельности президента за первые полтора года с его 5-летнего мандата, но и противоречивой оценкой стиля правления и личных качеств Э. Макрона. Большинство респондентов вне зависимости от политических взглядов признают за ним высокий интеллект, солидное образование – не только экономическое, но и философское, эрудицию и культуру, редкую работоспособность, твёрдую решимость в борьбе за достижение поставленных целей¹⁴³.

В то же время эти плюсы компенсируются в глазах критически настроенных граждан минусами. Среди них чаще всего называют излишнюю самоуверенность и высокомерие, склонность навя-

---

¹⁴² Le Figaro, 10 décembre 2018.

¹⁴³ Brice Couturier. Macron, un président philosophe. L'Observatoire, Paris, 2017; Laurent Bigorgne, Alice Banndry, Olivier Duhamel. Macron, et en même temps... Plon, Paris, 2017; Riccardo Bruzzi et Marc Lazar. La France l'Emmanuel Macron. PUR. Paris, 2017.

зывать свои решения без должного учёта позиций оппонентов, порой даже собственных сторонников, а главное – неспособность понять и разделить проблемы и заботы простых людей.

Авторы многочисленных биографий президента отмечают, что он воспитан в духе «меритократии», где каждый человек обязан успеху в жизни только себе, причём его собственный пример должен служить образцом для всех («первый в цепочке альпинистов»). Излишне резкими фразами Э. Макрон не раз больно задевал самолюбие рядовых граждан, с которыми общался в ходе поездок по странам, о чём сам выразил сожаление в речи 10 декабря 2018 г. в разгар движения «жёлтых жилетов». Именно этим, в сочетании с общей тенденцией экономических реформ правительства, порученных выходцам из праволиберальных партий во главе с премьер-министром, он и снискал нелестную этикетку «президента богатых». В данной связи известный аналитик А. Дюамель заметил, что у Э. Макрона недостатки оказываются продолжением его же достоинств, поскольку качества государственного деятеля противоречат требованиям к политику¹⁴⁴.

Неоднозначное восприятие личных качеств главы государства усугубляется особенностями стиля его правления. Э. Макрон и его ближайшее окружение – аппарат Елисейского дворца, правительство Э. Филиппа, депутаты правящей партии «Вперёд, Республика!» обязаны победой на выборах 2017 г. прежде всего эффектом «дегажизма» – отторжения прежних политических элит. Между тем состав высшего эшелона новой власти вовсе не является инопланетянами, пришедшими в политику из иного измерения. Они остаются типичными представителям сугубо элитных социальных категорий – кадрового чиновничества, а отчасти и деловых кругов, которые фактически управляли страной при всех режимах. Причём в полупрезидентской Пятой республике вес выходцев из бюрократии и технократии в процессе принятия решений заметно повысился по сравнению со временами парламентских – Третьей и Четвёртой.

---

¹⁴⁴ Тем самым утрачивается кредитоспособность главного лозунга тактики Э. Макрона в ходе кампании перед президентскими выборами 2017 г. – преодоления традиционной границы между левыми и правыми партиями во имя модернизации страны, необходимой всем её гражданам.

Будучи по происхождению, как правило, выходцами из верхнего слоя среднего класса, они формировались в одних и тех же элитных высших учебных заведениях – Политехнической, Центральной, Горной школах, парижском Институте политических наук, а затем Национальной школе администрации (ЭНА) – главной «кузнице кадров» для высшего чиновничества. Набираясь по их окончании опыта в ключевых звеньях госаппарата – Государственном совете, Счётной палате, Генеральной инспекции финансов, корпусе префектов, дипслужбе, многих из «энархов» нередко уходят в качестве советников и консультантов либо в политику через кабинеты (секретариаты) министров, либо в частный сектор, где зарплаты и прочие доходы несравненно выше. Причём они продолжают числиться в резерве своей соответствующей госслужбы, получая порой даже повышение в классе (ранге) по выслуге лет и льготные пенсии. Именно таков жизненный путь большинства членов нынешнего правительства, премьер-министра и самого президента.

Естественно, что характерное для Франции органическое сращивание элит администрации, политики и бизнеса способствует формированию у них кастового духа, вертикально-иерархическую культуру господства и подчинения. Она резко контрастирует с горизонтальной культурой постоянных компромиссов, свойственной горизонтальной культуре традиционной политической элиты парламентских режимов, которая формировалась менее привилегированной частью среднего класса, как правило, из людей свободных профессий – адвокатов, профессуры, учителей, чьи карьеры проходили обычно через последовательные ступени выборов в местные органы самоуправления – муниципальные, департаментские, региональные советы вплоть до парламента и правительства. Причём они обычно сохраняют свои местные мандаты десятилетиями как гарантию переизбрания и канал связи с местной элитой – «нотаблями».

Радикальная смена в ходе выборов 2017 г. поколений и кадрового состава прежних политических элит новыми отнюдь не застраховал их преемников-технократов от морального износа, падения популярности в глазах граждан, которые дали себя знать гораздо скорее, чем можно было ожидать. К началу 2019 г. положи-

тельное мнение о деятельности ключевых министров – образования (М. Бланкер), экономики и финансов (Б. Ле Мэр), здравоохранения (А. Бюзен) колебалось в пределах всего 21-26%, а внутренних дел (К. Кастанера), труда (М. Пенико), бюджета (Ж. Дарманена), экологии (Ф. де Рюжи) 13-25%. Немногим более высоким остаётся рейтинг премьера Э. Филиппа (32%)¹⁴⁵.

Причём этот кризис доверия был связан не только с разочарованием итогами их конкретной деятельности в соответствующих областях, а власти в целом и её вершины – президента: на фоне дальнейшего усиления при Э. Макроне властной вертикали вся полнота ответственности за издержки реформаторского курса сосредоточивалась на «Юпитере» – фигуре главы государства. Ни премьер, ни отдельные министры не могли разделить её, выступая в роли громоотвода, «щита» Э. Макрона перед лицом недовольства тех или иных категорий населения, чьи интересы ущемлялись переменами, как это бывало при прежних президентах.

Ситуацию усугубляло демонстративное игнорирование Э. Макроном после его прихода в Елисейский дворец промежуточных эшелонов, связующих звеньев между властью и гражданами – выборных органов местного самоуправления и организаций гражданского общества.

Мэры 35357 коммун Франции, более половины из которых (18717) мелких с населением менее 500 жителей, представляют собой немалую силу – доверие им выражают в ходе опросов более половины респондентов, тогда как президенту менее четверти¹⁴⁶. Между тем проведённые налоговые реформы, особенно отмена жилищного сбора, финансирующего местные бюджеты, больно ущемила интересы коммун. Неудивительно, что большинство мэров и их ассоциация поддерживают оппозиционные партии, особенно правоцентристских республиканцев, контролирующих верхнюю палату парламента – Сенат. Хотя его прерогативы в действующей Конституции 1958 г. ограничены, Сенат сохраняет законодательную инициативу и способен затруднить намеченную Э. Макроном частичную ревизию основного закона без референду-

---

¹⁴⁵ Le Figaro, 4 janvier 2019.

¹⁴⁶ BFM TV, 15 janvier 2019.

ма, для которой требуется $\frac{3}{5}$ голосов всех парламентариев.

Не более уважительно нынешний глава государства относится и к сотням тысяч организаций гражданского общества – социальным, правозащитным, культурным, религиозным и пр. Хотя при принятии конфликтных законопроектов соответствующие министры (труда, образования, здравоохранения, экологического транзита и т.д.) проводят предварительные консультации между социальными партнёрами, прежде всего предпринимателями и профсоюзами, последнее слово остаётся за правительством и послушным ему большинством президентской партии в Национальном собрании.

Более того, персонализация власти, её сосредоточение в руках президента придаёт непропорционально большой общественный резонанс любым мелким конфликтам, в том числе личным, в непосредственном окружении главы государства – аппарате Елисейского дворца.

Именно так произошло после того, как телохранитель Э. Макрона – А. Беналла по собственному почину принял участие 1 мая 2018 г. в силовом разгоне студенческой демонстрации в Латинском квартале, где были пострадавшие. Видеозапись этого эпизода, попавшая в СМИ и социальные сети, вызвала громкий скандал. Поскольку санкции в отношении виновника оказались поначалу сугубо символическими (он даже сохранил диппаспорт, которым пользовался в поездках по коммерческим делам частной охранной фирмы), дело приобрело политическое изменение: министру внутренних дел Ж. Колону, префекту полиции, генсеку Елисейского дворца пришлось давать объяснения перед парламентскими комиссиями по расследованию, в том числе в Сенате, где президентская партия остаётся в меньшинстве.

В ответ Ж. Колон демонстративно подал в отставку, вернувшись на свой прежний пост мэра Лиона, причём даже не согласовал это предварительно ни с премьером, ни с самим президентом. Между тем Ж. Колон был в своё время первым из лидеров правящей тогда соцпартии, который поддержал кандидатуру Э. Макрона на пост президента и активно содействовал его победе. Такой же жест повторил за ним популярный министр по делам экологического транзита И. Юло в знак протеста против уступок влия-

тельному лобби охотников.

В результате Э. Макрон был вынужден публично взять вину за действия своего бывшего охранника на себя и провести частичную реорганизацию правительства, где усилились министерства по связи с «территориальными коллективами», т.е. органами местного самоуправления. Мэрам обещан больший учёт интересов коммун в налоговой политике, а структурам гражданского общества усиление роли Экономического, социального и экологического совета (ЭСЭС), где они представлены на сугубо консультативных правах¹⁴⁷.

Более того, президент приступил к перетряске кадрового состава команды Елисейского дворца с тем, чтобы заменить прежних соратников по предвыборной кампании 2017 г. – молодых технократов, показавших себя компетентными экспертами в своей специальности, но явными дилетантами в политике.

Однако все эти меры, обнаружившие трещины в структуре властной вертикали, оказались явно недостаточными, что убедительно показало движение «жёлтых жилетов». Поэтому президент решил идти дальше – он пытается сочетать жёсткие меры по наведению порядка с поисками новых форм диалога с обществом как необходимого условия успешного завершения остающихся трёх лет первого мандата и подготовки к его возобновлению на второй срок в 2022 г.

Заключение

Главным козырем президента в поисках выхода из социального кризиса является слабость и разобщённость оппозиции, явно неспособной пока противопоставить ему достаточно кредитоспособную альтернативную программу и единого общепризнанного лидера.

Ведущей фигурой на крайне правом фланге остаётся М. Ле Пен, заметно улучшившая свой имидж после поражения на выборах 2017 г. Тем не менее, её тактический блок с лидером ультра-

---

¹⁴⁷ Le Figaro, 4 janvier 2019. Аналогичная форма общения главы государства с общественностью уже практиковалась ранее Ф. Миттераном и Н. Саркози перед очередными выборами – в первом случае с успехом, во втором неудачно.

левой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшоном (по образцу соседней Италии) исключён из-за непримиримых идеологических и личных разногласий – она может привлечь на свою сторону лишь часть левацкого протестного электората аналогичного социального профиля.

Ещё более глубокий разброд перед выборами в Европарламент (26 мая 2019 г.) царит среди бывших системных партий – социалисты по существу распались на несколько соперничающих фракций, а лидер республиканцев Л. Вокье сталкивается с влиятельными конкурентами внутри собственной партии. Неудивительно, что рейтинги доверия к ним первым не превышают 5-6%, а вторым – 12-14%.

Несмотря на значительный размах движения «жёлтых жилетов» и сочувствие ему большинства общественного мнения страны, оно оказалось неспособным стать самостоятельной политической силой и создать условия для «макси-кризиса», следствием которого были бы смена государственного строя, Конституции, правил игры и состава всего политического класса. Итоги предыдущего кризиса такого масштаба, произошедшего в 1958 г. с военным путчем в Алжире, приходом к власти генерала де Голля и созданием режима Пятой республики, отнюдь не перечёркнуты. Поэтому ныне дело ограничится, скорее всего, лишь частичной ревизией действующего Основного закона, которая лишь подтвердит его изначальные принципы. Вопреки эрозии популярности и авторитета Э. Макрона у него нет каких-либо юридических или политических оснований для досрочного ухода из Елисейского дворца.

Напротив, процесс смены поколений, персонального, социального, профессионального обновления правящей элиты, а вместе с ней и партийной системы, начатый президентскими и парламентскими выборами 2017 г., далеко не закончен. С учётом успехов и неудач нынешнего президента он будет продолжаться как минимум до окончания его текущего 5-летнего мандата в 2020 г., если не дольше.

ЧАСТЬ II.

ФРАНЦИЯ В ЕВРОПЕ И В МИРЕ

ГЛАВА 1. ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ВО ФРАНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

Проблема национального суверенитета во Франции, которая является исторической колыбелью самого этого понятия, стала ныне одним из важнейших объектов социально-политической борьбы, от исхода которой во многом зависят его судьбы и в международном, прежде всего европейском масштабе.

Французский энциклопедический словарь «Лярусс» определяет суверенитет как «признание за государством высшей власти, предполагающей его исключительную правомочность в пределах национальной территории (внутренний суверенитет) и абсолютную независимость в международном плане, где она ограничена только его собственными обязательствами (внешний суверенитет)»¹.

Столь однозначная формулировка, не допускающая, казалось бы, каких-либо иных толкований, связана с особенностями формирования французской государственности, нации и её политической культуры.

У многих европейских народов (немцев или итальянцев) создание единого государства происходило сравнительно поздно – во второй половине XIX, а в Центральной и Восточной Европе даже XX в., когда процесс становления общей национальной культуры зашёл уже достаточно далеко. Напротив, во Франции формирование такого государства началось гораздо раньше, причём именно оно стало основным инструментом формирования наци-

---

* Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. Отв. ред. В.Б. Белов. М., ИЕ РАН, изд-во «Весь Мир», 2018 г. 204 с. С. 83-89.

¹ Grand Larousse en 5 volumes. T. 5, Librairie Larousse, 1989. P. 2872.

ональной идентичности на весьма неоднородной этнокультурной основе.

Исходным рубежом этого процесса стало завоевание предшественницы Франции – Трансальпийской Галлии легионами Римской империи в I в. н.э. На протяжении пяти столетий господства Рима она навязывала пёстрому конгломерату конфликтующих между собой кельтских племён свою модель централизованной военно-гражданской администрации, писаное право, язык, а затем и общую религию – христианство. Именно эта модель стала матрицей французской государственности.

После падения Рима данный процесс получил дальнейшее продолжение, когда к кельтской основе будущей нации добавились германские племена, сильнейшее из которых (франки) создало общее государство в его естественных границах, дав ему первые династии королей и само название. За ними последовали норманны, осевшие на севере страны.

Необходимость их сплочения, которое исключало бы сепаратистские тенденции разных регионов, поощряемые соседями «извне», объясняет сравнительно раннее преодоление страной феодальной раздробленности: именно во Франции впервые в Европе сложилась абсолютная монархия, апогеем которой стал пышный двор «короля – Солнца» Людовика XIV в Версале. Её глава превратился из «сюзерена», т.е. вершины пирамиды полунезависимых, зачастую мятежных вассалов в «суверена» – высшую, конечную инстанцию единой административной, судебной, финансовой, военной власти.

К той же эпохе относится и происхождение термина «королевские прерогативы»², в который входят обеспечение безопасности страны и граждан, внешняя политика, оборона. Они неизменно закрепляются за носителем суверенной верховной власти при всех многочисленных режимах, сменявшихся во Франции на протяжении более двух столетий после революции 1789 г. – конституционной монархии, двух империй и пяти республик – как парламентских, так и президентских.

Конституция нынешней, полупрезидентской Пятой республи-

---

² les fonctions régaliennes.

ки, созданной в 1958 г. генералом де Голлем, гласит: «Национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и путём референдума. Никакая часть народа или личность не может присвоить себе его осуществление»³.

На практике это означает, что избранный всеобщим голосованием президент решает все вопросы, относящиеся к «королевским прерогативам» напрямую с соответствующими министрами-исполнителями, зачастую помимо назначенного им же премьер-министра, правительства и парламентского большинства.

К той же исторической эпохе – XVI–XVII вв. относится и становление во Франции внешнего аспекта её суверенитета, понятие которого впервые сформулировал выдающийся французский юрист Жан Боден (1576 г.): «Суверенитет является абсолютной и постоянной властью республики, которая не ограничивается ни компетенцией, ни временем».

Конкретной реализацией этого принципа стала Вестфальская система, которая подвела итоги Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). Опустошённая, обескровленная религиозными и династическими войнами Европа искала тогда общепризнанный принцип сосуществования суверенных государств, которым стало взаимное признание права каждого из них определять свои формы правления и конфессию самостоятельно, без вмешательства извне в его внутренние дела. Несмотря на то что на практике этот принцип постоянно нарушался, он остаётся юридической основой правил функционирования всех международных организаций вплоть до наших дней, начиная с главной из них – ООН с её Уставом, где Франция занимает ключевой пост одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности с правом вето.

Вместе с тем её отношение к проблеме суверенитета было всегда отмечено двойственностью, противоречивостью.

Её внутреннее измерение оказывается уязвимым ввиду ощутимых смысловых различий между понятиями национального и народного суверенитета, которые фигурируют в действующей

---

³ Глава 1 Конституции – «О суверенитете», ст. 3. См.: *Constitution de la République française*. Dalloz, Paris, 2010. P. 19.

Конституции Пятой республики.

Первое относится в равной мере ко всем без исключения гражданам, которые считаются французами вне зависимости от их этнического происхождения, социального положения, религии, политических убеждений: неслучайно поэтому термины «национальность» и «гражданство» чаще всего обозначаются одним словом – *la nationalité*.

В то же время народный суверенитет ограничивается разделением и равновесием властей, баланс которых в Пятой республике изначально склоняется в ущерб законодательной, и демократическим принципам победы большинства голосов избирателей на выборах всех уровней. Хотя при этом права меньшинств гарантируются гражданскими свободами, их влияние на решения, которые принимаются суверенной верховной властью в рамках «королевских прерогатив», неизбежно ограничивается.

Другим объективным ограничителем национального государственного суверенитета – как внутреннего, так и внешнего являются глобализация и европейская интеграция, в которых Франция активно участвует. Под влиянием мощных трансграничных потоков товаров, капиталов и рабочей силы полномочия центральных правительств отдельных государств постепенно переходят либо вниз, в пользу выборных органов самоуправления регионов или муниципалитетов, либо вверх – к общим институтам интегрированных международных организаций, прежде всего Евросоюза, где немалая часть принятых решений и правовых норм имеет преимущество перед национальным законодательством.

Заметно растёт и международная роль негосударственных акторов – транснациональных корпораций (ТНК), организаций гражданского общества (экологических, правозащитных, религиозных, культурных), сетей международной преступности и терроризма.

Хотя Франция с её традициями жёсткой административной централизации «единого и неделимого» национального государства, восходящими к абсолютной монархии, якобинской диктатуре и наполеоновской империи, упорно сопротивлялась этим тенденциям, она никак не может полностью игнорировать их. Тем более что идеи объединения европейских государств путём огра-

ничения их суверенитета во имя высоких принципов мира, демократических свобод, совместного сопротивления угрозам извне также имеют в её истории глубокие корни.

Авторство первой из них также принадлежит французскому герцогу де Сюлли (министру-сюринтенданту) короля Генриха IV (конец XVI – начало XVII вв.) – современнику его антипода, родоначальника идеи государственного суверенитета Жана Бодена. Следующими вехами на том же пути стали идеи аббата Сен-Пьера (1712 г.), великого писателя В. Гюго, выдвинувшего проект «Соединённых Штатов Европы» по образцу и в союзе с США в Северной Америке (1849 г.), план Европейской федерации министра Третьей республики А. Бриана (1928 г.) и т.д.

Отправной точкой в практической реализации всех этих идей послужила речь министра иностранных дел Четвёртой республики Р. Шумана 9 мая 1950 г. – в пятую годовщину после окончания Второй мировой войны. Он предложил объединить производство и сбыт угля и стали Франции и Германии под контролем общих наднациональных институтов в том, чтобы сделать в будущем новую войну между ними не только беспредметной, но и «материально невозможной».

Формирование после этого Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) Францией, ФРГ, Италией, Бельгией, Голландией и Люксембургом стало началом процесса европейского строительства, который прошёл с тех пор долгий путь вплоть до современного Евросоюза.

При этом международные факторы, которые способствовали развитию данного процесса: холодная война, расколовшая мир и Европу на две противостоящие системы и военные блоки, и распад колониальной системы европейских держав во многом определяли расстановку партийно-политических сил в самой Франции.

Идею «европеизма» – ограничения национального суверенитета стран Западной Европы во имя общих ценностей и противодействия внешним угрозам встретили решительное сопротивление на крайних флангах партийно-политического спектра Четвёртой республики – коммунистов слева и голлистов справа, за которых голосовали на выборах в общей сложности более 40% всех избирателей.

Ответом «европеистов» стало создание т.н. «Третьей силы» – блока социалистов, католического Народно-республиканского движения (МРП) и радикалов, а также консервативных «независимых и крестьян», которые в тех или иных комбинациях оставались у власти вплоть до падения Четвёртой республики. С учётом существенных расхождений традиционного идейного багажа этих партий по многим социально-экономическим и политическим проблемам связующим звеном между ними стал именно «европеизм».

Не случайно в международном плане лидеры этих же политических течений – социал-демократов, либералов, христианских демократов, в частности, последних – Р. Шуман, К. Аденауэр, А. де Гаспери вошли в историю как «отцы-основатели» европейского строительства.

Причём в условиях холодной войны европеизм оказался неразрывно связанным с атлантизмом – поддержкой Североатлантического союза, созданного в 1949 г. по инициативе и под безраздельным лидерством США.

Вместе с тем во Франции эта связка не раз давала сбои. Наиболее значительным среди них стал провал 30 августа 1954 г. в нижней палате французского парламента – Национальном собрании проекта договора о создании «Европейского оборонительного сообщества» (ЕОС). Этот проект, автором которого являлся французский министр Р. Плевен, был призван легализовать перевооружение ФРГ, которого решительно требовали США от союзников по НАТО с началом войны в Корее.

Однако план создания «европейской армии», в рамках которой государства-участники утрачивали суверенный контроль над своими вооружёнными силами, встретил наиболее решительный отпор именно во Франции, где травма от поражения 1940 г., оккупации и традиции движения Сопротивления были ещё весьма чувствительными.

Немалую роль сыграла также вовлечённость страны в войну в Индокитае, начавшая процесс распада французской колониальной империи.

В таких условиях решительное осуждение «европейской армии» коммунистами и голлистами вызвало раскол правящего центристского блока, что привело к краху ЕОС, а вместе с ним и

проекта создания «Европейского политического сообщества» (ЕПС) с наднациональными, федеративными полномочиями⁴.

Хотя под давлением США, пригрозивших Франции «мучительным пересмотром» союзнических отношений, перевооружение ФРГ было реализовано в 1955 г. иным путём – вступлением её в НАТО, этот эпизод наглядно продемонстрировал объективные пределы готовности Парижа отказаться от части своего национально-государственного суверенитета.

Несмотря на то что за прошедшие с тех пор более 60 лет ситуация в Европе и в мире изменилась коренным образом, многие традиции в отношении Франции к проблемам национально-государственного суверенитета отчётливо дают себя знать вплоть до наших дней.

ГЛАВА 2.   ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА: МЕЖДУ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬЮ И ПЕРЕМЕНАМИ*

За двадцать лет, прошедших после окончания холодной войны, в мире произошли радикальные сдвиги, которые в условиях глобализации отразились на внешней политике всех государств – больших и малых, заставив их руководителей существенно пересмотреть порядок своих международных приоритетов. Не избежала такого пересмотра и Франция. Однако у неё этот процесс явно затянулся: на расставание с прежней стратегией, устои которой были заложены почти полвека назад генералом де Голлем, и поиски новой у Парижа ушло целое десятилетие. Только сейчас этот переходный период, видимо, близится к завершению.

Вместе с тем говорить о полном и окончательном разрыве Франции с голлистской традицией было бы явным преувеличением. Налицо скорее приспособление этой традиции, вытекающей

---

⁴ La Querelle de la C.E.D.: essais d'analyse sociologique. Sous la direction de Raymond Aron et Daniel Lerner. Librairie Armand Colin, Paris, 1956. P. 210-215.

* «Космополис», № 2(8), лето 2014 г. С. 67-83.

из объективных исторических и психологических особенностей страны, к коренным образом изменившейся геополитической ситуации.

Внешнеполитическая стратегия де Голля

Генерал де Голль утверждал, что Франция не может быть верной своему историческому призванию, да и просто оставаться самой собой, без «величия». В это понятие он вкладывал собственное содержание, которое не сводилось к классическим критериям принадлежности к кругу великих держав – территории, населению, военной мощи. Генерал как трезвый прагматик отнюдь не мечтал о возврате к временам Людовика XIV или Наполеона, когда Франция была близка к гегемонии в Европе, понимая, что для этого нет и больше никогда не будет реальных шансов.

В представлении де Голля «величие» Франции означало, прежде всего, её независимость, способность принимать самостоятельные решения, диктуемые национальными интересами, в первую очередь в вопросах обеспечения безопасности. Если собственных материальных средств для этого недостаточно, то остаётся политический резерв – гибкое маневрирование между союзниками и противниками, возможность выступать от имени других стран при опоре на их поддержку, играть роль катализатора назревших перемен на мировой арене, активно участвуя во всех сколько-нибудь значимых международных событиях. Де Голль был убеждён в том, что Франция должна располагать не только динамичной экономикой и крепкой армией, но и культурным влиянием, выходящим далеко за пределы её границ.

Наконец, «величие» в голлистском понимании имеет и внутреннее измерение. В «Мемуарах надежд», своего рода политическом завещании, де Голль отмечал, что на протяжении всей тысячелетней истории французского государства его соотечественники были вовлечены в бесконечные внутренние распри – классовые, религиозные, идеологические, – ослаблявшие страну перед лицом внешних врагов. Единственными идеями, способными сплотить нацию, могли стать только независимость и величие Франции. Именно они, по глубокому убеждению де Голля, придавали государственной власти легитимность и авторитет, необходимые для

решения стоявших перед страной задач в интересах не отдельного класса, группы, партии, а национального сообщества в целом⁵.

Будучи прежде всего практиком, военным и государственным деятелем, а не теоретиком, де Голль дважды наглядно продемонстрировал эффективность своей внешнеполитической стратегии – сначала после разгрома и капитуляции Франции в 1940 г., затем после утраты в результате неудачных колониальных войн в Индокитае и Алжире второй в мире колониальной империи. Каждый раз Франция под его руководством, несмотря на катастрофическое падение своего престижа и веса в международных делах, вновь обретала ранг великой державы. В первом случае это стало возможным благодаря лавированию между главными участниками антигитлеровской коалиции – США, Великобританией, СССР, во втором – между Западом и Востоком в ходе холодной войны, между Севером и Югом – на заключительном этапе деколонизации.

Вернувшись к власти в 1958 г., де Голль начал свою дипломатическую деятельность с налаживания привилегированного партнёрства со вчерашним «наследственным врагом» – Германией. В то время немцы уже располагали превосходящим экономическим потенциалом, однако он с лихвой уравнивался военно-политическими преимуществами французов. Примирение двух крупнейших континентальных держав Западной Европы, трижды воевавших между собой на протяжении жизни двух поколений, имело, несомненно, историческое значение. Франко-германская «ось», закреплённая Елисейским договором 1963 г., стала движущей силой европейской интеграции, которая была призвана подкрепить притязания Парижа на роль равноправного участника концерта пяти великих держав – постоянных членов Совета Безопасности ООН.

Прогресс евростроительства и создание Францией независимой атомной силы сдерживания, смягчившей её независимость от американского «ядерного зонтика», облегчили де Голлю вывод вооружённых сил страны из подчинения интегрированному воен-

---

⁵ Charles de Gaulle. *Mémoires d'espoir*. T. I. *Le Renouveau*. 1958–1962. Paris, Plon, 1970. P. 175.

ному командованию НАТО, которое находилось под контролем США, и ликвидацию инфраструктуры альянса на французской территории. Тем не менее, в наиболее острых конфликтных ситуациях, к примеру, в кризисах из-за Западного Берлина или размещения советских ракет на Кубе, генерал демонстрировал по отношению к США неукоснительную верность союзническим обязательствам.

Сбалансированный подход к трансатлантическим отношениям с основным союзником – Соединёнными Штатами – создал предпосылки для начала конструктивного диалога Франции с главным противником Запада в холодной войне – СССР во имя «разрядки, согласия и сотрудничества в Европе от Атлантики до Урала». Этот диалог был призван подготовить условия для постепенного преодоления раскола континента на противостоящие военные блоки, которые обеспечивали со времён Ялтинских соглашений 1945 г. двум сверхдержавам – США и СССР – контроль над их сферами влияния в Европе.

Будучи лидером авторитарного склада, но непримиримым врагом любого тоталитаризма, де Голль всегда считал, что идеологии и политические режимы преходящи, тогда как нации вечны. Предвидя неизбежность раскола между двумя коммунистическими гигантами – СССР и маоистским Китаем, не столько по идеологическим причинам, сколько из-за борьбы за лидерство в восточном блоке, французский президент первым на Западе официально признал в 1964 г. КНР в расчёте на то, что потенциальная угроза с Востока заставит Советский Союз проводить на Западе курс разрядки в отношениях с Европой и США. Расчёты генерала во многом оправдались.

Осуждение зашедшей в тупик американской войны во Вьетнаме, сближение с арабскими государствами после арабо-израильской войны 1967 г., жесты в адрес стран Латинской Америки, создание гибкой системы постколониального сотрудничества Франции с её бывшими африканскими владениями укрепили влияние Парижа в «Третьем мире».

Разумеется, голлистская внешнеполитическая стратегия далеко не всегда приносила желаемые результаты. В биполярном мире решение кардинальных международных проблем зависело, прежде всего, от США и СССР, являвшихся не только главными со-

перниками, но и основными собеседниками в критических ситуациях, которые были чреваты риском лобового столкновения между ними. В частности, Франция, как и Западная Европа в целом, оказалась в стороне от важнейшего для судеб мира советско-американского диалога по ограничению стратегических вооружений.

Тем не менее, в целом курс, проводившийся де Голлем на международной арене, рассматривался в течение долгого времени подавляющим большинством французов как оптимальный, более того – безальтернативный. Внутри страны его оспаривали лишь сравнительно маргинальные политические силы, не оказывавшие существенного влияния на принятие государственных решений – проатлантические центристы или просоветская компартия, да и то скорее в деталях, чем по существу.

Неудивительно, что этот курс продолжали один за другим все три преемника де Голля в Елисейском дворце – голлист Ж. Помпиду, либерал В. Жискара д'Эстен и социалист Ф. Миттеран. Хотя каждый вносил в него определённые коррективы, диктовавшиеся их взглядами или международной обстановкой (Миттеран, например, делал акцент на защиту прав человека и социальные аспекты евростроительства), в целом он не подвергался сомнению на протяжении четверти века – вплоть до начала 1990-х гг.

Кризис голлистского наследия

Отпечаток голлистской парадигмы, безусловно, сохранился и в политике четвёртого наследника генерала де Голля – нынешнего президента Ж. Ширака, который всегда считал себя верным учеником и последователем основателя Пятой республики. Однако к моменту прихода Ширака к руководству страной в 1995 г. от устоев того мира, в котором жил и действовал де Голль, не осталось камня на камне. Конец холодной войны, прекращение конфронтации по линии Восток – Запад, воссоединение Германии, распад СССР, превращение США в единственную сверхдержаву – все эти эпохальные события выбили почву из-под голлистской парадигмы, которая отражала условия ушедшего в прошлое биполярного мира. Особое положение Франции в НАТО, её членство в «ядерном клубе» не играли прежней роли в коренным образом изменившемся мире, ставшем на какое-то время по существу однопо-

лярным. Первое же важное решение Ширака – проведение серии испытаний французского ядерного оружия в Тихом океане – нарушило соблюдавшийся всеми членами «ядерного клуба» мораторий и вызывало волну протестов во всём мире. Вследствие этой акции международный авторитет Франции больше пострадал, чем повысился.

В то же время развитие процессов глобализации мировой экономики, углубление и расширение европейской интеграции привели к эрозии краеугольного камня всего голлистского мировоззрения – суверенитета национальных государств. Две трети нормативных актов, имеющих силу во Франции, так или иначе связаны с решениями руководящих органов Евросоюза. С введением единой европейской валюты, созданием Европейского центрального банка, прозрачностью границ в Шенгенском пространстве она разделила с партнёрами по евростроительству многие важнейшие атрибуты своего суверенитета, ограниченного отныне растущей взаимозависимостью партнёров.

С расширением прав регионов, устанавливающих между собой прямые международные связи, неуклонным ростом влияния транснациональных корпораций и неправительственных организаций у государств появились мощные конкуренты. Новые вызовы безопасности со стороны международного терроризма, организованной преступности, наркоторговли, угрозы окружающей среде не могут получать адекватный ответ со стороны одного государства, даже самого мощного, – они требуют только коллективных усилий всех акторов цивилизованного мира.

Результатом этих перемен оказался глубокий кризис внешнеполитического наследия де Голля. Его первые признаки дали о себе знать именно там, где генерал начинал строить здание внешней политики Пятой республики, – во франко-германском тандеме. С воссоединением Германии Франция утратила в отношениях с ней важнейший козырь – статус одной из четырёх великих держав, ответственных за решение германской проблемы. Избавившись от унижительного положения разделённой страны, отмеченной последствиями краха нацистского Третьего рейха, единая Германия, давно ставшая экономическим гигантом, не могла оставаться «политическим карликом». Отныне она имела все основания

претендовать на равенство с другими странами Западной Европы, включая Францию, уступавшую ей по объёму ВВП на треть. Играть в новых условиях вторую скрипку в тандеме с французами для немцев не было больше смысла.

Трещину во франко-германской «оси» углубили попытки Ф. Миттерана, президента Франции в момент падения берлинской стены, притормозить процесс германского воссоединения, взять его под контроль и направить в безопасное для французских интересов русло. Хотя Миттерану удалось получить гарантии незыблемости границ единой Германии, его проект «европейской конфедерации» с участием двух германских государств, предлагавшийся М. Горбачёву, полностью провалился, надолго сохранив у немцев обиду и недоверие к партнёру по «оси».

Зато одним из бесспорных достижений Миттерана стало заметное ускорение евростроительства: углубление и расширение Евросоюза рассматривались в Париже как надёжный залог того, что «Германия станет европейской, а не Европа – германской». С подписанием в 1992 г. Маастрихтского договора евростроительство перешло в новое качество валютно-экономического союза, дополненного общей внешней политикой и политикой безопасности (ОВПБ). В её рамках сложился постоянный механизм согласования позиций стран ЕС по основным международным вопросам.

Вместе с тем пути интеграции всё дальше отходили от канонов ортодоксального голлизма, изначально предпочитавшего конфедеративные подходы, которые сохраняли в неприкосновенности суверенные права стран-участниц. Они постепенно уступали дорогу федеративным принципам, за которые всегда ратовала ФРГ. В структуре ЕС увеличивался удельный вес наднациональных органов – Комиссии и Европарламента, где решения принимались большинством голосов, за счёт межгосударственного Совета с его правилом консенсуса. В сочетании со снижением эффективности франко-германского тандема, который в течение 30 лет служил мотором интеграционного процесса, это лишало Францию возможностей реально претендовать на лидерство в Евросоюзе.

Распад голлистской парадигмы затронул и позиции Парижа в «Третьем мире». Участие Франции в первой войне в Персидском

заливе на стороне США ослабило её влияние в арабо-мусульманском регионе. Попытки Миттерана ввести в отношения с франкоязычными африканскими странами западные стандарты соблюдения прав человека натолкнулись на жёсткое сопротивление местных коррумпированных элит, пришедших к власти в ходе деколонизации при поддержке самой бывшей метрополии. Девальвация вдвое африканского франка, не оправдавшая себя ставка Парижа на прогнивший режим Мобуту в Заире, двусмысленная роль французов во время геноцида в Руанде порождали у африканских лидеров сомнения в способности Франции поддерживать впредь их авторитарную власть деньгами или силой.

Всё это делало неизбежным существенный пересмотр прежних методов ведения французской внешней политики, а отчасти и её целей, что стало основным содержанием деятельности Ж. Ширака на международной арене после избрания его президентом Франции.

Поиск новой внешнеполитической парадигмы

В интервью американскому еженедельнику «Тайм» Ширак сформулировал внешнеполитические приоритеты своего первого президентства следующим образом: «Биполярный мир, который мы знаем, больше не существует, а завтрашний мир будет многополярным. Одним из основных его полюсов станет Европа. Я думаю, что первой целью в течение срока моих полномочий будет успех Европы. Второй станет модернизация НАТО и создание опоры европейской обороны в рамках альянса. Третья цель – развитие солидарности между Европой и двумя связанными с ней регионами – Средиземноморьем и Африкой. Четвёртая цель состоит в том, чтобы способствовать решению ряда таких важных проблем, как помощь развивающимся странам, безработица, обеспечение стабильности валюты, борьба против наркоторговли и терроризма»⁶.

Отвечая на вопрос о средствах, которыми располагает Франция для достижения этих целей, глава государства напомнил, что она является четвёртой экономической и торговой державой ми-

---

⁶ Time, 04.12.1995.

ра, постоянным членом Совета Безопасности ООН, принадлежит к «ядерному клубу» и вносит наибольший вклад в коллективные миротворческие акции ООН. «Мы не средняя страна. К тому же Франция имеет старую гуманистическую и универсалистскую традицию твёрдой приверженности правам человека и демократии», – подчеркнул он.

Эта программа не осталась лишь декларацией о намерениях. Она стала руководством к действию для всего внушительного дипломатического аппарата Франции, по объёму и разветвлённости которого она уступает только США.

Углубление процесса евростроительства продолжилось подписанием в 1997 г. Амстердамского договора, скорректировавшего наименее выгодные для Парижа положения Маастрихта. Намеченные сроки перехода ЕС к валютно-экономическому союзу были скрупулёзно выдержаны: в XXI в. 12 членом Евросоюза из 15 вступили с единой валютой – евро. Фундаментом валютно-экономического союза стал Пакт стабильности, определивший основные параметры экономической, в том числе бюджетной, политики стран-участниц еврозоны.

Развитие интеграционного процесса в экономике нашло продолжение в военно-политической сфере: Амстердамский договор дополнил Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ) Единой политикой обороны и безопасности (ОПОБ). В её рамках франко-германская бригада, превращённая в 1992 г. в еврокорпус с участием Бельгии, Испании и Люксембурга, была дополнена двумя многонациональными соединениями – сухопутными (Еврофор) и морским (Евромафор). Сессия Евросовета, состоявшаяся в Хельсинки 10-11 декабря 1999 г., приняла решение о создании европейских сил быстрого развёртывания численностью до 200 тыс. человек (из них 60 тыс. в состоянии постоянной боеготовности) для переброски в зоны миротворческих операций.

Партнёрство Франции и ФРГ дополнилось сближением в оборонной сфере с Великобританией, старт которому дал англо-французских саммит в бретонском городке Сен-Мало (3-4 декабря 1998 г.). Подписанная Шираком и британским премьером Т. Блэром декларация призвала ЕС развить «способность осуществлять автономные действия, поддержанные достаточно надёжными во-

енными силами, средствами для принятия решений об их применении и готовностью сделать это для того, чтобы отреагировать на международные кризисы»⁷.

Второй приоритет – перестройка трансатлантических отношений с США – конкретизировался возвратом Франции в некоторые руководящие органы Североатлантического альянса, в том числе в Военный комитет планирования. В обмен на это французский президент рассчитывал добиться перераспределения ключевых постов НАТО (в частности, Средиземноморского командования в Неаполе) в пользу европейцев и признания американцами «европейской оборонной идентичности». Речь шла о создании внутри альянса автономной командно-штабной цепочки, которая могла бы руководить миротворческими операциями европейских вооружённых сил в тех случаях, когда США не сочтут целесообразным прямо участвовать в них. Европейцы могли бы в таком случае арендовать у НАТО, то есть у тех же США, недостающие виды вооружений и инфраструктуры – военно-транспортную авиацию, средства космической разведки, управления и т.д.

Третья задача – активизация европейской политики в Средиземноморье и Африке – вылилась в проведение конференции южноевропейских и североафриканских государств в Барселоне (Испания), на которой обсуждались пути взаимодействия по широкому кругу вопросов – от экономического сотрудничества до контроля над миграционными потоками и положения мигрантов в принимающих странах.

Наконец, Франция выступила с рядом инициатив по последнему пункту программы Ширака, касающемуся оказания помощи странам «Третьего мира» и реагирования на новые глобальные вызовы. Париж предложил списать задолженность беднейших стран и довести помощь им до 0,7% ВВП промышленно развитых государств.

Однако все эти усилия в течение первого срока президентских полномочий Ширака (1995–2002 гг.) принесли неоднозначные результаты. Это было очевидно, прежде всего, в главной приоритетной области – евростроительстве, где франко-германский тандем

---

⁷ Le Monde, 06.12.1998.

давал всё новые сбои. Председательство Франции в Евросоюзе во второй половине 2000 г., на которое Париж возлагал большие надежды, не оправдало ожиданий. На заключительной сессии Евросовета в Ницце Германия нарушила своё обязательство сохранить после воссоединения равное с Францией число голосов в руководящих инстанциях ЕС и добилась более значительного представительства, соответствующего её демографическому превосходству. Реакция Парижа на этот шаг своего восточного партнёра была болезненной.

Со своей стороны Вашингтон решительно отверг идею перераспределения постов в НАТО и образования в его структуре автономной европейской ячейки. В феврале 2000 г. тогдашний министр обороны США У. Коэн прямо заявил, что отдельная военная организация европейцев может ослабить трансатлантические узы. Американская оппозиция созданию в Европе «второй опоры НАТО» объяснялась не только политическими и экономическими соображениями, но и конкурентной борьбой между военно-промышленными комплексами по обе стороны Атлантики, где наиболее активным соперником Соединённых Штатов выступала Франция.

Сокрушительный удар по французским планам военно-политического самоутверждения Европы нанесли события в бывшей Югославии. Выступив в поддержку военного вмешательства НАТО в Боснии и Герцеговине, а затем приняв участие в войне из-за Косово, французское руководство рассчитывало превратить Балканы в испытательный полигон, где европейцы смогли бы впервые продемонстрировать свою «оборонную идентичность». Результат оказался обратным – ведущую роль в обеих операциях, как на военной стадии, так и в ходе поисков политических решений, сыграли Соединённые Штаты, оставив европейцам, в том числе французам, дорогостоящие и неблагодарные функции постконфликтного урегулирования.

В то же время выступление Франции в фарватере США против сербов, исторических союзников России на Балканах, привело к охлаждению отношений между Парижем и Москвой. Этому способствовало также начало в 1999 г. второй чеченской войны.

Неутешительно выглядели и результаты «барселонского про-

цесса» в Средиземноморье, который постоянно тормозился конфликтами между его участниками (Марокко и Алжиром, Испанией и Марокко из-за Западной Сахары) и особенно очевидным обострением арабо-израильского противостояния на Ближнем Востоке.

Поиски Францией новой внешнеполитической стратегии в период первого президентского мандата Ширака тормозились также немалыми внутренними трудностями. В 1997 г. президент допустил серьёзный тактический промах: столкнувшись с упорным сопротивлением непопулярным социальным реформам, он распустил нижнюю палату парламента (Национальное собрание) и провёл досрочные выборы, на которых победу одержали партии левой оппозиции. Это обрекло Ширака на трудное пятилетнее «сожитительство» с враждебным парламентским большинством и левым правительством. Возглавивший кабинет социалист Л. Жоспен отказался признать внешнюю политику и оборону «заповедной областью» президента, как это было со времён основания Пятой республики, и объявил её разделённой между главами государства и правительства. Очевидно, что подобная двусмысленная ситуация наносила немалый ущерб авторитету Франции в международных делах.

На следующих президентских выборах в мае-июне 2002 г. Ширак был переизбран на второй срок, правда, уже на пять лет вместо семи в соответствии с ревизией Конституции. Только когда парламентские выборы, проведённые сразу же вслед за президентскими, выиграла его правоцентристская партия «Союз за народное движение» (СНД), глава государства смог вновь осуществлять свои широкие конституционные полномочия в полном объёме. Именно с этого момента становление новой внешнеполитической стратегии, которая сочетала бы верность духовному наследию голлизма с его адаптацией к реалиям XXI в., вступило в решающую фазу.

Этому способствовали драматические события на международной арене. Теракты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне открыли новую главу в мировой политике, выдвинув США в авангард глобальной борьбы против международного терроризма. На первом этапе – в американской кампании против режима талибов в Афганистане, укрывавшего организатора терактов Уса-

му бен Ладена и террористические сети «Аль-Каиды», – ограничилась переброской в Среднюю Азию нескольких небольших подразделений.

На этом фоне Ширак начал второй раунд борьбы за реализацию своей внешнеполитической программы семилетней давности, направленной на утверждение Европы в качестве одного из ведущих центров многополярного мира. Следуя примеру своего учителя де Голля, он избрал в качестве исходного рубежа нового дипломатического наступления Парижа реанимацию франко-германского тандема. Теперь для этого сложились благоприятные предпосылки.

Прошедшее после воссоединения Германии десятилетие принесло немцам не только бесспорные успехи, но и немалые издержки. Интеграция «восточных земель» обошлась ФРГ в огромную сумму – 1250 млрд марок. В условиях общего ухудшения экономической конъюнктуры в Европе и западном мире в начале XXI в. это вызвало значительный рост дефицита федерального бюджета. Он вышел далеко за рамки 3% ВВП, установленного Пактом стабильности, который был принят в своё время именно по настоянию Германии при переходе ЕС к единой валюте как гарантии стабильности. Канцлер ФРГ Г. Шрёдер, переизбранный в 2002 г. на новый срок, оказался перед необходимостью принятия жёстких мер, направленных на сокращение государственных расходов, снижение налогов и проведение непопулярных реформ по свёртыванию щедрой, но становившейся всё более убыточной системы соцобеспечения.

Одновременно точно такие проблемы встали перед Шираком. После триумфального продления своего президентского мандата он должен был идти по тому же нелёгкому пути. Партнёры по «оси» объективно оказались в сходном положении не только внутри своих стран, но и в Евросоюзе, где они совместными усилиями добились смягчения обязательств по непосильному отныне для обоих Пакту стабильности.

Позиции Парижа и Берлина сблизились и в отношении другой кардинальной проблемы евростроительства – расширения состава ЕС за счёт посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). На протяжении 1990-х гг. эта перспектива,

закреплённая уже в Маастрихтском договоре, была яблоком раздора между Францией и объединённой Германией. Не забывая, что в прошлом ЦВЕ считались естественной сферой германских интересов, прежде всего экономических (идея «Срединной Европы»), немцы выступали в роли главных адвокатов расширения Евросоюза на восток. Франция не могла открыто возражать против этого, ибо она всегда осуждала раздел Европы после Второй мировой войны между США и СССР, призывая «выйти из Ялты». На деле, однако, она охотно мирилась с этим разделом, видя в нём фактор, расширяющий свободу её манёвра между Востоком и Западом.

С крушением СССР страны ЦВЕ твёрдо взяли курс на интеграцию в евроатлантические структуры – НАТО и ЕС. Поддерживая это стремление на словах, Франция относилась к нему с плохо скрываемыми опасениями. Она тревожилась, что вхождение в Евросоюз стран со сравнительно низким уровнем экономического развития дорого обойдётся бюджету ЕС, прежде всего фондам поддержки единой сельскохозяйственной политики и помощи отсталым регионам, откуда Франция и близкие ей средиземноморские страны – Испания, Португалия, Греция – получали львиную долю субсидий.

К тому же французы отдавали себе отчёт в том, что внутри Евросоюза страны ЦВЕ неизбежно станут самыми активными защитниками интересов США, в которых они видели главного гаранта своей безопасности и источник иностранных инвестиций. Тем самым они оказывались в роли «троянского коня» американцев в Европе, которую уже играла Великобритания. Это серьёзно угрожало французским планам превращения Евросоюза в автономный центр силы многополярного мира.

Если на протяжении 1990-х гг. опасения французов не разделялись немцами, то по мере приближения срока принятия в ЕС сразу 10 новых членов (восемь посткоммунистических стран плюс Кипр и Мальта), назначенного на май 2004 г., позиция Германии постепенно сближалась с французской. Главной причиной этого сближения стал структурный кризис германской экономики. После колоссальных и далеко не всегда рентабельных расходов на интеграцию «восточных земель» немцы не спешили добавить к

ним новое тяжёлое финансовое бремя ЦВЕ, особенно с учётом того, что за «десяткой» должны были последовать Румыния, Болгария, пять государств – наследников бывшей Югославии и, наконец, Турция с её населением в 66 млн человек. С 1960-х гг. турки были основным контингентом «гастарбайтеров» в Германии. Опасаясь массового наплыва дешёвой рабочей силы с востока в условиях, когда уровень безработицы в стране превысил 4 млн человек (10% самостоятельного населения, а в восточных землях вдвое больше), немцы, как и французы, стремились взять расширение ЕС под жёсткий контроль.

К тому же увеличение числа участников Евросоюза с 15 до 25 грозило поставить под вопрос баланс между малыми и крупными странами Европы: первых становилось гораздо больше, тогда как вторые составляли по-прежнему значительное большинство населения. Стремясь оградить свои интересы, ведущие державы Евросоюза, прежде всего Франция и ФРГ, добились закрепления в проекте конституции ЕС⁸ принципа «двойного большинства» – стран и граждан ЕС – при принятии решений руководящими органами Евросоюза, а также отказа от представительства каждой страны в Комиссии и избрания председателя союза на более длительный срок, чем нынешние полгода, с расширением его полномочий. Малые и средние государства во главе с Испанией и Польшей категорически отвергли эти положения, что привело к временному замораживанию проекта.

В ответ Франция и Германия пришли к компромиссу по всему кругу спорных вопросов евростроительства, которые ранее разделяли партнёров. На очередном франко-германском саммите в октябре 2002 г. Ширак и Шрёдер согласились ограничить на ближайшие годы долю новых членов в бюджете ЕС минимумом, сохранить в прежнем виде его единую сельскохозяйственную политику, твёрдо защищать принцип «двойного большинства», а в случае затягивания с принятием Конституции ЕС оставить пока в силе распределение голосов, предусмотренное заключённым в Ницце в 2000 г. договором. Вскоре Германия (при поддержке Авст-

---

⁸ Проект конституции Евросоюза был разработан Конвентом под председательством бывшего французского президента В. Жискара д'Эстена. – Прим. авт.

рии) заявила также о своём намерении ограничить в обозримом будущем приток рабочей силы из новых государств-членов, несмотря на положения Шенгенского договора. В итоге позиции Парижа и Берлина по ключевым проблемам углубления и расширения евростроительства, по существу, совпали.

Пойдя на весьма существенные взаимные уступки, обе стороны продемонстрировали решимость возродить тандем Париж – Берлин на новой, более равноправной и сбалансированной основе, вернув ему ведущую роль в процессе европейской интеграции. По существу, вокруг франко-германской «оси» складывалось «твёрдое ядро» первоначальных участников ЕС, к созданию которого на федеративной основе давно призывал министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер. Оно было призвано сохранить в момент резкого расширения состава Евросоюза достижения интеграционного процесса, достигнутые за его полувековую историю, избежав растворения в рыхлой, аморфной зоне свободной торговли, чего всегда добивались Великобритания и США.

Франко-германский компромисс был настороженно встречен как в Вашингтоне и Лондоне, так и в столицах государств ЦВЕ, которые опасались оказаться на обочине Евросоюза, приобретающего переменную геометрию в зависимости от способности участников брать на себя более значительные обязательства в тех или иных областях интеграции. СМИ малых и средних государств – членов ЕС, особенно новых, забили тревогу по поводу намерений Парижа и Берлина подчинить всех остальных участников своей «директории».

Хотя эти страхи были явно преувеличены, известная доля истины в них присутствовала. Новое издание «оси» было отмечено в январе 2003 г. помпезными торжествами в Париже по случаю 40-летней годовщины подписания Елисейского договора. Французская сторона заговорила даже о создании прежними злейшими врагами чуть ли не единого конфедеративного государства.

Однако наибольший международный резонанс во время этого юбилея получило совместное заявление Ширака и Шрёдера об их общей оппозиции военному решению иракской проблемы без санкции СБ ООН, к которому явно склонялись Соединённые Штаты и Великобритания. Тем самым франко-германский тандем впер-

вые за всю историю своего существования претендовал на роль самостоятельного актора не только европейской, но и мировой политики.

Именно иракская проблема послужила объектом беспрецедентной по остроте дипломатической пробы сил между основными партнёрами по обе стороны Атлантики – Францией и Германией, с одной стороны, США – с другой. Определённую роль сыграло, конечно, столкновение их материальных интересов. Ещё в 1970-е гг. Франция поддерживала с Багдадом экономические связи, обменивая оружие, промышленное оборудование, продовольствие на нефть, в том числе с режимом С. Хусейна в ходе ирано-иракской войны (что делали тогда, кстати, и США и СССР). Однако это не помешало французскому президенту Ф. Миттерану во время «войны в Заливе», вызванной захватом Хусейном Кувейта, примкнуть к антииракской коалиции, во главе которой стояли американцы.

Качественное различие между двумя американскими войнами против Ирака для Парижа заключалось в их характере. В первом случае речь шла об отпоре открытой агрессии против другой арабской и мусульманской страны, предпринятой по решению СБ ООН. Во втором случае администрация Дж. Буша-младшего, по сути, взяла курс на перекройку всей политической карты Большого Ближнего Востока с его крупнейшими в мире нефтяными ресурсами. Французское руководство опасалось, что эта авантюра может спровоцировать «столкновение цивилизаций» – фронтальный конфликт Запада с арабо-мусульманским миром, который поставит крест не только на «арабской политике», некогда начатой де Голлем, но и на влиянии Парижа в жизненно важном для Франции Средиземноморском бассейне, включая страны Магриба, если не в «Третьем мире» в целом.

Подобный конфликт грозил дестабилизировать и внутреннюю обстановку в самой Франции, где присутствие 6 млн арабов – выходцев из Северной Африки, сделало ислам второй после католицизма конфессией по числу верующих. К тому же дело было не только, а может быть, и не столько в ближневосточной проблеме. Хотя диктаторский характер режима Хусейна не вызывал сомнений ни в Париже, ни в Вашингтоне, устранение его путём воору-

жённой интервенции бросало вызов самим основам международного права.

Действительно, США не скрывали своего намерения и впредь решать международные проблемы, которые затрагивали сферы их интересов, в одностороннем порядке с применением силы. Причём в случае необходимости без санкции СБ ООН. Между тем принадлежность Франции к «пятерке» постоянных членов Совета Безопасности, имеющих право вето, являлась главным подтверждением её ранга великой державы – пусть средней по масштабам, но сохраняющей глобальную ответственность.

Иными словами, в Ираке на карту была поставлена сама концепция многополярного мира, которую Ширак считал фундаментом всей своей внешнеполитической стратегии. «Любое сообщество с единственной доминирующей державой всегда опасно, вызывая реакцию. Поэтому я выступаю в пользу многополярного мира, в котором Европа, очевидно, имеет своё место», – настаивал он в феврале 2003 г. Со своей стороны советник президента Буша-младшего по национальной безопасности К. Райс в своём выступлении 26 июня 2003 г. прямо осудила эту концепцию, объявив, что она, якобы, раскалывает единство цивилизованного мира в борьбе против угрозы международного терроризма.

На первый взгляд могло показаться, что цели Парижа и Вашингтона в Ираке близки, а расхождения касаются всего лишь способов их достижения. На дипломатической стадии конфликта речь шла о том, чтобы обеспечить выполнение Багдадом резолюции СБ ООН о лишении Ирака оружия массового уничтожения (ОМУ), принятой в 1991 г. после первой войны в Персидском заливе. Проверка выполнения этой резолюции возлагалась на миссию инспекторов ООН, выдворенную Хусейном из страны в 1998 г., но вернувшуюся четыре года спустя под давлением международного сообщества. Французы соглашались с тем, что при попытках Хусейна уклониться от сотрудничества с инспекторами к Ираку должны быть применены все средства принуждения, включая военную силу. Именно таков был смысл резолюции СБ ООН 1441 от 7 ноября 2002 г., принятой единогласно, включая голоса всех его пяти постоянных членов – США, России, Великобритании, Франции и Китая.

Ширак заявил в этой связи, что вооружённые силы его страны должны быть готовы к любому повороту событий. «Франция – не пацифистская страна. В настоящее время мы имеем на Балканах больше войск, чем американцы. Очевидно также, что Франция – не антиамериканская страна. Она является верным другом Соединённых Штатов и всегда была им. Франция не намерена поддерживать диктаторские режимы ни в Ираке, нигде бы то ни было ещё. У нас нет разногласий насчёт задачи лишения С. Хусейна оружия массового уничтожения... Но мы не думаем, что эта цель может быть достигнута навязыванием войны», – подчёркивал французский президент в интервью американскому журналу «Тайм»⁹.

Дальнейший ход событий известен. Не добившись от миссии инспекторов ООН констатации факта наличия у Ирана ОМУ, США, Великобритания и Испания внесли в СБ ООН проект новой резолюции, обвинявшей Ирак в сознательном саботаже её деятельности, что давало зелёный свет на применение силы. В ответ три постоянных члена СБ ООН из пяти – Франция, Россия и Китай – заявили о намерении голосовать против. Оказавшись не в состоянии собрать даже «моральное» большинство с помощью непостоянных членов СБ (9 из 15), авторы резолюции предпочли отозвать её. Дж. Буш открыто признал, что готов применить силу в любом случае – с санкцией или без неё, причём главной целью такой акции будет уже не разоружение Ирака, а смена режима. Неделями спустя первые ракетно-бомбовые удары англо-американской коалиции обрушились на Багдад.

Возникает естественный вопрос: на что рассчитывал Ширак в открытом противостоянии единственной в мире сверхдержаве, чьи экономические и военные возможности несопоставимы с французскими?

Выступая 28 апреля 2003 г. в Лондонском институте стратегических исследований, тогдашний министр иностранных дел Франции Д. де Вильпен говорил: «В иракском кризисе столкнулись два мировоззрения, два различных подхода к отношениям между силой и правом, международной легитимностью и защитой интересов международной безопасности... Речь идёт не о выборе с

---

⁹ Time, 24.02.2003.

одной стороны силы, с другой – права. Сила должна быть поставлена на службу праву... Верховенство права – не признание слабости, не фактор бессилия. Оно является моральным и политическим требованием, условием справедливости, но также и эффективности».

Французский президент был уверен в том, что подобная позиция принесёт его стране моральную поддержку самого широкого круга государств как в Европе, так и за её пределами. Расчёт Ширака оправдался. Пример показала Германия – партнёр Франции по реставрированной на новой основе «оси». Конечно, канцлер Шрёдер исходил при этом и из собственных внутривнутриполитических расчётов, укрепляя блок социал-демократов с пацифистки настроенными «зелёными». Но первое за полвека демонстративное дистанцирование немцев от США имело гораздо большее значение: объединённая Германия, избавленная от угрозы с Востока, делала тем самым публичную заявку на право играть самостоятельную роль в международных делах, причём не только в европейских.

Сразу же после окончания иракской войны Франция, Германия, Бельгия и Люксембург заявили о своей решимости продолжить усилия по формированию «европейской оборонной идентичности», но уже не внутри НАТО, а вне его интегрированных структур.

В ходе второй иракской войны США поддержали лишь 34 государства из 191, которые входят в состав ООН, и 18 европейских стран из 44 (Великобритания, Испания, Италия, Португалия, Дания и 13 посткоммунистических государств ЦВЕ). Таким образом, $\frac{3}{5}$ международного сообщества и больше половины Европы, а по населению – $\frac{3}{4}$, оказались на стороне Франции. Молниеносно выиграв военную кампанию, Вашингтон полностью проиграл войну за мировое общественное мнение. Кровавый хаос в «освобождённом» Ираке, охваченном движением сопротивления оккупации, миллионные демонстрации против войны, в том числе в странах, принявших участие в военных действиях на стороне американцев, подтвердили обоснованность французской позиции. В Испании дело дошло до падения проамериканского правительства Х. Аснара и победы на выборах социалистов, поспешивших отозвать испанские войска из Ирака.

Антивоенные демонстрации в Лондоне оказались самыми многочисленными с 1930-х гг. Ближайший союзник США британский премьер Т. Блэр поспешил восстановить контакт с Францией: на очередном саммите в Ле Туке он и Ширак подтвердили программу сотрудничества в создании «европейской обороны», принятую пятью годами ранее в Сен-Мало. В апреле 2004 г. Париж посетила королева Великобритании Елизавета II, визит которой сопровождался пышными юбилейными мероприятиями по случаю 100-летия англо-французского «Сердечного согласия» (Антанты).

Главный же геополитический эффект войны в Ираке состоял в том, что линия разлома между американской и французской позициями прошла не по водоразделу Восток – Запад, а через оба лагеря, противостоявшие друг другу во времена холодной войны. Францию поддержали Россия и Китай, США – страны ЦВЕ и некоторые государства СНГ (Украина, Грузия, Казахстан, Узбекистан). Произошло это не случайно: Россия и Китай уже давно последовательно отстаивали идею многополярного мира в противовес модной в Вашингтоне америкоцентрической модели мироустройства.

К этому моменту российско-французские отношения, пережившие стадию охлаждения на фоне балканских и чеченских войн, вновь заметно потеплели. В начале 1990-х гг., после распада СССР, Ширак отстаивал идею создания «Большой Европы» с опорой на Россию, Францию и Германию. Тогда ещё в качестве мэра Парижа он стал сопредседателем комитета под одноимённым названием совместно с бывшим министром экономики ФРГ О. фон Ламбсдорфом. К идее «Большой Европы» Ширак неоднократно, хотя и безуспешно, возвращался и позднее.

В 2000 г. новый российский президент В. Путин впервые посетил Париж по случаю очередного саммита Россия – ЕС, что позволило существенно улучшить двусторонний диалог. После событий 11 сентября 2001 г. стороны создали совместный Совет безопасности на уровне министров иностранных дел и обороны, действующий на постоянной основе. В ходе возобновившихся встреч на высшем уровне была подтверждена традиционная близость подходов обеих стран к таким острым международным проблемам, как постконфликтное урегулирование в Ираке и арабо-изра-

ильский конфликт. В экономической области была достигнута договорённость о запуске российских ракет с французского космодрома в Куру (Гвиана) и о приобретении Россией франко-британских пассажирских лайнеров «Аэробус». Французские компании «Тоталь», «Данон», «Рено» приняли решение о крупных инвестициях в топливно-энергетический, агропромышленный комплексы, автомобильную промышленность России, что позволяет рассчитывать на преодоление разрыва между уровнями политического диалога и экономического взаимодействия обеих сторон.

Первая реакция США на позицию Франции в иракском вопросе была чрезвычайно болезненной. В Конгрессе и американских СМИ развернулась беспрецедентная по резкости антифранцузская кампания: Париж обвиняли в предательстве союзника, спасшего французов по время двух мировых войн, раздавались призывы к репатриации вложенных во Францию американских капиталов, к бойкоту традиционных товаров французского экспорта – вин, сыров. Предметов высокой моды, более того – к исключению Франции из СБ ООН с передачей её постоянного места Евросоюзу. Белый дом взял курс на изоляцию Франции от её партнёров с тем, чтобы примерно покарать её, преподав наглядный урок всем прочим непокорным государствам. «Простить Россию, игнорировать Германию, наказать Францию», – так сформулировала американскую позицию К. Райс. Даже «умеренный» госсекретарь К. Пауэлл многозначительно предупредил Париж, что американо-французские отношения после войны в Ираке никогда уже не будут такими, как прежде.

Однако угрозы «наказать» французов звучали не особенно убедительно: логика евростроительства и глобализации такова, что все ведущие страны оказываются «в одной лодке». Франция больше не имеет собственной торговой или валютной политики – её осуществляет ЕС в целом, включая самых верных союзников США – Великобританию или Италию. За что же «наказывать» заодно и их? К тому же объём экспорта Соединённых Штатов во Францию составляет 19 млрд долл. и оборот обосновавшихся там американских компаний – 125 млрд долл. в год, тогда как вывоз французских товаров в США – 30 млрд долл., а оборот французских фирм – 193 млрд долл. «Наши экономические интересы на-

столько взаимосвязаны, что я не считаю, будто мы стоим на пороге реального ухудшения», – отмечал в газете «Монд» председатель федерации машиностроительных предприятий Франции И. Жакот¹⁰.

Действительно, по мере того, как американцы и англичане сталкивались с всё более активным сопротивлением иракского населения, Вашингтон постепенно смягчал тон в отношении своих оппонентов на международной арене, включая Францию. Вопреки первоначальной, сугубо односторонней линии, администрация Дж. Буша взяла курс на интернационализацию иракского конфликта под эгидой ООН, чего с самого начала добивались Франция, Германия и Россия. Было также объявлено, что фирмы этих стран будут допущены к участию в восстановлении разрушенной экономики Ирака, включая его нефтяное хозяйство. Со своей стороны Франция и Россия проголосовали в СБ ООН за внесённые США проекты резолюций о снятии эмбарго с Ирака и политическом урегулировании проблемы. Таким образом, главным уроком иракского конфликта стало подтверждение справедливости французской (и российской) идеи о неизбежности многостороннего подхода к решению международных проблем в рамках организаций коллективной безопасности, а не путём одностороннего диктата единственной сверхдержавы.

Вместе с тем консолидация франко-германского тандема и ставшие регулярными встречи в трёхстороннем формате лидеров Франции, Германии и России отнюдь не означали возврата к блоковому подходу, направленному на сей раз против США или Великобритании. Все три участника этого «треугольника», включая Францию, проявили максимум усилий по восстановлению диалога с Вашингтоном. Встреча в Берлине Ширака, Шрёдера и Блэра символизировала решимость западноевропейской «большой тройки» проводить согласованную политику в Евросоюзе, в том числе по таким ключевым для его будущего вопросам, как текст конституции, условия интеграции новых членов или «европейская оборонная идентичность».

Длительный процесс поисков Францией нового варианта сво-

---

¹⁰ Le Monde, 05.04.2003.

ей внешнеполитической стратегии, который отвечал бы на вызовы XXI в. с учётом реальных возможностей страны в быстро меняющемся мире, протекает в целом, судя по всему, успешно. Главным условием этого успеха стала адаптация Ж. Шираком гол листской парадигмы к качественно новым реалиям.

Речь идёт, прежде всего, о самом фундаменте голлизма – идее «величия». Не отрекаясь от этого понятия как синонима национальной идентичности французов, их верности своему великому историческому и культурному наследию, преемники де Голля постепенно, шаг за шагом, модернизировали его в свете требований современности. Этот процесс начал ещё Ж. Помпиду, выдвинувший на первый план не политическую, а экономическую составляющую «величия» Франции. Продолжая ту же линию, В. Жискара д'Эстен напомнил своим соотечественникам, что Франция давно уже не самое населённое государство Европы, каким она была триста лет назад при Людовике XIV. Поэтому французы обязаны трезво оценивать реальные шансы своей страны в мировом соревновании, не поддаваясь ни унылым рассуждениям о неизбежном упадке, ни опасной переоценке собственных сил. «Франция может много ждать от современности. У нашей страны есть всё необходимое, чтобы преуспеть, и она уже добилась определённых успехов... Добавлю, что, скорее всего, на основе экономического подъёма, являющегося плодом применения высоких технологий, произойдёт новый расцвет культуры», – писал Жискара д'Эстен¹¹.

Ф. Миттеран добавил к этому упорные, хотя и не всегда успешные, попытки придать экономической модернизации социальное и европейское измерение. Именно на его долю выпала нелёгкая задача приспособить внешнюю политику Франции к новой ситуации, сложившейся в результате крушения биполярного мира, воссоединения Германии и распада СССР. Ответ на эти исторические перемены он искал в развитии евростроительства на традиционной основе франко-германского тандема, переживавшего тогда не лучшие времена.

---

¹¹ Валери Жискара д'Эстен. Французы. Размышления о судьбе народа. Пер. с фр. М., Ладомир, 20024 г. С. 244-245.

Именно эта задача стала центральным пунктом программы политического соперника Миттерана, но в то же время и его продолжателя – Ж. Ширака. После нескольких неудач он добился бесспорного успеха в достижении основных целей своей программы благодаря сочетанию верности голлистскому наследию на уровне основополагающих ценностей с существенной ревизией способов его конкретного воплощения в жизнь. Франция отныне органически вписывает идею величия в контекст интегрированной Европы и глобализованного мира, стремясь отстаивать свои национальные интересы не за счёт других государств, а вместе с ним.

ГЛАВА 3. ПОРАЖЕНИЕ ЕВРОПЫ ИЛИ НЕУДАЧА «ПАРТИИ ВЛАСТИ»*

Кампания перед выборами в Европарламент протекала во Франции в 2004 г. по тому же сценарию, что и во всех остальных 24 странах Евросоюза. Её характерными чертами были крайне слабый интерес избирателей и отсутствие явного преобладания европейской тематики над внутривнутриполитической. Не более оригинально выглядел и результат голосования: как почти повсюду, правящая партия, в данном случае правоцентристский «Союз за народное движение» (СНД), потерпела очередное, уже второе после недавних региональных выборов в марте, поражение, чем сумел отчасти воспользоваться оппозиционный левый лагерь, прежде всего его ведущая сила – социалисты.

Если на первых евровыборах 1979 г. в голосовании приняли участие 60,7% зарегистрированных избирателей, то в 1984 г. – 56,7%, в 1989 г. – 48,8%, в 1994 г. – 52,7%, в 1999 г. – 46,7%, а в 2002 г. – всего 42,1%. Таким образом, более половины французов не сочли борьбу за представительство в Европарламенте фак-

---

* «Европейский парламент. Проблемы и перспективы». Отв. ред. В.Я. Швейцер. ИЕ РАН, Изд-во «ОГНИ», М, 2004. По материалам международной научной конференции (ИЕ РАН, 09.06.2004). 208 с. С. 111-117.

тором, так или иначе затрагивающим их повседневную жизнь. «Это показывает, если в том есть необходимость, что Европейский парламент очень мало интересуется французов», – отмечала парижская газета «Фигаро».

Результаты, отвечавшие средневропейским стандартам, вызвали в местных СМИ тем большее разочарование, что именно Франция стояла у истоков процесса европейской интеграции. Его официальной точкой отсчёта считается 9 мая 1950 г., когда тогдашний французский министр иностранных дел Робёр Шуман выступил с инициативой объединения угледобывающей и металлургической промышленности шести стран Западной Европы – Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерланды и Люксембурга. Идейными вдохновителями этой инициативы, а впоследствии превращения Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в экономический и политический союз был также француз – Жан Монне, которого наряду с Р. Шуманом, К. Аденауэром и А. де Гаспери нередко именуют «отцом Европы». Наконец, в 1979 г. Валери Жискар д'Эстен, в то время президент Французской республики, впервые добился проведения выборов в Европейский парламент всеобщим голосованием, а четверть века спустя он же возглавил Конвент, разработавший проект Европейской конституции.

Незадолго до выборов правящие правые партии добились пересмотра закона, на основе которого во Франции проходят выборы в Европарламент. Если раньше голосование производилось по пропорциональной системе в масштабе всей страны, то отныне рамками, где соперничали партийные списки, ими стали крупные регионы – Центр, Юго-восток, Юго-запад, Северо-запад и Северо-восток. Инициаторы реформы рассчитывали, что приближение рамок голосования к расстановке сил на местах повысит интерес избирателей и сыграет на руку правящему большинству. Однако этот расчёт явно не оправдался.

Между тем некогда глубокие разногласия среди политической элиты Франции в отношении «европейской идеи» вообще или конкретной формы – наднациональной федерации или межгосударственной конфедерации – за последние десятилетия явно сгладились. Непримируемыми сторонниками сохранения в полном объёме национального суверенитета страны всегда выступали

партии, находившиеся на крайних флангах политического спектра: коммунисты слева, голлисты, затем Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена справа. Несмотря на непримиримую вражду друг к другу, совместными усилиями они сумели провалить в Национальном собрании 30 августа 1954 г. проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). Почти 40 лет спустя в 1992 г. на референдуме о ратификации Маастрихтского договора положительный ответ прошёл с перевесом всего лишь в 1% голосов, тогда как почти половина избирателей ответила «нет», причём слева и справа было их примерно поровну.

Однако с тех пор политический пейзаж страны претерпел коренные изменения. Крушение Советского Союза и созданных по его образцу режимов «реального социализма» в странах Центральной и Восточной Европы нанесло непоправимый удар по позициям ФКП, в прошлом одной из самых влиятельных в стране и на Западе вообще. Если в 1946 г. французские коммунисты собирали 28% голосов, то на последних президентских выборах 2002 г. они едва перевалили за 3%. По существу, ФКП как самостоятельная сила общенационального масштаба вытеснена с политической арены страны.

Результаты выборов в Европарламент 2004 г. лишний раз подтвердили это. В ходе предвыборной кампании ФКП сосредоточила свою пропаганду на резкой критике проекта европейской Конституции, который был разработан Конвентом под председательством В. Жискара д'Эстена, но оказался временно замороженным из-за возражений Польши и Испании. Упрекая этот проект в антисоциальной направленности, коммунисты призвали отвергнуть его вообще. Однако итог оказался неутешительным – остановить процесс неуклонного сокращения коммунистического электората не удалось. Списки кандидатов от ФКП получили 5,2% голосов, меньше, чем когда-либо прежде на аналогичных выборах (1979 г. – 20,4%, 1984 г. – 11,2%, 1989 г. – 7,7%, 1994 г. – 6,9%, 1999 г. – 6,8%).

Единственным, но слабым утешением для коммунистов было лишь то, что им удалось на сей раз обойти два списка троцкистов, которые ещё более резко нападали на проект Конституции ЕС и евростроительство в целом. На долю «ультралевых» досталось

лишь 2,6% голосов, вдвое меньше, чем на предыдущих европейских выборах 1999 г. Напротив, на противоположном, крайне правом фланге открытые противники евростроительства в лице Национального фронта почти удвоили свои результаты (1999 г. – 5,69%), добившись 10,7% голосов. Тем не менее, этот итог на 5 пунктов ниже результата НФ на мартовских региональных выборах 2004 г. и почти на 7 пунктов – результата Ж.-М. ле Пена в первом туре президентских выборов 2002 г.

На руку лепеновцам сыграли раздоры в среде их конкурентов – представителей националистического крыла голлистов во главе с бывшим министром внутренних дел Шарлем Паскуа и лидером крайне правых традиционалистов Филиппом де Вилье. Если в 1999 г. оба выдвигали единый список, добившись поддержки 13% голосов и 13 депутатских мест в Европарламенте, то теперь они рассорились, выставив собственных кандидатов – «суверенистов» (сторонников сохранения в полном объёме национального суверенитета Франции). В итоге списку де Вилье «Изменим Европу» достались 7,3% голосов, а Ш. Паскуа – всего 1,3%. Не пройдя в Европарламент, 77-летний Ш. Паскуа утратил парламентскую неприкосновенность и рискует попасть под суд за нарушения закона о финансировании избирательных кампаний.

Если суммировать голоса всех активных противников европейской интеграции, как слева (коммунистов и троцкистов), так и справа (Ле Пен, де Вилье, Паскуа), то получится 27,1% – несколько выше четверти избирателей, принявших участие в голосовании. Это почти вдвое меньше, чем отрицательных ответов на референдуме по ратификации Маастрихтского договора в 1992 г. Таким образом, в целом французы показали себя на выборах 2004 г. меньшими «евроскептиками», нежели англичане или датчане. Вместе с тем они явно недовольны попытками Брюсселя навязывать французской экономике мелочную регламентацию, упрекая страсбургский Европарламент в отрыве от жизни, неэффективности, пустопорожних словопрениях. Всё это, несомненно, способствовало неуклонному росту абсентеизма французских избирателей на выборах депутатов Европарламента, от которых, по широко распространённому мнению, толку мало.

Другой, не менее существенной причиной всё большей пас-

сивности французов на евровыборах является тот факт, что «системные» политические партии, которые регулярно сменяют друг друга у власти – ныне правящий «Союз за народное Движение» (СНД), либеральный «Союз за французскую демократию» (СФД), объединивших неоголлистов и либералов в правом центре, социалисты и «зелёные» в левом – в равной мере поддерживают процесс евростроительства. Их программы и практическая деятельность в отношении Евросоюза отличаются в сущности весьма второстепенными нюансами – скорее пропагандистскими, нежели реальными.

В самом деле, СНД – главная опора президента Ширака, давно уже отошёл от заветов генерала де Голля, категорически выступавшего против любого ограничения в процессе европейской интеграции национального суверенитета Франции. Они явно эволюционируют в сторону федералистских позиций привилегированного партнёра в ЕС – Германии. Поэтому в ходе кампании перед выборами 2004 г. в Европарламент многие видные неоголлисты активно поддерживали проект Конституции ЕС, где значительно усиливались наднациональные элементы евростроительства.

Ещё активнее в том же духе выступали либералы-центристы во главе с Франсуа Байру, для которых наднациональная федеративная Европа изначально была основным символом веры. Теперь их отличие от неоголлистов (кроме, разумеется, немногочисленных «суверенистов» типа Ш. Паскуа, оставшихся верными заветам де Голля) отражало скорее внутривнутриполитическое соперничество, чем принципиальные расхождения.

Не видя более между ними существенной разницы по европейским проблемам, избиратели руководствовались на выборах 13 июня 2004 г. главным образом стремлением «наказать» официальную партию власти за неудовлетворительные итоги её социально-экономической политики за два года пребывания у власти кабинета Ж.-П. Раффарена. Прецедент мартовских региональных выборов, на которых правые партии потерпели сокрушительное поражение, повторился: 13 июня 2004 г. на выборах в Европарламент списки СНД потеряли по сравнению с предыдущими в 1999 г. почти 4,5 пункта. Они получили 16,4% голосов – столько же, сколько шираковская партия, выступавшая тогда ещё с жёсткой

критикой наднациональной интеграции, собрала 25 лет назад в 1979 г.

В свою очередь либералы из СФД несколько улучшили свои позиции, получив 12,1% вместо 9,28% пятью годами ранее, не благодаря более последовательному «европеизму», а просто потому, что за последние два года их лидер Ф. Байру систематически критиковал СНД, в котором видел не столько союзника по правому лагерю, сколько конкурента во внутривыборной борьбе.

Та же причина объясняет несомненный успех соцпартии, собравшей на евровыборах в 2004 г. 42,1% всех поданных голосов, на треть больше, чем в 1999 г. (21,9%). Пропагандистские лозунги соцпартии по проблемам европейской интеграции по сути дела не слишком отличались от её правоцентристских конкурентов.

Будучи всегда активными сторонниками европейской интеграции, они лишь придавали им вполне естественный для левых социал-демократический оттенок. Речь шла о дополнении договорной базы Евросоюза «социальным пактом», выравнивании покупательной способности и систем соцстраха в ЕС не по низшему или среднему, а по высшему уровню, принятии странами-участницами совместной программы по борьбе с безработицей и т.д. Однако по кардинальным вопросам евростроительства – расширению Евросоюза за счёт стран Центральной и Восточной Европы, проекту Конституции ЕС и т.д., сколько-нибудь существенных отличий от платформы правящей партии у социалистов не было.

Судя по всему, именно этот фактический консенсус всех «системных» партий справа и слева по основополагающим проблемам евростроительства, наряду с разочарованием избирателей в эффективности руководящих органов ЕС, объясняет неуклонный рост абсентеизма на выборах в Европарламент не только во Франции, но и в остальных странах-участницах.

В таких условиях своим относительным успехом 13 июня 2004 г. французские социалисты обязаны сугубо внутривыборным причинам, т.е. тем фактом, что на протяжении двух последних лет они являлись основной силой оппозиционного левого лагеря. Характерно, что уже в ходе предвыборной кампании лидеры соцпартии сосредоточились не на европейской, а на французской тематике, призывая избирателей воспользоваться случаем, чтобы

наказать правительство Ж.-П. Раффарена. Как только стали известны результаты голосования, первый секретарь соцпартии Ф. Олланд обратился к президенту Шираку с требованием отправить кабинет в отставку. С таким же требованием выступила лидер компартии М.-Ж. Бюффе. Разумеется, глава государства проигнорировал эти требования и дал понять, что судьба правительства зависит не от европейских, а от французских национальных выборов, прежде всего президентских и парламентских.

Таким образом, очередные выборы в Европарламент, прошедшие во Франции 13 июня 2004 г., подтвердили тот факт, что институты ЕС остаются пока заложниками внутренних проблем входящих в него национальных государств. Есть все основания считать, что подобная ситуация сохранится и даже усугубится с расширением Евросоюза за счёт посткоммунистических государств ЦВЕ, особо ревностно относящихся к сохранению своих суверенных прав как из-за болезненных воспоминаний о недавнем прошлом, так и экономического «комплекса неполноценности» в отношении богатых стран т.н. «старой Европы».

Тем не менее, во Франции, как и в ряде других стран – участниц ЕС, на этих выборах дала себя знать и противоположная тенденция. Нельзя забывать, что за четверть века, прошедшие после первых выборов в Европарламент всеобщим голосованием и даже за 12 лет после референдума о ратификации Маастрихтского договора, доля «евроскептиков», ставящих под вопрос целесообразность евростроительства как такового сократилась среди французских избирателей вдвое¹².

Это прямо связано с относительным падением удельного веса партий крайних флангов, особенно левых, в политическом спектре страны, где исход любых выборов решают колеблющиеся умеренные избиратели левого и правого центров. Между тем представляющие их партии – неоголлисты и либералы справа, социалисты и «зелёные» слева – выступают за продолжение интеграционного процесса.

Итак, во внутривнутриполитическом плане налицо новое поражение

---

¹² В ходе предвыборной кампании лидер Национального фронта Ж.-М. Ле Пен прямо призвал к выходу Франции из ЕС.

«партии власти», которое несомненно обострит борьбу в руководстве неоголлистов за место преемника Ж. Ширака, а у социалистов – за место ведущего кандидата левой оппозиции на следующих президентских выборах 2007 г. В европейском плане небывало высокий абсентеизм заставит все «системные» партии всерьёз взяться за улучшение имиджа евростроительства вообще и Европарламента, в частности, в глазах французских избирателей.

ГЛАВА 4. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СМЕНА ВЕХ*

Победа Никола Саркози на президентских выборах во Франции 22 апреля и 6 мая 2007 г., подкреплённая месяцем спустя успехом возглавлявшейся им правоцентристской партии «Союз за народное движение» (СНД) на выборах в нижнюю палату парламента – Национальное собрание, открывает новую главу как во внутренней, так и во внешней политике Пятой республики.

Смена караула в Елисейском дворце – не изолированное явление. Она завершает давно начавшийся процесс прихода к власти представителей младшего поколения политической элиты в других ведущих странах Евросоюза – Германии, Великобритании, Италии, Испании, Польше. Очевидно, что новые лидеры, которые родились после Второй мировой войны и вступили на правительственное поприще в постбиполярном мире, отличаются их предшественников – не только Ширака, но и Шрёдера, Берлускони, Аснара, Блэра – в международных делах, в том числе в отношениях с Россией, да и США, также стоящих ныне на пороге крупных политических событий. Вопрос в том, какими именно окажутся такие коррективы.

В ходе президентской кампании 2007 г. во Франции на первый план выдвинулись внутренние проблемы – занятость, иммиграция, борьба с преступностью, реформа системы социальной защиты и т.д. Внешняя политика оставалась в основном за кадром: Саркози заявлял, что не собирается начинать свою междуна-

---

* Международная жизнь, № 12, 2007 г. Москва. С. 106-118.

родную деятельность с чистого листа, поскольку-де итоги двух сроков президентства Ж. Ширака в данной области представляются ему «образцовыми».

Само собой разумеется, что объективные константы в стратегии Франции на мировой арене, определяемые фундаментальными геополитическими и экономическими факторами, не могут пересматриваться по произволу нового руководства. К ним относятся такие направления, как евростроительство, Североатлантический альянс, интересы в бывшем «Третьем мире», наконец, отношения с Россией. Тем не менее, изначально очевидно, что будущий глава государства твёрдо намерен в случае победы отмежеваться от значительной части дипломатического наследия своего предшественника, главного соперника в правом лагере – любимца Ширака Доминика де Вильпена, занимавшего при нём посты генсека Елисейского дворца. Затем министра иностранных дел, наконец, премьера.

В первых программных заявлениях Саркози о внешней политике Россия упоминалась в основном лишь в связи с критикой гуманитарных издержек чеченской войны и авторитарной эволюции её режима. Признание законности прав России на статус великой державы сопровождалось упреками в «грубости» методов борьбы за его утверждение с использованием энергетического фактора. Повышенная чувствительность в Москве проявлялась и к контактам Саркози с лидерами ряда государств постсоветского пространства, чьи отношения с Россией нередко оставляют желать лучшего.

Из всего этого некоторые комментаторы российских СМИ поспешили сделать вывод о том, что эра привилегированного партнёрства и сотрудничества между Парижем и Москвой, истоки которых связывают с именем генерала де Голля, уходит в прошлое. Саркози, сына венгерского эмигранта, подозревали в стремлении совершить крутой поворот французской политики в сторону атлантизма и европеизма – односторонней ориентации на США в НАТО, поддержке антироссийских тенденций в политике ЕС, усилившихся после его расширения на Восток.

Эта настороженность получила новую пищу с назначением министром иностранных дел выходца из оппозиционной соцпар-

тии Бернара Кушнера – основателя международных неправительственных организаций «Врачи без границ» и «Врачи мира», отстаивающих не только право, но и «обязанность» вмешательства извне во внутренние дела суверенных государств ради предотвращения там гуманитарных катастроф. Его пребывание на посту верховного комиссара ООН в Косове явно не привело к сближению албанского населения с сербским меньшинством, судьба которого не оставляет равнодушной Россию. От столь колоритной фигуры ожидали поэтому усиления публичной риторики относительно нарушений демократии и соблюдения прав человека в России.

Однако события не замедлили внести в эти прогнозы существенные поправки. С окончанием предвыборной лихорадки, которой не только во Франции, но и везде, включая Россию, свойственны перегибы, реальность всё более явно расходилась с пессимистическими ожиданиями. Личное знакомство Путина и Саркози на сессии «восьмёрки» в Хайлигендамме (ФРГ), рабочие визиты Кушнера, затем самого Саркози в Москву, а нового российского премьера Зубкова в Париж на очередную сессию межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству прошли в деловой, конструктивной атмосфере поисков точек соприкосновения взаимных интересов как на двустороннем уровне, так и в подходе к конфликтным проблемам отношений Восток – Запад в целом.

Уже на саммите «С-8» в Хайлигендамме Саркози подтвердил привилегированный характер российско-французских отношений, а Кушнер в Москве – неизменность стратегического партнёрства обеих стран. Адекватность этих определений, переживающих, в лексиконе современной дипломатии, некоторую девальвацию, подтверждается сопоставлением системы приоритетов французской внешней политики, сформулированной в речи Саркози на традиционном совещании французских послов в Елисейском дворце 27 августа 2007 г., с позициями России по ключевым международным вопросам, изложенным в выступлениях В.В. Путина, С.В. Лаврова и «Обзоре внешней политики», опубликованном несколько ранее МИД России.

Европа

На первое место во внешнеполитической стратегии Парижа Саркози выдвинул придание нового импульса евростроительству. «Если не может быть сильной Франции без Европы, то нет и могущественной Европы без Франции», – подчёркивает президент. Это неудивительно. Провал проекта европейской Конституции на референдуме 29 мая 2005 г. во Франции, которая сама была его инициатором, нанёс тяжёлый удар по притязаниям Парижа на политическое лидерство в процессе европейской интеграции. Функционирование громоздкого механизма принятия решений 27 государствами – членами расширенного Евросоюза оказалось, по существу, парализованным.

Саркози поставил задачу разработать в максимально сжатые сроки проект «упрощённого» договора, ограниченного реформой институтов ЕС, и обеспечить его ратификацию парламентами стран-участниц. Первые шаги на этом пути были сделаны уже в ходе саммита ЕС в Брюсселе в июле 2007 г. Благодаря совместным усилиям Саркози и канцлера ФРГ А. Меркель, осуществлявшей тогда председательские функции в Евросоюзе, текст «упрощённого» договора был согласован вопреки упорным возражениям Польши, требовавшей увеличить квоту её голосов в Совете ЕС. Среди важнейших перспективных задач, стоящих перед реформированным Евросоюзом в ходе французского председательства во второй половине 2008 г., Саркози назвал проведение общей политики в отношении иммиграции, защиты окружающей среды, энергетики, решительный прогресс в области общей внешней политики, безопасности и обороны.

Накануне открытия очередного саммита Россия – ЕС в Мафне (Португалия) 26 октября 2007 г. постоянный представитель России при Европейских сообществах В. Чижов отмечал: «Мы заинтересованы в стабильном и сильном Евросоюзе, способном в том числе проводить действительно согласованную, единодушную внешнюю политику, включая её российское направление. Вопреки периодически повторяющимся обвинениям России в попытках расколоть Евросоюз, «вбить клин» между её членами, манипулируя ради этого своими двусторонними отношениями с те-

ми или иными из них, на самом деле нам было бы проще разговаривать с ЕС, говорящим одним голосом».

Это относится не только к стремлению Франции вывести из тупика реформу институтов ЕС, но и к другим приоритетным направлениям будущей общей политики Евросоюза, намеченным Саркози. Россия ратифицировала Киотский протокол, который ограничивает выбросы в атмосферу газов, усиливающих парниковый эффект. С 1 июня 2007 г. вступили в силу соглашения России с ЕС об упрощении выдачи виз и реадмиссии. В Москве их рассматривают как первый этап на пути к установлению безвизового режима со странами Шенгенской зоны Евросоюза – цели, которая была поставлена В.В. Путиным в период переговоров по сложной проблеме свободного доступа граждан России в Калининград после вступления Литвы и Польши в ЕС. В речи перед студентами Технического университета в Москве Саркози недвусмысленно поддержал эту идею.

Сложнее обстоит дело с единой энергетической политикой. На Россию приходится 24% всего потребляемого ЕС природного газа и 44% его импорта. Хотя по нефти эти цифры вдвое меньше, важность российских углеводородов для энергоснабжения стран ЕС очевидна. После конфликтов «Газпрома» со странами, через которые проходит транзит российских углеводородов в Европу, Украиной и Белоруссией, со стороны ЕС зазвучали обвинения России в использовании газа и нефти как инструмента политического давления. В связи с этим лидеры ведущих государств Евросоюза требуют диверсифицировать источники поставок энергетического сырья и пути их транспортировки из Каспийского региона через Турцию в обход России.

С данной проблемой тесно переплетается и вопрос об организации рынка углеводородов. Евросоюз настаивает на максимально открытом доступе западных компаний к российским природным ресурсам при отделении добычи от доставки и сбыта во имя свободы конкуренции на едином европейском рынке. Со своей стороны Россия держит курс на постепенное подтягивание цен для государств-транзитёров, да и на своём внутреннем рынке, до общеевропейского уровня при усилении государственного контроля над собственными природными богатствами и инвестиция-

ми в инфраструктуру транспортировки и сбыта нефти и газа своим основным клиентам – странам ЕС, на которые приходится более половины всего российского внешнеторгового товарооборота.

Этот обычный конфликт интересов продавца с покупателями достаточно банален: один стремится максимизировать свои естественные конкурентные преимущества, другие – ослабить их. Речь идёт, следовательно, о столкновении не высоких принципов рыночного либерализма с государственным монополизмом, а прозаических материальных интересах сторон. Тенденция к пересмотру прежних, невыгодных для России соглашений о разделе продукции (СРП), навязанных ей в 1990-х гг. и дающих односторонние преимущества западным компаниям, к расширению позиций государств-производителей в добыче, транспортировке и сбыте нефти и газа давно приобрела глобальные масштабы.

До сих пор наиболее гибкий подход к данной проблематике проявляла Германия – ведущий потребитель российских углеводородов среди стран – участниц ЕС. Однако за последнее время в правящих кругах Берлина заметно усилилось влияние сил, выступающих за ограничение доступа российских инвестиций в ключевые отрасли экономики Евросоюза, особенно энергетику. В то же время во Франции, отличавшейся прежде весьма жёсткими подходами к этой проблематике, пробивает себе дорогу прагматичная тенденция, направленная на расширение обмена инвестициями ЕС – Россия на согласованных условиях, учитывающих законные интересы обеих сторон в сфере энергобезопасности. Во время рабочего визита в Москву 9-10 октября этого года президент Саркози высказался за расширение как французских капиталовложений в Россию (в том числе, например, приобретение миноритарного пакета акций «Газпрома»), так и российских во Франции. Речь идёт не только об энергетике, в том числе атомной, но и таких высокотехнологичных отраслях, как космос, авто- и авиастроение, транспорт, информатика. Хотя объём товарооборота Франции с Россией всё ещё уступает германскому в пять раз, он растёт в последнее время чрезвычайно высокими темпами – свыше 30% в год. Характерно, что французская «Тоталь» первой на Западе приобрела четверть акций смешанной российской компании по разработке крупнейшего в мире Штокмановского газоконден-

сатного месторождения.

Прагматизм французов в экономических вопросах легко объясним. Франция менее, чем её восточная соседка, зависит от импорта российских энергоносителей и потому меньше опасается их перебоев. 80% потребления электроэнергии Франции поступает от АЭС. Париж сохраняет прочные позиции в странах Африки – крупных производителях нефти и газа (Алжир, Ливия, Габон), многие из которых были некогда французскими владениями. Поэтому особой нервозности в связи с призраком зависимости от Москвы в Париже не ощущается.

Кроме того, французская бизнес-культура, издавна отмеченная этатистскими традициями, ближе к российской, нежели более либеральная англосаксонская или германская. Французская энергетика, как и экономика вообще, всё ещё отличается значительной ролью государственных или смешанных корпораций национального, а порой и международного масштаба, таких как «Газ де Франс», сливающейся ныне с мощной финансовой группой «Сюзэ», или «Электрисите де Франс», сравнимой с российскими естественными госмонополиями типа РАО «ЕЭС России». Та же картина наблюдается на транспорте, в связи, телекоммуникациях. В ответ на обвинения англичан в квазимонопольном поведении Парижа французский министр экономики прямо заявил, что для успешного ведения дел на равных с такими российскими гигантами, как «Газпром», европейцам нужны «национальные чемпионы» в виде мощных экономических полюсов.

По всем этим причинам обеспечение взаимной энергетической безопасности в рамках создания общеевропейской зоны свободного передвижения товаров, капиталов, услуг и людей смотрится из Москвы и Парижа под сравнительно близкими углами зрения. Как Франция, так и Россия исходят из того, что ЕС и РФ будут искать и уже ищут новых поставщиков и клиентов по всему глобализированному миру – в Африке, Азии, Латинской Америке. Однако замены друг другу нет и в обозримом будущем не ожидается ни у одного, ни у другой.

Смена руководства в Польше в результате последних парламентских выборов открывает возможности для начала разработки нового документа об отношениях Россия – ЕС вместо истека-

ющего 1 декабря 2007 г. Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве (СПС), который был блокирован Варшавой под искусственным предлогом препятствий экспорту мяса в Россию.

США и НАТО

Вторым по значению после Европы приоритетом внешней политики Франции Саркози провозгласил восстановление её доверительного партнёрства с США и НАТО. «Я принадлежу к тем, кто считает, что дружба между Соединёнными Штатами и Францией является сегодня столь же важной, сколь она была на протяжении двух последних столетий», – подчёркивал он.

Этот символ веры должен получить конкретное выражение в форсировании оборонного измерения Евросоюза, которое, по мнению президента, никак не должно противоречить обязательствам Франции в НАТО: «Нужно ли напоминать, что Атлантический союз является нашим – мы его основали и вносим сегодня в его деятельность один из самых значительных вкладов. Из 26 членов Евросоюза 21 являются участниками НАТО. Противопоставлять ЕС и НАТО не имеет никакого смысла, ибо мы нуждаемся в обоих». Новый министр обороны Морен дал понять, что не исключает возврата Франции в те или иные интегрированные структуры НАТО, из которых её вывел де Голль 40 лет назад.

Возможно, что одной из целей такого поворота является не только нормализация трансатлантического сотрудничества, но и преодоление раскола ЕС на «европеистов» и «атлантистов», «старую» Европу первоначальных членов ЕС и «новую» в лице недавно принятых 12 стран Центральной, Восточной и Южной Европы, главным вектором внешней политики которых является ставка на теснейшее сотрудничество с США и НАТО.

Ряд российских аналитиков сделали отсюда однозначный вывод о сужении основ традиционного российско-французского диалога о взаимодействии в сфере безопасности. Этим объясняют, в частности, ограниченные результаты обмена мнениями российской стороны с Саркози и Кушнером во время их рабочих визитов в Москву по наиболее конфликтным вопросам отношений Восток – Запад (статусу Косова, санкциям в отношении Ирана, развёртыванию элементов американской системы ПРО в Польше и Чехии,

перспективам ратификации Западом скорректированного Договора об ограничении вооружённых сил в Европе (ДОВСЕ), по которым французы придерживаются в целом заранее согласованных в НАТО позиций.

Такая гипотеза основана на правилах игры с нулевой суммой, свойственной временам холодной войны, согласно которой всё, что идёт на пользу Вашингтону, обязательно наносит ущерб Москве и наоборот. Между тем в глобализированном постбиполярном мире XXI в., где всё взаимосвязано, эта чёрно-белая логика больше не работает. Несмотря на заметное осложнение российско-американских отношений, обмен мнениями между США и Россией продолжается бесперебойно как на двустороннем уровне, так и в рамках Совета Россия – НАТО. Нет в Москве и аллергии к оборонной составляющей Евросоюза: уже состоялись первые встречи министра обороны и начальника Генерального штаба ВС России с Военным комитетом и Военным штабом ЕС.

Чрезмерным пессимистам стоило бы вспомнить, что на протяжении второй половины XX в. российско-французские отношения далеко не всегда были безоблачными. Генерал де Голль подчёркивал свою неукоснительную лояльность союзническим обязательствам США в самые драматические моменты берлинского, затем кубинского кризисов, Ф. Миттеран – в период развёртывания американских ракет средней дальности в Европе, Ж. Ширак – в связи с конфликтом вокруг Косова. Тот факт, что эти конфликты, в конечном счёте, улаживались, а привилегированное сотрудничество между Парижем и Москвой возобновлялось на новом, обычно более высоком уровне, говорит об объективном совпадении фундаментальных интересов обеих держав.

Нельзя забывать также, что более десяти лет назад Ж. Ширак также начал свой первый президентский мандат с попытки добиться от США признания европейской оборонной идентичности путём создания автономной цепочки военно-штабных и командных органов ЕС в обмен на сближение Франции с НАТО, но безуспешно ввиду решительной оппозиции Вашингтона. Вопрос о том, стал ли с тех пор американский подход к этой проблеме с учётом уроков 11 сентября 2001 г., войн в Ираке и Афганистане более гибким, остаётся открытым.

Поэтому Саркози сопровождает свои заверения США в дружеских чувствах традиционными оговорками насчёт того, что верный союзник – вовсе не обязательно покорный вассал, всегда равняющийся на сеньора. Он не раз подтверждал, в частности, неприемлемость для Франции американских планов превращения НАТО из региональной в глобальную систему безопасности, фактически подменяющую ООН. О том же свидетельствует его упорное сопротивление принятию в ЕС Турции, кандидатуру которой всячески лоббируют США. «Я чувствую себя совершенно свободным говорить о согласии или несогласии без угодничества или запретных тем именно потому, что я без комплексов подтверждаю положение Франции как друга и союзника Соединённых Штатов», – подчёркивает французский президент.

Ближний Восток, Средиземноморье, Африка

Хотя диалог Парижа с Вашингтоном никогда не был лишён шероховатостей, один из самых тяжёлых кризисов в них был, безусловно, связан с американским вторжением в Ирак. Франция прямо пригрозила тогда (при поддержке Германии, России и КНР) применить право вето в СБ ООН, вынудив американцев вместе с англичанами и другими участниками «коалиции добровольцев» использовать против Ирака вооружённую силу без санкции ООН и даже вне рамок НАТО. Это вызвало беспрецедентный взрыв антифранцузских настроений в общественном мнении США, находившемся тогда под влиянием патриотического угара после терактов 11 сентября 2001 г. «Простить Россию, игнорировать Германию, но наказать Францию!» – призывала тогда будущий госсекретарь Кондолиза Райс.

Жёсткая позиция Ширака по Ираку объяснялась не только и даже не столько столкновением интересов Франции и США в борьбе за ближневосточную нефть и рынки. Французы не забыли печальные уроки семилетней войны в Алжире против мусульманской страны, в которой сам Ширак как младший лейтенант запаса принимал личное участие. Убеждённый в неизбежности провала американской авантюры, Париж стремился всячески отмежеваться от неё в глазах арабского мира, в том числе многочисленной и беспокойной диаспоры североафриканских арабов-имми-

грантов в самой Франции. Главное же было в том, что односторонние действия США бросали вызов фундаментальной французской концепции многополярного мира, построенного на основе принципов международного права, – концепции, которую всегда разделяла Россия.

Хотя во время предвыборной поездки в США осенью 2006 г. Саркози подверг критике шираковскую позицию по Ираку, он осуждал её не столько по существу, сколько по форме – за излишнее «высокомерие». После избрания президентом он неоднократно повторял, что считает вторжение США в Ирак трагической ошибкой американцев. Пытаясь помочь им выбраться из тупика, куда они сами себя загнали, без катастрофической потери лица, Саркози выступает против немедленного вывода всех иностранных войск из Ирака, чреватого полномасштабной гражданской войной и распадом страны, но за назначение конечного срока такого вывода в надежде, что это способствовало бы принятию иракскими властями всей полноты ответственности за обеспечение безопасности и примирение враждующих сторон. Это вполне соответствует позиции России по Ираку, сформулированной В.В. Путиным в октябре этого года.

Москва и Париж занимают близкие или идентичные позиции и по ряду других «горячих точек» на Ближнем и Среднем Востоке, где французские инструкторы помогают формированию местных сил безопасности, их взаимодействию с международным контингентом НАТО. Россия же обеспечивает транзит через свою территорию материалов, используемых международными силами в борьбе против исламистских боевиков-талибов. В отношении арабо-израильского конфликта – главной болевой точки на Ближнем Востоке – Россия и Франция (через ЕС), наряду с США и ООН, являются участниками «квартета», работающего над превращением в жизнь «Дорожной карты», которая имеет целью обеспечить мирное сосуществование Израиля с будущим палестинским государством.

Амбициозный проект Саркози по созданию ассоциированного с ЕС Средиземноморского союза, продвижению которого были посвящены его визиты в страны Магриба – Ливию, Тунис, Алжир, Марокко, усилия французского президента по активизации

сотрудничества с государствами Тропической Африки южнее Сахары, в частности урегулированию там военных конфликтов (Нигер, Кот д'Ивуар и т.д.), не противоречат ни принципам внешней политики России, ни российским интересам в этом жизненно важном для Франции регионе.

Сложнее оказалось согласование французских и российских позиций в отношении двух других составляющих ближневосточной головоломки – Сирии и Ирана. С учётом того, что Ливан всегда был традиционным оплотом французского влияния в регионе, Франция вместе с США взяла курс на вытеснение сирийского присутствия из страны. Между тем Сирия остаётся близким партнёром России в арабском мире, с которым она тесно сотрудничает экономически, в том числе по линии закупки оборонительных видов оружия.

В отношении ядерной программы Ирана у Москвы и Парижа общая цель – обеспечить соблюдение Тегераном его обязательств по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) под контролем МАГАТЭ. Однако в выборе средств решения этой общей задачи они расходятся – Франция вслед за США настаивает на ужесточении санкций, видя в этом единственный шанс избежать катастрофического силового варианта, тогда как Россия и КНР твёрдо выступают за продолжение политического диалога с Ираном. Тем не менее, поиски сближения позиций продолжаются.

Глобальные вызовы

Поскольку объявленные новым руководством конкретные приоритеты Франции на международной арене не всегда подкрепляются собственными экономическими и военными возможностями страны, Саркози стремится вписать свою внешнеполитическую стратегию в более широкий контекст.

Вслед за своими предшественниками, начиная с де Голля, он, прежде всего, подчёркивает двоякое призвание Франции – ревнивую защиту своей национально-культурной идентичности и в то же время высокую миссию нести миру универсальные общечеловеческие ценности – демократию, солидарность, защиту прав человека.

Среди наиболее грозных вызовов XXI в. Саркози выделяет три

наиболее масштабных – угрозу цивилизационной конфронтации между Западом и исламским миром, необходимость гармонично вписать в новый мировой порядок «всплывающие» экономики гигантов бывшего «Третьего мира» (Китая, Индии, Бразилии), наконец, смертельные опасности для всех жителей нашей планеты, которыми чреваты последствия потепления климата, новых пандемий, нехватки энергоресурсов.

По всем этим глобальным проблемам позиции Франции и России достаточно близки. Постимперское прошлое обеих и наличие значительных мусульманских общин способствовали тому, что именно нашим двум государствам пришлось первыми – гораздо раньше других европейских государств и США – стать объектами террористических атак международных сетей исламистских фундаменталистов. Как Париж, так и Москва ответили на них, по существу, идентично – сочетанием решительного силового отпора экстремистам с развитием активного межконфессионального диалога с представителями умеренных мусульманских общин внутри своих стран и исламского мира за рубежом.

«Арабская политика» Франции, восходящая ещё к де Голлю и продолжаемая, вопреки опасениям ряда арабских стран, до сих пор, начатый ЕС по её инициативе «евро-арабский диалог» между двумя берегами Средиземноморья, с одной стороны, подключение России к деятельности Организации «Исламская конференция», контакты В.В. Путина на высшем уровне практически со всеми ведущими мусульманскими государствами – с другой, подтверждают это достаточно очевидно.

Входя в число ведущих государств мира по территории, населению и темпам экономического роста, наряду с Китаем, Индией и Бразилией, Россия разделяет их притязания на достойное место в новом мировом порядке, в том числе по ограничению негативных аспектов глобализации для развивающихся переходных экономик. Вместе с тем в Москве находит понимание и неоднократно высказанная Саркози мысль о том, что признание законных прав великих цивилизаций, включившихся в модернизационные процессы, на статус великих держав, неотделимо от принятия ими на себя соответствующей ответственности за решение мировых проблем. В эту установку вписывается предложение французско-

го президента о расширении числа постоянных членов СБ ООН и доведении нынешнего формата «восьмёрки» до 13 участников.

После ратификации Госдумой России был введён в действие Киотский протокол. В ответ ЕС признал Россию страной с рыночной экономикой, что облегчило длительные, трудные переговоры о вступлении России в ВТО. Успешное завершение этих переговоров, как и подписание нового соглашения о партнёрстве и сотрудничестве ЕС с Россией, создали бы благоприятные предпосылки для более активного российско-французского сотрудничества в решении глобальных экономических проблем.

Если перед поездками Кушнера и Саркози в Москву чрезмерной настороженностью грешили российские СМИ, то после их завершения пальма первенства скептицизма явно перешла к их французским собратьям по перу. Как оппозиционная левая пресса, так и близкая к правящим кругам правая – от «Либерасьон» до «Фигаро», включая центристскую «Монд» – соревновались в комментариях, выдержанных в самых мрачных тонах. На первый план выдвигались расхождения по Ирану, Косову, а главное – по демократии и правам человека в России, которые драматизировались до предела.

Между тем на деле диалог по всем этим действительно непростым проблемам проходил в корректной форме. Французские руководители не отошли от своих принципиальных позиций, но тщательно избегали заведомо контрпродуктивного в Москве менторского тона. Французский президент предпочёл лишь высказать своё убеждение в том, что избыток свободы критики, мишенью которой он служит сам, предпочтительнее, нежели её недостаток.

В целом можно считать, что первый этап российско-французской «притирки» позиций после смены руководства в Париже по двусторонним и более широким проблемам прошёл успешно. Его главный результат – констатация обеими сторонами незаменимости стратегического партнёрства двух крупнейших держав континентальной Европы в деле построения стабильного многополярного миропорядка.

ГЛАВА 5. ПАРИЖ И БЕРЛИН В ЧАС ИСТИНЫ*

Отношения между Францией и Германией, которые после Второй мировой войны прошли долгий путь от непримиримой конфронтации к привилегированному стратегическому партнёрству, сегодня вступают в новый этап, контуры которого ещё не определены. Ведущие державы континентальной Западной Европы и Европейский союз в целом, для которого они служат главным двигателем интеграционных процессов, сталкиваются с серьёзными вызовами как внешнего, так и внутреннего характера. Это требует от лидеров ЕС принятия трудных решений, издержки которых для каждого из партнёров далеко не всегда приемлемы в равной мере.

В международном плане эти вызовы связаны, прежде всего, с последствиями двух знаковых событий 2016 г. – победой на референдуме сторонников выхода Великобритании из ЕС и приходом к власти в США Д. Трампа. Трудные переговоры о Brexit, заявление Белого дома об «устарелости» НАТО, о пересмотре условий и цены американских гарантий безопасности европейским союзникам США по НАТО, в том числе «ядерного зонтика», и перераспределении между ними бремени военных расходов вызывают у европейцев немалую тревогу. Ситуация усугубляется провалом переговоров о ТТИП, угрозами введения протекционистских таможенных и прочих барьеров против конкуренции европейского, в частности германского, экспорта на рынках США. В результате под вопросом оказываются несущие опоры всего либерального миропорядка – системы экономических и военно-политических связей, которые сложились на берегах Атлантики и Ла-Манша в период холодной войны и после её окончания.

Ответом на эти вызовы стал призыв канцлера ФРГ А. Меркель к европейцам взять большую долю ответственности за защиту собственных интересов на себя, а не возлагать её, как прежде, только на других. В том же ключе выдержана и внешнеполитическая программа нового президента Франции Э. Макрона, который

---

* РСМД, 06 октября 2017 г.

предложил широкомасштабный план укрепления и модернизации Евросоюза с тем, чтобы превратить его в полноправного игрока, наряду с США, Китаем и Россией, на мировой арене. Очевидно, что судьба этой программы зависит от отношений между участниками франко-германского тандема, на которые, в свою очередь, влияет эволюция политических сил внутри каждой из стран.

За последнее десятилетие ЕС пережил серию острых кризисов, связанных с проблемами долгов, миграции, терроризма и т.д. Результатом этого стал подъём массовых национал-популистских движений, выступавших под флагом воинствующего евроскептицизма, апогеем которого стал Brexit. Эта тенденция не обошла стороной и партнёров по франко-германскому тандему. В первом туре президентских выборов 2017 г. во Франции кандидаты ультраправого «Национального фронта» М. Ле Пен и левацкой «Непокорённой Франции» Ж.-Л. Меланшон получили в сумме 40% поданных голосов, причём каждый из них отстал от лидера гонки Э. Макрона всего на 2-3 пункта. Характерно, что оба не только добивались выхода по образцу Великобритании из еврозоны и ЕС, но также резко критиковали германскую экономическую модель и гегемонию ФРГ в евростроительстве.

В Берлине за перипетиями французских предвыборных баталий следили с пристальным вниманием. Там не скрывали симпатии к кандидату от нового центристского движения «Вперёд, Республика!» Э. Макрону, программа которого была выдержана в либерал-глобалистской и европейской тональности, в ходе кампании будущий президент Франции с подчёркнутым гостеприимством был принят канцлером А. Меркель, как и её бывшим партнёром по «Большой коалиции» социал-демократом М. Шульцем.

Э. Макрон не остался в долгу. Одержав во втором туре уверенную победу над М. Ле Пен (66,1% против 33,9% голосов), новый президент поспешил назначить своим дипломатическим советником бывшего посла в Германии Ф. Этьена, который должен был занять пост посла в России. Демонстративным жестом Парижа в адрес соседа за Рейном стала идея проведения 20 января 2018 г. встречи Э. Макрона с А. Меркель по случаю 55-летней годовщины подписания генералом Ш. де Голлем и канцлером К. Аденауэром Елисейского договора – отправной точки становления

особых отношений между двумя странами и обновления его текста. Следует отметить, что бывший президент Ф. Олланд уже выдвигал в 2012 г. такую идею по случаю полувекового юбилея Елисейского договора. Однако она не была реализована из-за прохладной реакции А. Меркель, которая предпочла символическую встречу в Реймсе, собор которого пострадал от германской артиллерии во время Первой мировой войны.

Однако подобные протокольные мероприятия могут получить конкретное продолжение в той мере, в какой обе стороны будут готовы провести в жизнь амбициозную программу модернизации ЕС, выдвинутую Э. Макроном 7 сентября 2017 г. в Афинах и 26 сентября 2017 г. в Сорбонне. Она подразумевает в первую очередь институциональное укрепление ядра ЕС – еврозоны, а также увеличение общего бюджета, финансирование инвестиций в отрасли будущего, назначение общего министра финансов, выборы парламента и т.д. На данной основе предложено выровнять налоговую, социальную, кредитно-финансовую политику, активное сотрудничать в сфере безопасности – по вопросам миграционного законодательства, борьбы с международным терроризмом, укрепления военно-промышленного комплекса вплоть до создания единых сил быстрого реагирования как костяка связанной с НАТО, но автономной «европейской обороны». Эти далеко идущие предложения, по сути, реанимируют старые проекты «Европы разных скоростей», в которых экономическое превосходство стран Северной Европы, прежде всего Германии, уравновешивалось бы военно-политическим лидерством Франции, остающейся после Brexit единственным в ЕС постоянным членом СБ ООН и «ядерного клуба», активно участвующим в решении внеевропейских проблем (Средиземноморье, Африка, Ближний Восток).

Хотя А. Меркель похвалила «европейский энтузиазм» французского коллеги и отметила наличие «широкого консенсуса» по вопросу о реформах ЕС, её пресс-секретарь С. Зейберт отметил, что конкретные детали практического решения предложенной проблемы потребуют длительной проработки.

Такая осторожность легко объяснима. На выборах в бундестаг 24 сентября 2017 г. ХДС–ХСС сохранила первенство, и А. Меркель уже в четвёртый раз заняла пост канцлера. Однако её партия

потеряла более 2 млн избирателей, а поражение бывших партнёров А. Меркель – социал-демократов – заставило СДПГ уйти в оппозицию. Их должны заменить «Зелёные» и либералы (свободные демократы), взгляды которых на перспективы дальнейшего развития европейской интеграции существенно отличаются от французских. Главные возражения либералов сводятся к тому, что выравнивание налоговой и социальной систем ЕС чревато ущербом для конкурентных преимуществ Германии, как и других стран Северной Европы, которые не намерены компенсировать за свой счёт дефициты бюджета и торгового баланса партнёров. Несмотря на то что Э. Макрон демонстрирует твёрдую решимость покончить с этими проблемами во Франции путём коренного изменения прежней социально-экономической модели, германские либералы ждут убедительных результатов этой политики, прежде чем идти на реформирование еврозоны и ЕС в целом. Эту позицию разделяет и партнёр ХДС – баварский Христианско-социальный союз.

Хотя подобная дискуссия уже не новость, её катализатором стал успех на последних выборах ультраправой национал-популистской партии «Альтернатива для Германии», получившей почти 13% голосов. Её лозунги прямо перекликаются с европектицизмом французского «Национального фронта» – точно так же, как германской оппозиционной партии «Левые» с платформой «Непокорённой Франции». Э. Макрон, партия которого располагает прочным большинством в Национальном собрании, не сумел добиться большинства на выборах 24 сентября 2017 г. в Сенате, а рейтинг одобрения его деятельности первые четыре месяца пребывания у власти снизился на треть – с 62 до 42%.

Переход контрольного пакета акций крупнейшей машиностроительной компании Франции «Альстом» к группе «Сименс» (ФРГ) вызвал болезненную реакцию во французских деловых и политических кругах, в том числе со стороны А. Монтебура – предшественника Э. Макрона на посту министра экономики. Сложившаяся ситуация придала некоторую антигерманскую окраску волне массовых демонстраций профсоюзов, пенсионеров, водителей грузовиков и даже полицейских против инициированных президентом реформ Кодекса законов о труде и налоговой системы.

В таких условиях свобода действий как А. Меркель, так и Э. Макрона имеет определённые пределы. Тем не менее, они отнюдь не отменяют, а напротив, стимулируют стремление обоих лидеров сказать своё слово при решении важнейших мировых проблем, таких как изменение климата, миграционный кризис, борьба с терроризмом, региональные конфликты. Очевидно, что эта двойственная, противоречивая тенденция будет учитываться партнёрами Парижа и Берлина, в том числе и Россией, во всех форматах, в которых вместе или порознь участвуют обе ведущие континентальные державы Западной Европы.

ГЛАВА 6. ФРАНКО-GERMANСКИЙ ТАНДЕМ: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ*

Предстоящий выход Великобритании из ЕС и пересмотр президентом Д. Трампом прежних условий трансатлантического партнёрства США с их европейскими союзниками по НАТО существенно меняют прежние геополитические параметры Европейского союза. Его судьба решающим образом зависит теперь от внутренних факторов, прежде всего, дальнейшей эволюции отношений между двумя главными державами континентальной Западной Европы – Франции и Германии, которые стояли у истоков европейской интеграции и считают себя ныне гарантами её продолжения в будущем.

На протяжении многих столетий отношения этих двух стран колебались в самом широком диапазоне – от непримиримой вражды до привилегированного партнёрства, что во многом определялось различием исторических путей формирования их государственности. Франция сравнительно рано преодолела феодальную раздробленность, создав прочную централизованную монархию, тогда как её восточная соседка – Священная империя германской нации долго оставалась рыхлым конгломератом полунезависимых

---

* Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. Ч. 1. ДИЕ РАН № 340. ИЕ РАН, М., изд-во «Нестор-История», 2017. С. 65-75.

королевств, герцогств, епископств и вольных городов.

Эту ситуацию закрепили результаты Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) и Вестфальского мира, утвердившего принцип государственного суверенитета как основу международного права. В ту эпоху даже самые крупные германские государства – Австрия (ставшая при династии Габсбургов центром империи) и соперничавшая с ней Пруссия оставались не субъектами, а скорее объектами великодержавной политики Франции в Европе. Во время наполеоновских войн Бонапарт одним росчерком пера упразднил тысячелетнюю Священную империю, превратив большинство германских государств в своих вассалов.

Столетие спустя объединение Бисмарком Германии «железом и кровью» вокруг Пруссии, завершённое победой во франко-прусской войне (1870–1871 гг.), радикально изменило ситуацию в ущерб Франции. Учитывая неблагоприятные для страны соотношения демографического, экономического и военного потенциалов, Париж стал на путь поисков гарантий безопасности и подготовки реванша с помощью союзов с Россией (1891, 1935, 1944 гг.), Великобританией (1904, 1947 гг.), США (1949 г.), а также заморской экспансии, превратившей Францию во вторую, после британской, колониальную империю мира.

Однако ни Франция, ни Германия, столкнувшиеся с переменным успехом на полях сражений двух мировых войн, так и не смогли добиться решающего перевеса над соперницей. Результатом стал крутой поворот франко-германских отношений к сотрудничеству. Точкой отсчёта для него послужила речь французского министра иностранных дел Р. Шумана 9 мая 1950 г. с предложением объединить производство и сбыт угля и стали Франции и Германии. После провала германской аннексии Эльзас-Лотарингии и французских попыток отторгнуть Рейнскую область, Рур, Саар, этот план должен был подчинить основные для того времени компоненты индустриального ядра Европы наднациональным органам, делая новую войну за них «не только беспредметной, но и материально невозможной».

Создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), за которым последовало подписание 25 марта 1957 г. Римских договоров о Европейском экономическом сообществе (ЕЭС) и Евра-

то-ме, запустило процесс, служивший на протяжении полувека основными рамками франко-германских отношений.

Естественно, что каждая сторона стремилась извлечь из него, прежде всего, максимальные выгоды для себя: Франция видела в интеграционных структурах инструмент контроля над экономическим потенциалом ФРГ, тогда как для последней они служили залогом постепенного преодоления политического неравенства в правах, вытекавшего из последствий Второй мировой войны и раскола страны.

При этом решающим внешним фактором франко-германского сближения, безусловно, стала холодная война с СССР, в ходе которой обе стороны стали участниками Североатлантического союза под эгидой США, навязавших Парижу в 1955 г. перевооружение ФРГ в рамках НАТО. Немалую роль сыграл и распад колониальной системы, сосредоточившей после неудачных войн в Индокитае и Алжире основные геополитические интересы Франции в Европе.

С приходом в 1958 г. к власти во Франции генерала де Голля евроатлантические рамки франко-германских отношений дополнились механизмом двустороннего сотрудничества на основе Елисейского договора (1963 г.), который и положил начало «тандему».

Курс генерала на привилегированный диалог с канцлером ФРГ К. Аденауэром исходил из убеждения о том, что относительный паритет стратегических потенциалов США и СССР снижает надёжность американских гарантий безопасности союзникам по НАТО. В условиях ракетно-ядерного «равновесия страха» Европе грозит двоякая опасность – оказаться полем боя между двумя сверхдержавами или объектом сделки за её счёт («супер-Ялта»). К тому же, механизм интегрированных блоков способен втянуть Европу, освободившуюся от бремени колониальных забот, в далёкие от её интересов заморские авантюры, чреватые региональными и даже глобальными кризисами (Вьетнам, Куба, Ближний Восток).

В таких условиях оптимальной стратегией для европейских держав было, по мнению де Голля, создание, наряду с Североатлантическим союзом, автономной политической и военной структуры, где лидерство естественно принадлежало бы Франции как единственному постоянному члену СБ ООН, располагающему не-

зависимой ядерной ударной силой сдерживания.

Вполне логично, что одновременно с подписанием Елисейского договора с ФРГ Ш. де Голль наложил вето на вступление в ЕЭС Великобритании, в которой видел «троянского коня» США и конкурента в Европе с аналогичными французским козырями¹³.

Хотя канцлер К. Аденауэр далеко не разделял грандиозные планы Ш. де Голля, он с готовностью пошёл на подписание Елисейского договора по собственным соображениям. Если прежде Франция была самым трудным из западных партнёров ФРГ, то с созданием тандема она могла бы оказывать немцам определённое содействие в торге с остальными державами – победительницами во Второй мировой войне (СССР, США, Великобританией). Этот расчёт оправдался, например, в ходе кризиса вокруг Западного Берлина (1958–1961 гг.), где Ш. де Голль поддерживал ФРГ более твёрдо, чем англичане.

Тем не менее, эффективность франко-германского тандема содержала определённые ограничители. Главным из них всегда оставалась значительная асимметрия отношений каждого из партнёров с США и НАТО. Для правящих кругов ФРГ американские гарантии в рамках альянса («атомный зонтик») всегда были и остаются определяющим элементом системы безопасности перед лицом СССР, а затем и постсоветской России: их могли дополнять, но никоим образом не заменять европейскими.

Поэтому уже при ратификации Елисейского договора бундестаг ФРГ добавил преамбулу о важности роли НАТО, вызвавшую разочарование в Париже. Выход Франции в 1967 г. по инициативе Ш. де Голля из интегрированных командно-штабных структур альянса и ликвидация его инфраструктур на территории страны закрепили эту асимметрию на 40 лет вперёд – вплоть до решения президента Н. Саркози в 2008 г. о полноценном возврате в НАТО.

Следует отметить, что ещё до этого взаимодействие Франции с политическими или техническими органами альянса сохранялось и постепенно расширялось. Многочисленные двусторонние и многосторонние военные структуры, создававшиеся в 1980–

---

¹³ Рубинский Ю. Розы и тернии франко-германского тандема. Россия в глобальной политике». 2013, том II, специальный выпуск «Россия – Франция». С. 123.

1990-х гг. в Западной Европе – франко-германская бригада, Еврокорпус, Еврофор и т.д., функционировали в тесном взаимодействии с НАТО, избегая дублирования с альянсом.

Другой аспект франко-германского тандема в его первоначальном деголлевском варианте – дистанцирование по мере углубления интеграции от Великобритании – оказался ещё менее долговечным. Для ФРГ торговые и финансовые связи с «коварным Альбионом» всегда имели более важное значение, чем для Франции. С учётом этого преемник де Голля Ж. Помпиду вскоре после своего избрания президентом снял вето генерала на вступление Великобритании в ЕЭС. Поворот диктовался опасениями Парижа, что баланс экономических сил внутри тандема может быть подорван в ущерб Франции, и ФРГ выйдет из-под контроля (в частности, в связи с «новой восточной политикой» канцлера В. Брандта, начавшего диалог с СССР).

Спустя три десятилетия в 1988 г. тот же курс продолжил президент Ж. Ширак, открывший саммитом в Сен-Мало (1988 г.) практику двустороннего оборонного сотрудничества с Лондоном, результатом которого при президенте Н. Саркози стало подписание Ланкастерских соглашений, касавшихся, в том числе, и ядерной сферы.

Однако нюансы в отношениях с англосаксонскими державами отнюдь не отменяли привилегированного характера взаимодействия между партнёрами по франко-германскому тандему. Сложившийся при де Голле и Аденауэре климат личного доверия и взаимопонимания в большей или меньшей мере сохранялся при В. Жискаре и Г. Шмидте, Ф. Миттеране и Г. Коле, Ж. Шираке и Г. Шрёдере, Н. Саркози и А. Меркель, той же А. Меркель и Ф. Олланде. Причём принадлежность партнёров в своих странах к разным политическим силам – христианским демократам, голлистам, либералам, социал-демократам, практически не отражалась на их взаимодействии.

Самую серьёзную проверку на прочность франко-германский тандем прошёл в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с радикальным изменением геополитической ситуации в Европе и в мире – окончанием холодной войны, крушением Ялтинско-Потсдамской системы, распадом СССР и воссоединением Германии.

Эти события не только усугубили дисбаланс между демографическим и экономическим потенциалами партнёров в ущерб Франции, но и лишили её важнейшего политического козыря – статуса одной из четырёх держав-победительниц во Второй мировой войне, ответственных за решение германской проблемы. Потерпев неудачу с планом создания «европейской конфедерации» в качестве гаранта контроля над ФРГ, президент Ф. Миттеран взял курс на дальнейшее углубление европейской интеграции – переход от Общего рынка к экономическому и валютному союзу.

Этот же курс так или иначе продолжали все преемники Ф. Миттерана – Ж. Ширак, Н. Саркози, Ф. Олланд. После провала на референдумах во Франции и Нидерландах проекта Европейской конституции (2005 г.) Н. Саркози в сжатые сроки успешно добился замены его Лиссабонским договором. По мере расширения Евросоюза до 28 членов в его органах – Совете, Комиссии, Европарламенте, франко-германский тандем не только сохранял, но порой даже усиливал свою роль в процессе принятия решений на основе негласного распределения ролей. ФРГ оказывала решающее влияние на экономическую сторону деятельности брюссельской бюрократии, тогда как Франция претендовала на лидерство в политических вопросах и защиту интересов ЕС вовне перед лицом ведущих центров силы глобального масштаба – США, КНР, РФ.

В 2013 г. канцлер А. Меркель и президент Ф. Олланд с большой помпой отметили в Реймсе 50-летие Елисейского договора, приняв программу дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества в рамках ЕС и за его пределами. Однако эта амбициозная программа осталась во многом на полпути, в чём важную роль сыграла «Великая рецессия» – мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. От него пострадали обе стороны, но Франция оказалась значительно более уязвимой к его последствиям, нежели Германия.

Германская модель социальной рыночной экономики не только успешно справилась с высокими издержками воссоединения с ГДР, но и успела своевременно провести её радикальную структурную перестройку ещё до кризиса. В то же время Франция сохранила многие черты устаревшей модели первых послевоенных

десятилетий с высоким удельным весом госсектора, административно-бюрократическим регулированием деловой активности и трудовых отношений (47% её ВВП перераспределяется через бюджетные каналы).

Результатом стали низкие темпы экономического роста, хронические дефициты бюджета и торгового баланса, разбухание государственного долга (97,5% ВВП), вышедших далеко за пределы лимитов навязанного Германией Пакта стабильности и роста ЕС, а также утечка капиталов и целых отраслей промышленности за рубеж. По объёму ВВП Франция остаётся шестой экономикой мира, хотя её конкурентоспособность заметно уступает уровню североевропейских государств (ФРГ, Нидерланды, Скандинавские страны), сближаясь с уровнем средиземноморской Южной Европы – Италии, Испании, Португалии, Греции, наиболее тяжело пострадавших от долгового кризиса еврозоны.

Неудивительно, что при решении проблем их долгов (прежде всего греческого), президент Ф. Олланд пытался выступать в роли защитника интересов должников, расширив в ряде случаев формат тандема до «квартета» с Италией и Испанией. Однако результативность такого расширения остаётся весьма ограниченной, поскольку политику институтов ЕС, в том числе Евробанка, диктует, прежде всего, главный кредитор – Германия.

Серьёзным испытанием для тандема оказалась и мощная волна беженцев из охваченных войнами стран Ближнего Востока – Сирии, Ирака, Афганистана, Йемена и Африки, перед лицом которой Франция заняла при обсуждении иммиграционной политики ЕС более жёсткую позицию, чем Германия, стремясь выступать посредницей между Берлином и решительно враждебными иммиграции странами Восточной Европы (Польша, Венгрия).

Партнёры по тандему разошлись и в поисках общих подходов к угрозам безопасности ЕС с юга и востока: если Франция активно вмешивалась, в том числе военным путём, в кризисы, связанные с последствиями «арабской весны» (Ливия, Сирия) и в Африке (Мали, ЦАР), то Германия стремилась держаться от них по возможности в стороне.

Несколько успешнее оказалось согласование их позиций в отношении России, хотя и здесь порой дают о себе знать объектив-

ные различия геополитических векторов партнёров – приоритетом Германии всегда был Восток, а для Франции Юг. Н. Саркози в качестве председателя ЕС сыграл активную роль в поисках компромиссного выхода из российско-грузинского конфликта (2008 г.), а Ф. Олланд стал инициатором «нормандского формата» в ходе украинского кризиса и принял вместе с А. Меркель участие в выработке Минских соглашений.

Таким образом, франко-германский тандем, ставший на протяжении более полувека постоянным элементом системы международных отношений в Европе, в целом выдержал проверку временем. Тем не менее, его судьба во многом зависит от последствий президентских (23 апреля – 7 мая 2017 г.) и парламентских (11-18 июня 2017 г.) выборов во Франции, а также парламентских выборов в ФРГ (сентябрь 2017 г.).

Основные политические силы Германии – ХДС/ХСС и СДПЕ во главе с их лидерами – канцлером А. Меркель и бывшим председателем Европарламента М. Шульцем едины в вопросе о необходимости продолжить привилегированное сотрудничество с Францией в рамках ЕС и НАТО.

По другую сторону Рейна ситуация гораздо менее однозначна – лидер ультраправого Национального фронта М. Ле Пен, как и крайне левого движения «Непокорённая Франция» Ж.-Л. Меланшон не только резко критиковали неравноправные, по их мнению, отношения с Германией, но и призывали к выходу из еврозоны, Шенгенского пространства, военной организации НАТО.

Напротив, кандидат центристского движения «В путь!», бывший министр экономики Э. Макрон объявил своим главным внешнеполитическим приоритетом в случае избрания консолидацию Евросоюза вокруг франко-германского партнёрства. Нынешний дисбаланс сил и интересов между партнёрами он намерен преодолеть путём жёсткой неолиберальной модернизации французской экономики и активизации политики обороны и безопасности ЕС под лидерством Парижа.

Убедительную победу Э. Макрона, получившего во втором туре президентских выборов 66,01% поданных голосов (20,7 млн), в Германии встретили с большим удовлетворением. Тем более что первой поездкой избранного главы государства за рубеж сразу

же после инаугурации – 15 мая 2017 г. стал традиционный визит в Берлин, где его принимали на высшем уровне уже в ходе предвыборной кампании. Дипсоветником Макрона был назначен Ф. Этьенн, ранее занимавший пост посла Франции в ФРГ.

Результаты выборов в Национальное собрание 11 и 18 июня 2017 г. подтвердили радикальный сдвиг в расстановке сил и самой структуре партийно-политической системы Пятой республики, сложившейся в стране с 1958 г. Бывшие системообразующие партии – «Республиканцы» и «Социалисты», потерпели сокрушительное поражение, которое (особенно для последних) может поставить под вопрос само их существование. Прежняя биполярность на какое-то время уступает место доминированию президентской партии «Вперёд, республика!», созданной всего год назад и получившей абсолютное большинство в нижней палате парламента – 308 депутатских мест из 577. С примкнувшей к ней центристской партией «МОДЕМ», имеющей ещё 42 депутатских мандата, она обеспечивает поддержку главе государства и назначенному им правительству Э. Ришара при проведении в жизнь анонсированной программы реформ.

Тем не менее, прочность и долговечность этой новой властной парадигмы вызывают определённые вопросы. Активность избирателей на парламентских выборах оказалась самой низкой за всю историю Пятой республики – во втором туре воздержались или опустили недействительные бюллетени 56%. С учётом крайне ограниченного представительства оппозиционных партий в парламенте протестные настроения, неизбежные при проведении глубоких реформ, способны переместиться в ряды нового большинства или на улицу. Между тем, обещанные Э. Макроном жёсткие меры экономии и пересмотра трудового законодательства чреватые социальными издержками, о чём предупреждают многие профсоюзы.

Наконец, на крайних флангах политического спектра, из которого по существу уходят прежние системообразующие партии – социалисты и республиканцы, сохраняются массовые движения националистического и социал-популистского толка, враждебные всей внутренней и внешней политике существующего режима. На президентских выборах они потерпели неудачи – в первом туре

Меланшон пришёл лишь четвёртым из 11 кандидатов (19,5%), во втором Ле Пен получила вдвое меньше голосов, чем Макрон (33,9%), что вызвало внутренние конфликты в крайних партиях, отразившись на авторитете их лидеров. Тем не менее, показателен тот факт, что в первом туре за обе вместе взятые кандидатуры отдали голоса свыше 40% избирателей (14,7 млн), во втором за Ле Пен свыше трети (10,6 млн), 25,3% (12 млн) избирателей воздержались, а 11,5% (4 млн) опустили недействительные бюллетени или проголосовали «против всех».

Исходя из данного обстоятельства, новый президент предлагает германским партнёрам по тандему такую программу сотрудничества, в которой издержки для каждой из сторон выглядели бы более сбалансированными, чем при его предшественнике. Речь идёт о согласовании в рамках еврозоны бюджетной, налоговой политики, порядке погашения долгов, финансировании инвестиций в информатику, инфраструктуру, образование для ускорения темпов экономического роста. Со своей стороны Макрон обещает принять меры по сближению французской экономической модели с германской (сокращение государственных расходов, внешнего долга, снижение дефицита бюджета и торгового баланса и т.д.).

С тем, чтобы смягчить экономический дисбаланс между партнёрами по тандему за счёт военно-политических факторов, Париж, как и прежде, пытается реанимировать проекты создания автономной европейской опоры НАТО. На фоне выхода Великобритании из ЕС и эволюции трансатлантической политики США эти старые, но до сих пор безрезультатные проекты получают очередной импульс.

«Ортодоксальные экономические лидеры Германии воспримут, скорее всего, без энтузиазма предложения Макрона, поскольку они бросают вызов их глубоко укоренившимся представлениям о правильном пути к стабильности и росту. Однако им следует дважды подумать, прежде чем отвергнуть их. Для того чтобы привлечь избирателей, которые настроены в основном скептически в отношении Германии и ЕС, Макрону необходимо показать, что он может добиться уступок от Берлина. Если его реформы в глазах общественного мнения провалятся, то крайне левые

или крайне правые партии захватят президентский пост в 2022 г. и будут проводить националистическую политику, равносильную краху европейского проекта. Поэтому у Берлина есть основания инвестировать в успех Макрона, встретив его на полпути», – отмечают директора германского Института публичной глобальной политики Т. Бреннер и Французского института международных отношений (ИФРИ) Т. Гомар¹⁴.

В какой степени эти советы примет во внимание Берлин покажет время. Очевидно, однако, что до выборов в бундестаг, а вероятно, и после них партнёры по тандему будут по возможности согласовывать свои подходы к ведущим внешним игрокам, прежде всего США и России, в связи с чем преемственность их прежнего курса имеет шансы преобладать над переменами.

Такая перспектива объективно ограничивает свободу действий Э. Макрона при достижении его главных стратегических целей, тесно связанных между собой – модернизации французской экономики и перестройки ЕС, прежде всего еврозоны (увеличение бюджета, сближение налоговых систем, назначение общего министра финансов и т.д.). Однако это решающим образом зависит от позиций Германии, основного партнёра Парижа, которые определяются после выборов в бундестаг в сентябре 2017 г.

ГЛАВА 7. СТРАТЕГИЯ ФРАНЦИИ В АРКТИКЕ*

Глобальное потепление климата, вызвавшее неуклонное сокращение площади ледяного покрова Арктики, влечёт за собой далеко идущие последствия. Непосредственной перспективой становится значительно более широкое использование природных богатств на шельфе морей Северного Ледовитого океана, где сосредоточена, по оценкам экспертов, четверть энергоресурсов планеты. Вполне естественно, что в России, крупнейшей арктической державе, активное использование её геополитических пре-

---

¹⁴ Brenner T. Gomart T. Meeting Macron in the Middle. Foreign Affairs. May 8, 2017.

* Современная Европа, № 3, июль-сентябрь 2012 г. С. 19-28.

имущества и законных прав в регионе становится важнейшей национальной задачей.

Между тем Арктика превращается в центр острой конкуренции, где позиции держав – как региональных, так и глобальных – предоставляют для РФ значительный интерес. Среди этих держав фигурирует и Франция.

По Парижскому мирному договору 1763 г., завершившему Семилетнюю войну (1756–1763 гг.), Франция была вынуждена уступить Англии почти все свои владения в Северной Америке с выходом на Арктику – Канаду, Новую Шотландию, острова залива Святого Лаврентия, сохранив там лишь права на рыболовство у Ньюфаундленда. С тех пор на протяжении двух с половиной столетий проблемы статуса Арктики не фигурировали в числе приоритетов французской внешней политики.

Единственной территорией в северной части Атлантического океана, над которой Франция сохранила суверенитет, остаётся небольшой (242 км²) архипелаг из семи островков, главными из которых являются Сен-Пьер и Микелон. 19 июля 1975 г. ему был присвоен статус заморского департамента, а 28 марта 2003 г. – территориального коллектива, имеющего выборные органы самоуправления. Постоянное население его не превышает 4 тыс. человек, главным образом рыбаков. После ряда конфликтов с Канадой, расположенной в 25 км от архипелага, из-за разграничения зон рыболовства решение международного суда в Нью-Йорке признало за Францией 200-мильную исключительную экономическую зону вокруг архипелага. Поскольку он находится на 25-й параллели северной широты, то не считается частью полярного региона, а Франция не имеет статуса приарктического государства.

В начале XXI в. ситуация начала меняться. «Потепление климата привело к определённой эрозии границ, образованных линией ледяного покрова Арктики. Образовавшийся вакуум открывает новые перспективы, как экономические, так и стратегические, не только перед прибрежными государствами (Канадой, США, Россией, Норвегией, Данией), но также для Франции, которая стремится стать реальным актором в геополитическом пространстве Большого Севера», – отмечает французский эксперт Ж.-М. Колен.

Активизация Парижа на арктическом направлении подкрепля-

ется наличием у него солидных экономических, политических и правовых позиций в районе противоположного – Южного полюса Земли. Накопленный французами опыт по части международного регулирования статуса Антарктики используется ныне, несмотря на существенное различие природных характеристик двух полярных регионов, для подключения к кругу арктических государств.

Правовой статус Антарктики определён Договором от 4 октября 1959 г. и рядом других международных документов, составляющих систему Договора об Антарктике (CDA) – Конвенциями о сохранении тюленей Антарктики 1972 г., сбережении её биологических ресурсов и т.д., но особенно Мадридским протоколом 1991 г. об охране окружающей среды Антарктики, являющимся неотъемлемой частью Договора.

В ходе подготовки Мадридского протокола активную роль сыграл тогдашний премьер-министр Франции Мишель Рокар, наладивший контакт со своим австралийским коллегой Хоуком. С учётом этого президент Никола Саркози назначил в марте 2009 г. Рокара своим постоянным представителем в ранге посла в международных переговорах по вопросам Арктики и Антарктики. В МИД Франции секретариат Рокара возглавил специалист по полярной проблематике Лоран Мае.

Хотя назначение социалиста Рокара было отчасти связано с внутривнутриполитическими соображениями – попытками Саркози продемонстрировать «открытие» его правоцентристского большинства в сторону левой оппозиции (тогда же министром иностранных дел вплоть до 2010 г. стал бывший социалист Б. Кушнер), оно бесспорно учитывало опыт экс-премьера и его интерес к проблематике Антарктики и Арктики.

Объединение проблем обоих полярных регионов не было случайным. Козырем Франции в международных переговорах по Антарктике всегда был суверенитет над рядом антарктических территорий, связанных понятием «Французские южные и антарктические земли» (ТAAF). Хотя последние почти безлюдны (число постоянных жителей – французов составляет всего 129 человек), площадь ТAAF достигает 7820 км². В них входят о-ва Кергелен, Сен-Поль, Крозе, Новый Амстердам, а также полуостров Земля

Адели на материке Антарктиды. Общая площадь экономической зоны ТААФ достигает 1750 тыс. км², что потенциально представляет значительный экономический интерес (пределы этой зоны установлены Францией в 1978 г.).

По французскому национальному законодательству статус ТААФ установлен законами от 6 августа 1955 г. и 14 марта 1996 г., согласно которым управление ими осуществляется администратором и консультативным советом, находящимися в г. Сен-Поль на о-ве Реюнион в Индийском океане, имеющим статус заморского департамента Франции.

Правовой режим Антарктики, установленный Договором 1959 г., определил систему международного управления как континентом Антарктида, так и прилегающими к нему островами, прибрежным шельфом и морскими пространствами, расположенными южнее 60-й параллели. Провозгласив Антарктику регионом, свободным от ядерного и других видов оружия, запретив там любые виды военной деятельности, он приостановил территориальные претензии в Антарктике, которые выдвигал ранее ряд государств, включая Францию (Австралия, Аргентина, Великобритания, Новая Зеландия, Норвегия, Чили), и заморозил их на всё время его действия.

Общее число государств-участников системы договоров об Антарктике достигает 45, в том числе 27 из них считаются консультативными сторонами, проводящими активную деятельность в регионе и имеющими право принимать решения на консультативных совещаниях стран – членов договора (КСДА). Первоначально ими были лишь 12 стран, к которым присоединились впоследствии Бразилия, Болгария, КНР, Эквадор, Финляндия, ФРГ, Индия, Италия, Нидерланды, Польша, Южная Корея, Перу, Швеция, Испания и Уругвай. Действие Договора об Антарктике продлено в 1991 г. ещё на 50 лет.

На XXIV сессии КСДА в Санкт-Петербурге (2001 г.) было принято решение о создании постоянного секретариата Договора об Антарктике со штаб-квартирой в Буэнос-Айресе, а на XXVI сессии в Мадриде (2002 г.) одобрен пакет документов об условиях функционирования данного института.

Мадридский протокол к Договору от 1991 г. объявил Антарк-

тику природным заповедником, призванным сохранить уникальную природную среду региона для мира и науки. С этой целью в нём запрещена любая деятельность, связанная с минеральными ресурсами, за исключением научных исследований.

Очевидно, что интересам Франции отвечало бы перенесение ряда элементов международно-правового статуса Антарктики на Арктику. Однако такая перспектива не просматривается. Напротив, налицо явные признаки эрозии Договора об Антарктиде и особенно Мадридского протокола. В июне 2011 г. российская делегация на очередной консультативной сессии их участников в Буэнос-Айресе распространила документ, в котором выражалось намерение РФ, которая давно ведёт научную деятельность в регионе, приступить к комплексным исследованиям природных ресурсов Антарктиды, включая бурение на континенте и прибрежном шельфе для выявления запасов нефти и газа. Этот документ был воспринят во Франции с явным беспокойством – в нём усмотрели исходный рубеж борьбы национальных государств не только за Арктику, но и за Антарктику.

Основной минус статуса арктического региона для французов по сравнению с антарктическим связан с тем, что Франция не присутствует в нём территориально и не входит поэтому в число приполярных государств, что негативно отражается на её положении в структуре региональных международных организаций.

Вплоть до 1996 г. это не было особенно ощутимо, ибо единственной институциональной структурой в Арктике служил сугубо консультативный постоянный комитет парламентариев, в котором Франция присутствовала через представительство Европарламента ЕС. Деятельность этого комитета ограничивалась проведением конференций по вопросам арктического сотрудничества без принятия обязывающих документов.

Рост интереса к ресурсам Арктики на фоне глобального потепления климата привёл к созданию 19 сентября 1996 г. по инициативе Финляндии более эффективной структуры – Арктического совета (АС) уже на межправительственной основе. В него вошли на правах «постоянных участников» восемь приарктических государств – США, Канада, Россия, Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия и Исландия. Сессии АС на уровне министров обсуждают

заметно более широкий круг проблем и принимают консенсусом юридически обязывающие решения. В 2004–2006 гг. председателем АС была Россия, которую сменили поочередно Норвегия, Дания, Швеция.

Приарктические государства, имеющие выход на побережье Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему морей, взаимодействуют и в ещё более узком формате. Например, в мае 2008 г. США, Канада, Россия, Норвегия и Дания провели по инициативе датского министра иностранных дел Пер Стиг Моллера конференцию в Гренландии на уровне членов правительств, одобрив декларацию о решимости принять все необходимые меры, соответствующие международному праву и национальному законодательству по защите окружающей среды региона.

Франция, не вошедшая в число постоянных участников, получила вначале лишь статус наблюдателя, наряду с Великобританией, Германией, Испанией, Нидерландами и Польшей. Временно – до решения очередной сессии Совмина АС – его получили также Италия, КНР и Республика Корея.

Аналогичный статус был предоставлен и ряду международных организаций, как региональных (Северный совет, Северный форум), так и глобальных (Программа ООН по окружающей среде, Программа развития ООН, Международный комитет Красного Креста, Всемирный комитет по охране природы). В их число вошёл и межпарламентский Постоянный комитет, где Франция присутствует через общее представительство Европарламента. Из неправительственных организаций в работе АС участвуют как наблюдатели Арктическая программа Всемирного фонда дикой природы, в которую входят французские экологи, и Всемирная ассоциация пастухов северного оленя.

Французская дипломатия взяла курс на выравнивание статуса наблюдателей и постоянных членов, расширение их состава, а в конечном счёте, на интернационализацию правового режима Арктики в рамках ЕС, НАТО и ООН.

Первым успешным шагом к достижению этих целей стало повышение статуса Франции в АС от «наблюдателя» к «ассоциированному члену». Это дало французским представителям возможность принимать участие в заседаниях шести рабочих групп АС,

в частности, по предотвращению и преодолению чрезвычайных ситуаций. В качестве наблюдателя она присутствует также в неправительственном Евроатлантическом совете Баренцова моря, созданном ещё в 1993 г. для содействия охране окружающей среды.

Данная тактика строится на тезисе, согласно которому Арктика, играющая огромную роль в климатических процессах планетарного масштаба, особенно экологических, должна рассматриваться как достояние не только приарктических государств, но и всего человечества.

Именно этот тезис был положен в основу французской позиции на международной конференции в Монако 9-10 ноября 2008 г., проведённой в рамках председательства Франции в Евросоюзе. В 2009 г. он был закреплён законом о защите окружающей среды, принятым парламентом Франции после конференции общественных организаций страны в министерстве по делам экологии на ул. Гренель в Париже («Гренель окружающей среды»), Ст. 2 закона подчёркивает: «Регион Арктики играет центральную роль в глобальном экологическом равновесии планеты, ввиду чего Франция поддерживает создание международной научной лаборатории в Арктике. Кроме того, в рамках соответствующих международных организаций она выступает с инициативой или поддержкой в целях защиты окружающей среды принятия международных правил пользователями Северного Ледовитого океана, что становится возможным благодаря его растущей доступности».

Двумя годами ранее в верхней палате французского парламента – Сенате – была создана специальная группа по изучению проблем Арктики, Антарктики и Антарктических территорий Франции под председательством Кристиана Куэта. 14 марта 2007 г. глава сенатского отдела по определению научно-технических приоритетов (OPRECST) Кристиан Годен представил объёмистый доклад о деятельности Французского полярного института (UPEV) под руководством Поля-Эмиля Виктора. На его основе создана научная обсерватория, призванная активизировать участие Франции в изучении международным научным сообществом проблем Арктики и Антарктики.

Заслушав 14 мая 2009 г. доклад Валерии Пекрес, в то время министра по делам науки и высшей школы, на коллоквиуме по

итогам французского участия в IV Международном полярном годе, сенаторы одобрили законодательные тексты, в силу которых Франция будет добиваться принятия международной регламентации по развитию деятельности человека в Арктике с учётом таяния полярных льдов.

Первым конкретным проектом стало создание Французским полярным институтом постоянной научно-исследовательской базы имени Жана Корбея на норвежском архипелаге Свальбард за Полярным кругом. Российско-французское взаимодействие в сфере арктической экологии регулируется Соглашением о сотрудничестве в области охраны окружающей среды от 15 февраля 1996 г., затрагивающим и Арктику.

Наряду с защитой окружающей среды в Арктике – ограничением выбросов в атмосферу парниковых газов, загрязнения морских и океанских вод нефтепродуктами, регулированием промысла морской фауны (квоты на вылов рыбы, запрет охоты на исчезающих морских животных – тюленей, моржей, белых медведей и т.д.), Франция проявляет интерес к изучению этнографии малых народов Крайнего Севера. Речь идёт о программах мер по сохранению их традиционного образа жизни и культурного наследия по линии ЮНЕСКО, где участвуют известные парижские этнографические музеи человека, первичных искусств и т.д.

Научно-исследовательская и природоохранная деятельность в Арктике не является для Франции самоцелью. По мере того как глобальное потепление климата расширяет перспективы освоения ресурсов региона и активизации его транспортных путей, на первый план выступают экономические факторы. По этим проблемам международное сообщество разделилось на два лагеря.

Государства, имеющие выход на побережье Северного Ледовитого океана и примыкающих к нему морей, выступают, как правило, за раздел приполярной зоны на национальные сектора, включающие участки шельфа и его естественное продолжение, претендуя также на контроль над морскими путями между Атлантикой и Тихим океаном. Наиболее последовательно такую позицию отстаивает Канада, с которой по ряду вопросов сближаются Скандинавские государства и Россия.

В то же время большинство остальных государств – участни-

ков Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. во главе с США выступает за свободный доступ к ресурсам Арктики за пределами 200-мильной исключительной и экономической зоны, рассматривая арктические транспортные пути как открытое море.

Поскольку Франция не принадлежит к числу арктических стран, её интересы тяготеют ко второму лагерю. Тем не менее, Париж стремится избегать прямых конфликтов с арктическими государствами с тем, чтобы иметь возможность выступать от имени всего мирового сообщества в роли арбитра между двумя лагерьми. Отсюда присущая французской дипломатии склонность к международной регламентации правил и норм поведения государств в рамках международных организаций. В приложении к Арктике речь идёт об использовании прецедента регулирования правового режима Антарктики, в разработке которого французы принимали весьма активное участие.

В то же время они трезво отдают себе отчёт в том, что механическое перенесение опыта, опробованного в регионе Южного полюса, возможно на Северном лишь в отдельных вопросах. Это касается, прежде всего, запрета экономической разработки и интернационализации собственности на них, как и режима мореплавания, на что ни одно приарктическое государство, в частности Россия, не пойдёт. Ещё в 2001 г. РФ подала в ООН официальную заявку на расширение своей экономической зоны в Арктике за пределы 200 миль, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву (аналогичный демарш предприняла Норвегия в отношении архипелага Свальбард).

С учётом этого специальный представитель президента Франции по вопросам Арктики М. Рокар предложил рассматривать различные аспекты правового статуса региона не единым пакетом, как это было с Договором об Антарктике и Мадридским протоколом к нему, а шаг за шагом: «Решить все проблемы вместе и в одних рамках не удастся. Больше шансов имеют поиски разумных договорённостей отдельно – об условиях рыболовства, об экологии, о сохранении ресурсов и др.».

Так, необходимость перераспределения квот на улов рыбы и добычу морепродуктов обосновывается французами ссылкой на перспективу массовой миграции промысловых рыб по мере по-

тепления климата из Южной Атлантики в Северную, в том числе приполярную зону.

Международные меры по защите окружающей среды в Арктическом регионе мотивируются ими тем, что с расширением добычи энергоресурсов на шельфе приполярных государств и интенсификации транспортных потоков резко возрастает опасность загрязнения Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему морей. Это создаёт риски для эндогенной фауны и условиям существования коренных жителей. «Под Северным Ледовитым океаном находится второй Ближний Восток», – отмечает Рокар. Однако интенсивная эксплуатация его углеводородных ресурсов сопряжена с повышенной экологической опасностью, ибо в приполярном климате справиться с последствиями утечек нефти технически гораздо труднее, чем в умеренном. Инцидент, подобный разливу нефти на платформе в Мексиканском заливе, может повлечь за собой неизмеримо более опасные последствия, а их устранение обойтись в колоссальные затраты.

Отсюда делается вывод о необходимости международно-правового регулирования вопросов вокруг раздела ресурсов Арктики, их транспортировки, обеспечения безопасности судов, инфраструктуры, окружающей среды.

Особое внимание французский спецпредставитель уделяет режиму судоходства по Северному морскому пути (СМП) вокруг России и Северо-Западному проходу (СЗП) вокруг побережья Канады. Отметив, что таяние шапки полярных льдов открывает перспективу значительного расширения транзита между двумя основными центрами мировой экономики – Атлантикой и Тихим океаном, сокращая разделяющую их дистанцию по сравнению с традиционным южным маршрутом через Суэцкий или Панамский каналы, Рокар ставит вопрос о гарантиях свободы использования СМП для всех государств, в том числе неарктических.

Характерно, что данное требование формулируется пока довольно размыто и неопределённо. Не требуя вслед за США однозначной интернационализации северных путей, Франция ограничивается призывами к соблюдению Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, определившей пределы исключительной экономической зоны, а также шельфа, являющегося геологическим про-

должением континента. Эта половинчатость французского подхода к правовому статусу Арктики призвана расширить поле манёвра как между арктическими и неарктическими государствами (к которым принадлежит сама Франция), так и внутри обоих лагерей.

В первом особенно сложным собеседником для Франции оказалась Канада, которая жёстко отстаивает исключительное право государств Арктики на её ресурсы и морские пути. В результате длительных переговоров с министром иностранных дел Канады Кэнноном в 2010 г. и поездки на канадском ледоколе «Амундсен» по СПЗ Рокару удалось несколько сгладить разногласия, но без принципиального прорыва.

С этим связано повышенное внимание Парижа к «малым» приарктическим государствам – Дании и Норвегии. Выходя на Арктику через Гренландию, Дания является полноправным членом Арктического совета, Северного измерения, и главное приполярной из 27 стран – участниц Евросоюза. Поэтому французы стремятся максимально использовать Копенгаген для увеличения веса ЕС, а через него своего собственного в определении правового статуса региона.

Хотя Норвегия не входит в ЕС, её экономическая роль в освоении энергетических и рыбных ресурсов Северной Атлантики гораздо более значительна, чем Дании. Суверенные права на ряд полярных территорий (Шпицберген) делают её абсолютно необходимым партнёром всех государств, заинтересованных в арктических делах, включая Францию. 3 июня 2010 г. в Париже состоялся франко-норвежский коллоквиум на тему «Стратегический подход к Крайнему Северу», в ходе которого госсекретарь Франции по европейским делам П. Лелуш провёл переговоры со своим норвежским коллегой Э. Ланстейном по энергетическим и финансовым проблемам Арктики.

Те же проблемы фигурировали в повестке дня визита премьер-министра Франции Ф. Фийона в Осло 13-14 июня 2010 г. Он посетил завод по производству сжиженного природного газа (СПГ) в Отохвите, который контролируется французскими нефтегазовыми группами «Тоталь», «ЖДФ-СЮЭЗ» и норвежской «Статойл». «Мы хотели бы расширить это партнёрство, в том числе с участием третьих стран», – подчеркнул премьер.

Важнейшее место среди этих стран отводится России. В интервью агентству Франс-пресс 9 августа 2011 г. Рокар отметил, что в борьбе за лидерство в сфере грузоперевозок в Арктике российский Северный морской путь имеет больше перспектив, чем Северо-Западный проход, контролируемый Канадой: «Дорога на восток вдоль берегов Сибири менее ветрена, там меньше островов (что облегчает навигацию) и, наконец, ходить по ней не так опасно, поскольку она прямее, хотя и немного длиннее... У меня создалось впечатление, что Канада отказалась от борьбы за привлечение большей части грузопотоков на свой арктический путь в ближайшие 20-30 лет».

По оценке Рокара, Канада – «слишком маленькая страна», чтобы самостоятельно развивать инфраструктуру СЗП, тогда как у России уже есть несколько мощных ледоколов, включая атомные. К тому же население Крайнего Севера Канады незначительно – самая крупная эскимосская деревня Резольют насчитывает всего 280 жителей, тогда как в двух российских портах, открывающих СМП на западе – Мурманске и Архангельске соответственно 300 и 350 тыс.

Эти замечания, вызвавшие весьма критические отклики в Канаде, во многом связаны с развитием российско-французского сотрудничества при освоении энергетических ресурсов Арктики, прежде всего, масштабного проекта совместной разработки уникального Штокмановского газоконденсатного месторождения.

После длительных переговоров руководители «Газпрома» и французской группы «Тоталь» подписали 13 июля 2007 г. рамочное соглашение по основным условиям сотрудничества на первой 25-летней фазе реализации проекта. 25 октября того же года аналогичное соглашение было подписано с норвежской госкорпорацией «Статойл». Российская сторона получила 51% акций, французская – 25%, норвежская – 24%. В основанной 15 февраля 2008 г. совместной компании «Штокман девелопмент АГ» главным исполнительным директором её избран представитель «Газпрома» А.А. Загоровский.

Согласно оценкам, в рамках первой фазы освоения будет добываться 23,7 млрд м³ природного газа в год с началом поставок в 2016 г. Транспортировка части этого газа должна осуществляться-

ся через Балтийское море по магистральному газопроводу «Северный поток». Остальная часть должна транспортироваться в сжиженном виде с 2017 г. Компания будет собственником и оператором всей инфраструктуры проекта.

«Создание «Газпромом», «Тоталь» и «Статойл» совместной компании является важным этапом, позволяющим объединить наши силы и опыт в реализации масштабных проектов в труднодоступных районах и решить уникальные задачи, стоящие перед нами в рамках Штокмановского проекта», – заявил при подписании соглашения президент и генеральный директор «Тоталь» Кристиан де Маржери.

Данный проект имеет для России не только чисто экономическое, но и стратегическое значение. Подключив Францию вслед за Германией к «Северному потоку», он способствует сближению принципиальных подходов России и всего Евросоюза к международно-правовому урегулированию ключевых проблем приполярного региона – границ, транспортного режима, охраны окружающей среды и т.д.

Вместе с тем Франция не может не учитывать при выстраивании своей арктической стратегии позиции такого мощного игрока глобального масштаба, как США. Выступая под флагом защиты свободы торговли и мореплавания за открытый доступ к ресурсам и интернационализацию транспортных путей Арктики, Соединённые Штаты могут сочетать благодаря Аляске свой статус приполярного государства с притязаниями на роль главного защитника интересов всех неарктических государств, включая Францию.

Среди последних французские эксперты обращают особое внимание на КНР, приступившую к строительству своего первого атомного ледокола водоизмещением в 8 тыс. т для использования на Северном морском пути. Кандидатуру КНР на статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете активно поддерживает Дания (видимо, в расчёте на китайские инвестиции в освоении ресурсной базы Гренландии). В 2004 г. на Шпицбергене была создана китайская арктическая исследовательская станция «Хуанхэ Чжань».

Помимо констатации объективных точек соприкосновения интересов Франции и США в подходе к экономическим, транспорт-

ным или экологическим проблемам Арктики, ряд французских аналитиков не упускает из поля зрения военную составляющую.

Установка российской экспедицией 2 августа 2007 г. флага РФ на океанском дне под Северным полюсом вызвало на Западе, в том числе во Франции, шквал алармистских откликов. Выступая 13 мая 2009 г. на коллоквиуме в Экономическом совете обороны, тогдашний начальник генштаба Франции генерал Жержелен заявил: «Открытие новых торговых путей на Крайнем Севере и растущая напряжённость между прибрежными странами Арктики в борьбе за разработку потенциальных нефтяных месторождений заставляют нас осознать важность обеспечения безопасности доступа к ресурсам. Тем более что Кремль не поколебался заявить, что готов применить силу для защиты того, что считает своей территорией».

В том же ключе высказывался министр обороны Франции в 2007–2010 гг. Э. Морен: «В той мере, в какой потенциальная напряжённость в регионе Арктики затрагивает интересы стран – участниц Североатлантического альянса или Евросоюза (США, Канаду, Данию, Норвегию), а также Россию, Франция может быть косвенно причастна к кризисам в этой зоне».

Среди фактов, способных увеличить риск дестабилизации обстановки в регионе, упоминалось, в частности, возобновление полётов российских стратегических бомбардировщиков над Северной Атлантикой и использование АПЛ держав ядерного клуба, включая Францию, водных пространств под ледяным покровом Северного Ледовитого океана. «Географически Арктика является ключевым театром стратегии сдерживания по всем азимутам», – отмечал заместитель командира французской АПЛ «Террибль» М. де Клозон.

Возврат Франции в интегрированные командно-штабные структуры НАТО и подписание государствами – участниками ЕС Лиссабонского договора, рассматриваются французским аналитиком арктических проблем Ж.-М. Коленом как факторы, чреватые потенциальным риском вовлечения Франции в конфликты приарктических государств из-за делимитации их границ или доступа к природным ресурсам.

* * *

Таким образом, с точки зрения государственных интересов РФ стратегия Франции в подходе к проблемам Арктики содержит как негативные, так и позитивные элементы. К первым относятся общее для всех неарктических государств стремление к международно-правовому регулированию проблем региона (открытый доступ к природным ресурсам, интернационализация морских путей), а также потенциально конфронтационный подход к военной составляющей, присущей стратегии НАТО. Среди вторых главное – стремление Парижа добиться доступа к энергетическому потенциалу Арктики путём диалога и развития сотрудничества с приполярными странами, прежде всего Россией. Однако в целом баланс минусов и плюсов французской политики в арктическом регионе для нас складывается с явным перевесом последних.

ГЛАВА 8. ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ*

Визиты президента Франции Э. Макрона и канцлера ФРГ А. Меркель в Вашингтон стали заметными вехами в эволюции отношений между США и их партнёрами по другую сторону Атлантики.

Необходимость их корректировки назревала давно. Она определяется глубокими переменами в мире, симптомами которых стали выход Великобритании из ЕС и избрание Д. Трампа президентом США. Главный лозунг нового хозяина Белого дома «Америка прежде всего!» предполагает переход от многосторонних компромиссных решений в рамках евроатлантических структур к всё более частому прямому диалогу Вашингтона с отдельными союзниками «с позиции силы», а также перераспределение военно-политических издержек и бремени финансовых расходов на партнёров по НАТО. Между тем, брекзит надолго лишает Лондон его прежней традиционной роли привилегированного посредника между США и континентальной Европой.

---

* Вариант этой записки опубликован на сайте «Валдайского клуба».

Эта роль переходит отныне к франко-германскому «тандему», изначально служившему главным мотором европейской интеграции. Ещё недавно, при президентстве Б. Обамы первую скрипку в его диалоге с Вашингтоном играл экономический тяжеловес ЕС – Германия. Однако посредственные результаты А. Меркель на последних выборах в бундестаг и трудности формирования её нового, четвёртого по счёту правительства выдвинули на первый план в диалоге с Вашингтоном молодого, динамичного и амбициозного президента Франции Э. Макрона. Это, разумеется, отнюдь не означает раскола «тандема», от единства которого зависят перспективы реализации далеко идущей программы модернизации ЕС, которую предлагает Париж. Поэтому перед визитами в Вашингтон Э. Макрон и А. Меркель встретились заранее, чтобы согласовать свои позиции, распределив основные вопросы для бесед с Д. Трампом.

Главными объектами озабоченности французского президента являются намерения хозяина Белого дома выйти из «Совместного всеобъемлющего плана действий» – соглашения о замораживании ядерной программы Ирана, которое было подписано в 2015 г. пятью постоянными членами СБ ООН и Германией с Тегераном, и вывести контингент американского спецназа из Сирии. Прецедентом таких односторонних действий, вызвавших сожаление Парижа, уже был отказ Д. Трампа от участия США в Парижском соглашении 2015 г. по климату.

В то же время основным источником беспокойства для А. Меркель служит решение Д. Трампа ввести протекционистские тарифы на импорт в США стали, алюминия и особенно автомашин из Германии, что чревато развязыванием торговой войны с ЕС.

Хозяин Белого дома оказал каждому из гостей подчеркнuto разный приём, что имело вполне определённое политическое значение.

Молодой французский президент удостоился самого высокого ранга государственного визита со всей положенной в таких случаях протокольной программой – торжественными ужинами от имени президентской четы в Белом доме и историческом поместье основателя США Дж. Вашингтона Маунт Верноне, речью гостя на совместном заседании обеих палат Конгресса, неодно-

кратно прерывавшейся бурными аплодисментами, обменом подарками и так далее.

Более того, на протяжении всего трёхдневного визита Дональд Трамп проявлял в отношении гостя не только обычные знаки внимания, но и всячески подчёркивал личную симпатию к нему постоянными рукопожатиями, объятиями, комплиментами, что являлось, по его словам, ответом на гостеприимство во время присутствия на военном параде 14 июля 2017 г. в честь национального праздника Франции – Дня взятия Бастилии.

Столь эмоциональные жесты имели порой даже обратный эффект – с учётом неоднозначного имиджа Д. Трампа в общественном мнении европейских стран они выглядели, принимая во внимание разницу в возрасте, несколько покровительственно и были чреватые для гостя определёнными издержками: «Льстить Трампу – это одно, а добиться от него в ответ существенных дипломатических и торговых уступок – совсем другое. Судя по всему, Макрон преуспел в решении только первой из этих задач», – скептически отмечал советник близкого к французским деловым кругам Института Монтеня Д. Моизи.

Это оказалось особенно некстати в момент, когда проводимые Э. Макроном во Франции радикальные реформы госсектора, особенно транспорта и высшей школы, вызвали массовое движение протеста – забастовки, демонстрации, уличные беспорядки негативно отразившись на рейтинге президента.

Тем более контрастно на этом фоне выглядела вежливая, но сугубо деловая атмосфера, в которой прошёл два дня спустя рабочий визит в Вашингтон ветерана европейской политики канцлера А. Меркель – ей пришлось ограничиться лишь 2 часами переговоров, рабочим завтраком и пресс-конференцией.

Однако различие уровней и тональности приёма Д. Трампом европейских лидеров, вполне отвечающее его манере ведения дел в бизнесе, мало отразилось на судьбе предложенных каждым из них компромиссных развязок спорных вопросов.

Э. Макрон выдвинул идею сохранения существующего соглашения с Ираном ценой дополнения его новым более продолжительным и включающим ограничения программы иранских баллистических ракет и активности Тегерана в регионе. Со своей

стороны А. Меркель попыталась добиться исключения ЕС из программы повышения США тарифов на сталь и алюминий за счёт уступок по автоэкспорту в США. Хотя эти инициативы «тандема» нашли поддержку Великобритании, они столкнулись с решительным отказом Тегерана, поддержанного Россией и Китаем.

В ответ США ограничились лишь тем, что отложили решение о своём выходе из соглашения по иранскому ядерному дозе до 12 мая и перенесли введение пошлин на сталь и алюминий ЕС на месяц – с 1 мая на 1 июня с.г.

Жёсткость позиций Вашингтона во многом определяется тем фактом, что торг между союзниками по НАТО об условиях трансатлантических отношений вписывается в контекст резкого обострения напряжённости в мире, отброшенного по существу на рубежи холодной войны. Попытки смягчить конфликты интересов внутри евроатлантических структур под флагом защиты общих ценностей за счёт конфронтации не только с Ираном, но в конечном счёте Россией и Китаем неизбежно снижает шансы европейских партнёров в конфликтах интересов с США вне зависимости от выбора Вашингтоном среди них того или иного привилегированного собеседника.

Характерно, что одним из первых шагов Э. Макрона на международной арене сразу после его торжественной инаугурации 14 мая 2017 г. стало приглашение президента РФ В.В. Путина в Версаль на празднование 300-летия установления Петром I дипломатических отношений Франции с Россией. Хотя за прошедший год российско-французский диалог по наиболее острым кризисным ситуациям (Сирия, Иран, Украина, санкции, химоружие и т.д.) развивался с переменным успехом, президент настойчиво стремился выступать в роли «брокера», посредника не только между ЕС и США, но в какой-то мере между Западом и Востоком в целом, что не без успеха делал де Голль даже во время холодной войны. Показательно, что перед государственным визитом в Вашингтон Макрон посетил КНР, Индию, а после него обсудил в телефонном разговоре с российским президентом проблемы иранского ядерного дозе и политического урегулирования в Сирии, подтвердив своё участие в качестве почётного гостя в Санкт-Петербургском экономическом форуме (май 2018 г.).

**ГЛАВА 9. РОССИЯ – ФРАНЦИЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ***

Историю российско-французских отношений принято обычно возводить к женитьбе дочери Великого князя Киевской Руси Ярослава Мудрого Анны и Генриха I, одного из первых королей династии Капетингов (XI в.). На её молитвеннике приносили впоследствии клятву верности новому Отечеству все супруги монархов Франции. В аббатстве городка Санлис близ Парижа, где некогда пребывал королевский двор, до сих пор стоит памятник Анне Киевской.

Между тем, это далёкое от нас событие было не более чем обычным звеном в цепи династических браков, охватывавших всю средневековую Европу: сёстры Анны были замужем за королями Норвегии (Елизавета) и Венгрии (Анастасия), а её брат Всеволод – зятем византийского императора.

Раскол между католической и православной церквями в 1066 г., после которого Киевская Русь осталась верной Константинополю, а Франция – Риму, затем 240-летнее татаро-монгольское владычество над Русью надолго разделили обе страны. В конце XVI в., когда Русь, сплотившаяся вокруг Москвы, уже давно сбросила иноземное иго и стала заметной силой на международной арене, первый министр французского короля Генриха IV герцог Сюлли относил её, хотя и не без колебаний, к Европе. В своём «великом замысле» – утопическом проекте создания федеративного союза всех европейских монархов против угрозы ислама – он соглашался предложить царю вступить в него, несмотря на «варварство» и «ересь» его подданных, но в случае отказа требовал отбросить в Азию вместе с турецким султаном.

Геополитические реалии

Регулярные дипломатические связи Франции с Россией относятся к гораздо более поздней эпохе – началу XVIII в., когда Пётр

---

* Ю.И. Рубинский, И.Ф. Максимычев. Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы. ДИЕ РАН № 230. М., изд-во «Русский сувенир», 2009 г. С. 18-55.

Великий, прорубивший в обновлённой им России «окно в Европу» выходом на берега Балтики, нанёс в 1717 г. официальный визит в Париж и подписал первый в истории союзный договор между двумя странами. С тех пор таких договоров было ещё четыре (в 1756, 1891, 1935, 1944 гг.).

Одно их перечисление подтверждает известный тезис, согласно которому политическая близость между государствами, как правило, обратно пропорциональна географической. Расположенные на западной и восточной оконечности Европы Франция и Россия, в отличие от соседней Германии, нигде не соприкасаются и никогда не имели поэтому взаимных территориальных претензий или пограничных споров.

Даже в колониальную эпоху экспансионистские устремления обеих держав сталкивались за пределами Европы не между собой, а гораздо чаще с амбициями мирового гегемона – Британской империи: Франция – сначала в Северной Америке, затем в Индии и Африке, Россия – в Центральной и Северо-Восточной Азии.

Разумеется, чрезмерная идеализация прошлого российско-французских отношений противоречила бы исторической правде: сближение и союзы между двумя странами перемежались порой конфликтами, которые дважды – в эпоху революционных и наполеоновских войн конца XVIII – начала XIX вв., а затем Крымской войны 1853–1856 гг. выливались в пробу сил на полях сражения.

В основе этих конфликтов лежали не объективная несовместимость коренных геополитических интересов обеих стран, а причины, связанные с общей расстановкой сил на Европейском континенте, причём они были в большей или меньшей степени связаны с Германией.

Хотя к концу XVII в. Россия расширила свои пределы на восток до Волги, Урала и Сибири, эти приобретения не решали главной геополитической задачи страны – выхода к незамерзающим «тёплым» морям, а через них к мировым торговым путям. Изоляция от них обрекала страну на участь провинциальных «задворок Европы». Ни Белое море на севере, ни тем более далёкий Тихий океан на востоке были явно для этого недостаточны – речь могла идти лишь о выходе к берегам Балтики на западе и Чёрного моря на юге.

Однако доступ к ним преграждали три мощные в те времена соседние державы – Швеция, Польша, объединённая с Литвой, и Турция, которые играли роль «восточного барьера», наглухо изолировавшего Московское царство от Западной Европы и мировых торговых путей.

Между тем после окончания в XV в. англо-французской Столетней войны страны «восточного барьера» оказались естественными «тыловыми союзниками» Франции в борьбе с другим грозным соперником – Священной империей германской нации, претендовавшей под флагом защиты католицизма от ислама и протестантской ереси на европейскую гегемонию. Для этого были веские основания: в первой половине XVI в. император Карл V объединил под своей короной не только большую часть германских земель, но и богатые Нидерланды, Северную Италию, а главное – Испанию с её бескрайними владениями в Новом Свете.

Его шурин и главный конкурент – французский король Франциск I – вполне логично искал после ряда поражений в Италии и Фландрии противовес Германской империи на востоке. В этой роли оказалась, прежде всего, Турция: к негодованию католической церкви во главе с папой римским «христианнейший» король Франции заключил союз со злейшим врагом христианства – султаном Ближневосточной Порты Сулейманом Великолепным, чьи войска не раз угрожали Вене (1535 г.).

Аналогичную политику поисков союзников к востоку от Германии продолжали преемники Франциска I. В первой половине XVI в. Людовик XIII и его первый министр кардинал Ришелье активно поддерживали во время Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.) в пику католической империи Габсбургов протестантскую Швецию. Тем самым геополитические интересы Франции и России временно разошлись.

Северная война Петра I со Швецией, поражение которой вычеркнуло её из числа ведущих военных держав Европы, а затем победы русского оружия в войнах с Турцией при Екатерине II решили вопрос о выходе России на берега Балтики и Чёрного моря. Тем самым проблемы, разделявшие Францию и Россию в отношениях с этими государствами, были в основном сняты с повестки дня.

Однако центральное звено «восточного барьера» – Польша ещё долго оставалась яблоком раздора между Россией и Францией, причём подходы обеих сторон к польским делам во многом зависели от третьей – Германии.

После Тридцатилетней войны, закончившейся Вестфальским миром, Германия оставалась на протяжении целых двух столетий пёстрым конгломератом десятков суверенных образований – государств, княжеств, герцогств, вольных городов. Средневековая Священная империя германской нации со столицей в Вене, окончательно рухнувшая только в ходе наполеоновских войн, объединяла их сугубо формально – между отдельными германскими государствами постоянно кипело ожесточённое соперничество, выливавшееся порой в вооружённые конфликты с прямым или косвенным участием других великих держав.

Основными претендентами на лидерство среди германских государств в XVIII и большей части XIX вв. являлись Австрия и Пруссия, баланс сил между которыми определяли Франция, Россия и Англия. Российская дипломатия лавировала между Веной и Берлином в зависимости от своих геополитических интересов в отношении государств «восточного барьера», географически разделявших Россию и Германию, прежде всего Польши.

Если в начале XVII в. польско-литовская держава была серьёзной угрозой безопасности России на западе (в 1612 г. – в период Смутного времени наследник польского короля Владислав даже претендовал на московский престол, а польские войска стояли в Кремле), то столетие спустя некогда могущественная Речь Посполита вступила в период глубокого упадка. Бесконечные дворянские междоусобицы выливались в ожесточённую борьбу за корону при поддержке тех или иных кандидатов соседями – Россией, Пруссией, Австрией.

Опасаясь утратить традиционную опору на востоке Европы, в эту борьбу активно вмешалась и Франция. Её ставленником в Варшаве стал король Станислав Лещинский, отстранённый вскоре под давлением России, которая предпочла ему Августа III. Тем не менее, версальский двор не смирился с неудачей: Мария Лещинская, дочь эмигрировавшего во Францию Станислава, стала женой наследника французского престола, будущего короля Лю-

довика XV (после того, как кандидатура дочери Петра I принцессы Елизаветы, будущей российской императрицы, была отведена под предлогом конфессиональных различий).

Вплоть до середины XVIII в. польские дела начали всё заметнее отражаться на отношениях между Россией, Францией и двумя ведущими германскими государствами. В 1736 г. Россия подписала союзный договор с Австрией – её давним партнёром против всё ещё мощной Османской империи. Заодно предусматривалось тесное сотрудничество в подходах к Швеции и в польских делах. Со своей стороны Франция по традиции поддержала турок в войне против русско-австрийской коалиции. В 1746 г. австро-русский союз был возобновлён, а спустя десятилетие к нему прикнула и Англия.

В середине XVIII в. ситуация в Европе изменилась: Франция совершила крутой поворот своей политики в отношении ведущих германских государств, перейдя от традиционного противостояния Австрии к союзу с ней против Англии и Пруссии. Оказавшись в выигрышном положении арбитра между двумя лагерями, Россия стремилась добиться в качестве цены за свой выбор уступок в отношении всё тех же трёх государств «восточного барьера» – Швеции, Турции, Польши, отделявших её от Западной Европы.

На первых порах российская императрица Елизавета Петровна, встревоженная амбициями прусского короля Фридриха II, предпочла поддержать австро-французский союз. В 1756 г. между Россией и Францией был подписан уже второй после 1717 г. союзный договор¹⁵. Русские войска заняли Берлин, поставив Пруссию на грань катастрофы. Фридриха, уже собиравшегося было отречься от престола, спасла только внезапная смерть в 1762 г. Елизаветы, наследник которой – Пётр III, страстный поклонник прусской монархии, поспешил покинуть союзников и заключить сепаратный мир.

Убийство Петра III в ходе дворцового переворота и воцарение его супруги – немецкой принцессы, ставшей императрицей «всёя Руси» под именем Екатерины II, не изменили тенденцию к

---

¹⁵ Черкасов П.П. Двуглавый орёл и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775 гг. М., 1995. С. 119.

предпочтительному сближению России с Пруссией, с которой в 1764 г. был подписан союзный договор. Его секретные статьи предусматривали, как в своё время с Австрией, взаимодействие сторон в подходах к Швеции, Польше и Турции. Это привело к разрыву с Австрией и Францией, очередной русско-турецкой войне и первому разделу Польши в 1772 г. Четверть века спустя за ним последовали второй и третий разделы между Россией, Пруссией и Австрией, в итоге которых польское государство на полтора столетия исчезло с карты Европы¹⁶.

На протяжении этого трагического для поляков периода «польский вопрос» являлся фактором, объективно сближавшим Россию с германскими государствами и отдалявшим её от Франции. Например, в ходе переговоров 1807 г. в Тильзите между Наполеоном и Александром I французский император настоял на создании Великого герцогства Варшавского, а российский – на сохранении разбитой французами наголову Пруссии. Этот конфликт, наряду с другими, ещё более важными (несоблюдение Россией требований Континентальной блокады Англии, судьба Оттоманской империи и т.д.), способствовал кризису Тильзитского мира, нашествию Наполеона на Россию и крушению его империи, закреплённому на Венском конгрессе 1815 г.¹⁷

На протяжении большей части XIX в. исторической задачей Франции являлось преодоление унижительных последствий наполеоновских войн и Венского конгресса, в чём её естественным партнёром оказывалась Англия, а противником – Россия. Неудивительно, что в этот период в правящих кругах Санкт-Петербурга преобладали прогерманские настроения, причём Австрии – сопернице в борьбе за наследие Оттоманской империи на Балканах предпочиталась Пруссия, с которой династия Романовых имела тесные родственные связи.

Неудивительно, что русско-французские отношения оставались чаще всего отчуждёнными, а иногда и враждебными. Вторая империя Наполеона III предоставила наиболее многочислен-

---

¹⁶ Alber Sorel. La Question d'Orient au XVIII siècle. Le partage de la Pologne et le traité de Kainardji. Paris, 1902. P. 84.

¹⁷ См.: Владлен Сироткин. Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801–1812 гг. М., «Алгоритм», 2003 г.

ный контингент солдат для союзного экспедиционного корпуса в ходе Крымской войны Англии, Франции, Сардинии и Турции против России. На завершившем эту неудачную для России войну Парижском конгрессе французская делегация настояла на включении в мирный договор унизительной для России статьи, запретившей ей военное присутствие на Чёрном море¹⁸.

Тем не менее, российская дипломатия всячески старалась избегать чересчур односторонней ориентации на тех или иных участников «европейского концерта», сохраняя если не полную свободу рук, то хотя бы возможно более широкие маневренные возможности.

Разочарованные двусмысленной позицией Австрии и Пруссии в ходе Крымской войны, представители России уже во время Парижского конгресса 1856 г. возобновили контакты с французами. Эти авансы встретили благоприятный приём, результатом чего явилось взаимодействие Санкт-Петербурга и Парижа: Россия добилась при поддержке Франции освобождения дунайских княжеств – Молдавии и Валахии (будущей Румынии), а также Сербии от турецкого господства в обмен на благожелательный нейтралитет в войне Франции с Австрией за воссоединение Италии.

Основным препятствием для дальнейшего расширения российско-французского взаимодействия стал всё тот же извечный «польский вопрос». Сочувствие общественного мнения и правительства Франции восстанию поляков против господства России в 1863 г. (как и в предыдущих 1795 и 1830 гг.) вызвало резкое недовольство Александра II, фактически обесценив официальный визит российского императора в Париж и предопределив неудачу попыток французов искать в Санкт-Петербурге посредничества в ходе катастрофической для Франции франко-прусской войны 1870–1871 гг. В 1873 г. по инициативе канцлера Бисмарка три императора – российский, германский и австро-венгерский – подписали союзный договор, цементированный их общими интересами в польских делах.

Однако надеждам Бисмарка на превращение этого союза в

---

¹⁸ Тарле Е.В. Крымская война, т. 2. М., 1946. С. 296; Vapst E. Les origins de la guerre de Crimée. P., Plon, 1912.

краеугольный камень всей архитектуры международных отношений в Европе конца XIX в. не суждено было сбыться. Если разгром Второй империи Наполеона III, который позволил канцлеру Горчакову избавиться от унижительных статей Парижского трактата 1856 г., не вызвал в Санкт-Петербурге особых сожалений («Он получил то, что заслужил», – заметил Александр II о Наполеоне III), то чрезмерное усиление Германской империи, явно стремившейся к европейской гегемонии, отнюдь не отвечало интересам России, которые требовали поддержания баланса сил на континенте. Поэтому в ходе «военных тревог» 1870-х гг., когда германский канцлер угрожал Парижу новой войной, Санкт-Петербург давал понять, что не допустит её, способствуя снижению напряжённости между Берлином и Парижем.

Между тем двусмысленная позиция Бисмарка, председательствовавшего на Берлинском конгрессе 1878 г., где Россия под давлением великих держав во главе с Англией была лишена плодов своей нелёгкой победы в очередной кровопролитной русско-турецкой войне, вызвала в Санкт-Петербурге, да и в российском общественном мнении, глубокие сомнения в целесообразности прогерманской ориентации внешней политики страны. Это сыграло на руку сторонникам сближения с Францией, мечтавшей о реванше за разгром 1871 г., тем более что её займы во многом финансировали промышленное развитие России¹⁹. Апогеем российско-французского сближения стало подписание в 1891 г. русско-французского союза, которому противостояла австро-германская коалиция Центральных держав. В результате прежний «концерт», в рамках которого поддерживалось относительное равновесие сил участников, распался, уступив место жёсткой конфронтации двух враждебных блоков.

Попытка германского императора Вильгельма II склонить на встрече в Бьёрке в 1905 г. своего кузена – последнего российского самодержца Николая II, чьи позиции были ослаблены поражением в русско-японской войне и первой революцией в России, к включению Германии в русско-французский союз (что лишало

---

¹⁹ Anne Kraatz. *Le Commerce franco-russe. Concurrence et contrefaçons de Colbert á 1900*. Paris, 2006. P. 286-287.

его изначального смысла) окончилась неудачей ввиду решительного сопротивления кругов, ориентированных на Францию. Англо-французский компромисс 1904 г. по разграничению сфер влияния в Африке («Сердечное согласие»), а затем русско-британский 1907 г. – в Азии завершили раскол Европы, создав предпосылки для Первой мировой войны.

В августе 1914 г. наступление русских войск в Восточной Пруссии спасло Париж ценой гибели двух армий, предопределив дальнейший ход боевых действий, что поставило Россию на грань национальной катастрофы. Тем не менее, Первая мировая война не затронула фундаментальные геополитические факторы, более двух столетий определявшие отношения в треугольнике Россия – Германия – Франция. Даже такие эпохальные события, как Октябрьский переворот 1917 г., в итоге которого к власти в России пришла партия большевиков, распад Австро-Венгерской и Османской империй после поражения Тройственного союза оставили в силе неписанные правила игры, согласно которым Франция и Германия поочередно искали против друг друга поддержки у России, а последняя в свою очередь сближалась с более слабой в данный момент стороной для восстановления равновесия сил в Европе.

Версальская система мирных договоров, продиктованная в 1919 г. Центральным державам победоносной Антантой, была направлена против как побеждённой Германии, так и Советской России, которую глава французского правительства Клемансо призвал окружить «санитарным кордоном», призванным оградить Европу от большевистской угрозы. Задача изоляции обеих была возложена Парижем на восточноевропейские страны, с которыми Франция заключила цепь союзных договоров, прежде всего возрождённую Польшу, а также «Малую Антанту» – Чехословакию, Югославию, Румынию. В ходе советско-польской войны 1921 г. в Варшаву для оказания помощи полякам была направлена французская военная миссия во главе с генералом Вейганом, в составе которой был молодой, ещё никому не известный капитан де Голль. По иронии судьбы из небытия, казалось, возвращался двумя столетиями спустя призрак «восточного барьера», демонтаж которого являлся главной стратегической целью российской ди-

пломатии в Европе со времён Петра I.

Одни и те же причины повлекли за собой аналогичные геополитические последствия – сближение Германии с Советской Россией. Договоры 1921 г. в Рапалло, 1926 г. в Берлине стали основой для широкомасштабного экономического, а отчасти и военного сотрудничества между Москвой и Берлином, помогая ей обходить ограничения Версаля.

В то же время СССР стремился избегать чересчур односторонней прогерманской ориентации. В 1924 г. между Советским Союзом и Францией были установлены дипотношения, а в 1932 г. подписан пакт о ненападении. Эта предусмотрительность оправдала себя. Когда в 1933 г. к власти в Германии пришёл Гитлер, взявший курс на слом Версальской системы и перекройку карты Европы силой, Москва не замедлила скорректировать свою тактику: Советский Союз вступил в Лигу наций, а в 1935 г. между СССР, Францией и Чехословакией был подписан договор о взаимопомощи. К сожалению, он оказался выхолощенным проводившейся Лондоном и Парижем политикой «умиротворения» фашистских агрессоров, венцом которой стал позорный Мюнхенский сговор о расчленении Чехословакии.

Его следствием вскоре стали оккупация немцами Праги, срыв переговоров между делегациями Англии, Франции и СССР в Москве и подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Вторжение Гитлера в Польшу, разделённую между соседями уже в четвёртый раз, развязало Вторую мировую войну.

Таким образом, отношения в треугольнике Россия – Франция – Германия вновь, как это уже не раз бывало в прошлом, оказались тесно связанными с проблемами Восточной Европы, особенно Польши. «Польша вела себя героически, но значительной военной державой она не была. Да и как бы могла она справиться со стоявшей перед ней задачей, если французский Генеральный штаб ввёл её в заблуждение относительно собственных намерений? Делая намёки на возможность самостоятельного французского выступления наступательного характера, Франция на самом деле придерживалась оборонительной стратегии. Это вынудило Польшу принять на себя всю ярость германского натиска, а про-

тивостоять Германии в одиночку было за пределом её возможностей, что западным руководителям следовало бы хорошо понимать. В то же время Польша не соглашалась принять советскую помощь, ибо её руководители были убеждены в том (и, как выяснилось, были правы), что советская армия-«освободительница» тотчас же превратится в армию оккупационную», – писал впоследствии об этом периоде истории Европы Генри Киссинджер²⁰.

Перемены, внесённые Второй мировой войной в геополитический пейзаж Европы, прежде всего в отношения между тремя основными континентальными державами, оказались ещё более радикальными, чем последствия Первой. Разгром и капитуляция Франции в июне 1940 г., а год спустя вторжение гитлеровской Германии в СССР, создали поистине беспрецедентную ситуацию. Режим Виши во главе с маршалом Петэном, установленный при опоре на штыки германских оккупантов, взял курс на коллаборационизм – интеграцию Франции в гитлеровский «новый порядок» в Европе. Дипломатические отношения Виши с СССР были разорваны, на советско-германский фронт отправился вишистский «легион французских добровольцев» (ЛВФ).

В то же время бывший заместитель министра обороны генерал де Голль, эмигрировавший в Лондон, призвал французов продолжать борьбу при опоре на помощь союзников и ресурсы заморской империи. Созданное им движение Свободной, затем Сражающейся Франции, поддержанное патриотическим движением Сопротивления в самой Франции, было признано союзниками по антигитлеровской коалиции – СССР, Великобританией, США. Сформированное де Голлем перед освобождением страны в июне 1944 г. от оккупации Временное правительство Французской республики приняло полноправное участие в послевоенном урегулировании.

Возврату Франции, несмотря на трагедию 1940 г., достойного её ранга постоянного члена Совбеза ООН и одной из четырёх великих держав, ответственных за судьбы Германии, в немалой степени способствовало гибкое дипломатическое маневрирование де Голля между США, Великобританией и СССР. В декабре 1944 г.

---

²⁰ Генри Киссинджер. Дипломатия. М., 1994. С. 296.

в Москве был подписан советско-французский договор о союзе и взаимопомощи, предусматривавший активное взаимодействие сторон в успешном завершении войны и борьбе против возрождения германского милитаризма после неё. «Для Франции и России быть вместе значит быть сильными, разделиться – значит оказаться в опасности. Это воистину является своего рода категорическим императивом географии, опыта и здравого смысла», – подчёркивал де Голль на церемонии подписания²¹.

Характерно, тем не менее, что переговоры, несмотря на явную заинтересованность французской стороны в их успешном завершении, шли нелегко. Главным камнем преткновения являлся всё тот же «польский вопрос». Сталин добивался признания французами просоветского польского комитета в Люблине, де Голль упорно старался сохранить отношения с прозападным правительством в Лондоне.

Хотя сторонам удалось найти компромисс, он продержался недолго. Всего два-три года спустя после окончания Второй мировой войны антигитлеровская коалиция раскололась и между её прежними участниками началась холодная война, в которой Франция примкнула к западному лагерю. Раскол Европы и мира на противоположные общественные системы сопровождался расколом Германии на два государства, каждое из которых вошло в военный блок во главе с США или СССР.

Это было вполне объяснимо. В условиях биполярного мира, где каждая из двух сверхдержав – США и СССР – олицетворяли взаимоисключающие социально-экономические и политические системы, традиционная конфигурация «треугольника» Россия – Франция – Германия не могла оставаться прежней. На долгие 40 лет – вплоть до воссоединения Германии, распада советского блока, а затем и самого СССР – Париж и Москва оказались накрепко привязанными тесными, в том числе договорными узами, к тому из германских государств, с которым их сближали факторы, прежде всего, идеологического порядка.

---

²¹ Charles de Gaulle. *Mémoires de guerre*. V. III. *Le Salut*. 1944–1946. Paris. 1959. P. 385.

Идеологические миражи

Теснейшее переплетение геополитики с идеологией было присуще международным отношениям всегда. В древности, в Средние века, в начале Нового времени (а кое-где и поныне) оно принимало форму религиозных войн. Экспансия Арабского халифата, Османской империи, Великих моголов в Индии освящалась зелёным знаменем ислама. Крестовые походы, завоевание европейцами Америки, Африки, значительной части Азии оправдывались распространением христианства среди язычников или неверных.

Ещё более кровопролитными оказывались порой конфликты между различными течениями одних и тех же монотеистических конфессий – суннитами и шиитами, католиками и протестантами, в том числе внутри государственных границ. История Франции и Германии XVI–XVII вв. прошла под знаком ожесточённых религиозных войн. Российско-польское противостояние на Украине подогревалось болезненной реакцией православной церкви на прозелитизм Ватикана.

Внутригосударственные межконфессиональные конфликты сплошь и рядом использовались иностранными державами для вмешательства в дела суверенных государств ради их ослабления или даже расчленения. Причём если в одних случаях религиозная солидарность брала верх над геополитическими интересами, то в других наоборот – циничные соображения «реальной политики» отодвигали на задний план конфессиональную общность. Именно так действовал, например, кардинал Ришелье: будучи сам иерархом римско-католической церкви, он без каких-либо угрызений совести поддерживал протестантских князей Северной Германии против католической империи Габсбургов в Вене и Мадриде (XVII в.).

Хотя Россия, Франция и Германия принадлежали к трём разным ветвям христианства (первая – православию, вторая – католицизму, третья разделилась пополам между католицизмом на юго-западе и протестантизмом на северо-востоке) факторы конфессионального порядка не играли в отношениях между ними сколько-нибудь заметную роль.

По-иному обстояло дело со светскими идеологиями, особен-

но после Великой французской революции, начавшейся в 1789 г. Это всемирно-историческое событие, радикально изменившее судьбы не только Франции, но и всей Европы, придало французской внешней политике характерный для неё мессианский характер – убеждение в том, что Франция призвана нести всему миру непреходящие ценности прогресса, демократии, прав человека, выдвинутые впервые мыслителями эпохи Просвещения XVIII в. и воплощённые в лозунге «Свобода. Равенство. Братство», остающимся до сих пор официальным девизом Французской республики, закреплённым в действующей Конституции.

Хотя эта бессмертная триада действительно является достоянием всего человечества, соотношение составляющих его понятий и их конкретное содержание в обществах, находящихся на разных ступенях социально-экономического и политического развития, всегда было неоднозначным. К тому же Франция далеко не всегда придерживалась её сама, что давало пищу обвинениям её в двойных стандартах, например в ходе наполеоновских или колониальных войн, когда официальная риторика Парижа об освобождении народов от гнёта реакционных феодально-абсолютистских режимов или цивилизаторской миссии служила оправданием имперских амбиций.

Это относится и к истории российско-французских отношений. Екатерина II, весьма заботившаяся о своей репутации в Европе, поддерживала активную переписку с виднейшими представителями французского Просвещения – Вольтером, Дидро, которого приглашала в Санкт-Петербург и приобрела его библиотеку. Они способствовали её расчётам, изображая свою высочайшую корреспондентку воплощением идеи «просвещённого абсолютизма». Между Санкт-Петербургом и Версалем велись оживлённые (хотя, в конечном счёте, неудачные) переговоры о заключении очередного франко-русского договора²².

Революционные события в Париже резко изменили ситуацию, надолго превратив Россию и Францию в непримиримых противников не столько по геополитическим, сколько, в первую оче-

---

²² Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения 1771–1772. М., 2001. С. 298–299.

редь, по идеологическими причинами. Екатерина II активно поддержала военные действия германских князей во главе с герцогом Бранденбургским. «Эта необыкновенная женщина, которая в течение 35 лет управляла империей, первая возбудила все дворы Европы против французской революции; однако она внесла в коалицию, которую спровоцировала, только раскаты своей ненависти и активность своих интриг», – писал Талейран²³.

Если Екатерина была убеждена, что реставрация монархии во Франции должна быть делом прежде всего самих французов, то при её преемниках – сыне Павле I и внуке Александре I – Россия приняла участие в большинстве многочисленных антифранцузских коалиций, где её партнёрами выступали вместе или поочередно Австрия и Пруссия. Когда же эти коалиции терпели поражения и распадались, их участники волей-неволей присоединялись к Наполеону, помогая ему в войнах против вчерашних союзников. В результате конфигурация континентального треугольника Франции, России и Германии постоянно менялась.

В ходе этих частых перестановок на шахматной доске европейской политики, взбудораженной последствиями французской революции, территориальные конфликты государств, связанные с их геополитическим положением или амбициями монархов, причудливо переплетались с противостоянием идеологий, которые отражали системы ценностей различных социальных слоёв – земельной аристократии, служилого дворянства, городской торгово-промышленной буржуазии, наконец, крестьянства, ремесленников, рабочих. В каждой стране на первый план выступали то одни, то другие факторы, причём эти конфликты, подобно религиозным войнам прошлого, нередко переносились внутрь государств, приобретая характер гражданских войн с вмешательством иностранных держав.

Вплоть до середины XIX в. основной политико-идеологический водораздел на европейском континенте проходил между двумя полюсами – Францией и Россией.

Хотя после окончания революции 1789-1793 гг. во Франции сменились несколько более или менее авторитарных режимов –

---

²³ Цит. По: Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. М., 1989. С. 76.

Директория, Первая империя, Реставрация, Июльская монархия, Париж оставался очагом демократических ценностей, к которому тяготели прогрессивные силы во всех странах Европы. Даже в России движение декабристов состояло из представителей части дворянской элиты, которая вдохновлялась идеями, почерпнутыми в Европе во время революционных и наполеоновских войн. То же относилось и к германским романтикам эпохи «Бури и натиска».

Со своей стороны, самодержавно-крепостническая Россия выступала в роли оплота реакции, на страже которой стоял контрреволюционный Священный союз европейских монархов, вдохновителем и архитектором которого являлся австрийский канцлер Меттерних. В Санкт-Петербурге провёл долгие годы в качестве посланника короля Сардинии виднейший идеолог французского легитимизма Жозеф де Местр, считавший Российскую империю воплощением консервативных традиционалистских ценностей.

Идеологическое противостояние между этими полюсами подкреплялось геополитическим. Венский конгресс подвёл итоги четверти века революционных и наполеоновских войн, из которых Франция вышла побеждённой и обескровленной, а Россия – победительницей. Главной задачей французской дипломатии стало создание условий для пересмотра европейского статус-кво. Её объективной союзницей оказывалась Англия, основой внешней политики которой всегда было предотвращение гегемонии любой из континентальных держав-участниц европейского «концерта». Именно поэтому Лондон, являвшийся главным вдохновителем и финансовым спонсором всех антинаполеоновских коалиций против Франции, сразу же после её разгрома круто повернул фронт, взяв курс на изоляцию и «сдерживание» России, с которой Париж разделяло к тому же соперничество на Ближнем Востоке за наследство агонизировавшей Османской империи.

Германские государства – Австрия и Пруссия – колебались между российским и англо-французским полюсами. С первым их сближала идеологическая солидарность и общие интересы в «польском вопросе», со вторым – страх перед военно-политической мощью России. Уже на Венском конгрессе Меттерних заключил с Англией тайный антироссийский союз, созданию кото-

рого способствовал Талейран.

Геополитическое противостояние сплошь и рядом распространялось на сферу идеологии и наоборот. В конце XVIII – начале XIX вв. английские публицисты и философы, прежде всего Эдмунд Бёрк, подвергали уничтожающей критике террористические эксцессы французской революции, затем деспотизм и мегаломанию Наполеона. Им противопоставлялась британская политическая культура сочетания консерватизма с либерализмом, уважения к привилегиям элит и поисками их компромисса. После падения наполеоновской империи острее этой критики обратилось против России, в которой британские публицисты усматривали отныне главную угрозу идеалам свободы в Европе (в чём находили активную поддержку со стороны основателей Первого Интернационала – Маркса и Энгельса).

Однако воплощением самого жёсткого идеологического противостояния первой половины XIX в. стал не англичанин или немец, а француз, изначально весьма далёкий не только от демократических, но даже от умеренно-либеральных взглядов – маркиз Астольф де Кюстин.

Представитель легитимистской аристократии, оппозиционной режиму либерально-буржуазной Июльской монархии (1830–1848 гг.), де Кюстин отправился в 1839 г. в Россию в поисках подтверждения своих взглядов и был принят в верхах российского общества, включая самого императора, довольно благосклонно. Однако увиденное потрясло французского визитёра до такой степени, что его объёмистый отчёт о путешествии стал суровым обвинительным актом.

Многие черты самодержавно-крепостнической империи Николая I, подмеченные Кюстином: произвол верхов, бесправие и раболепие низов, мздоимство и казнокрадство чиновничества, полицейская слежка как за подданными, так и особенно за иностранцами, вполне соответствовали действительности. Основная мысль автора сводилась к тому, что гигантские масштабы страны, её крайняя неоднородность и суровый климат имманентно придают государству в России черты азиатской деспотии, построенной на сочетании страха с лицемерием и ложью: «В России страх заменяет, вернее, парализует мысль. Когда чувство страха

господствует безраздельно, оно способно создать только видимость цивилизации. Что бы там ни говорили близорукие законодатели, страх никогда не сможет стать душой правильно организованного общества, ибо он не создаёт порядка, а только прикрывает хаос. Где нет свободы, нет души и правды»²⁴.

По мнению Кюстина, российское самодержавие, стремившееся оправдать крепостное рабство, нищету и бесправие своих подданных, окружало себя византийским ритуалом обожествления и имперским величием с помощью военной экспансии, стимулируемой отсутствием естественных границ. Результатом оказывалось лишь хроническое истощение экономического потенциала страны, препятствующее превращению её в процветающую, свободную и цивилизованную нацию²⁵.

Идеологическое противостояние Франции и России в первой половине XIX в. переплеталось с геополитическим: книга де Кюстина способствовала подготовке французского общественного мнения к Крымской войне, вспыхнувшей в 1853 г. Ту же цель преследовал альбом карикатур выдающегося французского художника Гюстава Доре, саркастически иллюстрировавшего историю России и переизданного полтора столетия спустя в годы холодной войны²⁶.

Однако на фоне изменения политического пейзажа Европы в связи с объединением Германии, решающим шагом к которому стала франко-прусская война 1870–1871 гг., образ России во французском общественном мнении начал меняться в лучшую сторону. Ещё до подписания в 1891 г. франко-русского союза, обеспечившего французам гарантию безопасности перед лицом германской угрозы и надежду на реванш, ряд виднейших представителей культурной элиты Франции – Проспер Мериме, Теофиль Го-

---

²⁴ Marquis de Custine. *La Russie en 1839*. N. I-II. Paris, 1990. Сокращённый русский перевод: Маркиз А. де Кюстин. *Николаевская Россия*. М., 1990. С. 153.

²⁵ Предшественником Кюстина в конце XVIII в. являлся аббат д'Отерош, на путевые заметки которого о России, также весьма критические, сочла необходимым письменно возразить сама Екатерина II (полемика императрицы с аббатом переиздана в Париже в 2006 г.).

²⁶ *Les Russes on Histoire dramatique, pittoresque et caricaturale de la Sainte Russie commentée et illustrée en bandes dessinées par Gustave Doré*. Paris, Henri Veyrier, 1974.

ть, Александр Дюма-отец открыли для французских читателей богатства классической русской литературы, живописи, музыки, архитектуры. Роман Жюль Верна «Михаил Строгов», произведения детской писательницы графини де Сегюр (урождённой Ростопчиной – дочери генерал-губернатора Москвы во времена вторжения Наполеона) пользовались, несмотря на их наивно-лубочный стиль, огромной популярностью, как и павильоны России на всемирных выставках в Париже, массовые мероприятия, связанные с визитами императорской четы, заходом российских эскадр во французские порты и т.д.

Геополитические и культурные факторы франко-русского сближения подкреплялись экономическими – в Россию хлынул поток французских займов, на проценты с которых жили сотни тысяч рантье, вложивших в них свои сбережения. Анализ этого «золотого века» российско-французской дружбы дан в содержательной докторской диссертации Д. Карики «Русофильская Франция. Открытие, принятие и влияние русской культуры во Франции в 1881–1917 гг.», защищённой в Страсбургском университете в 1998 г.

Крутой поворот в русско-французских отношениях, как на геополитическом, так и особенно на идеологическом уровнях, произошёл в результате Октябрьского переворота 1917 г. и прихода к власти в России партии большевиков.

Вожди большевиков во главе с В.И. Лениным с самого начала Первой мировой войны заняли не просто антивоенную (подобно французским пацифистам типа Ромэна Роллана), но и открыто пораженческую позицию, выдвинув лозунг «превращения империалистической войны в гражданскую». За словами последовали дела: проезд Ленина с его соратниками в марте 1917 г. через вражескую Германию, финансирование немцами пораженческой пропаганды большевиков в России, распространявшейся и на армию, а после прихода их к власти – заключение мира с Германией и Австро-Венгрией в Брест-Литовске.

Сепаратный Брестский мир был воспринят во Франции как предательство союзника, а отказ советского правительства от уплаты царских долгов, большая часть которых приходилась на французские займы, и национализация большевиками иностран-

ной собственности, разорившие миллионы рядовых французских держателей облигаций этих займов – как покушение на принцип частной собственности. Свидетельства 250 тыс. белоэмигрантов, хлынувших во Францию после гражданской войны в России, о «красном терроре», голоде, разрухе, подавлении всех свобод, колыбелью и защитницей которой считала себя Франция с 1789 г., надолго дискредитировали советское государство в глазах большинства французского общественного мнения.

Нельзя не учитывать и того, что большевики рассматривали октябрьский переворот в России отнюдь не как сугубо внутреннее дело, а как исходный рубеж мировой пролетарской революции, торжеству которой они стремились активно содействовать. Претендуя на роль знаменосца «единственно верной», научно обоснованной идеологии марксизма-ленинизма, СССР стремился переделать мир по своему образу и подобию, навязав ему собственную модель тоталитарного государства, подаваемого как наиболее эффективный проект справедливой организации общества. Этой задаче была подчинена деятельность созданного в 1919 г. Третьего (Коммунистического) Интернационала, который под контролем ЦК ВКП(б) направлял и финансировал десятки компартий по всему миру.

Очевидно, что эти притязания перекликались с универсалистским мессианством французской революции 1789 г., радикальные методы которой, особенно в период террористической диктатуры якобинцев, большевики успешно копировали, причём в гораздо более широких масштабах. Некоторое сходство между двумя революциями – французской и российской – прослеживается и в деятельности их душеприказчиков: подобно Наполеону Бонапарту Сталин соединил революционную риторику с полицейско-бюрократической диктатурой внутри страны и военно-имперской практикой вовне.

Коль скоро, однако, лозунги свобод и прав человека, демократии, разделения властей, свойственные французской революции 1789 г., резко отличались от пропаганды и практики большевизма, Москва и Париж снова оказывались идеологическими конкурентами, хотя совершенно по-иному, чем столетием ранее. Если первая половина XIX в. была отмечена в целом негативным обра-

зом России в общественном мнении Франции, а вторая – наоборот, позитивным, то на протяжении большей части XX в. он глубоко расколол её общество.

Во время кампании перед парламентскими выборами 1919 г. стены французских городов были оклеены плакатами, изображавшими грязного мужика в лохматой папахе с красной звездой и окровавленным ножом в зубах. Пугало угрозы большевизма немало способствовало победе правых партий, получивших на волне послевоенного патриотизма подавляющее «небесно-голубое» большинство в Палате депутатов (названное так по цвету шинелей французских солдат на заключительном этапе Первой мировой войны).

Наряду с традиционными правобуржуазными партиями – консервативными или либеральными, убеждёнными противниками Советской России оказывались и представители левоцентристских сил – радикалы и социалисты, отвергавшие подавление в СССР гражданских свобод, цензуру, культ личности Сталина, террор политической полиции, фальсифицированные «московские процессы» 1936–1938 гг., ГУЛАГ, жертвами которых оказались их российские единомышленники – меньшевики и эсеры.

Вместе с тем, немалая часть французов восприняла Октябрьскую революцию в России и создание советского государства с сочувствием, а порой даже с энтузиазмом – как «свет с Востока». На XVIII съезде соцпартии в Туре (декабрь 1920 г.) большинство делегатов во главе с М. Кашеном, редактором созданной Ж. Жоресом газеты «Юманите», высказалось за присоединение к Коминтерну на выдвинутых им 21 условии, которые предусматривали «большевизацию» партии. Если на первых порах французская компартия оставалась изолированной сектой, то уже в 1930-х гг. она выросла в одну из ведущих политических сил страны. Апогей её влияния пришёлся на периоды Народного фронта (1936–1938 гг.) и особенно первых лет после окончания Второй мировой войны: в ноябре 1946 г. за коммунистов голосовали более четверти избирателей (28%). Между тем руководство ФКП, которую с 1930 по 1964 гг. неизменно возглавлял М. Торез, безоговорочно защищала СССР, всячески пропагандируя его внутренний режим и защищая внешнюю политику.

Основной причиной, позволившей компартии играть в общественной жизни Франции на протяжении почти полувека – с середины 1930-х до начала 1980-х, значительную роль, было то, что она сумела успешно вписаться в традиционную левую идеологию, восходящую к французской революции 1789 г., к французскому утопическому социализму и коммунизму XIX в. «Есть много причин влияния коммунизма во Франции, но не следует удивляться, что он смог так легко проникнуть в лагерь французских левых, выступив в роли законного наследника якобинской доктрины, – отмечал швейцарский публицист Герберт Люти. – Основой коммунистической идеологии во Франции служит гораздо больше якобинская утопия, нежели рабочее движение. Даже сочетание французского шовинизма с подчинением России, которое выглядит сегодня столь поразительным, легко объяснимо феноменом идеологической проекции. Для коммунистов великая революция, начатая, но не завершённая 150 лет назад во Франции, в конце концов, восторжествовала в Советском Союзе»²⁷.

Влиянию ФКП способствовало сочетание в её идеологическом багаже таких неоднозначных, а порой даже взаимоисключающих элементов, как патриотизм и интернационализм, социальная демагогия и требования назревших реформ. Причём эта пропаганда нередко подкреплялась практическими делами, повышавшими в глазах избирателей престиж рядовых коммунистов, борьбой против фашистской угрозы в 1930-е гг., активным участием в движении Сопротивления во время оккупации, противостоянием гегемонии США в период холодной войны, неприятием колониальных войн в Индокитае и Алжире.

Эффективный пропагандистский арсенал в сочетании с прочной организационной структурой, характерной для всех компартий, давал ей возможность расширить своё влияние далеко за социальные пределы традиционного протестного электората – рабочих крупных предприятий промышленности на Северо-Востоке и в Парижском районе. Важную роль в деятельности ФКП занимали представители творческой интеллигенции, долгое время являвшиеся её членами или «попутчиками» – писатели и поэты Ро-

---

²⁷ Herbert Luthy. *A l'heure de son clocher: essais sur la France*. Paris, 1955. P. 32-33.

мэн Роллан, Анри Барбюс, Луи Арагон, Поль Элюар, художники Пабло Пикассо, Фернан Леже, философы Луи Альтюссер, Жан-Поль Сартр, учёные Поль Ланжевен, Фредерик Жолио-Кюри и многие другие.

Контроль компартии над крупнейшим профцентром – Всеобщей конфедерацией труда (ВКТ), муниципалитетами многих городов, рядом массовых организаций гражданского общества (женских, молодёжных и др.), позволял ФКП расширять опору ассоциации «Франция – СССР», в состав правления которой входили не только коммунисты, но и представители других политических течений, в том числе правых, особенно голлистов, верных традициям франко-русского союза и движения Сопротивления времён Второй мировой войны.

Если сразу же после её окончания симпатии к СССР и его престиж во Франции были чрезвычайно высоки, то с развёртыванием холодной войны французское общество оказалось в этом вопросе глубоко расколотым.

Коммунисты и их попутчики не только приукрашивали советскую действительность, но и восхищаясь мастерством деятелей советского искусства, темпами роста экономики, прорывом в космос, объявляли СССР надёжным оплотом мира, противовесом гегемонии США и угрозе возрождения германского милитаризма.

Напротив, антикоммунисты слева и справа – социалисты, либералы, консерваторы, клеймили тоталитарный режим СССР: преследование диссидентов, навязывание советской модели «казарменного социализма» странам Восточной Европы, подавление оппозиционных движений в ГДР, Венгрии, Чехословакии, Польше, вторжение в Афганистан. Франция стала тем самым одним из главных фронтов холодной войны в европейском тылу Североатлантического союза.

В поисках синтеза

В первые десятилетия после окончания Второй мировой войны отношения между Москвой и Парижем, зависевшие в конечном счёте от баланса сил между сверхдержавами – США и СССР, определялись также объективными геополитическими факторами – эволюцией германского вопроса и процессом деколонизации,

причём они оказались косвенно взаимозависимыми.

Хотя Франция не участвовала в Ялтинской и Потсдамской конференциях 1945 г., она признала их результаты, благодаря чему вошла в состав четырёх держав-победительниц, ответственных за судьбы побеждённой Германии, получив свою зону оккупации, сектор в Берлине и место в Союзном совете, состоявшем из командующих оккупационными войсками.

Де Голль, возглавлявший в конце 1945 г. французское правительство, выдвинул радикальную программу решения германского вопроса, включавшую отделение Рейнской области и Саара, международный контроль над Руром, далеко идущую федерализацию, равносильную расчленению страны, лишённой центральных административных органов. Эти предложения, повторявшие программу Клемансо на Парижской мирной конференции 1919 г. после Первой мировой войны, ждала незавидная участь – остальные державы-победительницы единодушно отвергли её.

На Московской сессии Совета министров иностранных дел четырёх держав в марте 1947 г. представитель Франции Ж. Бидо поддержал их в обмен на обещание поставок угля из Рура и контроль над Сааром. Однако истинные причины этого поворота лежали гораздо глубже. 5 мая 1947 г. коммунисты были выведены из состава французского правительства. Вскоре госсекретарь США Дж. Маршалл предложил план экономической помощи странам Европы, направленный на закрепление американского влияния. В сентябре того же года на совещании компартий в Польше А. Жданов объявил о расколе мира на два лагеря и обвинил США в подготовке новой мировой войны.

Между тем политика Франции в германском вопросе всё больше равнялась на англо-американскую. США и Великобритания взяли курс на слом четырёхстороннего контрольного механизма в Германии. Слияние двух, затем трёх западных зон оккупации, денежная реформа, создание в мае 1948 г. ФРГ, попытка советской блокады Западного Берлина, наконец, подписание в апреле 1949 г. в Вашингтоне Североатлантического пакта проходили при поддержке и участии Франции, что вело к всё большему охлаждению советско-французских отношений.

За пределами Европы этому способствовал распад француз-

ской колониальной империи. В ходе затяжных, кровопролитных войн в Индокитае (1946–1954 гг.), затем в Алжире (1954–1962 гг.) СССР постоянно оказывал материальную и политическую помощь национально-освободительным движениям, что не могло не вызывать резкой враждебности в Париже.

«Все вопросы, которые ставятся перед послевоенной Францией в области внешней политики, могут быть сведены к единственной проблеме: как примирить равенство и зависимость? Победённая Германия не всегда будет переживать оккупацию и хаос. Как примирить приобретение ею суверенитета с эффективным контролем над её эволюцией? Эпоха колониальных империй прошла. Как примирить доступ зависимых народов к автономии с их принадлежностью к французской сфере влияния? Франция не является более одной из величайших держав. Как примирить её стремление к равенству с необходимостью получения экономической и военной помощи?»²⁸ – с тревогой спрашивал французский историк и политолог Альфред Гроссер.

Хрупкий, неустойчивый парламентский режим Четвёртой республики (1946–1958 гг.) оказался неспособным найти ответ на все эти вопросы. С учётом раскола мира, Европы и Германии, тесной зависимости экономики Франции и её безопасности от США, конструктивный советско-французский диалог времён Второй мировой войны становился всё более трудным, а во многом, казалось, просто беспредметным. В таких условиях единственным способом решения германского вопроса в глазах многих французов оказалось примирение с ФРГ в рамках европейской интеграции.

В Москве процесс интеграции был встречен на первых порах с явным скептицизмом и враждебностью. Не веря в примирение «наследственных врагов» – Франции и Германии, советское руководство усматривало тем не менее в интеграции опасность повышения удельного веса ФРГ в евроатлантических структурах и поддержку западными партнёрами установки Бонна на ревизию послевоенного статус-кво.

Эти опасения особенно усилились после 1950 г., когда с нача-

---

²⁸ Alfred Grosser. *La IVe République et sa politique extérieure*. Paris, 1961. P. 397-398.

лом войны в Корее США потребовали от своих европейских союзников согласия на перевооружение Западной Германии. Наибольшие колебания этот ультиматум Вашингтона вызвал во Франции. Многие французы ещё не избавились тогда от недоверия к соседям за Рейном, с которыми им пришлось воевать на протяжении жизни двух поколений трижды. Память о гитлеровской оккупации была слишком свежа. К тому же французская армия, ещё не оправившаяся от глубокой психологической травмы разгрома 1940 г., была измотана тяжёлыми и неудачными колониальными войнами за пределами Европы.

Поэтому попытка выполнить требования США перенесением интеграции из экономической сферы в военно-политическую закончилась неудачей: 30 августа 1954 г. Национальное собрание Франции отвергло проект договора о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), чему фактически способствовало правительство левого радикала Пьера Мендес-Франса. Незадолго до этого на конференции в Женеве было подписано соглашение о мирном урегулировании в Индокитае путём его раздела. Год спустя французская правительственная делегация во главе с председателем Совета министров Ги Молле посетила Москву.

Тем не менее, возобновление советско-французского диалога оказалось преждевременным – объективные условия для него ещё не созрели. Под нажимом США, пригрозивших Франции «мучительным пересмотром» трансатлантических отношений, перевооружение ФРГ было проведено иным путём – вступлением её на основе Парижских соглашений 1955 г. в НАТО и созданием Западноевропейского союза с участием Великобритании. Результатом оказалось аннулирование СССР советско-французского договора 1944 г. Осенью 1956 г. высадка англо-французских войск в Суэце в ходе очередной арабо-израильской войны побудила СССР пригрозить Парижу и Лондону ракетным оружием.

Между тем политическая обстановка во Франции также претерпела радикальные перемены. Мятеж европейских поселенцев в Алжире, требовавших довести войну за сохранение его под суверенитетом Франции до победного конца, поддержка их частью армии способствовали возврату к власти генерала де Голля. Режим Четвёртой республики, неспособной решить проблемы деко-

лонизации, распался столь же бесславно, как и её предшественницы – Третьей (хотя на сей раз, как отмечал с иронией один из современников, это произошло под ударами не чужой армии, а собственной).

В Москве, где не забывали ни сотрудничество времён Второй мировой войны, ни антигерманскую программу де Голля после её окончания, ни его роль в провале проекта ЕОС, возлагали на генерала немалые надежды. Однако на первых порах внешняя политика президента Пятой республики глубоко разочаровала советское руководство.

Дебютом де Голля на международной арене была встреча в Бад-Крейцнахе с канцлером ФРГ К. Аденауэром, положившая начало привилегированному партнёрству между Парижем и Бонном. Решительно поддержав Аденауэра в его сопротивлении попыткам СССР изменить статус Берлина, убрав оттуда войска трёх западных держав, французский президент подготовил почву для подписания в январе 1963 г. Елисейского договора, который цементировал франко-германский тандем, превратив его в ось всего дальнейшего процесса евростроительства.

В ходе Карибского кризиса 1962 г., вызванного размещением советских ракет с ядерными боеголовками на Кубе, де Голль лояльно выполнил свои обязательства по Североатлантическому союзу, солидаризировавшись с США.

Однако внешнеполитическая деятельность генерала отнюдь не ограничивалась только западным направлением. Убеждённый в том, что равновесие ракетно-ядерных потенциалов двух сверхдержав неизбежно подтачивает надёжность американских гарантий Европе в рамках НАТО («атомный зонтик»), генерал твёрдо взял курс на создание Францией национальной ядерной ударной силы, способной обеспечить безопасность страны самостоятельно. Более того, потерпев неудачу в попытке создать с США и Великобританией «триумвират», призванный согласовывать подход к кризисным ситуациям, де Голль объявил в 1967 г. о выходе Франции из интегрированных командно-штабных органов НАТО и ликвидировал военную инфраструктуру альянса на французской территории.

Другой существенной гранью голлистской внешнеполитиче-

ской стратегии стал коренной пересмотр отношений со странами Третьего мира. Окончание в 1962 г. войны в Алжире предоставлением ему, а также всем остальным заморским владениям права на самоопределение подвело черту под долгим и мучительным процессом распада колониальной империи Франции. Это дало возможность президенту выступить в роли наиболее приемлемого среди стран Запада собеседника развивающихся стран вне зависимости от их политического режима – признать в 1964 г. КНР, осудить «Шестидневную войну» Израиля против арабских стран, заявить о бесперспективности войны США в Индокитае (речь в столице Камбоджи Пном-Пене).

Наконец, третьим ключевым направлением стратегии де Голля в международных делах явилось начало диалога с СССР и его союзниками по Варшавскому пакту. В 1960 г. Н.С. Хрущёв совершил поездку по Франции, а в июне 1966 г. де Голль отправился в Москву, выдвинув лозунг «разрядки, согласия и сотрудничества» в Европе «от Атлантики до Урала».

Эта формула логично вытекала из понимания генералом эволюции системы международных отношений, сложившейся в итоге Второй мировой войны. Будучи лидером авторитарного склада, но непримиримым противником любого тоталитаризма, в том числе коммунистического, он исходил из убеждения в том, что идеологии приходят и уходят, тогда как нации и государства остаются. Не случайно он всегда предпочитал называть СССР Россией. Рассматривая коммунистические режимы стран Восточной Европы, навязанные им Советским Союзом, как сугубо временные, преходящие, де Голль считал главной целью своей внешней политики «выход из Ялты» – преодоление раскола Европы на противостоящие системы и военные блоки под эгидой двух сверхдержав. Поскольку попытка добиться этого силой могла привести к Третьей мировой войне, причём ядерной, которую Европа не переживёт, он считал, что подготовить условия для её объединения можно было только путём диалога между Востоком и Западом. Причём Франция, обеспечивавшая свою безопасность национальной ядерной ударной силой и освободившаяся от опеки США в рамках НАТО, была призвана стать первопроходцем на этом пути, обеспечив себе тем самым морально-политическое лидерство

на континенте.

Идеи де Голля привлекли внимание по другую сторону Рейна. Краеугольным камнем внешней политики ФРГ при трёх канцлерах – Аденауэре, Эрхарде, Кизингере, являлось безоговорочное равнение на США как главного гаранта безопасности Германии и её будущего воссоединения. Привилегированные отношения с Францией в рамках европейской интеграции должны были играть лишь вспомогательную роль дополнительной перестраховки (тем более что отношение французов к перспективе воссоединения Германии порождало у немцев обоснованные сомнения). Доктрина Аденауэра исключала любую форму признания факта существования двух германских государств, особенно после возведения в 1961 г. берлинской стены.

С приходом в конце 1960-х гг. к власти в ФРГ правительства Вилли Брандта эта доктрина подвергалась ревизии. Лидер социал-демократов провозгласил «новую восточную политику», включавшую закрепление четырьмя державами-победительницами во Второй мировой войне статуса Западного Берлина, подписание договоров с СССР, Польшей, Чехословакией, включавших признание послевоенных границ, наконец, нормализацию отношений с ГДР. Это создало необходимые предпосылки для проведения предложенного СССР Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписания в 1975 г. в Хельсинки его Заключительного акта с участием всех европейских государств (кроме Албании), а также США и Канады. Вашингтон дал на это своё согласие в контексте общей разрядки международной напряжённости, ставшей возможной благодаря нормализации отношений США с КНР, перемирию в Индокитае и подписанию комплекса советско-американских соглашений о контроле над стратегическими вооружениями.

К этому времени де Голль уже ушёл в отставку с поста президента, а вскоре и из жизни (1970 г.). Его преемники – Ж. Помпиду, затем Жискара д'Эстен, продолжали курс основателя Пятой республики, внося значительный вклад в успешное развитие хельсинкского процесса. То же относилось и к их партнёрам по франко-германскому тандему в Бонне, сменившим Брандта – канцлерам Г. Шмидту и Г. Колю. Оставалась в силе и главная составля-

ющая этого процесса – параллельный диалог французов и западных немцев с Москвой.

Между тем в основу этого процесса было изначально заложено глубокое противоречие. Для Советского Союза речь шла о закреплении «территориальных и политических итогов Второй мировой войны» – нерушимости границ и укреплении контролируемых Москвой коммунистических режимов в странах Восточной Европы, включая ГДР («первая корзина» Заключительного акта Хельсинки). Для западных же держав, прежде всего ФРГ, смысл Хельсинки состоял как раз в обратном – создании условий для ревизии Ялтинско-Потсдамской системы, прежде всего воссоединении Германии путём преодоления «железного занавеса», расширения экономических, культурных и гуманитарных контактов между Востоком и Западом (вторая и особенно третья «корзины»).

В конечном счёте, второй вариант взял верх над первым, что было обусловлено системным кризисом советской модели «казарменного социализма». К этому времени существенные политические перемены произошли внутри Франции, как и на Западе в целом. Влияние компартии в политической жизни страны упало до минимума, превратив её в маргинальную группировку. В тесной связи с этой эволюцией в глазах значительной части французского общественного мнения неуклонно ухудшался и образ Советского Союза. Разоблачение преступлений Сталина на XX съезде КПСС, подавление военной силой венгерского восстания и «Пражской весны», афганская авантюра вовне, преследования диссидентов и общая атмосфера брежневского застоя внутри страны отталкивали от Советского Союза большинство французской левой интеллигенции – бывших «попутчиков» компартии.

Перестройка в СССР, падение 9 ноября 1989 г. Берлинской стены, воссоединение Германии, антикоммунистические «бархатные» революции в странах Восточной Европы, наконец, распад СССР коренным образом изменили облик Европы и мира. Тот факт, что эти всемирно-исторические сдвиги произошли мирным путём, не вылившись в кровопролитные потрясения по югославскому сценарию, во многом обязано существованию структуры общеевропейской безопасности и сотрудничества, обязанной своим созданием прежде всего постоянному диалогу франко-герман-

ского тандема с Москвой.

Хотя социалист Ф. Миттеран, избранный в 1981 г. президентом Франции, политически и идейно был антиподом де Голля, государственные институты страны и её внешняя политика сохраняли многие установки и достижения основателя Пятой республики. Это касается, прежде всего, особых отношений с ФРГ в рамках европейской интеграции.

Миттеран начал своё 14-летнее пребывание в Елисейском дворце с подтверждения их привилегированного характера. По воле случая это потребовало вначале жёсткого противостояния Москве – на сей раз в связи не со статусом Западного Берлина, как при де Голле двумя десятилетиями ранее, а с размещением в Европе американских ракет средней дальности в ответ на развёртывание аналогичных советских (СС-20). Поскольку в условиях глубокого кризиса разрядки общественное мнение ФРГ проявляло в этом вопросе колебания, Миттеран оказал твёрдую политическую поддержку канцлеру Колю, выступив в бундестаге с речью в поддержку «двойного решения» – размещения американских ракет «Першинг-2» в Европе и заявив: «Пацифисты – на Западе, СС-20 – на Востоке!». Этот жест, а также болезненная реакция французов на введение военного положения в Польше и присутствие советских войск в Афганистане серьёзно омрачили отношения между Парижем и Москвой.

Однако Миттеран постарался сбалансировать эту демонстрацию атлантической солидарности с ФРГ и США участием французских фирм, вопреки сопротивлению Вашингтона, в строительстве газопровода «Дружба», доставившего газ из Ямала в Западную Европу. После того, как развёртывание американских «Першингов» и крылатых ракет было завершено, французский президент направился с визитом в Москву, где впервые познакомился с М.С. Горбачёвым, ещё не занимавшим тогда пост генсека ЦК КПСС. Когда же в СССР произошла смена руководства и развернулись процессы перестройки, Миттеран стал одним из самых активных, последовательных их защитников на Западе.

Падение Берлинской стены поставило Париж перед весьма сложной, деликатной задачей. Ни для кого не было секретом, что французы всегда относились к воссоединению Германии неодно-

значно: сочувствуя ему в принципе, они охотно отодвигали его реализацию в далёкое будущее. «Я настолько люблю Германию, что счастлив, когда их стало две», – говорил с иронией известный французский писатель Ф. Мориак. Когда же эта проблема неожиданно перешла в практическую плоскость, Миттеран занял двойственную позицию, сочетая принципиальную солидарность со стратегическим партнёром по франко-германскому тандему с попытками взять процесс воссоединения под контроль и направить его в безопасное, приемлемое русло.

Отсюда поездки французского президента в Берлин, его встречи с последним коммунистическим руководителем ГДР Э. Кренцем, а затем в Киев к М.С. Горбачёву, где обсуждался миттерановский план создания «европейской конфедерации» с участием двух германских государств в качестве рамок для их поэтапной интеграции. Когда же этот план оказался неосуществимым ввиду сопротивления ФРГ и США, Миттеран поставил перед Колем два императивных требования – окончательное признание объединённой Германией послевоенных границ и её отказ от любой формы допуска к атомному оружию. Только после того, как Коля после некоторых колебаний согласился с ними, Франция в качестве одной из четырёх великих держав, ответственных за решение германской проблемы, поставила свою подпись под документами, открывавшими немцам путь к единству и равноправию на международной арене. Недаром «Хартия новой Европы» 1990 г., которая подвела черту под процессом демонтажа Ялтинско-Потсдамской системы, была подписана именно в Париже.

Будучи на всех этапах своей сложной политической биографии убеждённым антикоммунистом и атлантистом, Миттеран как трезвый прагматик не скрывал с концом холодной войны серьёзного беспокойства в связи со всё более явными признаками распада Советского Союза. Именно этим объяснялось совместное обращение Коля и Миттерана к республикам Балтии не форсировать полный разрыв с Москвой. Направленное по настоянию Елисейского дворца, это обращение (не имевшее никаких практических последствий) диктовалось опасениями Миттерана перед непредсказуемыми последствиями резкого подрыва равновесия на континенте, его дестабилизации.

Когда же после провала августовского путча 1991 г. процесс распада СССР стал необратимым, Миттеран решил компенсировать последствия воссоединения Германии и утраты Францией преимуществ одной из держав-победительниц во Второй мировой войне форсированием темпов европейской интеграции. Его цель состояла в том, чтобы сохранить баланс сил в тандеме Париж – Берлин, уравновесив демографические и экономические преимущества ФРГ политическими козырями Франции.

На этом пути Парижу удалось добиться определённых успехов. На протяжении 1990-х гг. евростроительство поднялось на уровень валютно-экономического союза с единой валютой – евро, свободой передвижения граждан (Шенгенские соглашения) и сделало первые шаги к утверждению европейской военно-политической идентичности (Европейская политика безопасности и обороны – ЕПБО). Оно получило правовое оформление в Маастрихтском, Амстердамском и Ниццком договорах.

В последнее десятилетие XX в. диалог партнёров по франко-германскому тандему с новой Россией развивался не столько в трёхстороннем формате, сколько асимметрично – на двусторонней основе с каждым в отдельности.

Основные вопросы, связанные с последствиями воссоединения Германии (вывод Западной группы российских войск, компенсация за их обустройство и т.д.), решались канцлером Коелем напрямик с президентом РФ Б. Ельциным. В то же время договор между Россией и Францией, подписанный 7 февраля 1992 г. в Париже Миттераном и Ельциным, долго не удавалось наполнить новым конкретным содержанием. Тяжёлая болезнь Миттерана и вынужденное «сожительство» его после 1993 г. с правым кабинетом Э. Балладюра ограничивали свободу действий французской дипломатии, в том числе возможности активного взаимодействия Парижа с Москвой.

Оно сосредоточилось в основном на подготовке Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве РФ с Евросоюзом, подписанного в 1994 г., но ратифицированного и вступившего в силу только три года спустя из-за негативной реакции западных партнёров на нарушения прав человека в ходе первой чеченской войны. Это отражалось и в ходе переговоров по другим вопросам – в связи с

вступлением РФ в Совет Европы, ВТО, «семёрку». Особенно негативное влияние на диалог франко-германского тандема с РФ во второй половине 1990-х гг. оказали события в Югославии, в ходе которых ФРГ, а вслед за ней Франция заняли антисербскую позицию, поддержав агрессивные действия США и НАТО сначала в Боснии и Герцеговине, а затем в Косово.

К началу XXI в. эти трудности постепенно смягчались. Смена руководства во всех странах «треугольника» – победа Ж. Ширака в 1995 г. на президентских выборах во Франции, приход четыре года спустя Г. Шрёдера на пост канцлера ФРГ, наконец, избрание в 2000 г. В. Путина президентом РФ, способствовала активизации диалога между Москвой, Парижем и Берлином.

Ширак решительно выступил за принятие России как в «семёрку» и Совет Европы, так и в ВТО, заявив сразу же после прихода в Елисейский дворец: «Не признавать величия России значило бы совершать огромную ошибку в видении завтрашнего дня»²⁹. Этот поворот определялся его твёрдым убеждением в том, что мироустройство в третьем тысячелетии н.э. может быть только многополярным. Немалую роль играло и унаследованное им от его предшественника в Елисейском дворце мнение, что после распада СССР угроза безопасности Европы с востока может исходить не от чересчур сильной, а наоборот, слишком слабой, раздражаемой внутренними противоречиями России, способной дестабилизировать ситуацию на континенте.

Высшей точкой сближения России, Франции и Германии в начале XXI в. стало решительное осуждение ими (при поддержке Китая) англо-американского вторжения в Ирак без санкции СБ ООН. Хотя позиция трёх держав не остановила Вашингтон, последующие события наглядно подтвердили обоснованность их позиции.

Этот эпизод не остался исключением: три года спустя на саммите НАТО в Бухаресте президент Франции Н. Саркози и канцлер ФРГ А. Меркель выступили против предоставления Украине и Грузии статуса кандидатов на подготовку к вступлению в НАТО.

---

²⁹ См.: Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М., 2004. С. 407.

Во время французского председательства в Совете Евросоюза (вторая половина 2008 г.) Саркози сыграл важную роль посредника в российско-грузинском конфликте из-за Южной Осетии, добившись мирного урегулирования на приемлемых для сторон условиях и возобновления переговоров о выработке нового рамочного соглашения между ЕС и Россией взамен прежнего, истекшего в 2007 г.

Таким образом, российско-французское взаимодействие как на двусторонней основе, так и в более широких рамках с участием ФРГ, сохраняет роль одного из важных компонентов европейской и мировой политики. Поэтому если на протяжении двух столетий одним из излюбленных методов российской дипломатии являлась игра на противоречиях между Францией и Германией (а они в последнее время снова порой на фоне мирового экономического кризиса нередко дают о себе знать), то в наши дни объективные интересы России диктуют ей ставку на максимальное содействие консолидации тандема Париж – Берлин и подключение к нему Москвы в качестве одной из важнейших гарантий стабильности и безопасности в Европе.

ГЛАВА 10. ИЗ ПАРИЖА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ИТОГИ ВСТРЕЧИ МАКРОНА И ПУТИНА *

Визит президента Франции Эммануэля Макрона состоялся через год после визита Владимира Путина во Францию. За этот год отношения между Францией и Россией переживали разные времена. Среди проблемных моментов можно назвать последствия «дела Скрипалей» в Великобритании, высылку дипломатов, историю с химическим оружием в Сирии и воздушные удары по сирийским объектам, в которой приняли участие США, Франция и та же Великобритания. Хотя отношений это не украшало, на двустороннем уровне продолжалась плодотворная работа.

В ходе встречи в Константиновском дворце президенты Мак-

---

* Валдай клуб. 2018.

рон и Путин детально рассмотрели вопросы, связанные с сирийским урегулированием. Стоит отметить, что Макрон, в отличие от своего предшественника, был более гибок и, став президентом, сделал шаг навстречу сложившейся ситуации: если Олланд пытался сделать уход Башара Асада условием любого продвижения вперёд, то Макрон допустил его участие в политическом процессе. В Санкт-Петербурге Макрон заявил, что «с 2017 года политический курс Франции изменился». «Мы хотим найти инклюзивное политическое решение, которое позволит сирийскому народу разработать новую конституцию и выбрать своё правительство», – сказал французский президент в ходе пресс-конференции по итогам встречи. Очевидно, что двум площадкам (с одной стороны, это процессы в Астане и в Сочи, а с другой, так называемая «малая группа» во главе в США) нужно искать компромисс.

В ходе диалога двух лидеров была найдена предварительная развязка: сблизить деятельность обеих площадок и создать в Женеве (а именно там были запущены переговоры ООН по сирийской проблематике) рабочую группу на паритетных началах, чтобы она занялась самым главным – выработкой проекта конституции и проведением свободных и инклюзивных выборов. Весьма характерно, что незадолго до встречи с Макроном, 17 мая, Путин встречался с Асадом в Сочи, где были согласованы возможные развязки.

Значительную, хотя и меньшую, роль в диалоге двух лидеров сыграл комплекс украинских проблем. Была отмечена безальтернативность Минских соглашений и «нормандского формата». Владимир Путин заявил, что других инструментов для разрешения сложившейся ситуации пока нет и Россия готова «встречаться на всех уровнях». «Разумеется, каждая из этих встреч должна быть хорошо подготовлена и должна чем-то позитивным заканчиваться. В любом случае диалог всегда лучше, чем конфронтация», – сказал он.

Лидеры двух стран поговорили также о совместной работе в киберпространстве. Известно, что «русские хакеры» обвиняются во вмешательстве во внутривнутриполитические процессы других стран с целью дестабилизировать выборы. Вопрос деликатный и доказательств ни у кого нет. Обе стороны признали, что это серьёзная

проблема. Владимир Путин подчеркнул, что киберпространство является важнейшей сферой жизни миллионов людей и предложил работать в этой сфере совместно. Для этого, по его словам, нужно договориться об общих правилах и выработать механизмы контроля их соблюдения. Макрон также добавил, что кибератаки угрожают экономике и безопасности, поэтому инициатива о совместной работе «будет полезна всем и подкрепит другие области сотрудничества».

Наконец, в области торгово-экономических отношений ожидания были даже превышены. По итогам встречи двух лидеров, было подписано несколько серьёзных документов, в том числе по новому российско-французскому партнёрству для экономики будущего. Поскольку встреча проходила на фоне Санкт-Петербургского международного экономического форума, Макрона сопровождала «ударная группа» из крупнейших французских предпринимателей. Между Россией и Францией были подписаны соглашения почти на миллиард евро. Так что общий итог встречи для обеих сторон можно оценить как позитивный.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. Де Голль и его преемники.....	5
Глава 1. <i>Шарль де Голль – мысль и действие</i>	5
Глава 2. <i>Де Голль и европейское строительство</i>	18
Глава 3. <i>Визит в будущее – генерал де Голль в СССР, 1966 г.</i> ...	35
Глава 4. <i>Власть: вход и выход по-французски</i>	39
Глава 5. <i>Жискар д'Эстен о Франции и французах</i>	44
Глава 6. <i>Власть и общество</i>	53
Глава 7. <i>Новые рубежи</i>	58
Смена поколений.....	58
Кандидаты и программы.....	62
Результаты.....	67
Глава 8. <i>Никола Саркози о мире XXI в.</i>	75
Европейская модель Саркози.....	82
Трансатлантический диалог.....	94
Африка, Азия, Латинская Америка.....	105
Россия и государства постсоветского пространства...	123
Глава 9. <i>На новом витке истории: выборы 2012 г.</i>	137
Президентские выборы.....	138
Парламентские выборы.....	149
Глава 10. <i>Президентский дебют Франсуа Олланда</i>	158
Экономика.....	162
Внутренняя политика.....	168
Проблемы общества.....	170
Куда ведут новые тенденции.....	174

Глава 11. <i>На перепутье</i>	179
Глава 12. <i>В поисках новых путей</i>	193
Революция или Реставрация?	193
Новый лидер.....	197
Смена моделей.....	199
Надежды и тревоги.....	201
Издержки обновления.....	203
Проверка на прочность.....	205
Внешнеполитические ориентиры.....	210
Прощание с биполярностью?	213
Глава 13. <i>Франция после футбольной эйфории</i>	223
Глава 14. <i>«Новое – старое» правительство</i>	228
Реформы и итоги.....	229
Конфликты в верхах.....	231
Выбор президента.....	233
Заключение.....	235
Глава 15. <i>Мини- или максикризис?</i>	235
«Жёлтые жилеты».....	235
Новый этап.....	239
Международный контекст.....	241
Специфика Франции.....	245
Заключение.....	258

Часть II. Франция в Европе и в мире	260
Глава 1. Вопросы национального суверенитета во Франции	260
Глава 2. Внешняя политика Франции: <i>между преемственностью и переменами</i>	266
Внешнеполитическая стратегия де Голля.....	267
Кризис голлистского наследия.....	270
Поиск новой внешнеполитической парадигмы.....	273
Глава 3. Поражение Европы или неудача «партии власти»?	290
Глава 4. Преемственность и смена вех	297
Европа.....	300
США и НАТО.....	304
Ближний Восток, Средиземноморье, Африка.....	306
Глобальные вызовы.....	308
Глава 5. Париж и Берлин в час истины	311
Глава 6. Франко-германский тандем: прошлое и будущее	315
Глава 7. Стратегия Франции в Арктике	325
Глава 8. Трансатлантический диалог: в поисках новых ориентиров	339
Глава 9. Россия – Франция: история и современность	343
Геополитические реалии.....	343
Идеологические миражи.....	355
В поисках синтеза.....	365
Глава 10. Из Парижа в Санкт-Петербург: итоги встречи Макрона и Путина	377

Научное издание

Ю.И. Рубинский

Приметы времени

Выпускающий редактор: И.А. Аверьянова

Редактор: Е.В. Дрожжина

Фото: О.В. Швейцер

Художник: М.Н. Терентьева

Компьютерная верстка: Е.В. Дрожжина

Подписано в печать: 28.12.2018.

Формат 60x90/16. Гарнитура «Times».

Усл. п.л. 24. Тираж 500 экз. Заказ

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт Европы Российской академии наук

125009 Москва, ул. Моховая, д. 11. стр. 3

тел.: (495) 692-10-51

факс: (495) 629-92-96

e-mail: europe@ieras.ru

www.instituteofeurope.ru

Отпечатано: АО «Т8 Издательские технологии»

109316, г. Москва, Волгоградский проспект,

дом 42, корпус 5

www.t8group.ru; info@t8print.ru

тел.: 8 (499) 332-38-30